Краснодарский университет МВД России

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Материалы
Международной научно-практической конференции

(20 сентября 2019 г.)

Том II

Краснодар
2019

УДК 343
ББК 67.408
У26

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:
А. Л. Осипенко, доктор юридических наук, профессор (председатель);
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук, профессор
(заместитель председателя);
В. С. Соловьев, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);
П. В. Максимов, кандидат юридических наук;
И. А. Паршина, кандидат юридических наук, доцент;
А. З. Хун, кандидат юридических наук, доцент

У26 **Уголовная политика и культура противодействия преступности** : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 20 сент. 2019 г. : в 2 т. / редкол.: А. Л. Осипенко, К. В. Вишневецкий, В. С. Соловьев и др. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2019. – Т. II. – 370 с.

ISBN 978-5-9266-1605-4 (т. II)
ISBN 978-5-9266-1555-2

Содержатся материалы Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности», состоявшейся в Краснодарском университете МВД России 20 сентября 2019 г.

Для профессорско-преподавательского состава, докторантов, адъюнктов, курсантов, слушателей, студентов образовательных организаций и сотрудников правоохранительных органов.

УДК 343
ББК 67.408

ISBN 978-5-9266-1605-4 (т. II)
ISBN 978-5-9266-1555-2

© Краснодарский университет
МВД России, 2019

Зинченко Илья Николаевич,
курсант 4 курса
факультета по подготовке специалистов
для органов предварительного следствия и дознания
Краснодарского университета МВД России

Проблема определения предмета преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ

В связи с динамичным развитием общественных отношений высокие технологии все больше и больше становятся неотъемлемой частью нашей повседневной деятельности. Различные цифровые гаджеты типа ноутбуков, смартфонов, смарт-браслетов, спортивных устройств, в том числе и «умной одежды» помогают в решении различного рода дел и значительно улучшают нашу жизнь. Злоумышленники в свою очередь не пренебрегают этим явлением и пользуются им в своих целях. Существующие законодательные пробелы, которые, к сожалению, только способствуют развитию преступности и в частности обороту специальных технических средств для негласного получения информации (далее – СТС НПИ) получают все больше и больше огласки. На сегодняшний день вопросы предупреждения и пресечения преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ [1] являются вполне актуальными и вызывают к себе повышенный интерес как со стороны общественности, так и со стороны законодателя[2].

Рассматривая историю данной статьи становится ясно, что ее возникновение явилось частью обоснованной систематизации законодательства, так как многие ученые высказывали различные точки зрения по поводу определения непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст.138 УК РФ. Часть авторов относили ч.3 данной статьи к особо квалифицированным составам преступления, другая часть имела мнение о том, что ч.3 является самостоятельным составом преступления[3]. Следовательно, и подход к определению непосредственного объекта был несколько дифференцирован. Одни авторы рассматривали СТС НПИ в качестве

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 04.11.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.11.2019)

[2] Асанова И.П. Современное состояние российского уголовного законодательства о незаконном обороте специальных технических средств / Вестник экономики, права и социологии. 2016. 1. С. 102–105.

[3] Усов Е.Г. К вопросу о квалификации преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ // Baikal Research Journal. 2018. Т. 9, № 1. С. 2-3.

дополнительного объекта, а ряд других авторов – в качестве основного, что в свою очередь вызывало резонанс среди ученых[1].

В 2011 году Уголовный Закон был дополнен новой нормой – ст. 138.1 УК РФ «Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации», которая определила СТС НПИ в качестве непосредственного предмета преступления, однако в тот момент она содержала в себе несколько недостатков.

Первым проблемным моментом будет являться непосредственный предмет преступления. Если с родовым и видовым объектом не возникает проблем в определении, поскольку родовой объект представлен общественными отношениями, возникающими в связи с реализацией прав личности, а видовой в свою очередь представлен общественными отношениями касательно реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина, то относительно непосредственного объекта существовало несколько точек зрения.

Так, Н.В. Подгорная в качестве непосредственного объекта определяла установленный законом порядок производства и оборота СТС НПИ одним из видов незаконной предпринимательской деятельности[2]. Родивилин И.П. и Родивилина В.А. считают что уголовная ответственность за незаконный оборот СТС НПИ должна наступать только в том случае, если лицо имело умысел использовать их для незаконного сбора информации, в противном случае состав преступления усматриваться не будет и содеянное необходимо квалифицировать как административное правонарушение[3].

Вторым, и пожалуй основным проблемным моментом состава преступления являлся до недавнего времени его предмет. Изменения, внесенные в ст.138.1 УК РФ в виде двух примечаний в августе 2019 года восполнили тот правовой пробел, который существовал без малого почти 10 лет. Предпосылкой этому явилось распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2019 года №152-р., в котором предлагалось дополнить УК РФ нормой об СТС НПИ, которая в свою очередь излагалась в пункте 3.1 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2011 года №3-П4. До этого времени судьи при вынесении при-

---

[1] Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012.

[2] Подгорная Н. В. К вопросу непосредственного объекта незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации / Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: материалы всерос. науч.-практ. конф. Омск: Омская юридическая академия, 2014. С. 82-86.

[3] Родивилина В. А. Особенности квалификации преступлений в сфере незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2013. № 3 (66). С. 6-11.

[4] http://government.ru/dep_news/35655/

говоров руководствовались вспомогательными нормативно-правовыми актами, такими как Постановление Правительства Российской Федерации, которое утвердило перечень видов специальных технических средств для негласного получения информации в процессе оперативно-розыскных мероприятий[1] и Положением о лицензировании деятельности по выявлению устройств, предназначенных для негласного получения информации[2].

В первом случае определяются основные частные родовые признаки понятия СТС НПИ, что препятствует его правильной квалификации и отграничению преступления от правонарушения или же вообще правомерного поведения. Во втором случае понятие «электронное устройство, предназначенное для негласного получения информации» является более узким, чем понятие СТС НПИ, что в свою очередь так же влияет на квалификацию преступления в аспекте полного определения данного понятия.

Введенные примечания явились универсальным средством к определению понятия СТС НПИ. Так, согласно первому примечанию под СТС НПИ понимаются приборы, системы, комплексы, устройства, специальные инструменты для проникновения в помещения и (или) на другие объекты и программное обеспечение для электронных вычислительных машин и других электронных устройств для доступа к информации и (или) получения информации с технических средств ее хранения, обработки и (или) передачи, которым намеренно приданы свойства для обеспечения функции скрытого получения информации либо доступа к ней без ведома ее обладателя. Данное положение унифицировало понятие СТС НПИ, что явилось существенным плюсом для квалификации рассматриваемого преступления. Второе примечание, напротив, дает определение тех предметов, которые не относятся к категории СТС НПИ. Так, к СТС НПИ не относятся находящиеся в свободном обороте приборы, системы, комплексы, устройства, инструменты бытового назначения, обладающие функциями аудиозаписи, видеозаписи, фотофиксации и (или) геолокации, с элементами индикации,

---

[1] Об утверждении Положения о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, и списка видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежат лицензированию: постановление Правительства РФ от 10.03.2000 г. № 214 (в ред. от 08.12.2010) // СЗ РФ. 2000. № 12. Ст. 1292.

[2] Об утверждении Положения о лицензировании деятельности физических и юридических лиц, не уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, связанной с разработкой, производством, реализацией, приобретением в целях продажи, ввоза в Российскую Федерацию и вывоза за ее пределы специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации, и Перечня видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности: постановление Правительства РФ от 01.07.1996 г. № 770: (в ред. от 15.07.2002) // СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3382.

отображающими режимы его использования и указывающие на его функциональное назначение, если им преднамеренно путем специальной технической доработки, программирования или иным способом не приданы новые свойства, позволяющие с их помощью получать и (или) накапливать информацию, составляющую личную, семейную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну, без ведома ее обладателя.

Легальное определение такого понятия как СТС НПИ в первую очередь решает вопрос отграничения «опасных» для общества специальных технических средств от «неопасных», которые не создают угрозу нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Например диктофон, который предназначен для записи и воспроизведения акустической информации обладает всеми признаками СТС НПИ, так же как и GPS-трекер в автомобиле или на каком-либо другом предмете для отслеживания его местоположения. Однако благодаря введённым примечаниям законодатель четко дал понимание того, что данные предметы к категории СТС НПИ относиться не будут.

В заключение хотелось бы отметить, что на сегодняшний день бурный темп развития науки и техники прямо обуславливает потребность четкого и оперативного реагирования на существующие и возникающие угрозы. Сферу незаконного оборота СТС НПИ необходимо выстраивать таким образом, что бы уголовная политика в ней работала, в первую очередь, на упреждение незаконного оборота СТС НПИ.

Иванченко Роман Борисович,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права
Центрального филиала Российского государственного
университета правосудия (г. Воронеж);
Иванченко Ольга Степановна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры радиотехнических систем
и комплексов охранного мониторинга
Воронежского института МВД России

Характеристика личности современного коррупционера: результаты статистического исследования

Изучение личности правонарушителя имеет важное значение в процессе выработки мер противодействия преступности, поскольку исследование специфических личностных черт, понимание механизма их формирования, позволяет принимать соответствующие организационно-правовые решения в сфере уголовной политики.

Проведенное исследование статистических данных[1], характеризующих социально-демографические показатели лиц, совершивших коррупционные преступления, позволило сформулировать ряд выводов, представленных ниже.

На рис.1 представлено количество мужчин и женщин, совершивших коррупционные преступления в 2018 г. Как видно из диаграммы это соотношение явно в пользу мужчин.

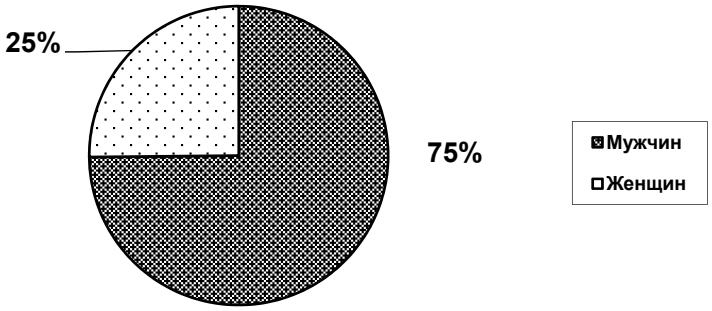


Рис. 1. Гендерное соотношение лиц, совершивших коррупционные преступления в 2018 г.

К сожалению, до 2018 г. статистика, характеризующая гендерное соотношение по коррупционным преступлениям в целом, не велась. В нашем исследовании мы опирались на статистические данные, характеризующие криминологически значимые признаки лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст.ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ, которые обобщенно можно назвать составами взяточничества.

В таблице представлены данные, характеризующие гендерное соотношение взяточников.

Год	Всего выявлено лиц (в абсолютных величинах)	Мужчин (в %)	Женщин (в %)
2014	7809	83,5	16,5
2015	8460	86,4	13,6
2016	6591	84,9	15,1
2017	3712	80,8	19,2

Даже поверхностный анализ представленных данных приводит к выводу о том, что ежегодно доля женщин, вовлеченных в коррупционные преступления, увеличивается. Это объясняется тем, что женщины все чаще занимают должности в органах власти и управления, правоохранительных органах, государственных организациях и предприятиях.

[1] В работе использованы сведения из статистических форм 491,492, 494 ГИАЦ МВД России за 2014–2018 гг.

Возрастной состав лиц анализируемой категории представлен на рис. 2-5.

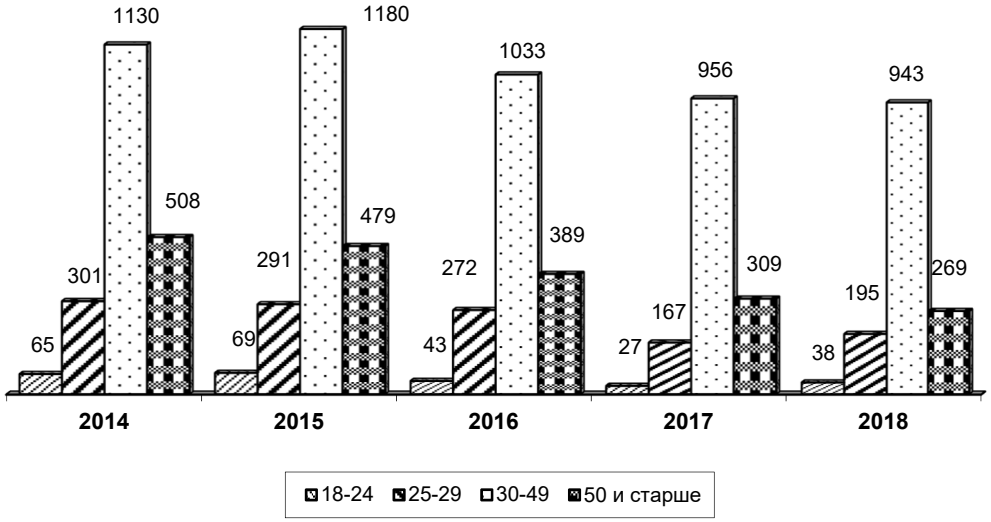


Рис. 2. Распределение лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 290 УК РФ в 2014-2018 гг. по возрасту

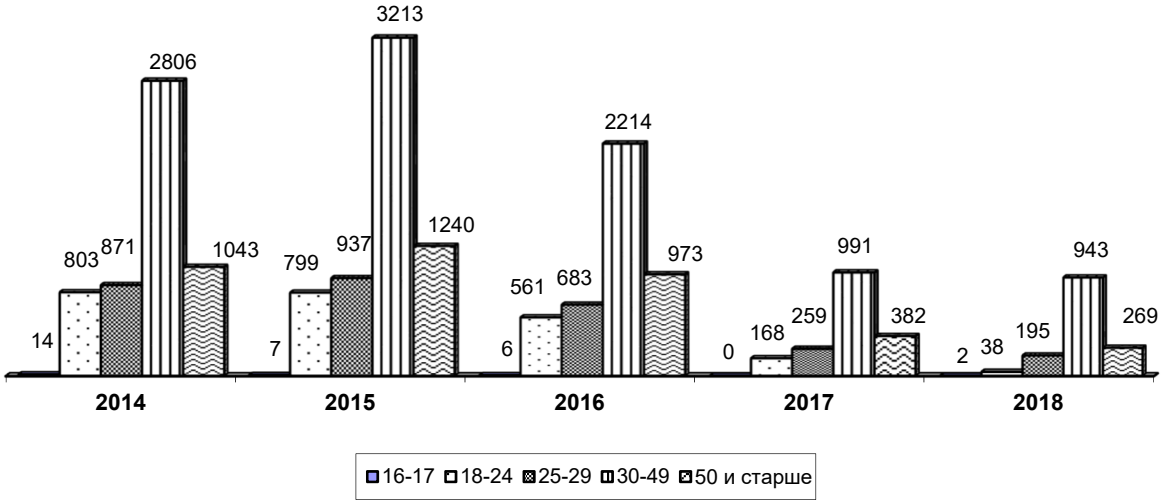


Рис. 3. Распределение лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 291 УК РФ в 2014-2018 гг. по возрасту

Представленные выше данные свидетельствуют о том, что наиболее активными взяткополучателями являются лица в возрасте 30-49 лет. Любопытным выглядит и наличие взяткополучателей среди возрастной группы 18-24 года. Можем предположить, что в эту статистику чаще попадают молодые сотрудники правоохранительных органов, которые, несмотря на молодой возраст уже являются должностными лицами.

Картина с возрастными «лидерами» среди взяткодателей не меняется. Стоит обратить внимание на то, что среди взяткодателей появляются и несовершеннолетние в возрасте 16-17 лет.

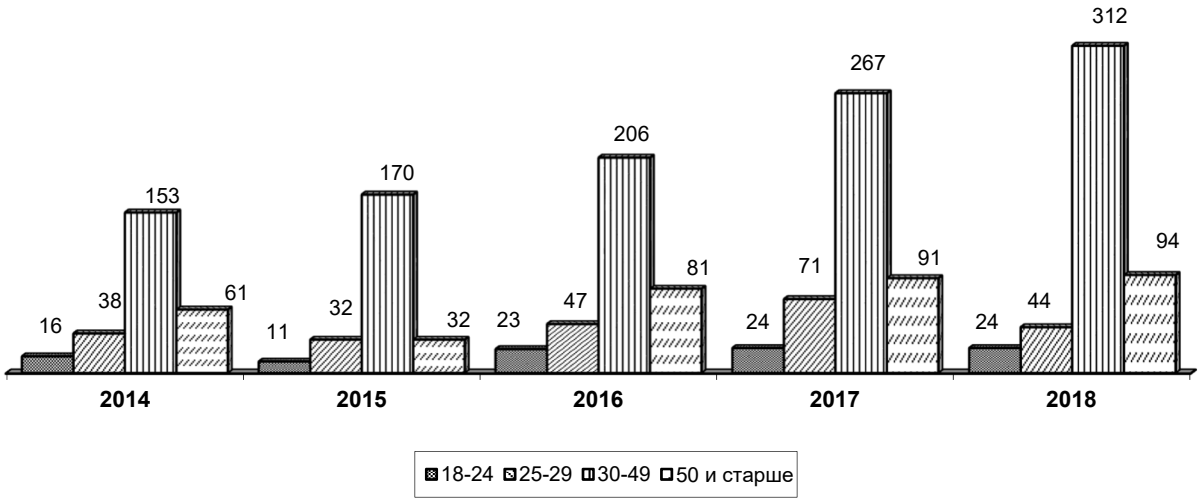


Рис. 4. Распределение лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 291.1 УК РФ в 2014-2018 гг. по возрасту

Как видно из гистограммы возрастные пропорции и среди посредников во взяточничестве сохраняются теми же, что и в других составах взяточничества. Стоит отметить ежегодное увеличение количества выявляемых лиц, совершающих данное преступление.

Деяние, предусмотренное ст. 291.2 «Мелкое взяточничество», попало в статистический учет только в 2018 г. (хотя сама статья появилась в УК РФ в июле 2016 г.), поэтому на рис. 5 представлены данные о возрастных характеристика лиц, его совершивших только за 2018 год.

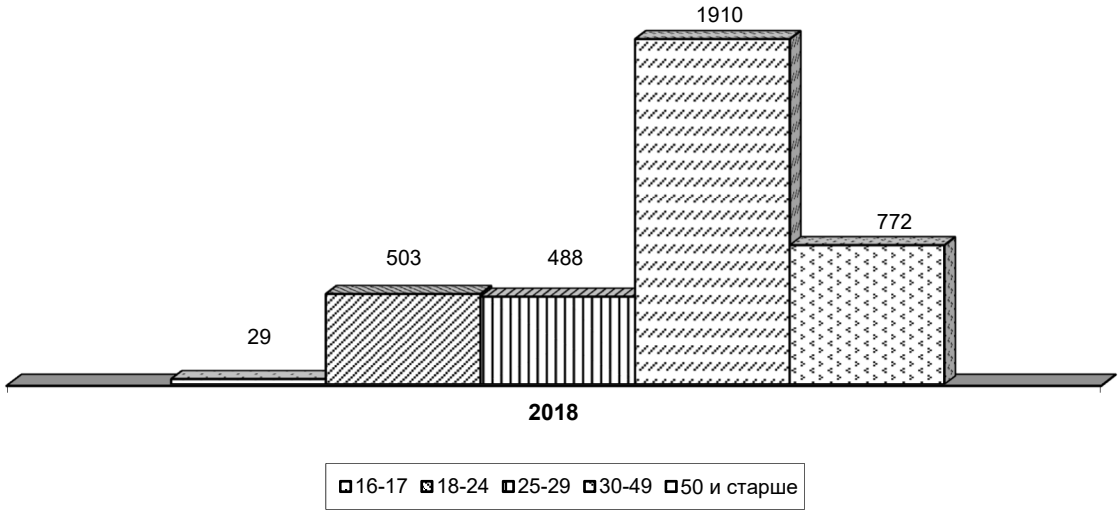


Рис. 5. Распределение лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 291.2 УК РФ в 2018 г. по возрасту

Объективную картину, отражающую основные характеристики личности коррупционного преступника, дополняют данные о его образовательном уровне (рис. 6-8).

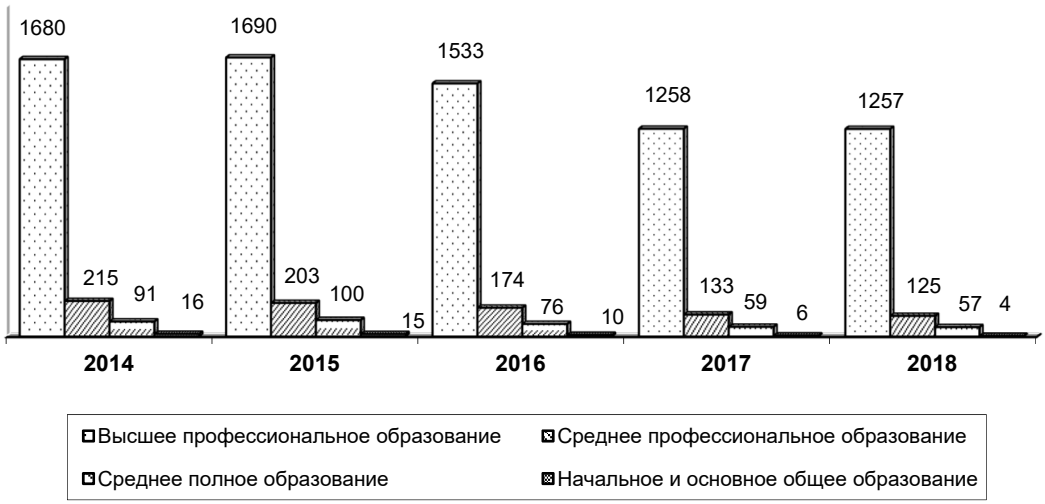


Рис. 6. Образовательный уровень лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 290 УК РФ в 2014-2018 гг.

Представленная гистограмма демонстрирует, что должностные лица, получающие взятки в подавляющем большинстве случаев имеют высшее профессиональное образование.

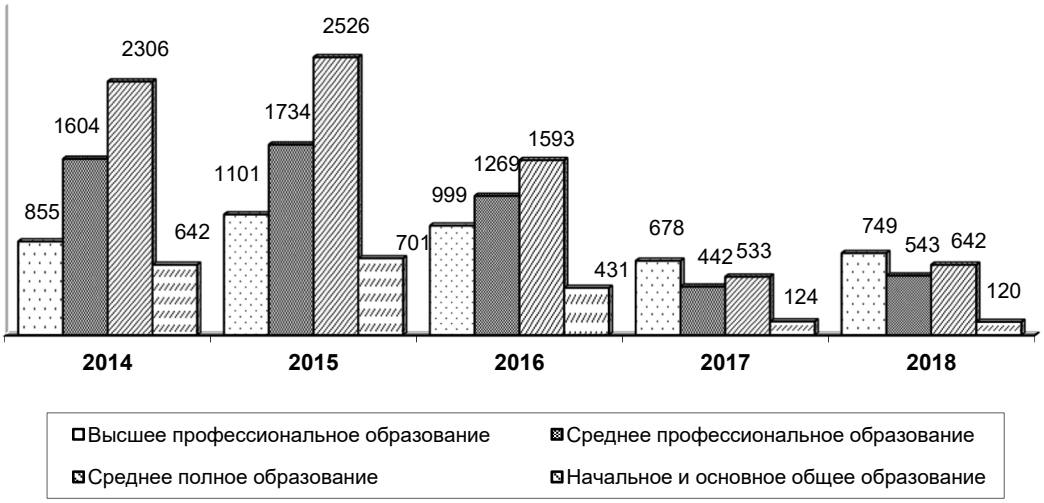


Рис. 7. Образовательный уровень лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 291 УК РФ в 2014-2018 гг.

Несколько иная картина складывается при анализе образовательного уровня лиц, привлеченных к уголовной ответственности за дачу взятки. Если с 2014 по 2016 гг. лидировали взяткодатели со средним полным и средним специальным образованием, то с 2017 г. соотношение резко изме-

нилось в пользу взяткодателей с высшим профессиональным образованием. Полагаем, что объяснением этому служит криминализация мелкого взяточничества. «Лидерство» этого преступления среди всех, безусловно коррупционных деяний, обуславливает снижение количества выявленных взяткодателей, деяния которых квалифицированы по ст. 290 УК РФ. Это подтверждают данные, представленные на рис. 8.

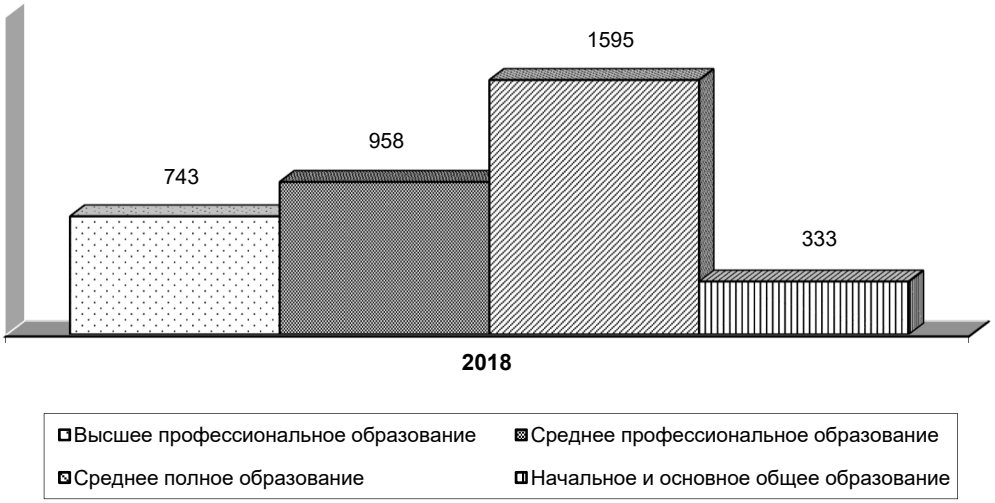


Рис. 8. Образовательный уровень лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 291.2 УК РФ в 2018 г.

Таким образом, ситуация с распределением взяткодателей по видам образования, имевшая место в период с 2014 до 2016 г. в 2018 г. повторилась. Лица со средним полным и средним профессиональным образованием занимают лидирующее положение среди всех выявленных мелких взяткополучателей и взяткодателей.

Еще один вывод, который напрашивается в результате анализа приведенных выше данных, состоит в том, что образовательный уровень взяткодателя влияет на сумму (да и наверно на сложность, решаемого им за счет передачи взятки вопроса) взятки. Чем выше образовательный уровень взяткодателя – тем выше сумма взятки!

Интересным с исследовательской точки зрения представляется изучение статистических данных о гражданстве субъектов составов взяточничества (рис. 9-11).

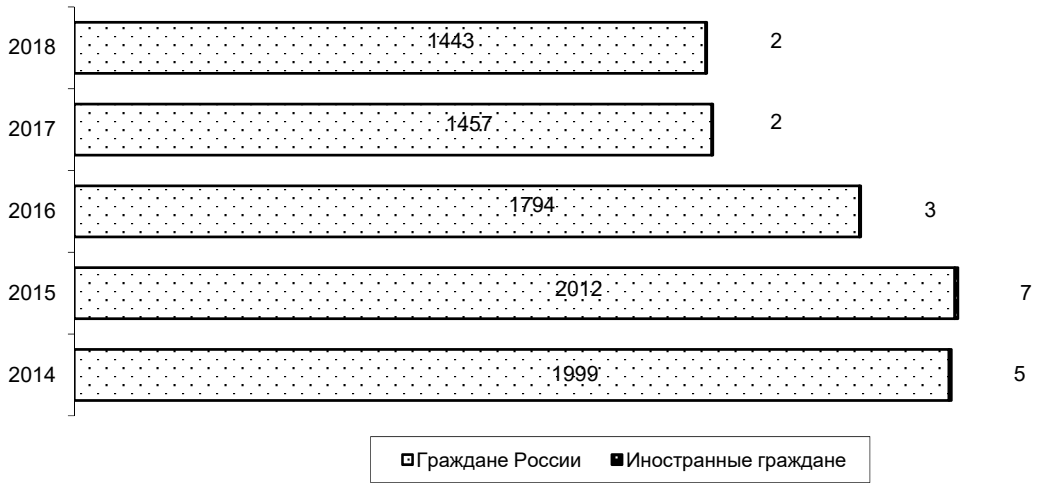


Рис. 9. Соотношение граждан России и иностранных граждан, совершивших преступление, предусмотренное ст. 290 УК РФ в 2014-2018 гг.

На гистограмме заметно весомое преобладание взяткополучателей-граждан России.

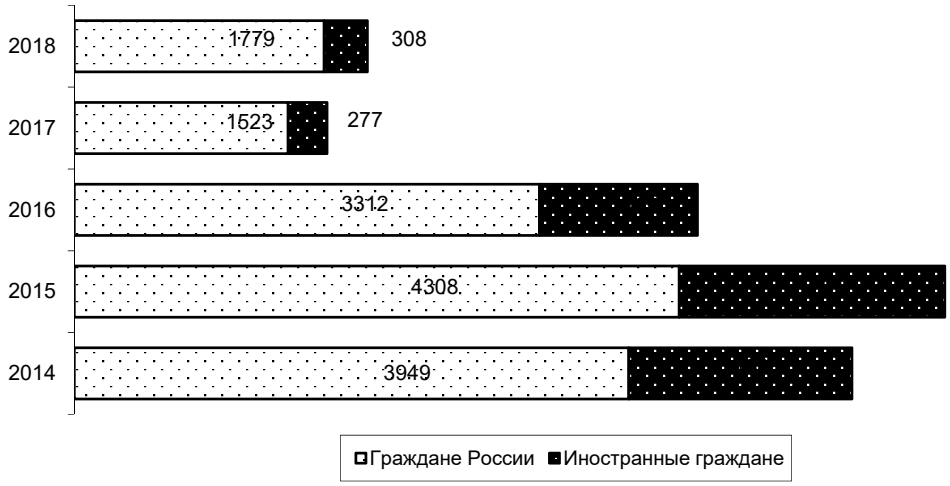


Рис. 10. Соотношение граждан России и иностранных граждан, совершивших преступление, предусмотренное ст. 291 УК РФ в 2014-2018 гг.

На этой гистограмме картина несколько иная. Доля иностранцев, из числа взяткодателей, заметно возрастает. Соотнесем эти данные с аналогичными показателями для преступления, предусмотренного ст. 291.2 УК РФ (рис. 11).

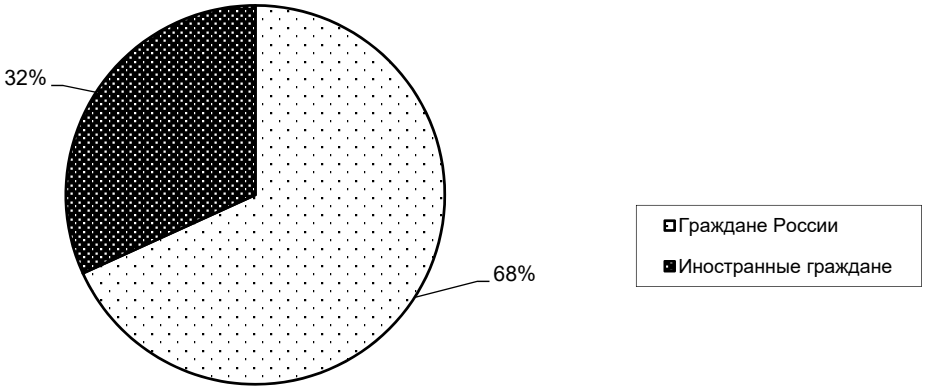


Рис. 11. Соотношение граждан России и иностранных граждан, совершивших преступление, предусмотренное ст. 291.2 УК РФ в 2018 г.

Таким образом, доля иностранных граждан, участвующих в даче – получении мелких взяток в 2018 г. Больше, чем в иных составах коррупционных преступлений.

Далее следует проанализировать показатели, характеризующие ведомственную принадлежность лиц, совершающих коррупционные преступления.

Базируясь на данных 2018 г. мы сформировали своеобразный рейтинг, отражающий эти данные (рис. 12).

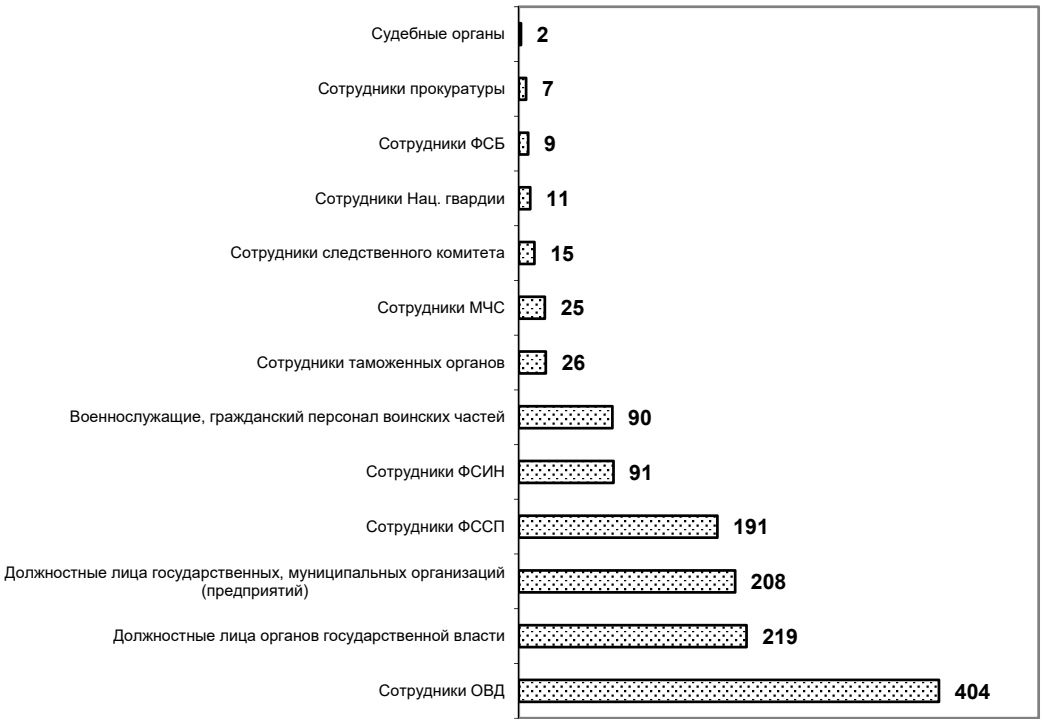


Рис. 12. Рейтинг государственных структур по количеству выявленных должностных лиц, получивших взятку в 2018 г.

В тройку «лидеров» этого антирейтинга входят сотрудники органов внутренних дел, должностные лица органов государственной власти, должностные лица государственных, муниципальных организаций (предприятий). Небольшой отрыв и у представителей Федеральной службы судебных приставов. Полагаем, что максимальные показатели коррупционности достигаются представителями именно этих структур ввиду таких причин как: многочисленность штата сотрудников; высокая степень коррупциогенности решаемых задач, когда соблазн получения взятки у должностных лиц за действия или бездействия, от которых зависит судьба и финансовое благополучие человека, велик.

Подводя итог нашему экспресс-исследованию следует выделить типичные личностные характеристики современного коррупционного преступника:

1. Это, в большинстве случаев, мужчина.
2. Средний возраст коррупционера – 30-49 лет.
3. Как правило, коррупционер имеет высшее образование (если речь идет о преступниках, получающих коррупционную ренту).
4. Должностное лицо, получающее коррупционную ренту, в большинстве случаев, является сотрудником органов внутренних дел, службы судебных приставов, органов государственной власти, государственных, муниципальных организаций (предприятий), относится к военнослужащим или гражданскому персоналу воинских частей.

Ильницкий Александр Сергеевич,
слушатель 5 курса
факультета по подготовке специалистов для
подразделений полиции
Краснодарского университета МВД России

О некоторых аспектах преступности в теневом интернете

На сегодняшний день информационные технологии глубоко укоренились в повседневной жизни личности, общества и государства. Еще несколько десятков лет назад, человек не мог себе представить, что совершить покупки в продуктовом магазине можно не выходя из дома, что уж говорить о том, чтобы приобрести какую-либо вещь, сидя у экрана телевизора.

Такая концепция цифровизации повседневной жизни несёт в себе огромный потенциал, направленный на развитие общества и государства. Однако использование информационного прогресса зачастую не только осуществляется в рамках установленного правового поля, но и способствует появлению новых форм преступной деятельности.

Доведение до самоубийства, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, незаконный оборот оружия, подделка денежных средств и ценных бумаг, террористическая и экстремистская деятельность и многие другие преступления на сегодняшний день подверглись трансформации и цифровизации способа совершения, а также заменили территориальное пространство виртуальным.

Существующая проблема отсутствия границ киберпространства обеспечивает благоприятные условия для развития транснациональной преступности на территории многих государств[1].

Анализируя последние изменения, внесенные в Уголовный кодекс, можно сделать вывод о том, что государство идет по пути его совершенствования.

Одним из явных подтверждений данного высказывания является введение Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ правовой нормы, регламентирующей уголовную ответственность за «склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» (ст.110.1 УК РФ) и «организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства(110.2 УК РФ)».

Данная новелла обусловлена всплеском попыток детского суицида в 2016-2017 г., более семисот из которых были доведены до конечного результата. Основным способом доведения подростка до самоубийства являлось использование психологического воздействия в сети Интернет при помощи «групп смерти»[2].

Такая тенденция спровоцировала необходимость законодательного закрепления способа совершения данного преступления «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)».

По мнению С.С. Киселёва, изменения, внесенные в Уголовный кодекс, не разрешили проблемы детского суицида, а уголовное законодательство оказалось абсолютно бессильным перед стоящим глобальным вопросом[3].

Следовательно, уголовная политика по противодействию преступности в сети Интернет не должна ограничиваться законодательным закреплением способа совершения преступления «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». Актуальным представляется мнение

---

[1] См.: Осипенко А.Л. Организованная преступность в сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 2. С. 10-16.

[2] См.: Киселёв С.С. Проблемы уголовно-правовой оценки склонения несовершеннолетних к совершению самоубийства в сети Интернете // Matters of Russian and International Law. 2018. Vol. 8. Is. 12A

[3] См.: Киселев С.С. Киберубийство как новая угроза жизни// Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. научн.-практ. конф., 21 сентября. 2018 г. Краснодарский университет МВД России. 2018. Т. I. С. 292-295.

М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина, которые считают, что «криминология как раз и должна помочь уголовному праву ответить на вопросы о том, какие конструкты социально необходимы и воспринимаемы обществом, каким образом должен быть сформулирован уголовно-правовой запрет, чтобы максимально отражать потребности общества»[1], не является исключением и исследуемая нами сфера.

Решение данной проблемы видится в проведении криминологических исследований в спектре развивающихся криминологических теорий цифрового мира[2] и технологий предупреждение преступности[3]. Такой терминологический симбиоз позволил бы сформировать комплекс приемов, способов, средств, методов и форм применения криминологических теорий и учений в практике правоохранительной деятельности, учитывая при этом последние информационно-технологические достижения[4].

Следует отметить, что при проведении таких криминологических исследований особое внимание следует уделять преступным проявлениям в «скрытых» уровнях сети Интернет.

В данном случае, речь идет о структурах сети Интернет, которые стали наиболее благоприятным пространством для развития преступности. По нашему мнению, данное пространство необходимо рассматривать как объект криминологического исследования с целью определения преступных проявлений, их детерминантов в условиях анонимной сети.

«Теневой интернет (Теневой веб; Dark net)», своим названием обязан широкому использованию ресурсов, различного рода преступными группами и организациями. Основными способами доступа к данному сегменту, выступает сеть «TOR» созданная в 2002 г. военно-морской разведкой США и платежная сеть криптовалют[5].

Данная сеть создаёт наиболее благоприятные условия для развития преступности в силу своих особенностей: а) шифрование данных и подключение к сети по схеме многократного присоединения к различным сетевым серверам; б) удаление cookies-файлов; в) использование криптовалюты при расчёте за приобретение товаров или оказание услуг, запрещен-

---

[1] Бабаев М.В. Пудовочкин Ю.Е. Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 4. С.40-57.

[2] См.: Квашис В.Е., Случевская Ю.А. О новой теории прикладной криминологии: рецензия на учебник В.С. Овчинского «Криминология цифрового мира» // Общество и право. 2018. № 1 (63). С. 122-124.

[3] См.: Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Криминологические технологии и инженерия: место в науке и значение для правоохранительной практики // Общество и право. 2016. № 1 (55). С.125.

[4] См.: Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Криминологические технологии: теория и методология // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2 (32) С. 8.

[5] См.: Овчинский В.С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. М.: Норма: ИНФРАМ, 2018.

ных законодательством; г) доступ к запрещенному законодательством, информационному контенту.

При исследовании данного пространства, нами было обнаружено множество киберплощадок, направленных на развитие преступной деятельности по торговле наркотиками, оружием, а также оказанию иных преступных услуг. К примеру, одной из наиболее популярных торговых интернет площадок является крупнейший «черный» рынок «HYDRA».

Проведя анализ указанной киберплощадки, нами было установлено, что большинство товаров в данном магазине – это наркотические средства, психотропные вещества, актуальным также является изготовление и продажа фальшивых денежных средств, документов, удостоверений.

Следующей по популярности использования является торговый магазин «Medusa».

Особенностью данного ресурса является то, что в отличие от «Hydra», медуза включает в себя больший перечень оказания услуг. Наиболее опасной преступной услугой, которую предлагают на киберплощадке является «Устранение конкурентов». Под предлагаемой услугой, подразумевается физическая ликвидация лица в таких городах как Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону. Данная услуга предполагает возникновение одного из новых способов найма, при котором заказчик не знает исполнителя, а отчет и оплата происходит в указанной нами сети «TOR».

Нам видится, что соблюдение принципа уголовной политики «опережение своего времени»[1], возможно, лишь при условии наличия криминологических знаний о преступности в сети Интернет и её теневом сегменте.

В целях развития теории криминологии цифрового мира и изучения преступности в теневом сегменте сети Интернет, считаем необходимым сформулировать следующие понятия.

Теневое пространство сети Интернет («Теневой Интернет», «Теневой Веб», «Dark web» и т.д.) – это пространство цифрового мира, вход в который осуществляется посредством технических средств и (или) программного обеспечения (TOR, I2P и т.д.), обеспечивающих анонимность пользователю и открывая возможность доступа, к запрещенному законодательством информационному контенту.

Преступность в теневом пространстве сети «Интернет» – это негативное, социально-правовое явление, выраженное в совокупности преступлений, совершаемых непосредственно на киберплощадках теневого пространства информационно-телекоммуникационной сети Интернет, либо при помощи указанных киберплощадок.

Закрепление данных понятий в теории криминологии цифрового мира обеспечит необходимость исследований в данном направлении, что в

[1] См.: Киселёв С.С. Проблемы уголовно-правовой оценки склонения несовершеннолетних к совершению самоубийства в сети Интернете // Matters of Russian and International Law. 2018, Vol. 8, Is. 12A

дальнейшем позволит выявить преступные проявления, причины и условия развития преступности в теневом пространстве сети Интернет, личность преступника и сформировать механизмы противодействия и борьбы с ней.

Кабанов Николай Анатольевич,
адъюнкт кафедры криминологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Средства массовых коммуникаций и массовые беспорядки

Массовые беспорядки представляют собой комплексное явление, включающее сочетание различных общественно опасных действий, осуществляемых большими группами людей, прежде всего, насильственного характера, в совокупности угрожающих основам общественной безопасности и способных дестабилизировать деятельность органов власти, учреждений и других организаций, а также нарушить общественный порядок на значительных территориях[1]. Внешне массовые беспорядки кажутся возникающими спонтанно, тем более, что они проявляются во множественности, казалось бы, никак не связанных и не управляемых никем деяний (насилие, погромы, поджоги, уничтожение имущества, применение оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих и иных веществ, опасных для окружающих, оказание вооружённого сопротивления сотрудникам полиции или иным представителям власти). Однако изучение судебной практики и результатов опроса экспертов говорит об обратном.

Массовые беспорядки преимущественно характеризуются наличием предварительной преступной деятельности, которая может быть предотвращена или прервана за счёт своевременного принятия необходимых криминологических превентивных мер. В теории уголовного права также отмечается, что с социологических позиций массовые беспорядки следует рассматривать как совокупность осуществляемых толпой противоправных действий, организованных группой лиц либо отдельным лицом[2].

Особое внимание должно уделяться тем группам, которые испытывают или могут испытывать и проявлять недовольство какими-либо политическими, социальными и иными событиями или процессами, например,

[1] См.: Борисов С.В., Дмитренко П.А., Осипов В.А., Русскевич Е.А. Квалификация массовых беспорядков, хулиганства и преступлений экстремистской направленности: теория и практика (отв. ред. д.ю.н., проф. Н.Г. Кадников). ИД «Юриспруденция», 2012. С. 4.

[2] См.: Абдульманов А.А. Уголовно-правовые меры борьбы с массовыми беспорядками: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 1994. С. 13.

теми или иными непопулярными реформами, проводимыми государством, прежде всего, тогда, когда ими публично, в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий, выражаются те или иные протестные настроения, допускаются высказывания и прочие выражения деструктивного характера. Здесь важно своевременно выявить и «нейтрализовать» источник распространения соответствующей информации, выходящего за рамки допустимого выражения своего мнения, и способного сформировать у широкого, подчас неограниченного круга лиц, желание проявить агрессию в общественных местах.

Важным направлением профилактики массовых беспорядков, возникающих на почве этнорелигиозных противоречий, выступают меры, направленные на повышение правовой культуры граждан в области противодействия экстремистской деятельности. Для предупреждения соответствующих социальных конфликтов важно обеспечивать фактическое сближение имеющихся позиций религиозных организаций и институтов гражданского общества, которое желательно осуществлять, прежде всего, на муниципальном уровне, поскольку именно среди местной общественности, состоящей из представителей различных конфессий, а равно лиц, характеризующихся иными убеждениями, начинают возникать и развиваться указанные социальные конфликты, в свою очередь приводящие к массовым насильственным и иным противоправным акциям[1].

Большое значение для профилактики массовых беспорядков имеет снижение уровня негативного (деструктивного) воздействия на население, особенно на молодёжь, оказываемого средствами массовой информации и различными ресурсами сети «Интернет». В данном случае речь идёт не только о мониторинге публикуемых (размещаемых) в них сведений с целью обнаружения экстремистской и иной запрещённой информации с последующим блокированием соответствующего ресурса, но и о формировании новой политики в части регламентации деятельности средств массовой информации, владельцев и администраторов социальных сетей, различных сайтов и т.п., направленной на обеспечение духовной безопасности нашего общества[2].

Президент России В.В. Путин в своем послании Федеральному Собранию Российской Федерации подчеркнул, что именно культурные, нравственные, духовные ценности, наряду с вовлеченностью людей в дела

---

[1] См.: Андреева О.А. Этноконфессиональные конфликты и противоречия как следствие комплекса социальных проблем в полинациональных регионах // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 8. С. 12.

[2] См.: Иванцов С.В. Средства массового информационного ресурса и противодействие преступности // Сборник материалов V Международной научно-практической конференции «Современные проблемы уголовной политики» / под ред. А.Н. Ильяшенко. Краснодар, 2014. С. 257.

страны, делают нас единым народом, который способен достигать большие цели[1].

В п. 11 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[2] указывается на наблюдающееся в настоящее время возрождении традиционных российских духовно-нравственные ценностей, образующих фундамент российской государственности. Сохранение таких ценностей отнесено к национальным интересам России на долгосрочную перспективу (п. 30 Стратегии). Согласно п. 78 данной Стратегии такими ценностями, в частности, признаются приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, нормы морали и нравственности, справедливость, преемственность истории нашей Родины и т.д. В настоящее время актуализируется и нарастает угроза размывания данных ценностей за счёт внешнего культурного и информационного экспансивного воздействия, включающего, в частности, пропаганду вседозволенности и насилия, культа денег и потребления, расовой, национальной и религиозной дискриминации, фальсификации истории[3].

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, в частности, отмечается, что области применения информационных технологий неуклонно расширяются, что обусловливает формирование предпосылок для возникновения новых информационных угроз, усиливающихся за счет использования возможностей таких технологий и трансграничного информационного оборота в противоправных геополитических, террористических, экстремистских и других деструктивных целях.

При этом наблюдается устойчивая тенденция к негативному информационному воздействию, идущему из-за рубежа, соединенному с активизацией использования средств массовой информации и ресурсов сети «Интернет» для расширения масштабов такого воздействия на население России, особенно на молодых людей, имеющего направленность на размывание традиционных духовно-нравственных ценностей[4], что в свою очередь создаёт предпосылки для девиантного поведения, вовлечения в различные противоправные деяния, в том числе имеющие массовый характер.

---

[1] См.: Послание Президента России Федеральному Собранию от 1 марта 2018 года // Российская газета. 2018. 2 марта.

[2] См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

[3] См.: Иванцов С.В., Узембаева Г.И. Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография / под ред. профессора С.В. Иванцова. М., Юрлитинформ, 2018. С. 5.

[4] См.: Пункты 10-15 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

В частности, важно проявлять особую осторожность при подготовке и опубликовании (размещении) информации о преступлениях, в совершении которых заподозрены лица иной национальности либо представители власти, о способах и средствах используемых для совершения различных преступлений, о получении участниками тех или иных массовых противоправных акций денежного вознаграждения от их организаторов и т.п. Данные правила целесообразно развёрнуто обсуждать на совместных совещаниях, семинарах, конференциях, круглых столах с участием представителей контролирующих и правоохранительных органов, средств массовой информации, социальных сетей и других Интернет-ресурсов, регламентировать соответствующие положения на уровне законов, подзаконных, ведомственных нормативных актов.

Криминологическому предупреждению массовых беспорядков и связанных с ними преступлений должны быть свойственны постоянный и системный характер при обеспечении непрерывного и организованного взаимодействия государственных, муниципальных и общественных институтов на основе необходимого стратегического планирования данной превентивной деятельности[1]. В частности, удержание потенциальных организаторов и участников массовых беспорядков, особенно в молодёжной среде, от соответствующей преступной деятельности может, в том числе осуществляться посредством формирования и реализации широкой информационной компании с вовлечением в неё различных средств массовой информации, Интернет-ресурсов, образовательных и научно-исследовательских учреждений.

Кайнарова Аконер Сайлаубаевна,
магистр юридических наук,
старший преподаватель
Казахско-Русского Международного Университета,
г. Актобе, Казахстан

Актуальные вопросы развития уголовной политики Республики Казахстан на современном этапе

Разработка проблем, связанных с переосмыслением проводимой нашим государством уголовной политики, имеет большую перспективу, а также повышенную научную и практическую ценность, если рассматривать уголовную политику с точки зрения ориентации на поиск оптималь-

[1] См.: Иванцов С.В. Планирование деятельности органов внутренних дел в системе правового регулирования предупреждения преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2015. №7. С. 147-152.

ных путей для внесения более ясных коррективов в деятельность государства по активизации борьбы с преступностью в современных условиях. В свою очередь современные жизненные реалии выдвигают необходимость принятия во внимание того объективного обстоятельства, что в настоящее время произошли существенные изменения в количественных и качественных показателях преступности, связанные в основном с появлением новых видов преступности, активизацией и расширением масштабов организованной преступности, включая сюда и транснациональную организованную преступность. Все это наводит на мысль о том, что в науке уголовного права и криминологии разработка проблемы уголовной политики в целом, равно как и уголовной политики в отношении отдельных групп и категорий преступлений, нуждается в поиске новых подходов и решений.

В юридической литературе, посвященной разработке проблемы уголовной политики, акцентируется внимание на особую значимость выделения и теоретического осмысления основополагающих принципов уголовной политики, которые представляется возможным характеризовать в качестве выступающих общих векторов, ориентированных на определение основных магистральных направлений проводимой государством уголовной политики, ее целей и задач. Для составления правильной картины, характеризующей систему принципов уголовной политики под углом зрения современности, особо актуальным и целесообразным, на наш взгляд, является переосмысление по-новому в первую очередь таких основополагающих принципов проводимой государством уголовной политики, как демократизма, законности, гуманизма и справедливости.

Если говорить о степени важности и специфике указанных принципов как в целом в их совокупности, так и в плане оценки и характеристики отдельно взятых принципов, то уместным представляется здесь обратить внимание на следующие концептуальные положения, сформулированные в свое время профессором Кузнецовым А.В. касательно раскрытия специфики рассматриваемых принципов: «Специфика указанных принципов как принципов уголовной политики, т. е. направления деятельности государства по борьбе с преступностью, отражает их сферу действия от аналогичных принципов, характеризующих отдельные отрасли права, в том числе образующие уголовно-правовой комплекс. Так, содержанием принципа законности в уголовной политике охватывается правильная квалификация преступления и назначение наказания виновному в соответствии с законом, с учетом степени опасности содеянного и личности правонарушителя, а также обстоятельств дела, смягчающих и отягчающих ответственность. Кроме того, принцип законности включает в себя и своевременное раскрытие преступления, возбуждение уголовного дела, избрание меры пресечения, предъявление обвинения и т. д., что свойственно для данного принципа в сфере уголовного процесса. Содержанием этого принципа охватыва-

ются также основания и порядок исполнения назначенного наказания, регламентируемые исправительно-трудовым правом и т.п.»[1].

Не может вызывать возражений то обстоятельство, что принципы уголовной политики берут начало и основываются на принципах уголовного права. Вместе с тем нельзя упускать из вида той особенности, что система принципов уголовного права при проведении уголовной политики получает в ней определенное преломление и воплощение сообразно специфическим особенностям проводимой уголовной политики. Принятие во внимание такового существенного обстоятельства имеет важное и принципиальное значение для правильной разработки вопросов теории и практики построения уголовной политики в нашей республике.

Принцип законности, в силу его универсальности и важности, является фундаментальным и, по сути, пронизывает всю сферу проводимой государством уголовной политики. Логичным будет, на наш взгляд, отметить, что принцип законности в контексте его характеристики в современных условиях должен найти свою новую оценку и пополниться новым содержанием с позиции социально-политической и правовой характеристики этого принципа.

В настоящее время принцип законности, как и другие принципы уголовной политики, должен строго соблюдаться и воплощаться в реальную действительность в процессе практической организации мер воздействия на преступность. Если речь вести о соблюдении принципа законности при проведении уголовной политики в конкретном решении вопросов правильной квалификации преступлений, то здесь, в первую очередь, нужно затронуть тему о достаточности законодательной базы для правильного выбора той или иной нормы и, следовательно, правильного решения вопроса об уголовной ответственности виновного в точном соответствии с действующим в республике уголовным законодательством. Если вопрос касается назначения справедливого уголовного наказания виновному, то разговор следует вести о системе гибких и оптимальных санкций, способных обеспечивать достижимость целей уголовного наказания, строгое соблюдение принципов индивидуализации наказания и экономии мер уголовно-правовой репрессии.

Принцип демократизма уголовной политики находится в неразрывной связи с социально-политическим смыслом и общенародными интересами проводимой государством уголовной политики. Прав был профессор Загородников Н.И. в части констатации выводов о том, что «уголовная политика – это отношения между классами, нациями, социальными группами, обществом и личностью, имеющими своим содержанием участие граждан в деятельности государства в сфере борьбы с преступностью, это

[1] Кузнецов А.В. Понятие и социальная ценность принципов уголовной политики. Вопросы борьбы с преступностью. Вып.40. М., 1984. С.6.

определение содержания, форм и задач деятельности государства и его органов, а также общественных организаций, направленной на защиту завоеваний трудящихся, интересов государства, личности и ее прав, созданного народом правопорядка от преступных посягательств»[1].

Приведенные концептуальные положения профессора Загородникова Н.И. отчетливо раскрывают логическую взаимосвязь уголовной политики как одного из управленческих сфер деятельности государства в организации борьбы с преступностью с общественными отношениями, складывающимися в стране, с мнением и чаяниями народа, для защиты интересов которого и проводится государственными органами уголовная политика в стране. Поэтому не менее важным основополагающим принципом уголовной политики правомерно считать принцип демократизма. Принцип демократизма обязывает органы уголовной юстиции учитывать общественное мнение в организации борьбы с преступностью, построении тактики и стратегии ведения борьбы с отдельными, вызывающими широкий общественный резонанс, видами преступлений.

Принцип демократизма проводимой государством уголовной политики получил свое закрепление в действующем законодательстве, в частности в Законе Республики Казахстан от 29 апреля 2010 г. «О профилактике правонарушений». В соответствии с нормами ст.17 этого Закона граждане и организации вправе принимать участие в осуществлении профилактики правонарушений путем оказания добровольного содействия другим субъектам профилактики правонарушений с обязательным соблюдением принципов законности, а также принципов уважения и неукоснительного соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Законом предусмотрены следующие формы участия граждан и организаций в профилактике правонарушений, как-то: участия – в организации правовой пропаганды, в работе консультативно-совещательных и экспертных органов, в оказании содействия другим субъектам профилактики правонарушений.

Особо важное значение для реализации принципа демократизма уголовной политики имеет правовое положение о том, что в соответствии с пунктом 3. Указа Президента нашей республики от 22 апреля 2009 г. «О дополнительных мерах по усилению борьбы с преступностью и коррупцией и дальнейшему совершенствованию правоохранительной деятельности в Республике Казахстан» Правительству совместно с заинтересованными центральными государственными органами поручено принимать решения о назначении и аттестации участковых инспекторов полиции с учетом мнения населения.

Объективная необходимость к приложению более активных и действенных усилий по реализации принципа демократизма в проведении уголовной политики особо остро ощущается в процессе ведения борьбы с

[1] Загородников Н.И. Советская уголовная политика. М., 1979. С.8.

преступлениями, вызывающими широкий общественный резонанс и повышенную тревожность среди населения. Так, принцип демократизма в проведении уголовной политики в организации борьбы с такими, представляющими повышенную социальную опасность и получившими широкий социальный резонанс в государстве и обществе преступлениями, как факты незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ, может быть охарактеризован в качестве основополагающей руководящей идеи, которой должны руководствоваться правоохранительные органы в осуществлении борьбы с распространением наркотиков, учитывая то обстоятельство, что в эффективности этой борьбы заинтересована большая часть народа Казахстана. Народ нашей страны в полной мере понимает и осознает степень социальной опасности, а также возможные последствия массового распространения наркотических средств и психотропных веществ, вследствие чего выдвигает перед органами уголовной юстиции вполне справедливые требования по повышению активности борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в республике. Строгое соблюдение принципа демократизма в проведении уголовной политики в области борьбы с распространением наркотиков предполагает также и право государственных органов обращаться за помощью к населению, скажем, для раскрытия тщательно замаскированных, длительное время ускользающих от ответственности преступных формирований, занимающихся распространением наркотиков, а также в целях выявления и раскрытия источников сбыта наркотических средств и психотропных веществ либо оказания другого рода помощи в противостоянии наркомании и наркотизму в нашей стране.

Тесная взаимосвязь уголовной политики с интересами и мнением общества объясняется и тем, что «уголовная политика по своему содержанию значительно шире, чем уголовное право, поскольку она определяет не только уголовно-правовые методы и средства борьбы с преступностью, но и призвана решить проблемы, связанные с профилактикой правонарушений, ибо науке и практике присуще профилактическое направление в борьбе с преступностью, а оно предполагает не только правовые, но и социально организационные, идеологические и иные мероприятия»[1].

В свою очередь, профилактические мероприятия, социальные, организационные, идеологические и иные меры, являющиеся составными частями проводимой уголовной политики, предполагают осуществление в стране реальных демократических преобразований, направленных на единство усилий правоохранительных органов и широких кругов общественности в деле противостояния разрастающейся в республике преступности в целом и отдельным видам преступлений. То есть дальнейшее

[1] Ковалев М.И. Соотношение уголовной политики и уголовного права // Сов. гос-во и право. 1978. № 12. С.70.

укрепление и развитие, а также более подробная теоретическая разработка принципа демократизма в проведении уголовной политики в организации мер воздействия на преступления, представляет повышенную актуальность для решения стратегических задач, связанных с повышением эффективности борьбы с преступностью в Казахстане.

Принцип гуманизма, как один из основополагающих принципов уголовной политики, сформулирован в самом уголовном законодательстве в форме таких принципиальных установлений, как недопустимость в соответствии со статьей 3 УК РК повторного привлечения к уголовной ответственности лица за одно и то же преступление, закон, устанавливающий преступность или наказуемость деяния, усиливающий ответственность или наказание или иным образом ухудшающий положение лица, совершившего это деяние, обратной силы не имеет (статья 5 УК); наказание не имеет своей целью причинение физических страданий, или унижение человеческого достоинства (статья 38 УК) и другие установленные законодателем правила проявления гуманного отношения к лицам, совершившим преступления.

Согласно Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 г., утвержденной Указом Президента нашей республики 24 августа 2009 г., гуманизация должна касаться в большей части лиц, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести, а также социально уязвимых групп населения – беременных и одиноких женщин, женщин, имеющих на иждивении несовершеннолетних детей, несовершеннолетних, людей преклонного возраста.

Существо принципа гуманизма в проведении уголовной политики находится в неразрывной взаимосвязи с политической, социально-экономической, идеологической и нравственной организацией общества, степенью включенности системы принципов права в действующий в данный момент механизм функционирования государства и права. Уместно в контексте этих рассуждений вспомнить определение принципов права, предложенное профессором Кригером Г.А. «Принципы права, – по его мнению, – это вытекающие из социально-экономической природы и закрепленные в праве идеологические нравственные начала (руководящие идеи), направляющие регулятивную и охранительную функцию права и определяющие характер, основания и объем государственного принуждения и иных мер воздействия, необходимых для обеспечения успешного развития господствующих общественных отношений»[1].

С точки зрения оценки принципов уголовной политики с акцентом внимания на гуманистические их начала, можно, основываясь на приве-

[1] Кригер Г.А. Место принципов советского уголовного права в системе принципов права // Сов. гос-во и право. 1981. № 2. С.102.

денных концептуальных положениях профессора Кригера Г.А., выдвинуть следующие предположения.

1. Гуманизм уголовной политики строится на действующем уголовном законодательстве, регламентирующем в стране правила гуманного отношения к лицам, виновным в совершении преступлений.

2. Принцип гуманизма уголовной политики концентрирует в себе часть гуманизма проводимой государством социально-политической деятельности, вытекающей из его политической, социально-экономической природы, а также культивируемых в обществе идеологических и нравственных начал и представлений.

3. Принцип гуманизма уголовной политики берет начало также в системе правовых норм, регламентирующих осуществление регулятивной и охранительной функции государственных органов и определяющих характер, основания и объем государственного принуждения и других мер воздействия, ориентированных в совокупности на обеспечение успешного продвижения государства и общества к прогрессу через преодоление различных отрицательных явлений, препятствующих таковому прогрессу.

Объективности ради нужно отметить, что в процессе осуществления борьбы с отдельными категориями преступлений наши органы уголовной юстиции в недостаточной мере соблюдают принцип гуманизма.

Так, если опять речь вести о борьбе с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, то статистические данные свидетельствуют о фактах привлечения в основном к уголовной ответственности лиц, признанных виновными по части первой ст.259 УК РК, т.е. за незаконное приобретение, перевозку или хранение без цели сбыта наркотических средств или психотропных веществ. Это по сути в большинстве случаев больные люди, страдающие наркоманией и нуждающиеся в излечении. Опасные же преступники, порой на протяжении длительного времени безнаказанно и беспрепятственно занимающиеся распространением или сбытом наркотических средств или психотропных веществ, остаются в большей части недосягаемыми для применения к ним уголовного закона и привлечения к справедливой ответственности. Недостаточно эффективная борьба с этими видами преступлений обусловлена также определенным несовершенством уголовного закона, заключающимся в том, что не предусмотрена ответственность за факты распространения наркотических средств или психотропных веществ.

Как показывают результаты ознакомления с практикой борьбы с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, процессу сбыта, как правило, предшествует подготовительная работа, суть которой сводится к созданию надежного и устойчивого рынка сбыта, заполненного массами потребителей, жаждущих приобретения наркотиков или психотропных веществ. В интересах создания атмосферы широкомасштабного спроса на наркотики, воротилы преступного наркобизнеса, как

правило, не скупятся даже на проведение акций по бесплатной раздаче наркотиков в различных местах скопления молодежи.

Уголовным законом установлена ответственность за сбыт наркотических средств или психотропных веществ, а за их бесплатное распространение ответственности не предусмотрено. То есть целесообразным представляется решение вопроса о скорейшей криминализации деяний, проявляющихся в распространении наркотических средств или психотропных веществ с учетом результатов положительного правотворческого опыта отдельных зарубежных стран. К примеру, по ст.369 Уголовного кодекса Испании (принят в 1995 г.) установлены весьма жесткие меры уголовного наказания за совершение деяний, связанных с поставлением токсических веществ, наркотиков или психотропных веществ лицам моложе восемнадцати лет либо психически отсталым лицам; а также за ввоз и распространение в учебных заведениях, военных центрах, учреждениях и подразделениях, либо в пенитенциарных учреждениях, либо в центрах помощи.

Положительное решение вопроса об установлении уголовной ответственности за распространение наркотических средств или психотропных веществ способствовало бы укреплению принципа гуманизма уголовной политики в осуществлении борьбы с незаконным распространением наркотических средств или психотропных веществ в нашей республике.

Соблюдение принципа справедливости в проведении уголовной политики ориентировано на достижение цели обеспечения социального равновесия в обществе, поскольку любые проявления несправедливости бывают чреваты наступлением в закономерном порядке последствий в форме соответствующей расплаты за содеянное.

«Откуда вещи берут свое происхождение, туда же должны они сойти по необходимости; ибо должны они платить пени и быть осуждены за свою несправедливость сообразно порядку времени»[1]. Эта мысль Анаксимандра, озвученная еще в шестом веке до нашей эры, периодически подвергалась тщательному изучению и переосмыслению различными известными и признанными выдающимися умами человечества, среди которых называются имена Аристотеля, Гегеля, Ницше, Хайдеггера и других авторитетных личностей.

Закономерность обязательного следования расплаты за допущенную несправедливость логичным представляется признать и с точки зрения открытого М.В. Ломоносовым закона сохранения массы веществ: «ежели чего в одном месте убавится, в другом присовокупится».

Следовательно, принцип справедливости в проведении уголовной политики нужно рассматривать с учетом рекомендаций, раскрывающих методологические аспекты понятия и роли категории справедливости в жизни и культуре человечества в целом.

---

[1] Цит. по: Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М. 1991. С.28

Калужина Марина Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики и правовой информатики
Кубанского государственного университета

Роль информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе в уголовной политике российского государства

Реалии современного российского государства достаточно убедительно доказывают, что преступность является одним из самых дестабилизирующих факторов, препятствующих формированию правового государства. Президент РФ В.В. Путин подчеркивал, что дальнейшее развитие нашего общества напрямую зависит от проявления усилий в предупреждении и борьбе с преступностью всей правоохранительной системы[1].

Достижению целей наказания, укреплению законности и обеспечению прав граждан в значительной степени способствует оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД). Это основанный на законе вид социально полезной практики, осуществляемой уполномоченными государством субъектами, уполномоченными на то Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее по тексту также ФЗ «Об ОРД»)[2] является неотъемлемым элементом системы государственных мер, направленных на противодействие преступности. Сущностной особенностью реализации этих действий и принимаемых решений является их юридический (властный) характер.

Оперативно-розыскная деятельность в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС) как составная часть уголовной юстиции решает законодательно установленные задачи в тесном и непрерывном взаимодействии с органами предварительного следствия, правосудия, безопасности, исполнения наказаний и иными правоохранительными структурами. В то же время она структурно обособлена, имеет самостоятельный характер, отличающийся от административно-правовой, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной функций системы уголовной юстиции. Такая автономность определяется правовыми признаками, спецификой поисковой работы, закономерностями явлений, связанных с исполнением уголовных наказаний.

Один из существенных признаков, определяющий специфику ОРД в УИС, состоит в том, что этот вид деятельности для достижения заданного

[1] Выступление В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 22 февраля 2019 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/59913

[2] Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

ей результата может осуществляться в различных формах, внешний контур которых объединяют разведывательно-поисковые действия как гласного, так и негласного характера с целью выполнения социально-полезных задач и функций при условии существенного затруднения или невозможности достижения этой цели иными законными путями. Результативность в достижении назначения уголовного судопроизводства обусловливает ценность ОРД в УИС как объективно-необходимого и общественно полезного вида социальной практики.

ОРД в УИС базируется на конституционных принципах законности, уважения прав и свобод человека и гражданина, а также отраслевых (оперативно-тактических) принципах конспирации, сочетания гласных и негласных начал, использовании института конфиденциального содействия. Несмотря на то, что ОРД в УИС имеет свою специфику, осуществляется специальными субъектами, её содержание объединено единой направленностью всей системы правоохранительной деятельности Российского государства.

В этой связи, наблюдаемые определенные позитивные тенденции, прямо или косвенно связанные с формированием уголовно-правовой политики борьбы с преступностью говорят о сложном поиске эффективной системы воздействия на криминальные процессы, реализующей комплексный подход к выполнению имеющихся в этой сфере задач, координации усилий и взаимодействия правовых институтов. Политическая воля руководства страны привела к существенной корректировке содержания уголовного законодательства в части расширения исполнения и отбывания уголовных наказаний, иных мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы. Это приводит к объективной необходимости регулирования общественных отношений в ходе их реализации. Очевидно, что в этих условиях ОРД, как один из наиболее эффективных видов государственной деятельности не только в сфере борьбы с преступностью, но и в сфере обеспечения безопасности, должна гибко и оперативно реагировать на данные изменения. В достижении цели предупреждения совершения новых преступлений отдельные категории лиц, склонных к совершению правонарушений, нуждаются в оперативно-розыскном контроле[1]. Их качественные и количественные характеристики не могут быть определены иначе, чем посредством имеющихся возможностей информационно-аналитического обеспечения ОРД. В соответствии с велением времени на передний план выдвигается задача создания усилиями различных правовых институтов целостно-системной концепции морально-правового воздействия на негативные

[1] Бабушкин А.А. Правовые вопросы формирования системы оперативно-розыскного контроля за лицами, склонными к совершению преступлений // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: сб. науч. трудов / под общ. ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. С. 266.

противоправные проявления, интенсификацию воспитательных процессов и утверждение гуманистического образа жизни.

На важность и актуальность информационного обеспечения уголовной политики указывают российские ученые[1].

Оценка современной уголовно-правовой ситуации в стране и её влияние на формирование уголовной политики Российской Федерации свидетельствует о том, что ряд традиционных статистических показателей недостаточно достоверно отражает реальную степень напряженности оперативной обстановки. При этом постоянно вносимые изменения в действующее законодательство и структурные преобразования в правоохранительной системе усиливают тенденции условности статистических показателей преступности. Соглашаясь с мнением специалистов, констатируем, что правоохранительная система должна быть освобождена от ответственности за состояние преступности. Такая ответственность должна лежать на государстве с его структурами власти и управления, а также на обществе в целом. То же самое относится к оценке изменений в структуре преступности. Отражаемые в статистических показателях данные о динамике и структуре преступности, как это и вытекает из их природы, должны рассматриваться не иначе как информация для анализа складывающейся криминальной ситуации и принятия управленческих решений. Уместно напомнить, что в Великобритании, США, Германии и в ряде других стран ежегодные статистические данные открыто размещаются в сети Интернет, предметно и глубоко отражая реальность[2].

Следует сказать о существовании латентной части преступности, по своим масштабам не уступающей, а скорее всего, превышающей показатели зарегистрированной преступности. Её существенными негативными последствиями, как отмечает С.Е. Вицин, является стимулирующее воздействие на совершение новых преступлений, переход от неосторожных к более тяжким и опасным преступлениям; совершенствование форм, приемов и методов противоправных посягательств отдельных преступных групп и, как итог, определенная специализация и профессионализация при совершении преступления[3].

К сожалению, у многих специалистов, особенно у практиков, отсутствует понимание необходимости получения даже приблизительных знаний о реальных масштабах преступности, отсутствует сама потребность в таких знаниях. К перечню основных проблем следует отнести сложность в

---

[1] Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики: монография. М., 2014. С. 42.

[2] The Space – Council of Europe Annual Penal Statistic. URL: https://www.coe.int/en/web/prison/space (дата обращения: 01.08.2019).

[3] Вицин С.Е. Система показателей, характеризующих преступность // Социалистическая законность. 1974. № 64. С. 66.

выявлении на практике закономерностей данных, их определенного набора и вида, которые могут быть использованы при подготовке и принятии решений. Сейчас уже нельзя признать достаточным интерес науки и практики к углубленному исследованию проблем, контур которых позволил бы дать им реальную оценку. Такая ситуация явно не соответствует остроте реальных информационных потребностей уголовной политики.

Очевидно, на этой почве возникает потребность внесения организационных корректив в нынешнее информационное обеспечение уголовной политики. Таковыми, полагают М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин, выступает интеллектуализация как организационный процесс разработки, проверки, внедрения и корректировки системы научных знаний, опыта и иной социально значимой информации об оптимальных и эффективных путях и средствах противодействия преступлениям и защиты интересов личности, общества и государства от связанных с преступностью угроз.

В науке нет единого мнения о тех составляющих, которые входят в организационное обеспечение уголовной политики. Соглашаясь с большинством авторов[1], считаем, оно как система складывается из следующих составляющих: информационно-аналитическое обеспечение, оперативно-розыскное обеспечение, кадровое обеспечение, обеспечение взаимодействия субъектов правоохранительной деятельности.

С учетом сказанного информационно-аналитическое обеспечение ОРД в УИС – относительно самостоятельный элемент оперативно-розыскной политики, содержанием которого выступает целенаправленная деятельность специальных субъектов по собиранию (получению, добыванию), хранению и обработке оперативно значимой информации в целях получения информационно-аналитического продукта (выводов, предложений, прогнозов) в решении задач, стоящих перед оперативными подразделениями УИС.

[1] Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: тезисы лекции / под ред. В.П. Ревина. М., 1999. С. 64; Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел / под ред. Л.И. Беляевой. М., 2003. С. 73; Минин А.Я. Методологические аспекты информационно-аналитической разведки криминальной милиции // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел на современном этапе. Домодедово, 2004. Вып. 4. Ч. 1. С. 104.

Каснова Мария Сергеевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Наркотизация общества: современное состояние, криминологические последствия и приоритетные меры предупреждения

В современном мире наркотизация населения является крайне опасным явлением не только для нынешнего, но и для будущего поколения в целом. Представляя реальную угрозу нации преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, причиняют вред жизни и здоровью самого потребителя, будущему поколению, а также создают негативные последствия для окружающих.

Практика показывает, что в настоящее время главным потребителем наркотических средств и сильнодействующих веществ, является именно молодежь. Вовлеченные в потребление наркотиков молодые люди, как правило, теряют интерес к дальнейшему развитию и самосовершенствованию, не стремятся достигнуть новых результатов, начинают постепенно деградировать.

Беспрепятственная доступность в приобретении, изготовлении, и наконец, в употреблении наркотических средств, является одним из основных обстоятельств, способствующих наркотизации населения. В сложившейся ситуации предполагается, что одним из наиболее эффективных решений будет максимальное использование положения закона, связанного с предупреждением, выявлением, раскрытием и расследованием преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков[1].

Процессы, происходящие в российском обществе, зависят в том числе, и от наркотической ситуации. Следовательно, политика в сфере противодействия наркотикам должна быть направлена на консолидацию совместных усилий правоохранительных органов, медицинских учреждений и институтов гражданского общества, в целях противодействия транснациональной организованной наркопреступности, легализации наркодоходов. Осложняют наркотическую ситуацию в России следующие факторы: афганская наркоэкспансия, пропаганда немедицинского потребления наркотических средств, распространение наркотиков через социальные сети, вовлекая для данных целей, преимущественно молодежь.

[1] Гаджиев В.Э.-оглы. Особенности профилактической работы по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков // Российский следователь. 2018. № 2. С. 53 - 56.

Учитывая, что наркозависимость – тяжелое заболевание, медицинские мероприятия в сфере противодействия наркотизации общества должны занимать существенный сектор, их можно разделить следующим образом:

- деятельность в сфере профилактики наркомании;
- диагностика наркомании;
- методы и средства лечения;
- медицинская реабилитация.

Обращаясь к вопросам правового регулирования данной области общественных отношений, трудно не согласится с исследователями, отмечающими, что основополагающим принципом формирования и функционирования антинаркотического правового регулирования и законодательства должен быть принцип единства и взаимообусловленности всех его подсистем.

Приоритетность мер по профилактике незаконного потребления наркотических средств, психотропных веществ и наркомании определяет место деятельности, направленной на побуждение больных наркоманией к лечению от наркомании и медицинской и (или) социальной реабилитации, а также на побуждение лиц, эпизодически потребляющих наркотические средства, психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, к прохождению профилактических мероприятий. Данное направление также должно реализовываться в трех плоскостях: организационной, правовой и медицинской.

Особое внимание следует уделить новому документу – «Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах (третий пересмотр)»[1]. Объектом социологического исследования является общественное мнение населения субъекта Российской Федерации. Предмет исследования – отношение населения субъекта Российской Федерации к проблемам наркотизации общества. Цель исследования – выявление уровня наркотизации общества и отношения населения к проблемам наркомании.

Российская Федерация относится к числу стран с умеренной правовой политикой, в которых потребление наркотиков не образует состава (особого состава) преступления (также к таким странам относятся, например, Германия, Италия, Франция). Поэтому запрет потребления наркотиков охраняется мерами административной ответственности[2].

---

[1] Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах (третий пересмотр): утв. протоколом заседания ГАК от 15.02.2017 № 32 // https://media.mvd.ru (дата обращения 06.10.2018).

[2] Афанасьева О.Р., Бадальянц Э.Ю., Болотин В.С., Грибанов Е.В., Шиян В.И., Щербаков А.Д., Беляев М.А., Вяземская А.А. Комментарий к Федеральному закону от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ "О наркотических средствах и психотропных веществах" (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2017.

Использование и оборот наркотических средств в Российской Федерации регулируется нормами специального закона – Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»[1].

По мнению М.Ю. Воронина, группа риска наркотизации – это лица, имеющие опыт потребления, знающие источники, а соответственно, имеющие возможность приобретения наркотиков, но не являющиеся наркозависимыми.[2]

Общий спад выявления преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, на первый взгляд, может быть обусловлен снижением уровня наркотизации населения в Российской Федерации, что косвенно подтверждается наблюдаемым с 2015 г. сокращением осужденных за преступления, совершенные в состоянии наркотического опьянения (с 2015 - 2018 гг. на 12,4 %, несовершеннолетних на 26%)[3]. Кроме того, по данным Минздрава России, число пациентов, обратившихся за наркологической помощью, в течение последних пяти лет уменьшилось на 16%, снизился также синдром зависимости от наркотических веществ в расчете на 100 тыс. человек населения[4].

Правоохранительными органами Российской Федерации ежегодно выявляется свыше двухсот тысяч преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, из которых более 70% отнесены к категории тяжких и особо тяжких. Удельный вес наркопреступлений в общем количестве зарегистрированных преступных деяний в 2018 году составил 10,1%, в 2017 аналогичные показатели. В 2018 году на момент возбуждения уголовных дел из незаконного оборота изъято 22,8 т. запрещенных веществ, 2017 г. – 24,4 т, 2016 г. – 21,8 т. В стране зарегистрировано 423,4 тыс. потребителей наркотиков, в том числе 5,4 тыс. несовершеннолетних. Из общего количества наркопотребителей 250,6 тыс. – больные наркоманией (в том числе 567 несовершеннолетних), 172,8 тыс. – пациенты с диагнозом «пагубное (с вредными последствиями) потребление наркотиков» (в том числе 4,9 тыс. несовершеннолетних). Следует отметить, что уровень наркотизации населения отличается в зависимости от субъекта.

С 2014 – 2018 г. на 26,9% снизился показатель отравлений наркотическими веществами на 100 тыс. среди подросткового населения – с 44,3 (2014 г.) до 11,9 (2018 г.). Вместе с тем показатели отравлений наркотиче-

---

[1] Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ "О наркотических средствах и психотропных веществах" // "Российская газета" (специальный выпуск), № 297с, 31.12.2017, "Собрание законодательства РФ", 01.01.2018, N 1 (Часть I), ст. 58.

[2] Воронин М.Ю. Криминологическая политика защиты населения от наркотизации: дис… д-ра юрид. наук. М., 2010. С.112.

[3] www.cdep.ru

[4] www.rosminzdrav.ru

скими веществами среди подростков, превышающие среднероссийский показатель, регистрируются в 17-ти субъектах Российской Федерации, в том числе в 6 субъектах – в два и более раза[1].

Увеличению уровня наркотизации населения способствует контрабанда наркотических средств. По законодательству Российской Федерации наркотические и психотропные вещества не находятся в гражданском обороте, их реализуют только для медицинских целей. Наркотизация населения обуславливает как преступность в целом, так и отдельный ее вид – преступность в сфере незаконного оборота наркотических средств. Государство стремится снижать уровень наркотизации населения, разрабатывает долгосрочные программы и стратегии в этих целях, проводит социологические исследования.

Также на наш взгляд, необходимо проводить активную профилактику наркотизации населения, которая должна осуществляться не только уполномоченными правоохранительными органами, но и институтами гражданского общества. Только комплексный и системный подход в профилактике может привести к положительным и эффективным результатам.

Положительным моментом является все же проведение профилактических работ упомянутых выше, совместными усилиями удалось добиться снижение напряженности ситуации в сфере немедицинского потребления наркотических средств: уменьшилось количество совершаемых наркопреступлений, лиц их совершивших, также снизился объем запрещенных веществ, находящихся в незаконном обороте.

Несмотря на проводимые профилактические мероприятия наркоситуация в Российской Федерации оценивается как «тяжелая», проблема попрежнему представляет серьезную угрозу национальной безопасности страны. По итогам мониторинга в 2018 году г. Москва характеризуется ухудшением отдельных показателей оценки наркоситуации. Это единственный регион, в котором наркоситуация определена как «предкризисная»[2].

Среди основных тенденций наркоситуации необходимо выделить:

– неравномерное распределение видов наркопреступности в ее структуре, что объясняется имеющимися особенностями ее проявлений;

– снижение количества зарегистрированных наркопреступлений, незначительное уменьшение объемов изъятий наркотических средств и психотропных веществ, преобладание в структуре изъятых наркотических средств и психотропных веществ каннабисной, опиоидной и синтетической групп наркотиков;

– продолжающееся постепенное расширение незаконного оборота синтетических наркотиков и психоактивных веществ иностранного происхождения (стимуляторы амфетаминового ряда, синтетические аналь-

[1] http://гак.мвд.рф

[2] http://гак.мвд.рф

гетики и синтетические опиаты, синтетические каннабиноиды группы JWH, AM и др.), с чем корреспондирует сохранение значительных масштабов незаконного оборота спайсов, курительных смесей, обладающих выраженными психоделическими свойствами и высоким наркогенным потенциалом;

– стабильное увеличение удельного веса наркопреступлений в общей массе зарегистрированных преступлений;

– постепенный рост преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков, что отражает активизацию правоохранительных органов по выявлению наркосбытчиков, деятельность которых является более общественно опасной по сравнению с иными незаконными действиями в сфере оборота наркотиков;

– продолжающееся незначительное снижение количества женщин, привлеченных к уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, что объясняется постепенным усилением правоохранительного воздействия на «физическую» составляющую наркопреступности и пропорциональной концентрацией в ней криминально более активных элементов[1];

– проблема «аптечной» наркомании продолжает оставаться актуальной, набирая популярность среди молодежи, несмотря на предпринимаемые меры борьбы с ней;

– масштабное развитие и использование интернет ресурсов в наркотизации общества, например «Даркнет», где наркодилеры распространяют наркотики, активно пропагандируют их употребление, а также информацию об их изготовлении.

Проанализировав состояние наркоситуации в современном обществе, а также данные о преступности в сфере незаконного оборота наркотиков можно резюмировать: что дальнейшее развитие и совершенствование антинаркотической системы, а также методы борьбы с незаконным оборотом наркотиков требует радикального пересмотра отдельных санкций, как уголовного, так и административного законодательства.

[1] Тепляшин П.В. Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции // Lex russica. 2017. № 10. С. 147 - 157.

Качмазова Альбина Владимировна,
заместитель декана юридического факультета
Горского государственного аграрного университета,
г. Владикавказ

Уголовно-правовое обеспечение административного надзора

Судебная власть в РФ, как известно, наделена довольно обширной компетенцией. И многие моменты жизнедеятельности общества связаны с исключительной прерогативой судебных органов. К числу таковых, в частности, относится и административный надзор, как специальный комплекс мероприятий по наблюдению за лицом, освобождённым из мест лишения свободы, осуществляемый по судебному постановлению[1].

Социальная значимость института административного надзора предопределила и законодательную регламентацию мер его уголовно-правового обеспечения. Одновременно с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы» российский УК был дополнен ст. 314[1], устанавливающей ответственность за уклонение от административного надзора. В итоге отечественный уголовный закон пополнился отдельным самостоятельным видом преступного неисполнения судебного постановления, который в нынешнем виде расширен за счёт криминализации не только уклонения от административного надзора, но и неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений.

За время действия названного уголовно-правового запрета в юридической литературе сформировалось определённое представление относительно признаков состава преступления, регламентированного ст. 314[1] УК РФ. При этом, конечно же, многие вопросы ещё остаются дискуссионными.

Так, по утверждению И.А. Анисимовой, непосредственный объект состава преступления, предусмотренного ст. 314[1] УК РФ, «можно определить как нормальную деятельность органов внутренних дел по обеспечению постпенитенциарной адаптации осуждённых, в отношении которых судебным решением установлен административный надзор, в целях предупреждения совершения ими новых преступлений, других правонарушений, оказания на них индивидуального профилактического воздействия, защиты интересов общества и государства»[2].

---

[1] Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы» (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 11.04.2011. № 15. Ст. 2037.

[2] Анисимова И.А. Уклонение от административного надзора (ст. 314[1] УК РФ) // Актуальные проблемы уголовного права: сборник научных статей. Барнаул, 2012. С. 179-188.

По мнению А.В. Дружинина, изучаемое преступление посягает, главным образом, на общественные отношения, возникающие по поводу обеспечения реализации вступивших в законную силу судебных актов[1].

На наш взгляд, более точен в своих рассуждениях последний автор. Позиция, поддерживаемая И.А. Анисимовой, как представляется, может быть подвержена критике. Сложно согласиться с тем, что нарушение порядка административного надзора посягает на нормальную деятельность органов внутренних дел. Ведь, например, в случае уклонения от административного надзора такая деятельность вообще прекращает осуществляться. Деяния, описанные в ст. 314[1] УК РФ, по большому счёту, освобождают органы внутренних дел от осуществления административного надзора. При этом такое криминальное поведение грубо игнорирует установленные в отношении конкретного лица требования. И эти требования устанавливаются ни органами внутренних дел, а судом, что позволяет причислить общественно опасное деяние, закреплённое ст. 314[1] УК РФ, к числу деяний, состоящих в неисполнении судебных постановлений.

Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений нарушает общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением неукоснительного исполнения судебных постановлений. А ввиду того, что данные общественные отношения являются весьма специфичными, они могут быть конкретизированы. Исследуемое преступление посягает на устанавливаемый по решению суда правовой режим административного надзора.

Таким образом, непосредственный объект преступления, запрещённого ст. 314[1] УК РФ, образуют общественные отношения, возникающие по поводу обеспечения устанавливаемого судебным постановлением специального правового режима административного надзора. При этом состав изучаемого преступления не имеет в своей структуре какой-либо дополнительный непосредственный объект.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314[1] УК РФ, связана с нарушением территориальных требований административного надзора и выражается в следующих альтернативных деяниях:

– неприбытие без уважительных причин к избранному месту жительства или пребывания в определённый администрацией исправительного учреждения срок;

– самовольное оставление поднадзорным лицом места жительства, пребывания или фактического нахождения.

Необходимо обратить внимание на то, что второе деяние отличается от первого указанием, помимо места жительства и пребывания, ещё и на

[1] Дружинин А.В. Уклонение от административного надзора (ст. 314.1. УК РФ): анализ объекта преступления // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 297-300.

место фактического нахождения. Данное понятие получило законодательное обличие в 2017 г. и под ним понимается «избираемая лицом, освобождённым из мест лишения свободы и не имеющим места жительства или пребывания, территория внутригородского муниципального образования города федерального значения, территория внутригородского района (в случае его отсутствия – города) либо территория городского или сельского поселения»[1]. Думается, что в известной степени такой законодательный ход нормативно закрепляет действительный статус лица без определённого места жительства.

С субъективной стороны рассматриваемое преступление характеризуется прямым умыслом. При этом составообразующим признаком выступает специальная цель – уклонение от административного надзора. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314[1] Уголовного кодекса Российской Федерации» по этому поводу предлагается следующее разъяснение: «на наличие такой цели могут указывать фактические обстоятельства, свидетельствующие в каждом конкретном случае о намерении соответствующего лица препятствовать осуществлению контроля либо избежать контроля со стороны органов внутренних дел за соблюдением установленных ему судом административных ограничения или ограничений, указанных в ч. 1 ст. 4 Федерального закона об административном надзоре, а также за выполнением обусловленных этими ограничениями обязанностей, перечисленных в ч. 1 ст. 11 данного Федерального закона»[2].

Стоит подчеркнуть, что обозначенная цель совершения преступления существенно ограничивает пределы криминализации уклонения от административного надзора. Так, например, лицо, в отношении которого установлен административный надзор при освобождении из мест лишения свободы, может не прибыть без уважительных причин к избранному им месту жительства или пребывания в определённый администрацией исправительного учреждения срок, но без цели уклонения от административного надзора. Это возможно при самовольном избрании места жительства или места пребывания, отличного от заявленного в исправительном учреждении, но с последующей постановкой на учёт для дальнейшего административного надзора. В юридической литературе нередко отмечается избыточность данного признака.

---

[1] Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы» (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 11.04.2011. № 15. Ст. 2037.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314[1] Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 7.

В ч. 2 ст. 314[1] УК РФ регламентирован самостоятельный состав преступления, отличающийся признаками объективной и субъективной сторон. Для его наличия требуется:

а) неоднократное несоблюдение административных ограничения или ограничений, понятие которого раскрывается в примечании к ст. 314[1] УК РФ;

б) совершение данным лицом административного правонарушения против порядка управления (за исключением административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.24 КоАП РФ), либо административного правонарушения, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность, либо административного правонарушения, посягающего на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность, либо административного правонарушения, предусмотренного ч. 7 ст. 11.5, либо ст. 11.9, либо ст. 12.8, либо ст. 12.26 КоАП РФ.

При этом обязательным условием выступает сопряжённость первого обстоятельства со вторым.

Изложенные признаки объективной стороны в своём большинстве весьма обстоятельно рассмотрены в уголовно-правовой науке. Спорным как в теоретическом, так и практическом плане является вопрос о понимании признака сопряжённости. Как пишет З.Э. Эргашева, «вполне возможна ситуация, когда время несоблюдения административных ограничений не совпадает со временем совершения правонарушения, посягающего, например, на общественный порядок и общественную безопасность. При этом отрицать наличие оснований для привлечения лица к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 314[1] УК РФ было бы неразумно»[1].

В то же время, М.В. Бавсун и М.В. Вишнякова толкуют сопряжённость как временную и содержательную взаимосвязь. По их мнению, «административное правонарушение должно осуществляться в период несоблюдения лицом административных ограничений или ограничений, который обусловлен содержанием ограничения. Так, если не соблюдается ограничение в виде запрета на пребывание в определённых местах, то административное правонарушение должно быть совершено тогда, когда лицо находилось в запрещённом для посещения месте»[2].

Полагаем, что точку в этих спорах поставил Пленум Верховного Суда РФ, который в постановлении от «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314[1] Уголовного кодекса Российской Федерации», указал, что «несоблюдение установленных судом административных ограничения или ограничений следует считать сопряжён-

---

[1] Эргашева З.Э. Неоднократность и сопряжённость как признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ // Криминалистъ. 2016. № 1 (18). С. 116-119.

[2] Бавсун М.В., Вишнякова Н.В. Вопросы применения части 2 статьи 314[1] УК РФ // Законодательство и практика. 2015. № 1. С. 27-29.

ным с совершением перечисленных в ч. 2 ст. 314[1] УК РФ правонарушений (например, мелкое хулиганство, появление в общественных местах в состоянии опьянения), если эти действия осуществляются одновременно, в частности, указанные правонарушения совершаются во время нахождения лица, в отношении которого установлен административный надзор, в запрещённых для пребывания местах, посещения мест проведения массовых и иных мероприятий при наличии к тому запрета, пребывания вне жилого или иного помещения в запрещённое время суток»[1].

Однако, на наш взгляд, такое толкование неоправданно ограничивает пределы криминализации изучаемого общественно опасного деяния. Буквальное толкование уголовного закона не позволяет сделать вывод о том, что сопряжённость в ч. 2 ст. 314[1] УК РФ подразумевает исключительно одновременность.

Кроме того, сомнение в обоснованности изложенного толкования обостряется в свете изменений, внесённых в ч. 2 ст. 314[1] УК РФ, в 2017 г. Речь ведётся о расширении перечня административных правонарушений, сопряжённость с которыми неоднократного несоблюдения соответствующих административных требований, образует состав изучаемого преступления. В частности, данный перечень пополнен правонарушениями, связанными с управлением водным, воздушным или наземным транспортом в состоянии опьянения. Связь этих административных правонарушений с ограничениями, применяемыми к лицу в рамках административного надзора (запрещение посещения каких-либо мест, запрещение пребывания вне места жительства в определённое время и т.п.), не является прямой, что характерно, например, для случаев неоднократного нарушения запрета на посещение массовых мероприятий, сопряжённого с появлением в общественных местах в нетрезвом состоянии. Не логичной представляется взаимосвязь, например, факта управления транспортным средством в состоянии опьянения и пребывания в запрещённом месте или в запрещённое время. Имея в виду констатацию одновременности соответствующих актов поведения поднадзорного.

На основании изложенного считаем, что признак сопряжённости в составе преступления, предусмотренном ч. 2 ст. 314[1] УК РФ, необходимо понимать в смысле объединённости, не требующей буквальной одновременности. Например, достаточно, чтобы в течение одного года лицо было дважды привлечено к административной ответственности за несоблюдение административных ограничений, вновь допустило такой поступок и при этом совершило хотя бы одно из административных правонарушений, перечисленных в ч. 2 ст. 314[1] УК РФ.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314[1] Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 7.

С субъективной стороны преступление, установленное ч. 2 ст. 314^1 УК РФ, не характеризуется какими-либо обязательными признаками, кроме вины в виде прямого умысла. Мотивы и цели не влияют на квалификацию содеянного по ч. 2 ст. 314^1 УК РФ.

Уголовной ответственности как по ч. 1, так и по ч. 2 ст. 314^1 УК РФ, подлежит исключительно специальный субъект – им может быть только лицо, в отношении которого в момент совершения данного преступления действовал правовой режим административного надзора, установленный по судебному постановлению.

Кашкаров Алексей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Об актуальности административной преюдиции в уголовном праве России

Вопросы связанные с необходимостью изучения административной преюдиции являются острыми для современной теории уголовного права. Сам институт административной преюдиции не является новым для российской доктрины уголовного права, однако, при принятии Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года (далее – УК РФ) законодателем было принято решение об отказе от неё. Но по истечению пятнадцати лет Российский законодатель все чаще начинает использовать институт административной преюдиции для конструирования новых составов преступления, примером являются такие новеллы уголовного закона, как ст. 151.1 УК РФ (Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции); ст. 212.1 (Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования); ст. 264.1 УК РФ (Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию).

Целью возращения административной преюдиции в уголовное право России является оптимизация национальной уголовной политики в сфере предупреждения противоправного поведения, повышение эффективности общей и частной уголовно-правовой превенции, дифференциации юридической ответственности в зависимости от характеристики личности правонарушителя, установление более сурового юридического наказания за неоднократное совершение противоправного деяния.

Существование административной преюдиции в уголовном праве России подвергается систематически критики, как со стороны теоретиков,

так и со стороны практиков. В некоторых случаях критика правозащитников носит обоснованный характер, так например, в специальной литературе указывается на неоднозначные законодательные формулировки при описании сущности административной преюдиции в различных нормах Особенной части УК РФ, кроме этого теоретики уголовного права отмечают, что существование административной преюдиции недопустимо в условиях современной доктрины уголовного права[1]. Однако, административная преюдиция в уголовном праве России является законодательно устоявшимся фактом, что обуславливает её существование в правоприменительной практике.

Следует также упомянуть, что в последнее в время в литературе, всё чаще, встречается идея выделения уголовных проступков, природа, которых схожа с природой административной преюдиции[2], однако следует понимать, что уголовный проступок относиться к потенциально возможному законодательно закреплённому институту, а административная преюдиции фактически существующий институт.

Решения законодателя об использовании в УК РФ административной преюдиции как признака, конструирующего норму и проявляющего общественную опасность деяния, должны получить однозначный и системный характер, обеспечить выработку оптимальной модели взаимодействия норм административно деликтного и уголовного права.

Приведённое доказывает необходимость исследования административной преюдиции в уголовном праве России в историческом, теоретическом и прикладном аспектах для разработки эффективных мер реализации её в сложившейся правоприменительной практики.

Административная преюдиция в уголовном праве, неоднократность и множественность в уголовном праве выступали предметом диссертационных исследований И.О. Грунтова, Ч.Ф. Мустафаева, М.В. Плотниковой, П.Д. Фризен, Т.Г. Черненко, а также иных исследователей. Проблемам административной преюдиции посвящены труды Г.А. Аванесова, И.Б. Агаева, А.А. Агеева, Н.Б. Алиева, Ю.М. Антоняна, И.Г. Бавсун, М.В. Бавсуна, А.Г. Безверхова, П.П. Бобровича, В.Б. Боровикова, А.В. Денисова, М.В. Денисенко, Г.А. Есакова, А.Н. Игнатова, Е.С. Изумовой, А.И. Ильяшенко,

---

[1] Кибальник А.Г. Недопустимость административной преюдиции в уголовном законодательстве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 119-125; Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64-71; Халитов Р.К. Общественная опасность как основание криминализации деяния (в контексте криминализации деяний, обусловленных административной преюдицией) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 271-275.

[2] Кашкаров А.А., Игнатов А.Н., Волков Д.В. Уголовный проступок: некоторые аргументы «за» // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 4 (27). С. 282-286; Коробов П.В. Уголовный проступок: «за» и «против»//Правоведение. 1990. № 5. С. 90-96.

А.В. Кирина, М.И. Ковалева, В.И. Колосовой, И.И. Лапцевича, В.В. Лунеева, В.П. Малкова, И.И. Митрофанова, Е.В. Овечкеной, Ю.Е. Пудовочкина, Л.И. Романовой, А.И. Рарога, Э.Л. Сидоренко, Т.В. Серковой, С.М. Трейгера, Т.В. Устиновой, Н.И. Хавронюк, О.Е. Шишкиной, Е.В. Ямашевой и других авторов.

Однако, несмотря на определённого рода научный интерес к вопросам административной преюдиции в уголовном праве России комплексные и монографические исследования данного института уголовного права проводились в советский период, а именно диссертационное исследование И.О. Грунтова «Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией» (1985) и Ч.Ф. Мустафаева «Административная преюдиция в советском уголовном праве» (1986).

Приведённое свидетельствует о том, что комплексных исследований монографического уровня состояния, природы и перспектив административной преюдиции в современной теории уголовного права России не проводилось, что так же подчёркивает необходимость, актуальность и своевременность такого рода исследований.

Кузьмин Михаил Николаевич,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России

Следственные ситуации, возникающие в ходе раскрытия и расследования экономических преступлений

Подготовительный этап расследования разбираемых видов преступлений заключается в выборе подходящей типичной следственной ситуации. Содержание подобных ситуаций зависит от следующих обстоятельств:

- источник поступившей информации;
- ее вид;
- ее объём;
- события, являющиеся препятствием для получения первой необходимой информации.

Учитывая данные обстоятельства, можно выделить три основные следственные ситуации экономических преступлений:

1) поступление сообщения, в котором содержатся признаки преступного деяния. Лицо, потенциально совершившее данное деяние можно быть известным или неизвестным. Фактор неожиданности утерян, так как лицо уже знает о поступлении сообщения в правоохранительные органы, либо прошло достаточно времени для утери возможности поиска преступника по горячим следам.

2) Материалы поступили из другого органа на основе оперативной информации. Присутствует возможность реализации фактора внезапности, поскольку преступник мог не знать о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

3) Лица были задержаны с поличным во время совершения уголовно-наказуемого деяния.

Для полноценной криминалистической характеристики и выбора типичной следственной ситуации необходимо провести анализ поступивших материалов, где сотрудник следственного органа должен проверить:

- была ли предоставлена вся необходима документация, свидетельствующая о совершении деяния преступной направленности;
- являются ли данные документы подлинными, присутствует ли их копии;
- присутствуют ли объяснения, свидетельствующие о совершении преступного деяния.

Для того, чтобы выяснить, является ли данное деяние преступным, а также под какую норму Уголовного Кодекса оно подпадает необходимо использовать метод криминалистического сопоставленная. Данный метод заключается в схематическом сложении всех выявленных обстоятельств по совершенному деянию, их оценки и сбору в единый блок информации. Далее необходимо выяснить, как подобное деяние должно было совершаться в законном порядке, данные положения и обстоятельства собираются в другой блок информации. Заключительный этап предполагает сопоставление данных блоков, в результате которого можно выявить соответствующие нарушения, а также круг участников совершенного деяния.

При оценке следственных ситуаций экономических преступлений так же важно учитывать метод криминалистического анализа. С помощью него можно выяснить, какие нарушения были допущены каждым участником совершенного деяния. Осуществление данных видов преступлений зачастую происходит с участием нескольких лиц, у каждого из которых своя роль, данный метод несет важную роль при расследовании преступлений. Так первоначально можно оградить заинтересованных и незаинтересованных лиц; лиц, потенциально являющихся участниками совершенного деяния.

Выявление способа конкретного экономического преступления подразумевает использование сложившихся в науке и на практике следующих криминалистических методов:

- распознавание по типовым признакам;
- проведение ревизий и аудита;
- использование оперативно-розыскных средств;
- применение аналогии криминалистических методов.

Выбор будущих действий следователя зависит от приведенных выше типичных ситуаций. Первая ситуация имеется некую особенность в том,

что в большинстве случаев не удается использовать эффект неожиданности и реализовать соответствующие меры внезапно.

Таким образом, порядок действий будет составлен следующим образом:

- изъятие и анализ документов, имеющих значение для расследования уголовного дела;
- изъятие и анализ дополнительных материалов, которые не были подвержены первичной проверке;
- исследование документов;
- допрос лиц, имеющих информацию по делу;
- назначение ревизионных проверок, аудита и экспертиз для исследования документации;
- обыск помещений подозреваемых с целью изъятия документации, имеющей значения для расследования уголовного дела;
- наложение ареста на имущество подозреваемого.

Во второй ситуации, как уже сказано выше, у следственных органов появляется возможность использования фактора неожиданности. В этом случае первоначально используются иные меры по расследования преступления:

- задержание известного лица;
- обыск лица, обыск его места жительства и его рабочего места;
- осмотр документов, оценка их на предмет подделки;
- выемка документации, имеющей значения для расследования уголовного дела;
- осмотр полученной документации в ходе осуществления представленных выше мер;
- допрос лиц, имеющих информацию по делу;
- назначение ревизий, аудита и экспертиз.

Как мы видим порядок действий в данной следственной ситуации совсем иной. В первой ситуации не ведется речи о задержании подозреваемых, так как они неизвестны и по сути это была бы конечной стадией расследования при условии, что подозреваемые будут пойманы. Здесь же расследования, наоборот, начинается с их задержания, проведения в отношении их соответствующих следственных действий, а потом только ход расследование переходит на выемки и допросы свидетелей.

По способам и приемам, применяемых при расследовании третьей типичной следственной ситуации, имеется мало отличий по сравнению со второй следственной ситуацией. Итак, первоначально осуществляются следующие меры:

- проведение обыска лица, подозреваемого в совершении преступного деяния;

- обыск жилых помещений и места работы задержанного, предметом обыска, как правило, являются документы;

- оценка документов на предмет подделки;

- выемка документации, имеющей значения для расследования уголовного дела;

- осмотр полученной в ходе выемки документации;

- допрос лиц, имеющих информацию по делу.

- назначение ревизий, аудиторских проверок и соответствующих экспертиз.

В данной ситуации исключается планирования задержания подозреваемого, так как эта стадия уже реализована. При этом круг мероприятий сходна со второй следственной ситуацией.

Приведенные выше списки являются типовыми, при этом они не исключают возможность проведения дополнительных следственных действий. Так, например, может быть проведено следственное действие в виде предъявления для опознания, например, в случаях, когда в государственные органы обращаются подставные лица.

Также в науке стоит вопрос об обязательном включении в типовые списки переговоров. Это объясняется ростом телефонных звонков, и даже самые аккуратные преступники зачастую не учитывают данный момент. Рекомендуется контролировать телефоны не самого подозреваемого, так как он может иметь другой номер телефона, а его родственников, друзей, коллег и др.

Зачастую, решающее значение при расследовании данных видов преступлений имеет проведение судебных экспертиз. Так при осмотре и судебной экспертизе документов важно выявить, являются ли данные документы подделкой. Отдельные виды экспертиз посвящены изучению содержания документов, их сопоставлению с другими документами и др. Помимо экспертиз важное значение, конечно же, имеют ревизии и аудит.

В конечном итоге, наука криминалистики знает три типичные следственные ситуации, которые основывается на многолетних научных исследованиях и данных из практики. Для каждой из типичных следственных ситуаций сформулированы определенные мероприятия, которые могут дополняться, а иногда некоторые мероприятия могут исключаться.

Лапсарь Маргарита Владимировна,
курсант 3 курса факультета по подготовке
специалистов для органов предварительного
следствия и дознания
Краснодарского университета МВД России

Эксплуатация людей как вид уголовного правонарушения: вопросы уголовно-правового регулирования

Одна из самых распространённых на всех этапах человеческого развития, древнейшая, традиционная для абсолютно всех национальных групп и народов земного шара и, между тем, примитивнейшая форма применения физических данных, навыков и профессиональных умений людей – это эксплуатация труда. В данной статье мы рассмотрим её понятие и виды, дадим определение преступной эксплуатации человеческого труда, а также проанализируем состояние данного аспекта правоотношений в трудовом и уголовном законодательстве, которые имеют место на современном этапе развития российского законотворчества.

Актуальность выбранной темы исследования заключается в том, что в российском законодательстве не уделяется должный уровень внимания проблеме процветающей в нашей стране деятельности по использованию физических и интеллектуальных способностей человека с целью извлечения собственной выгоды, при которой происходит явное нарушение его конституционных прав.

Прежде чем перейти к рассмотрению вышеупомянутых задач, необходимо обратиться к положениям международного права, касающимся прав человека в области труда, его охраны и обеспечения. Один из основополагающих нормативно-правовых документов, используемых на международной арене в качестве регулятора трудовых отношений, и создающий единые нормы и принципы для всех правовых систем мира, Всеобщая декларация прав человека устанавливает, что:

1) «каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы» (п. 1 ст. 23);

2) «каждый человек, без какой-либо дискриминации, имеет право на равную оплату за равный труд» (п. 2 ст. 23);

3) «каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи, и дополняемое, при необходимости, другими средствами социального обеспечения» (ст. 23)[1].

[1] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года) // Противодействие торговле людьми: сб. нормативных правовых док. М., 2004.

Кроме этого существует ряд нормативно-правовых актов, принятых также на международном уровне, которые регламентируют принципы свободного труда и запрещают все формы эксплуатации физических, умственных или профессиональных качеств, навыков и умений человека. К нему относится: Конвенция относительно рабства (ООН, 1926 год), Протокол «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности» (ООН, 2000 год), Конвенция Международной организации труда № 29 и т.д. Несмотря на большое количество документов, призванных обеспечить исполнение принципов законности и справедливости в трудовых отношениях, в современном мире и, в частности, в нашей стране наблюдается развитие тенденции нарушения законодательства в сфере организации труда граждан. Наиболее часто оно нарушается в вопросах заработной платы, созданием нормальных условий труда, продолжительности рабочего времени.

Как мы видим, большинство случаев нарушения Трудового кодекса Российской Федерации связано с социально-экономическими правами трудящихся. При этом имеют место быть и игнорирование работодателями норм составления трудовых договоров, увольнении и принятии на работу, обеспечения права на отдых.

Данная тенденция развивается ни один год. Вновь обращаясь к статистике, приведём данные официального сайта Федеральной службы по труду и занятости. В ходе исследования были опрошены жители городов Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, а также Приморского, Ставропольского и Краснодарского краёв. На вопрос: «Нарушались ли Ваши права в сфере трудовой деятельности за последние 5 лет?» – более 57,3 % опрошенных ответили: «Да, нарушались», 24,1 % – ответили: «Нет, не нарушались», 19,6 % – затруднились ответить. При этом мужчины (62,0 %) и лица (мужчины и женщины) средней возрастной группы – 30–45 лет (58,2 %) – почти в два раза реже сталкивались с нарушениями своих трудовых прав[1].

Из перечисленных выше данных можно сделать два основных вывода. Во-первых, столь многочисленные факты нарушения принципов организации труда в нашей стране позволяют нам говорить о том, что законодательство отнюдь не совершено. Именно случаи его нарушения напрямую отражают не только уязвимые места в самом законе, но и в механизме наложения юридической ответственности за подобные правонарушения.

Во-вторых, что, по нашему мнению, несёт более опасный характер, многочисленные правонарушения в сфере труда, отсутствие серьёзного контроля со стороны правозащитных организаций и недостаточный уровень ответственности в конечном итоге может привести к формированию и развитию преступных форм противоправной эксплуатации труда.

[1] https://www.rostrud.ru (дата обращения 17.10.2019 г)

В юридической практике существует чёткое разграничение легальных форм трудовых правоотношений и преступной эксплуатации чужого труда. Оно основывается на совокупности признаков, свидетельствующих об использовании физических, умственных или интеллектуальных способностей или навыков работников с целью извлечения собственной выгоды или присвоение результатов чужого труда.

Уголовное законодательство даёт развёрнутое понимание «незаконности» как основного фактора использования человеческого труда. Она может проявляться как принуждение к запрещённому виду деятельности (например, подпольному труду), незаконного способа обеспечения трудовой занятости (в теневой экономике), нарушение условий труда. То есть при незаконном использовании человеческого труда происходит нарушение норм трудового, административного, миграционного, гражданского или уголовного законодательства.

Отличительной особенностью криминальной эксплуатации труда от некоторых других форм противоправных деяний в области трудовых отношений (к примеру, влекущих административную ответственность: ст. 3.10 КоАП, которая применяется при выдворении за пределы Российской Федерации незаконно работающего нелегального мигранта) является наличие определённых признаков:

1. Высокая степень общественной опасности;

2. Деятельность работодателя-эксплуататора направлена на собственные корыстные цели;

3. Отсутствие у работника выбора, состояние его несвободы и жизненной зависимости от работодателя-эксплуататора.

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что действия работодателя направлены на принуждение работника к труду в виде давления, угроз, насилия, шантажа в результате чего первый получает прибыль или достигает другой выгоды, а второй попадает в ситуацию, в которой вынужден согласиться на труд (другими словами, он не может избежать эксплуатации и соглашается «добровольно»).

В современном мире, как бы абсурдно и даже дико это не звучало, криминальная трудовая эксплуатация является обычной ситуацией для многих стран. Анализ уголовной практики показывает, что эта форма использования человеческого труда является наиболее распространённой в области преступлений, связанных с нарушением прав и свобод личности. В частности, очень часто совершаются подобные правонарушения в виде торговли людьми.

По результатам исследования правоприменительной практики, различные формы противоправной эксплуатации труда человека на террито-

рии нашей страны зафиксированы в следующих отраслях (в порядке убывания): 34,2 % – в сфере услуг и торговли, 24,3 % – в области строительства, 19,6 % – в сельскохозяйственном (аграрном) секторе, 16,4 % – в подпольном производстве контрафактной продукции (вещей, продуктов питания, медицинских препаратов и т. п.), 5,4 % – в домашнем, подсобном хозяйстве и др.

Однако, мы должны признать тот факт, что приведённые выше данные не могут в полной мере отразить всю полноту ситуации, которая разворачивается на рынке труда в нашей стране, так как они получены по результатам расследованных уголовных дел. Далеко не обо всех случаях преступной эксплуатации людей возбуждаются уголовные дела, без внимания остаются не только вышеуказанные области легальной экономики, но и традиционные околокриминальные сферы – к примеру, различные виды попрошайничества. Активно развивается эксплуатация людей в медицинских целях (незаконная трансплантация органов человека, принуждение к суррогатному материнству), в деятельности религиозных сект и объединений. Наиболее высокую степень общественной опасности на современном представляет использование человека в экстремисткой или террористической деятельности.

Данные преступления зачастую остаются латентными для широкой общественности, но их наличие свидетельствует о том, что преступность развивается не только как хорошо организованная, но и как транснациональная индустрия, в которой основным источником прибыли является использование навыков человека.

Основной проблемой в сфере борьбы с ней мы видим пробелы в отечественном законодательстве, которые значительно сужают возможности учёта и пресечения всех фактов эксплуатации человеческого труда. Также этому способствует небезупречная имплементация международных норм, дающих базовые принципы организации труда.

В российском законодательстве на сегодняшний день отсутствует достаточно отработанный понятийный аппарат, нет чётких дефиниций в уголовно-правовой криминологической доктрине. Например, в законодательстве нет чёткого понимания таких терминов, как трудовой эксплуатации человека, экономической эксплуатации, криминальной эксплуатации труда, принудительного труда, рабского труда, подневольного состояния.

В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1) В России отсутствует как таковая единая система учёта, контроля и проверки и регистрации случаев преступной эксплуатации человеческого труда;

2) Отсутствуют нормы, которые предусматривали бы уголовную ответственность за использование принудительного труда.

3) Не существует конкретного разделения признаков принудительного труда от рабского, вследствие чего огромный пласт преступлений остаётся без должного внимания.

Уголовный кодекс Российской Федерации в главе 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» предполагает уголовное наказание за торговлю людьми (статья 127.1) и за использование рабского труда (статья 127.2). Официально принудительный труд как форма эксплуатации человека, предполагающая принуждение к выполнению какой-либо деятельности под угрозой насильственного воздействия, запрещён статьёй 4 Трудового кодекса РФ, но в Уголовном законодательстве отсутствует норма, предполагающая юридическую ответственность за совершение данного деяния.

При этом рабский труд и принудительный труд имеют существенные различия. При использовании человека как раба обязательным признаком является наличие в отношении него осуществления право собственности виновным лицом, создание условий, при которой человек не в состоянии осуществлять свои конституционные права и отказаться от работы.

В этой связи полагаем необходимым дальнейшее исследование существующих подходов к трактовке понятия и признаков различных форм криминальной эксплуатации труда человека в целях более эффективного противодействия наиболее опасным формам криминальной эксплуатации труда человека: принудительного, рабского, в том числе обусловленного институтами и обычаями, сходными с рабством.

Так как данное деяние обладает всеми признаками состава преступления, характеризуется виновностью, общественной опасностью, считаем целесообразным внесение в Уголовный кодекс РФ изменений, касающихся криминализации использования принудительного труда. Аналогично с положениями статьи 127.2, данное правонарушение должно входить в группу преступлений, относящихся к преступлениям в сфере свободы, чести и достоинства личности, так как в данной ситуации человек, подверженный принудительному труду, претерпевает нарушение своих основных конституционных прав. Данное положение предлагается выделить в статью 127.3 «Использование принудительного труда», взяв за основу для диспозиции положения статьи 4 Трудового кодекса РФ.

Латышев Алексей Васильевич,
помощник начальника
Воронежского института МВД России
по правовой работе

Основные факторы, способствующие криминальной активности общественных и религиозных объединений (организаций) деструктивного характера, посягающих на права, свободы и законные интересы семьи и несовершеннолетних

С 90-х гг. прошлого столетия в Российской Федерации происходят коренные изменения не только в социально-экономической, политической, но и главным образом, в нравственно-духовной сфере жизни всего общества, и особенно в развитии подрастающего поколения. Специалисты практически едины во мнении о том, что в современной России не только активизировали криминальную деятельность ранее известные правоохранительным органам общественные и религиозные объединения (организации) деструктивного характера, посягающих на права, свободы и законные интересы семьи и несовершеннолетних, но и появляются новые объединения и организации, которые постоянно меняют формы и методы преступной деятельности, широко используют трансграничные и транснациональные криминальные связи, огромный потенциал информационных ресурсов глобальной сети Интернет для вовлечения граждан в преступную деятельность[1], причиняя тем самым серьезный материальный, физический и моральный вред конкретной личности, обществу и российскому государству в целом. Масштабы проблемы достаточно серьезные – начиная с распространения в сети Интернет «групп смерти» суицидальной тематики, Интернет-сообществ последователей идеологии движения «Колумбайн»[2] и культивирования криминальной молодежной субкультуры сторонниками «А.У.Е»[3], заканчивая деятельностью тоталитарных и оккультных религиозных сект (многие из которых признаны экстремистскими организациями и официально запрещены на территории России) и международных терро-

[1] См.: Осипенко А.Л., Соловьев В.С. Киберугрозы в отношении несовершеннолетних и особенности противодействия им с применением информационных технологий // Общество и право. 2019. № 3 (69). С. 24.

[2] См.: Карпов В.О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического МВД России. 2018. № 4 (34). С. 442.

[3] См.: Польшиков А.В., Буданова Е.А. Основные направления противодействия распространению криминальной субкультуры несовершеннолетних в современных условиях // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 2. С. 250.

ристических организаций (например, таких как «исламское государство»[1]). Во всех таких случаях объектом вовлечения становится наименее защищенная категория граждан – несовершеннолетние.

Немалую негативную роль в этих процессах отводится последовавшим после распада СССР необратимым процессам интеграции и миграции, и главное, повсеместной информатизации российского общества в XXI веке посредством внедрения в повседневную жизнь человека различных Интернет-технологий, которые кроме вполне очевидных позитивных результатов и возможностей (например, существенное расширение объемов доступности информации для ребенка при его обучении в различных образовательных организациях, возможность для детей заниматься научной и иной социально-позитивной деятельностью в виртуальном пространстве сети Интернет в любом регионе нашей страны) в ряде случаев приводит к бесконтрольному получению несовершеннолетними огромного объема искомой информации, которая может угрожать их нравственному и духовному развитию.

Подобная ситуация заставляет объединяться представителей научного сообщества с практиками для осуществления непрерывного мониторинга криминогенной ситуации с целью выявления и анализа основных факторов, способствующих росту таких криминальных проявлений для последующей оптимизации и совершенствования системы противодействия деятельности общественных и религиозных объединений (организаций) деструктивного характера. На основе проведенного изучения судебно-следственной практики (материалов уголовных дел, возбужденных по фактам совершения преступлений, предусмотренным ст.ст. 148, 239, 280, 282–282.3 УК РФ) и официальных данных уголовно-правовой статистики за 2015–2019 гг., опроса респондентов из числа сотрудников территориальных подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (далее – ПДН ОВД) как ключевого субъекта отечественной системы профилактики преступлений среди несовершеннолетних[2], а также анализа научных публикаций и иных информационно-аналитических материалов, опубликованных в открытом доступе правоохранительными органами и представителями российской и зарубежной общенности,

[1] Примечание: «Исламское государство Ирака и Леванта» – международная террористическая группировка запрещена в Российской Федерации, образована в 2006 г. в Ираке путем слияния радикальных исламистских группировок во главе с местным подразделением «Аль-Каиды» // Свободная энциклопедия «Википедия» [Электронный ресурс]. URL.:https://ru.wikipedia.org (дата обращения: 12.05.2019)

[2] Примечание: с января 2018 года по сентябрь 2019 года было опрошено 115 сотрудников ПДН ОВД из 34 регионов Российской Федерации, проходивших обучение на факультете заочного обученияи повышение квалификации на факультете переподготовки и повышения квалификации Воронежского института МВД России, из них 26 начальников ПДН ОВД со стажем профессиональной деятельности в занимаемой должности более 15 лет.

касающейся темы исследования, выявлены основные негативные факторы, способствующие криминальной активности общественных и религиозных объединений (организаций) деструктивного характера**,** посягающих на права, свободы и законные интересы семьи и несовершеннолетних с учетом современных реалий и угроз безопасности:

1) Отсутствие действенного организационно-правового механизма противодействия криминальной деятельности религиозных объединений (организаций) деструктивного характера в информационном пространстве глобальной компьютерной сети Интернет. Проблемам заключается в том, что в нашей стране до сих пор не разработан и не принят соответствующий Федеральный закон «О правовом регулировании сети Интернет на территории Россиской Федерации», в котором должен быть предусмотрен механизм обязательной идентификации данных о физических и юридических лицах надзирающими и контролирующими государственными органами в случаях получения ими доступа к ресурсам информационно-телекоммуникационной сети Интернет (по примеру успешного внедрения электронной системы «Госуслуги»). Это позволит исключить анонимность коммуникации между организаторами и активными участниками деструктивных общественных и религиозных объединений (организаций), сократить масштабы пропаганды и реальные объемы их финансирования, предупредить совершение ими фактов вовлечения взрослых и несовершеннолетних в криминальную деятельность.

2) Недостатки информационно-аналитического взаимодействия между субъектами системы профилактики рассматриваемых преступлений. Практика показывает, что в каждом субъекте Российской Федерации имеется положительный опыт реализации общих и специальных мер предупреждения фактов вовлечения несовершеннолетних и их родителей в криминальную деятельность общественных и религиозных объединений (организаций) деструктивного характера, который в ряде случаев остается неизученным в других регионах. Имеющийся в субъектах региональный опыт организации профилактической деятельности, включая подготовку кадров и проведения на регулярной основе совещаний, необходимо своевременно систематизировать и, безусловно, в дальнейшем активно использовать в процессе повышения уровня профессиональной подготовки сотрудников полиции и представителей других субъектов профилактики, многие из которых в принципе не знакомы с существованием самой проблемы криминальной активности общественных и религиозных объединений (организаций) деструктивного характера, посягающих на права, свободы и законные интересы семьи и подростков.

В подтверждение приведем данные опроса сотрудников ПДН ОВД. Так, в ходе опроса респондентам были задан вопрос «Приходилось ли Вам сталкиваться с фактами вовлечения несовершеннолетних и их родиетелй в криминальную деятельностью общественных и религиозных объединений

(организаций) деструктивного характера, посягающих на права детей и интересы семьи?», на который были получены следующие варианты ответов: а) «да» – ответили 65% опрошенных респодентов; б) «нет» – 35% опрошенных респодентов. На вопрос «Обсуждалась ли рассматриваемая проблема на местном или региональном уровне?» респонденты ответили следующим образом: а) «да, на рабочих совещаниях при руководстве территориального ГУ (У) МВД России» – 20%; б) «да, в рамках совместных межведомственных совещаний» – 10%; «да, в рамках обсуждений на научных конференциях, семинарах и круглых столах» – 10%; «нет» – 60%. На вопрос «Предлагались ли Вам на региональном или федаральном уровнях для практического применения методические рекомендации, раскрывающие алгоритм действий при выявлении несовершеннолетних, подверженных криминальному влиянию общественных или религиозных объединений (организаций) деструктивного характера?» 100% респондентов ответили утвердительно «нет». При этом необходимо учитывать, что в любой момент масштаб проблемы и география распространения рассматриваемой криминальной угрозы со стороны общественных и религиозных объединений (организаций) деструктивного характера под влиянием негативных факторов может значительно расшириться (яркий пример – феномен роста в период 2015–2019 гг. среди несовершеннолетних числа совершаемых криминальных суицидов и расширения масштабов культивирования криминальной субкультуры «А.У.Е.» после активизации деятельности преступников с посредством использования сети Интернет). В этой связи для скорейшего решения проблемы повышения эффективности системы мер противодействия криминальной активности общественных и религиозных объединений (организаций) деструктивного характера, посягающих на права, свободы и законные интересы семьи и несовершеннолетних предлагается разработать и внедрить на практике межведомственные медотические рекомендации «Особенности профилактики, выявления, рыскрытия и расследования фактов вовлечения несовершеннолетних в деятельность общественных и религиозных объединений (организаций) деструктивного характера».

3) Проблемы организации ранней профилактики фактов вовлечения несовершеннолетних и их родителей в криминальную деятельностью общественных и религиозных объединений (организаций) деструктивного характера, посягающих на права детей и интересы семьи, связанные с низким уровнем правовой культуры и правосознания подростков. Данный фактор является традиционным в группе криминогенных факторов совершения преступлений как несовершеннолетними, так и против самих подростков. Соглашаются с этим утверждением и сотрудники территориальных ПДН ОВД. Так, на предложенный вопрос «Как в целом Вы оцениваете работу, проводимую сегодня в целях профилактики преступлений против интересов семьи и несовершеннолетних, связанных с вовлечением

несовершеннолетних и их родителей в деятельность общественных и религиозных объединений (организаций) деструктивного характера?» получены следующие варианты ответов: а) «проводимая работа лишь в небольшой степени способствует предотвращению рассматриваемых преступлений» – положительно ответили 70% респодентов; б) «существенно способствует предотвращению рассматриваемых видов преступлений» – ответили 30% респондентов.

На вопрос «Какой ключевой фактор, по Вашему мнению, способствует вовлечению несовершеннолетних в криминальную деятельность общественных и религиозных объединений (организаций) деструктивного характера?» респонденты ответили следующим образом: а) «неопытность, доверчивость подростков» – положительно ответили 36% опрошенных респондентов; б) «упущения в проведении на системной основе правового информирования подростков и их родителей со стороны сотрудников различных правоохранительных органов, общественности, педагогов, психологов и других субъектов системы профилактики преступлений несовершеннолетних» – 34% опрошенных респондентов; в) «подверженность чужому влиянию (конформность)» – положительно ответили 20% опрошенных респондентов; г) «психофизиологические особенности возраста, связанные с повышенной виктимостью несовершеннолетних» – только 10%.

При этом на вопрос «Какая форма профилактического воздействия, закрепленные в Федеральном законе ”Об основах системы профилактики правонарушений и преступлений в Российской Федерации” от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ, на Ваш взгляд, наиболее эффективна на практике для противодействия фактам вовлечения несовершеннолетних в деятельность общественных и религиозных объединений (организаций) деструктивного характера?» получены следующие варинаты ответов: а) «правовое просвещение и правовое информирование» – положительно ответили 50% опрошенных респондентов; б) «профилактическая беседа» – положительно ответили 28% опрошенных респондентов; в) «профилактический учет» – положительно ответили только 22% опрошенных респондентов. В качестве наиболее эффективных методов индивидуально-профилактической работы респонденты утвердительно выделили: а) «предупреждение о последствиях» – приоритет отдали 47% респондентов; б) «убеждение» – 23% респондентов; в) «стимулирование правомерного поведения» – положительно ответили 20% респондентов; г) «общественное воздействие» – только 15% респондентов.

Вышесказанное доказывает тезис о необходимости активизации ранней профилактической работы с несовершеннолетними и их родителями, педагогами и представителями администрации различных дошкольных учреждений и общеобразовательных организаций с обязательным привлечением общественности и традиционных религизных конфессий при соблюдении положений Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-

ФЗ (в ред. от 01.05.2019) «О свободе совести и о религиозных объединениях», Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. от 28.11.2018), Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 26.07.2019) и других нормативных правовых актов.

Лещенко Владимир Павлович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Проблемы установления момента окончания мошенничества, совершаемого с использованием электронных средств платежа

Развитие рынка цифровых товаров и услуг, обусловило появление целого ряда альтернативных платежных средств, обладающих качеством меновой стоимости. Ввиду широкого распространения биткоина среди криптовалют и отсутствия существенных различий, в первую очередь в правовом регулировании, понятия «биткоин» и «криптовалюта» рассматриваются в рамках настоящей статьи как синонимичные.

Следует отметить, что на сегодняшний день отечественный законодатель очень настороженно относится к определению правового статуса криптовалютам.

Действительно, если разбираться с правовым статусом криптовалют, то с точки зрения действующего законодательства очень сложно подобрать подходящее для них регулирование и тем самым определить их правовую природу. Биткоин не может быть признан электронными денежными средствами, определение которых дано в п. 18 ст. 3 Федерального закона «О национальной платежной системе»[1] (далее ФЗ № 161-ФЗ), так как по нему отсутствует оператор, который может контролировать и обслуживать рассматриваемый вид валюты. Также криптовалюты не подпадают под определение платежной системы.

Трудности с определением правовой природы криптовалют также сопряжены с определением предмета уголовно-правовой охраны. Исходя из проведенного анализа и учитывая вышеизложенное, криптовалюты, в том числе биткоин, можно признать предметом преступлений против собственности только в качестве «иных действий имущественного характера», заключающихся в передаче биткоинов от одного лица другому. Этот вид предмета преступления охраняется только ст. 163 УК РФ (вымогатель-

[1] Федеральный закон от 27 июня 2011 г. №161-ФЗ (в ред. ФЗ от 2 августа 2019г. №264-ФЗ) «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

ство). Предметом преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ (мошенничество), ст. 159^3 УК РФ (мошенничество с использованием электронных средств платежа) и ст. 159^6 (мошенничество в сфере компьютерной информации), криптовалюты являться не будут. На наш взгляд, такую ситуацию следует рассматривать как одну из проблем уголовного права, требующую своего решения как на уровне правового статуса (режима) в гражданско-правовом значении, так и в роли предмета преступлений, посягающих на собственность.

В силу обязательственно-правовой природы для защиты от противоправных посягательств на собственность криптовалюты, а также денежные единицы платежных систем, не признаваемых ФЗ № 161-ФЗ в качестве электронных денежных средств, с учетом положений ст. 128 ГК РФ в контексте предмета преступлений против собственности предлагаем относить к имущественным правам. Присвоение криптовалютам данного статуса возможно путем внесения изменений в существующее Постановление Пленума ВС РФ, разъясняющее судам особенности привлечения к уголовной ответственности по делам о мошенничестве, присвоении и растрате от 30.11.2017 № 48.

В случае придания криптовалютам статуса имущественного права их можно будет признать предметом преступлений, предусмотренных следующими статьями УК РФ: 159 (мошенничество); 159^3 (мошенничество с использованием электронных средств платежа); 159^6 (мошенничество в сфере компьютерной информации); 163 (вымогательство), – в качестве права на имущество.

Ввиду относительно высокой разработанности зарубежных технологических и правовых механизмов наиболее яркие преступные деяния в области криптовалюты известны практике иностранных государств.

Так, в конце 2017 года в Буэнос-Айресе обнаружилось, что в местной сети кофеен Starbucks осуществлялись так называемые атаки «Man-in-the-Middle»[1].

Иными словами, злоумышленники перехватывают незащищенный трафик, проходящий через точки доступа в публичный wi-fi, и вставляют в него криптоджекинг-скрипты, позволяющие осуществлять скрытый майнинг криптовалюты при помощи подключившихся к общественной сети устройств.

Очевидно, что перехват трафика предполагает получения доступа к информации, поэтому в данном случае «напрашивается» квалификация по ст. 272 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации.

---

[1] Шендяпин А.С., Петров И.С. Исследование методов проведения атаки Man-in-the-Middle в программно-конфигурируемых сетях // Программные системы и инструменты. Тематический сборник Т.17. М.: МАКС Пресс Москва, 2017. С. 75-84.

Однако квалификация по ст. 272 УК РФ в рассматриваемой ситуации невозможна по причине того, что предметом преступления является именно компьютерная, а не цифровая информация и деяние считается преступным только если повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации. При скрытом майнинге ничего из названного может не происходить.

И что же получается законодатель разрешает осуществлять скрытый майнинг, используя чужие девайсы?

Видится, что действия злоумышленников можно квалифицировать как причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана (ст. 165 УК РФ).

С этой точки зрения показателен отечественный пример скрытого майнинга. Так, в середине декабря 2017 года правоохранительные органы задержали системного администратора Центра управления воздушным движением в подмосковном аэропорту Внуково[1]. Он на рабочем месте собрал ферму для майнинга криптовалюты и подключил ее к электросети. Подозрения руководства центра вызвали скачки напряжения в сети, и оно обратилось в ФСБ.

И в аргентинской кофейне, и в российском аэропорту процесс майнинга связан с расходованием дополнительной электроэнергии, что и будет являться имущественным ущербом.

Уголовная ответственность по ст. 165 УК РФ наступит лишь в том случае, если удастся доказать, что злоумышленники потребили электричество на сумму более 250 000 рублей.

Нередко майнинг криптовалют, требование передать криптовалюту, тайное и иные виды хищения криптовалюты осуществляются путем использования определенных вредоносных компьютерных программ (черви, троянские кони, кейлоггеры, руткиты и др.).

В таком случае злоумышленники совершают преступление, предусмотренное ст. 273 УК РФ («Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ»).

Состав преступления, предусмотренный ст. 273 УК РФ, также будет вменяться и тем лицам, которые незаконно требуют передать чужие криптовалюты, используя при этом DDoS-атаки. Несмотря на то, что действующее законодательство и отсутствие какой-либо позиции Верховного Суда РФ не позволяют должным образом оценить эти деяния как вымогательство – поскольку угроза уничтожения компьютерных систем не является признаком этого преступления – в судебной практике встречаются приговоры, в которых требования передачи имущества под угрозой со-

[1]ФСБ арестовала сисадмина аэропорта «Внуково» за майнинг криптовалюты // https://safe.cnews.ru/news/top/2017-12-15_sisadmin_aeroporta_vnukovo_majnil_kriptovalyutu (дата обращения: 18.02.2019)

вершения DDoS-атаки оценивались как совокупность вымогательства (ст. 163 УК РФ) и использование вредоносных программ (ст. 273 УК РФ)[1].

Комиссия по ценным бумагам и биржам США совместно с ФБР достаточно давно занимается расследованием ситуаций с распространенными схемами Pump&Dump (P&D) в области криптовалют[2].

Схема заключается в следующем. Трейдеры объединяются в группы в Telegram или Discord, число членов которых достигает нескольких тысяч человек. Затем они выбирают определенную криптовалюту, не имеющую особой ценности и перспектив (такие криптовалюты называют «shitcoin») и начинают одновременно скупать ее, тем самым искусственно взвинчивая курс. Это приводит к тому, что в эту валюту вкладываются жертвы злоумышленников и безвозвратно теряют вложенное.

Не вызывает никаких сомнений обоснованность квалификации описанной схемы по ст. 159 УК РФ - мошенничество. Хищение денежных средств (именно денежных средств, а не криптовалюты) происходит путем введения лиц в заблуждение относительно перспективности и реальной ценности криптовалюты.

Статья 185^3 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за манипулирование рынком. И, казалось бы, описанный нами выше пример – это классический пример манипулирования рынком.

Более того, еще в 2000 году ФКЦБ прямо называет схему Pump&Dump как вид рыночной манипуляции. Однако диспозиция статьи сформулирована таким образом, что для квалификации названной схемы в сфере криптовалют по ст. 185^3 УК РФ необходимо установить, что криптовалюта является финансовым инструментом, иностранной валютой или товаром, чего из ФЗ «О рынке ценных бумаг»[3] от 22.04.1996 №39-ФЗ не следует.

И вот тут мы приближаемся к главному вопросу – хищение криптовалюты не юридический оксюморон. Популярным способом хищения криптовалюты является технология фишинга (phishing), не предусматривающая контакта злоумышленника и жертвы, в основе которой находится рассылка писем на электронную почту владельцев криптовалюты о том, что они якобы стали победителями какой-либо акции. Если владелец переходит на свой кошелек по ссылке, отраженной в этом письме, его данные отсылаются злоумышленникам. Далее единицы криптовалюты потерпевшего без его ведома перемещаются на электронные кошельки, подкон-

[1] Приговор Хорошевского районного суда города Москвы от 01.12.2014 по делу № 1-587/2014 г.

[2]Уголовная ответственность в области криптовалют в Российской Федерации // https://cryptochan.org/stream/id/1552287600/ (дата обращения: 18.08.2019).

[3] Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (в ред. ФЗ от 2 августа 2019 г. №259-ФЗ) «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

трольные виновным, причем нередко производится коррекция страниц с историей доступного баланса с целью скрыть хищение.

В науке уголовного права существует достаточно популярное мнение, что предметом преступлений, закрепленных в главе 21 УК РФ - преступления против собственности, является имущество или право на имущество. При этом понятие предмета посягательства рассматривается в полном соответствии со ст. 128 ГК РФ и якобы криптовалюта не является объектом гражданских прав, и, следовательно, не может являться предметом хищений.

Не позволяя себе согласиться с высказанной точкой зрения, отметим, что подобный подход оставляет, очевидно, противоправные действия без надлежащей реакции со стороны государства.

Ключевым аргументом нашей позиции является решение Девятого арбитражного апелляционного суда г. Москвы, который признал криптовалюту имуществом, обязав должника передать конкурсному управляющему доступ к криптокошельку, чтобы включить его в конкурсную массу[1].

В связи с вышесказанным хищение криптовалюты является преступлением и подлежит квалификации с учетом иных элементов составов преступлений и может быть квалифицировано по ст. 158 УК РФ, ст. 159 УК РФ, ст. 160 УК РФ, ст. 162 УК РФ и т.д.

В заключение хочется отметить, что разработка правовых механизмов в области криптовалюты нужна, как минимум для того, чтобы облегчить процедуру доказывания и расширить возможный инструментарий правоприменителя по привлечению «криптозлоумышленников» к уголовной ответственности.

Лукашов Алексей Ильич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права юридического факультета
Белорусского государственного университета

О корректировке уголовной политики белорусского государства в сфере противодействия экономическим преступлениям

Потребности развития экономики, для удовлетворения которых приходится отказываться от апробированных практикой различного рода ограничений и барьеров, излишнего правового регулирования хозяйственной и иной экономической деятельности, заставляют государство искать и находить резервы для достижения экономического роста, в том числе в сфере, связанной с уголовной политикой противодействия экономическим

[1] 9-й ААС признал криптовалюту имуществом // https://pravo.ru/story/202325/ (дата обращения: 18.08.2019).

преступлениям (преступления против порядка осуществления экономической деятельности), предусмотренным гл. 25 УК Республики Беларусь.

Нестабильность мирового экономического рынка, в немалой степени связанная с непредсказуемой и не согласующейся с утвердившимися правилами международных отношений политикой отдельных крупных государств, понуждает другие государства и, Республика Беларусь, не является исключением, к принятию неординарных решений, затрагивающих и сферу уголовной ответственности. Кто-то оценивает такой подход к корректировке уголовной политики как прагматизм[1]. Представители законодательной власти белорусского государства определяют его как меры, направленные на более либеральные рыночные условия для бизнес-сообщества[2], как отказ от применения государством мер уголовной ответственности за несущественные ошибки субъектов малого и среднего бизнеса, включая и декриминализацию немалого числа деяний, оценка величины общественной опасности которых в современных условиях оказалась завышенной[3].

В Декрете Президента Республики Беларусь от 23.11.2017 № 7 «О развитии предпринимательства» (далее – Декрет № 7) формулировалась задача изменения уголовной политики таким образом, чтобы она не ставила препятствий для развития предпринимательской инициативы, оказывала стимулирующее воздействие на деловую активность и создание благоприятного правового режима для развития бизнеса. В этих целях уполномоченным государственным органам поручалось разработать проект закона о внесении изменений в УК, обеспечив в нем корректировку мер уголовной ответственности, предусмотрев:

- максимальный отказ от назначения наказания в виде лишения свободы за совершение экономических преступлений;

---

[1] Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Об отсутствии конкуренции уголовно-политических идей в российском политическом пространстве // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 21 сент. 2018 г.: в 2 т. / редкол.: А.Л. Осипенко, К.В. Вишневецкий, И.А. Паршина, В.С. Соловьев, П.В. Максимов, А.З. Хун. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. Т. I. С. 15.

[2] Завершила работу пятая сессия Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь шестого созыва // Официальный сайт Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь шестого созыва. URL: http://sovrep.gov.by/ru/news-ru/view/zavershila-rabotu-pjatajasessija-soveta-respubliki-natsionalnogo-sobranija-respubliki-belarus-shestogo-13190-2018/ (дата обращения: 11.07.2019).

[3] Выступление Председателя Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь Андрейченко В.П. на закрытии пятой сессии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь шестого созыва // Официальный сайт Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь шестого созыва. URL: http://www.house.gov.by/ru/news-ru/view/20-dekabrja--goda-sostojalos-zakljuchitelnoe-zasedanie-pjatoj-sessii-palaty-predstavitelej-natsionalnogo-59427-2018/ (дата обращения: 11.08.2019).

- перевод отдельных составов экономических преступлений[1] из категорий тяжких или менее тяжких в категории менее тяжких или не представляющих большой общественной опасности соответственно с учетом объективной общественной опасности совершения таких преступлений;

- минимизацию количества деяний с формальными составами;

- максимальный отказ от рассмотрения в отношении экономических преступлений такого обстоятельства, как «совершение преступления группой лиц или организованной группой», в качестве квалифицирующего признака, влекущего повышенную уголовную ответственность;

- увеличение крупного и особо крупного размеров ущерба, влекущего более строгую ответственность;

- исключение использования неоднозначных и оценочных определений в рамках уголовного законодательства[2].

Приведенные выше и иные разработанные в рамках реализации этого декрета Главы государства инициативы, направленные на корректировку уголовной политики противодействия экономическим преступлениям, нашли воплощение в Законе от 09.01.2019 № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» (далее – Закон № 171-З), вступившего в силу с 19.07.2019[3].

Надлежит выделить несколько направлений корректировки этой политики.

Понижение уровня пенализации экономических преступлений.

Смягчение наказуемости экономических преступлений было осуществлено с использованием нескольких способов.

Наиболее всеохватывающим явилось введение ч. 2 в примечания к гл. 25 УК, согласно которой наказание в виде лишения свободы не может быть назначено впервые осуждаемому лицу, совершившему не представляющее большой общественной опасности или менее тяжкое преступление против порядка осуществления экономической деятельности (за исключением контрабанды, незаконных экспорта или передачи в целях экспорта объектов экспортного контроля, легализации средств, полученных преступным путем). Данные нормы распространены на лиц, совершающих преступления, предусмотренные 31 статьей гл. 25 УК (91, 2% от числа всех статей этой главы, в санкциях которых предусмотрено лишение свободы), но не могут применяться в отношении тяжких преступлений, предусмотренных 12 статьями гл. 25 УК (34, 3% от числа всех статей этой главы).

На наш взгляд, приведенные нормы о неприменении лишения свободы к лицам, впервые совершившим указанные экономические преступления, едва ли согласуются с принципом равенства перед законом (ч. 3 ст. 3

---

[1] Правильнее говорить в данном контексте не о составах экономических преступлений, а о видах экономических преступлений (*примеч. авт.*).

[2] Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2017. 1/17364.

[3] Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2019. 2/2609.

УК) и одним из общих начал назначения наказания, предусмотренных в ч. 2 ст. 62 УК: «наказание в виде лишения свободы может быть назначено лишь при условии, что цели уголовной ответственности не могут быть достигнуты применением более мягкого наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса» (схожую норму см. в ч. 1 ст. 60 УК РФ).

Не сделав в ч. 2 ст. 62 УК оговорку о неприменении этого общего начала назначения наказания в случае, предусмотренном в Особенной части УК, законодатель поставил под сомнение возможность применения специального правила назначения наказания в виде лишения свободы, изложенного в Особенной части УК, противоречащего общим началам назначения наказания, закрепленным в Общей части УК и имеющим приоритет над нормами Особенной части УК. К сожалению, в Решении Конституционного Суда от 28.12.2018 № Р-1165/2018 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь»[1] отсутствуют какие-либо указания по поводу несогласованности в исследуемой части норм Общей и Особенной частей УК.

Снижение уровня наказуемости экономических преступлений проявилось также в исключении из белорусской системы наказаний конфискации имущества как вида дополнительного наказания, что было сделано в Российской Федерации еще в 2003 г. Данное законодательное решение, хотя и не было предусмотрено в Декрете № 7, вполне сопрягается с общей направленностью государства на реализацию указанных выше целей, а также принципа справедливости уголовного закона и уголовной ответственности, распространяющего свое действие не только на назначение наказания и иных мер уголовной ответственности, но и на установление государством мер уголовной ответственности в уголовном законе (ч. 6 ст. 3 УК).

Ориентируясь на выполнение принципа соразмерности (пропорциональности) мер уголовной ответственности целям, преследуемым применением уголовной ответственности, имея в виду необходимость обеспечения баланса конституционно защищаемых интересов таким образом, чтобы лицо, совершившее преступление, не подвергалось чрезмерному обременению, а меры уголовной ответственности были соразмерны и адекватны вреду, причиняемому преступлением, законодатель снижает размер санкций за совершение ряда экономических преступлений (ч. 4 ст. 212, ч. 2 ст. 226^2, ч. 1 ст. 233, ч. 1 ст. 240, ч. 1 ст. 258 УК). Такое законодательное решение привело к переводу части этих преступлений из категории менее тяжких в категорию преступлений, не представляющих большой общественной опасности, расширив тем самым возможности освобождения

[1] Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2019. 6/1687.

лиц, их совершивших, от уголовной ответственности, а также положительного решения иных уголовно-правовых вопросов (давность, амнистия и др.).

Наказуемость отдельных экономических преступлений была снижена и путем перевода отдельных отягчающих обстоятельств в разряд признаков преступления, предусмотренного основным составом с его более мягкой санкцией, исключения некоторых отягчающих обстоятельств из числа признаков преступлений с квалифицированным составом, увеличения пороговых значений размера дохода, ущерба как признаков основного состава преступления.

Имело место расширение оснований к освобождению от уголовной ответственности. В ст. 252 УК «Коммерческий подкуп» включено примечание, согласно которому лицо, предоставившее незаконное вознаграждение, подлежит освобождению от уголовной ответственности, если в отношении его имело место вымогательство такого вознаграждения, либо если это лицо после предоставления вознаграждения добровольно заявило о содеянном и активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления.

Декриминализация.

Законом № 171-З произведена масштабная полная или частичная декриминализация немалого числа деяний, предусмотренных в гл. 25 УК в качестве экономических преступлений.

В статьях этой главы УК крупный и особо крупный размер во многих случаях предусмотрены в качестве нижней границы, достижение которой придает деянию статус преступления. Подняв этот порог для большинства экономических преступлений (см. ч. 1 примечаний к гл. 25 УК), законодатель перевел их в разряд административных правонарушений или деяний, могущих влечь только гражданско-правовую и (или) дисциплинарную ответственность.

Декриминализация осуществлена также путем исключения из гл. 25 УК ст. 224, 232, 234, 244, 249, устанавливавших уголовную ответственность соответственно за нарушение порядка открытия счетов за пределами Республики Беларусь, воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, лжепредпринимательство, нарушение антимонопольного законодательства, дискредитацию деловой репутации конкурента.

Частичной декриминализации была подвергнута незаконная предпринимательская деятельность (ст. 233 УК). Независимо от размера дохода от предпринимательской деятельности без регистрации в установленном законодательными актами порядке или осуществлявшейся вопреки запрету, установленному законодательными актами, такая деятельность с 19.07.2019 стала влечь только административную ответственность. Вместе с тем сохранена уголовная ответственность за предпринимательскую деятельность, осуществляемую без специального разрешения (лицензии), когда такое специальное разрешение (лицензия) обязательно, сопряженную с

получением дохода как минимум в крупном размере. Повышением порогового значения крупного размера дохода и этот вид незаконной предпринимательской деятельности также был подвергнут частичной декриминализации.

Неприменение законодателем полной декриминализации предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии), когда такое специальное разрешение (лицензия) обязательно, представляется спорным, едва ли согласующимся с указанным выше принципом соразмерности (пропорциональности) мер уголовной ответственности. Осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) нарушает установленный порядок занятия предпринимательской деятельностью, однако общественная опасность такого нарушения, на наш взгляд, находится на уровне общественной опасности административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.7 КоАП. Получение от такой деятельности дохода как минимум в крупном размере (криминообразующий признак преступления, предусмотренного ст. 233 УК) не повышает уровень ее общественной опасности. Полагаем, что криминализация такой деятельности допустима лишь при условии наступления последствий, выражающихся в причинении существенного вреда здоровью человека, его жизни, иным правам и законным интересам граждан, окружающей среде, государственным или общественным интересам.

Осуществлена частичная декриминализация нарушения правил о сделках с драгоценными металлами и (или) драгоценными камнями (ст. 223 УК), невозвращения из-за границы валюты (ст. 225 УК), незаконных использования либо разглашения сведений, внесенных в реестр владельцев ценных бумаг, или информации о результатах финансово-хозяйственной деятельности эмитента ценных бумаг (ст. 226^1 УК), уклонения от уплаты таможенных платежей (ст. 231 УК), а также ряда иных экономических преступлений.

В литературе отмечалось, что увеличение крупного и особо крупного размеров сделки, ущерба, доходов, наживы, определяющих условия уголовной ответственности за экономические преступления, а также иные меры по полной или частичной декриминализации экономических преступлений способны привести к уменьшению показателей преступности и судимости[1]. Первые три месяца применения Закона № 171-З подтверждают этот вывод: согласно данным Следственного комитета Республики Бела-

[1] Лукашов А. Уголовный закон как регулятор имущественных отношений и хозяйственной деятельности: новеллы 2019 года // Юстиция Беларуси. 2019. № 3. С. 29.

русь, количество возбужденных уголовных дел об экономических преступлениях уменьшилось на 17%[1].

Усиление (расширение) мер уголовной ответственности.

Законодатель расширил сферу применения штрафа как дополнительного наказания, что согласуется с Концепцией совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 № 672, в подпункте 16.5 пункта 16 которой предусматривалось создание условий для расширения применения штрафа в качестве основного и дополнительного наказаний[2]. В качестве дополнительного наказания к лишению свободы штраф был введен в санкции соответствующих частей шести статей гл. 25 УК вместо дополнительного наказания в виде конфискации имущества, которое, как указано выше, исключено из уголовного закона.

Изложив в новой редакции ст. 252 УК, законодатель расширил сферу применения уголовной ответственности за коммерческий подкуп в активной и пассивной форме путем криминализации действий лиц, выполняющих работы или оказывающих услуги индивидуальному предпринимателю или юридическому лицу по гражданско-правовому договору, выражающихся как в предоставлении названным лицам, так и в получении ими незаконного вознаграждения.

Впервые введена уголовная ответственность за несообщение информации о возникновении обстоятельств, влекущих прекращение кредитования или субсидирования, повлекшем причинение ущерба в крупном размере (ст. 257 УК).

Расширение сферы применения специальной конфискации.

По смыслу введенной в ст. 46 УК части 2 специальная конфискация не относится к мерам уголовной ответственности. Перечень предметов специальной конфискации, подлежащих принудительному безвозмездному изъятию в собственность государства, и указание о взыскании в бюджет денежной суммы, соответствующей стоимости имущества, добытого преступным путем или приобретенного на средства, добытые преступным путем, и (или) размеру дохода, полученного от использования этого имущества, содержащиеся в ст. 46^1 УК, свидетельствует о том, что специальная конфискация является принудительной мерой уголовно-правового воздействия. В этом качестве специальная конфискация, предусмотренная белорусским УК, во многом схожа с конфискацией имущества, еще в 2006 г. нашедшей закрепление в ст. 104.1 УК РФ.

---

[1] «Нередко приводит к банкротству». Силовиков попросили не «закрывать» бизнесменов // URL: https://news.tut.by/economics/657153.html (дата обращения: 13.10.2019).

[2] Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2011. № 1. 1/12207.

Ранее специальная конфискация могла применяться только при осуждении лица за совершение преступления наряду с уголовной ответственностью. Дополнение ст. 46 УК привело к легализации применения специальной конфискации и при освобождении лица от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным УК.

Расширение сферы применения специальной конфискации не сопровождалось исчерпывающим и комплексным регулированием ряда вопросов, не ставших составной частью этой законодательной акции. Закон № 171-З не содержит ответа на вопрос о том, кто вправе применять специальную конфискацию при освобождении лица от уголовной ответственности (на наш взгляд, только суд), как исчислять размер денежной суммы, соответствующей стоимости имущества, добытого преступным путем или приобретенного на средства, добытые преступным путем, и (или) размеру дохода, полученного от использования этого имущества (по нашему мнению, на день вынесения судебного постановления о прекращении уголовного дела). Эти и иные пробелы правового регулирования специальной конфискации должны быть устранены в дальнейшем. В том числе и путем внесения соответствующих корректив не только в УК, но и иные законодательные акты (ГК, УПК и иные), в которых специальная конфискация либо вовсе не упоминается, либо содержит коллизионные нормы, не согласующиеся с предписаниями уголовного закона.

Майорова Елена Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Всероссийского
научно-исследовательского института МВД России;
Яковлева Лариса Владимировна,
доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник Всероссийского
научно-исследовательского института МВД России

Криминализация деяний с административной преюдицией как направление уголовной политики

Современный этап развития уголовной политики России характеризуется тенденцией на криминализацию деяний с административной преюдицией, что является весьма спорным законодательным решением. В Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) включен ряд таких составов преступлений (например, ст. 116.1 УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию», ст. 151.1 УК РФ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции», ст. 264.1 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, под-

вергнутым административному наказанию» и др.). В многочисленных публикациях дополнение УК РФ подобного рода новеллами справедливо оценивалось критически[1].

Подтверждением такой позиции служит криминализация мелкого хищения (ст. 158.1 УК РФ), ответственность за которое введена Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ[2]. В соответствии с этой статьей лицо привлекается к уголовной ответственности в том случае, если оно уже подвергалось административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Мелкое хищение является одним из видов хищений. Оно обладает всеми признаками хищения, указанными в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, такими как:

- изъятие и (или) обращение чужого имущества;
- противоправность изъятия и (или) обращения;
- безвозмездность изъятия и (или) обращения;
- причинение ущерба собственнику или иному владельцу имущества;
- корыстная цель.

Понятие мелкого хищения закреплено в ст. 7.27 КоАП РФ. Мелкое хищение совершается в форме кражи, мошенничества, присвоения или растраты. При этом должны отсутствовать квалифицирующие признаки совершения данных деяний, к которым относятся:

- группа лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 158 УК РФ, ч. 2 ст. 159 УК РФ, ч. 2 ст. 159.1 УК РФ, ч. 2 ст. 159.2 УК РФ, ч. 2 ст. 159.3 УК РФ, ч. 2 ст. 159.5 УК РФ, ч. 2 ст. 159.6 УК РФ, ч. 2 ст. 160 УК РФ);
- незаконное проникновение в помещение либо иное хранилище (ч. 2 ст. 158 УК РФ);
- причинение значительного ущерба гражданину (ч. 2 ст. 158 УК РФ, ч. 2 ст. 159 УК РФ, ч. 2 ст. 159.3 УК РФ, ч. 2 ст. 159.5 УК РФ, ч. 2 ст. 159.6 УК РФ, ч. 2 ст. 160 УК РФ);
- из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем (ч. 2 ст. 158 УК РФ);
- незаконное проникновение в жилище (ч. 3 ст. 158 УК РФ);

---

[1] Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48 - 49; Коробеев А.И., Ширшов А.А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 70.

[2] Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4256.

- из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода (ч. 3 ст. 158 УК РФ);

- в крупном размере (ч. 3 ст. 158 УК РФ, ч. 3 ст. 159 УК РФ, ч. 3 ст. 159.1 УК РФ, ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, ч. 3 ст. 159.3 УК РФ, ч. 3 ст. 159.5 УК РФ, ч. 3 ст. 159.6 УК РФ, ч. 3 ст. 160 УК РФ);

- с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (ч. 3 ст. 158 УК РФ, ч. 3 ст. 159.6 УК РФ);

- использование лицом своего служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ, ч. 3 ст. 159.1 УК РФ, ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, ч. 3 ст. 159.3 УК РФ, ч. 3 ст. 159.5 УК РФ, ч. 3 ст. 159.6 УК РФ, ч. 3 ст. 160 УК РФ);

- организованная группа (ч. 4 ст. 158 УК РФ, ч. 4 ст. 159 УК РФ, ч. 4 ст. 159.1 УК РФ, ч. 4 ст. 159.2 УК РФ, ч. 4 ст. 159.3 УК РФ, ч. 4 ст. 159.5 УК РФ, ч. 2 ст. 159.6 УК РФ);

- в особо крупном размере (ч. 4 ст. 158 УК РФ, ч. 4 ст. 159 УК РФ, ч. 4 ст. 159.1 УК РФ, ч. 4 ст. 159.2 УК РФ, ч. 4 ст. 159.3 УК РФ, ч. 4 ст. 159.5 УК РФ, ч. 4 ст. 159.6 УК РФ);

- лишение права гражданина на жилое помещение (ч. 4 ст. 159 УК РФ).

Административная ответственность наступает по ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ при стоимости похищенного имущества не более одной тысячи рублей, по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ – от одной тысячи рублей до двух тысяч пятисот рублей.

Например, В., заведомо зная, что является лицом, подвергнутым административному наказанию за совершение мелкого хищения по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, находясь в примерочной магазина, воспользовался тем, что за его действиями никто не наблюдает, умышленно, из корыстных побуждений, сорвал зубами датчик-магнит и присвоил себе одну пару женских брюк стоимостью 400 руб., положив их в полимерный пакет и поместив во внутренний карман надетой на нем куртки. Не оплатив товар, он покинул магазин и распорядился впоследствии похищенным им имуществом по своему усмотрению, чем причинил собственнику материальный ущерб на общую сумму 400 руб. В. был справедливо признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 158.1 УК РФ[1].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 27.12.2002 № 29 рекомендует при определении размера похищенного имущества, исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления. При отсутствии сведений о цене стоимость похищенного имущества может быть установлена на основании заключения экспертов[2].

---

[1] Приговор Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан от 30.01.2019 по уголовному делу № 1-46/2019(1-832/2018) // СПС КонсультантПлюс.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. 2003.

Уголовная ответственность за мелкое хищение установлена в отношении лица, подвергнутого административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, т.е. при стоимости похищенного имущества более одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей.

Мелкое хищение совершается следующими способами:

- тайно (кража);
- путем обмана или злоупотребления доверием (мошенничество);
- путем изъятия и (или) обращения имущества, вверенного виновному (присвоение или растрата).

При хищении чужого имущества стоимостью менее одной тысячи рублей, совершенном при наличии квалифицирующих признаков (например, группой лиц по предварительному сговору), содеянное признается преступлением, и лицо привлекается, как указано в ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, в зависимости от обстоятельств по ч. ч. 2, 3, 4 ст. ст. 158 УК РФ, 159 УК РФ, 159.1 УК РФ, 159.2 УК РФ, 159.3 УК РФ, 159.5 УК РФ, 159.6 УК РФ, ч. ч. 2, 3 ст. 160 УК РФ. Следует отметить, что отсутствие в данном перечне ч. 4 ст. 160 УК РФ является законодательным пробелом, поскольку эта часть идентична частям четвертым иных указанных выше статей и предусматривает ответственность за совершение соответствующих деяний организованной группой либо в особо крупном размере.

Субъект специальный - лицо, подвергнутое административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. Лицо считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления (ст. 4.6 КоАП РФ). Следует согласиться с мнением, высказанным в ряде публикаций о том, что мелкие хищения, предусмотренные КоАП, имеющие преюдициальное значение для ст. 158.1 УК РФ, должны быть оконченными. Оконченное и неоконченное административные правонарушения не будут являться основанием для привлечения лица к ответственности по ст. 158.1 УК РФ[1].

На практике встречаются случаи, когда лицо, подвергнутое административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, совершает несколько хищений, за каждое из которых оно не было осуждено. Каждое из них следует квалифицировать по ст. 158.1 УК РФ.

Так, например, Х., осознавая, что он является лицом, подвергнутым административному наказанию за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, находясь в магазине «Пятерочка», умышленно, из корыстных побуждений, воспользовавшись

[1] Власов Ю.А., Михаль О.А. Административная преюдиция как вид уголовного проступка // Современное право. 2019. № 6. С. 122.

тем, что за его преступными действиями никто не наблюдает, тайно похитил продукты на общую сумму 344 руб. 15 коп. Минуя кассу, с места совершения преступления скрылся, распорядившись похищенным имуществом по своему усмотрению, чем причинил собственнику имущественный вред на указанную выше сумму.

Он же, осознавая, что является лицом, подвергнутым административному наказанию за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, из магазина «Монетка» из корыстных побуждений, тайно похитил продукты на общую сумму 554 руб. 30 коп., которыми распорядился по своему усмотрению, а впоследствии – из магазина «Магнит» также тайно похитил продукты на общую сумму 1 742 руб. 58 коп., распорядившись ими по своему усмотрению. Х. был обоснованно осужден за каждое мелкое хищение по ст. 158.1 УК РФ. Всего ему было вменено 15 эпизодов мелкого хищения[1].

Лицо, подвергнутое административному наказанию за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, в зависимости от обстоятельств содеянного может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 158.1 УК РФ и по ст. 158 УК РФ.

Так, Г. был подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа в размере 3000 руб. за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. Будучи в состоянии алкогольного опьянения, он находился в магазине «Дикси», где у него возник преступный умысел на совершение мелкого хищения чужого имущества из торгового зала указанного магазина. Действуя с прямым умыслом, осознавая, что является подвергнутым административному наказанию по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ за мелкое хищение чужого имущества, Г. тайно похитил бутылку коньяка и бутылку виски. После этого он спрятал похищенное под надетую на него верхнюю одежду, проследовал к выходу из магазина, минуя кассовую зону, не оплатив данный товар, и вышел с похищенным из магазина.

Он же, находясь в чердачном помещении дома, тайно похитил принадлежащий Р. мобильный телефон. С похищенным Г. с места преступления скрылся и распорядился им по своему усмотрению, причинив своими преступными действиями значительный материальный ущерб потерпевшему.

Суд обоснованно квалифицировал действия Г. по первому эпизоду по ст. 158.1 УК РФ (мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, преду-

[1] Приговор Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан от 19.12.2018 по уголовному делу № 1-804/2018 // СПС КонсультантПлюс.

смотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ), по второму - по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (кража с причинением значительного ущерба гражданину)[1].

Мелкое хищение может быть признано малозначительным деянием (ч. 2 ст. 14 УК РФ), если стоимость похищенного небольшая (например, хищение продуктов стоимостью 150-200 рублей). В таком случае лицо не должно привлекаться к уголовной ответственности по ст. 158.1 УК РФ.

В случаях, когда стоимость похищенного имущества превышает 2500 руб. (но не более 5 000 руб.), а хищение совершается без квалифицирующих признаков, содеянное подпадает под действие соответственно в зависимости от обстоятельств частей первых ст. ст. 158 УК РФ, 159 УК РФ, 159.1 УК РФ, 159.2 УК РФ, 159.3 УК РФ, 159.5 УК РФ, 159.6 УК РФ, 160 УК РФ.

Между тем повторное совершение административного правонарушения не свидетельствует о повышении степени общественной опасности содеянного и не переводит правонарушение в разряд преступлений. В отсутствие в УК РФ ст. 158.1 УК РФ лицо оставалось бы только административно наказанным и не претерпевало бы ограничений прав и свобод, а также иных негативных последствий, связанных с осуждением. Криминализация деяний с административной преюдицией стирает грань между правонарушением и преступлением и противоречит общей тенденции на гуманизацию российского уголовного законодательства. Представляется целесообразным и обоснованным исключение из УК РФ всех деяний с административной преюдицией.

Мармута Иван Львович,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Особенности криминологической характеристики лица, совершающего коррупционные преступления

Проблема изучения личности всегда интересовала большое количество ученых практически всех социальных наук, а также наук, находящихся на стыке социальных и биологических наук. В данной статье нас интересует феномен личности коррупционного преступника, в связи с чем, рассматривать личность мы будем с позиций не только уголовного права и криминологии, но также еще с позиции биологии, психологии и социологии.

[1] Приговор Судогодского районного суда Владимирской области от 18.01.2019 по уголовному делу № 1-16/2019 (1-145/2018) // СПС КонсультантПлюс.

Давайте рассмотрим феномен личности человека, разложив на нисходящую пирамиду характеризующие его признаки. Первоначально каждый из нас является человеком, после этого имеет пол, расу, национальность и только потом обладает набором социальных характеристик, таких как: род деятельности, авторитет в обществе, семейное положение и т.д. При исследовании личности преступника сквозь призму данных признаков можно будет наиболее четко разобраться в том, что такое личность коррупционного преступника.

Итак, человек, будучи существом биосоциальным, имеет определенные биологические потребности и инстинкты, имеющие свои проявления, поэтому справедливо считать, что человеком движет как биологическое, так и социальное начало. Так, например, пищевой инстинкт проявляется посредством голода, приобретательства – жадностью, воодушевления – самоутверждением, экономии сил – ленью и т.д. Важно понимать, что практически каждое человеческое действие, как элемент поведения, основано на инстинктах и разница лишь в том, что одни инстинкты имеют биологическое проявление, другие – социальное.

Вместе с тем, важнейшую роль играют не только инстинкты, но и их дальнейшее проявление, которое отражается в потребностях, которые большей степени, нежели инстинкты, имеют социальное проявление, ввиду того, что инстинкт свойственен биологическому началу человека, а потребность свойственна тому человеку, чья жизнь пропущена сквозь призму социума. Х. Мюррей, например, разделял потребности на первичные и вторичные, явные и латентные, эгоцентрические и социоцентрические, и составил общий список потребностей, в котором имеются такие, как: доминантность, проявляющаяся в желании контролировать, оказывать влияние на окружающих, господствовать над их поведением; потребность достижения, заключающаяся в стремлении превзойти остальных, добиться высоких результатов в чем-либо, быть лучшим, реализовать поставленные цели; потребность игры, находящая проявление в желании игры, любви к остротам; эгоизм, как стремление поставить превыше всего свои собственные интересы, самодовольство и автоэротизм и другие[1].

Сравним биологическую составляющую в поведении на уровне различия противоположных полов, и уже на данном уровне мы увидим существенную разницу в поведении мужчин и женщин, начиная с родительского инстинкта, а точнее, его проявления. Например, материнский инстинкт в большинстве случаев проявляется в желание матери подарить своему ребенку больше любви, ласки, нежности, отцовский – в стремлении обеспечить ребенка, дать ему все желаемое, передать определенное состояние. В связи с этим необходимо отметить, что для коррупционеров-отцов глав-

[1] Мюррей Х. Классификация потребностей личности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.helppsi.ru.

ным стимулирующим фактором при совершении преступлений является именно семья, ее благосостояние и обеспеченность. Ведь зачастую одним из оправданий данного рода преступников является то, что они не для себя «старались», а для достижения достойного либо как минимум необходимого уровня жизни своих родных и близких.

Национальный критерий также играет большую роль. Россия – многонациональная страна, в которой проживает более 200 национальностей и в то же время, имеется разница в поведенческих особенностях не только разных национальностей, но и в рамках одной нации. Например, имеются различия в особенностях менталитета русских, проживающих, по крайней мере, в трех региональных общностях – Москвы, Юга России и Приморья[1]. Вместе с тем, можно также обнаружить поведенческие различия с коренными народами Северного Кавказа и, как следствие, коррупция в данных регионах носит различный характер. Невзирая на различия, можно найти и общие черты в поведении народов России, которые прямо или косвенно влияют на уровень коррупции и совершение коррупционных преступлений:

а) соборность, примат общего над личным, постановка интересов семьи, малой группы выше личных, жертвенность народа. Например, при получении взятки коррупционером и передаче ее членам своей семьи или родственникам, последующее получение наказания, даже такого сурового, как лишение свободы, не выглядит как что-то ужасающее, а напротив, воспринимается как необходимая жертва ради благополучия семьи и близких.

б) привычка к воровству, мздоимству и обману, вера в то, что воруют везде, и приверженность мнению, что честным путем разбогатеть невозможно (вероятно, из-за низкого предпринимательского потенциала) порождают желание извлекать дополнительный заработок по месту работы: сторож – ворует имущество, кладовщик – списывает товар, чиновник – берет взятки;

в) стремление к «легким» деньгам, то есть заработку без значимого вложения физических и интеллектуальных усилий;

г) стремление жить по надуманным традициям, а не по законам (воровать у государства можно, главное – не воровать у людей);

д) зависимость от мнения коллектива, малой группы, боязнь выделиться из нее (если в коллективе или малой группе берут взятки, то участник данной группы или коллектива тоже должен их брать).

Достаточно аргументированным выглядит предположение о том, что в случае возникновения конфликта интересов у чиновника между интересами близких и государства, коррупционер в большинстве случаев выбирает первый вариант. Причина кроется в сформированном неуважении к

[1] Русский этнос: региональные особенности менталитета / Н.Е. Тихонова, Н.М. Давыдова. М.: Аспект-Пресс, 1996. Материалы международного симпозиума «Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства» (12-14 января 1996 г.). С. 270.

государству и обществу, постановке приоритета своих личных интересов или интересов близких над интересами государства или общества.

Данные черты в своей совокупности во многом детерминируют исследуемые преступления, и в случае непринятия мер противодействия их криминогенный характер способен увеличить объем и качество негативных последствий.

Не менее интересным будет рассмотрение отдельных социальных характеристик, таких как род деятельности, семейное положение, авторитет в обществе, материальная обеспеченность и другие, ведь в большинстве статей УК РФ, предусматривающих ответственность за коррупционные преступления, субъект специальный – должностное лицо.

Согласно проведенному исследованию Е.Д. Герцика, исходя из рода деятельности, коррупционеров можно распределить следующим образом:

- представители исполнительной власти, работники министерств, комитетов и их подразделений на территории субъектов Российской Федерации – 41,1%,
- сотрудники правоохранительных органов – 26,5%,
- работники контролирующих органов – 8,9%,
- работники налоговой и таможенной служб – 3,2%,
- депутаты – 0,8%,
- иные категории – 19,6%[1].

Так какие же социальные характеристики подталкивают лиц к совершению коррупционных преступлений? Отдельные ученые выделяют следующие типы преступников: корыстолюбивый, престижный, игровой[2]. Беря за основу данную классификацию, попробуем предположить их мотивы и внутреннее побуждение к совершению коррупционных преступлений:

- корыстолюбивый тип стремится к обогащению, преумножению личного и семейного состояния, удовлетворению материальных потребностей;

-престижный тип, напротив, не имеет основной целью личное обогащение, а характеризуется желанием реализовать свои амбиции, пользуясь служебным положением в целях появления новых связей, знакомств, вхождения в определенные элитарные группы;

- у игрового типа мотивы чаще всего проявляются в ситуациях, когда требуется сообразительность, умение быстро принимать решения, а также при осуществлении интеллектуального противоборства, в ходе которого он считает правильным получить свой «выигрыш» или «приз» в виде взятки.

---

[1] Герцик Е.Д. Криминолого-психологическое исследование личности коррупционера в России // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). Казань: Бук, 2016. С. 115.

[2] Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб., 2004. С. 11.

Таким образом, можно составить образ среднестатистического коррупционера – это представитель государственной или муниципальной власти, совершающий преступления с целью удовлетворения своих амбиций, а также непомерно возросших потребностей членов своей семьи, имеющий достаточно высокий интеллект, но ставящий свои интересы выше общественных и государственных, несмотря на свою службу «во благо» государства и общества.

Маслак Сергей Николаевич,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника факультета по подготовке
специалистов для подразделений охраны общественного порядка
и обеспечения общественной безопасности
Краснодарского университета МВД России;
Затолокин Александр Александрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права
Краснодарского университета МВД России

Нарушение правил дорожного движения сотрудниками полиции

Как неоднократно отмечается в постановлениях Конституционного суда Российской Федерации служба в органах внутренних дел это особый вид государственной службы. Кроме того законодательно закреплены требования к поведению сотрудника органов внутренних дел (далее – сотрудника), которые включают, в том числе, обязанность заботиться о сохранении своих чести и достоинства и не совершать поступки, наносящие ущерб авторитету органов внутренних дел[1]. Нарушение сотрудниками Правил дорожного движения (далее ПДД) всегда приводит к негативной реакции общества, снижает уровень доверия граждан к полиции и наносит непоправимый ущерб репутационному имиджу всей правоохранительной системы. Учитывая современные возможности информационно-телекоммуникационных систем любое подобное нарушение потенциально становится достоянием общественности, входит в компрометирующие сюжеты видео-блогеров и обсуждается в средствах массовой информации. Именно поэтому нарушение ПДД сотрудником в ряде случаев влечет не

[1] Федеральный закон от 30.11.2011 № 342 «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: URL: https//base.garant.ru (дата обращения: 27.09.2019).

только привлечение к административной, но и дисциплинарной ответственности.

К сожалению, приходится констатировать, что сотрудники полиции, не являются исключением и, также, как и остальные водители, нарушают ПДД. Согласно данным ФИСМ (федеральной информационной системы ГИБДД) наиболее часто встречающимися нарушениями ПДД за 2018 год стали:

- нарушение скоростного режима в населенных пунктах (п. 10.2) ст. 12.9 КоАП РФ;
- нарушение скоростного режима вне населенных пунктов (п. 10.3) ст. 12.9 КоАП РФ;
- нарушение требований знаков и разметки (п. 1.3) ст. 12.16 КоАП РФ;
- нарушение запрета наносить на передние стекла покрытия, ограничивающие обзорность с места водителя (п. 7.3 ПН ОП) ст. 12.5 КоАП РФ;
- нарушение обязанности проходить по требованию освидетельствование на состояние опьянения (п. 2.3.2) ст. 12.26 КоАП РФ;
- нарушение запрета управлять транспортным средством в состоянии опьянения (п. 2.7) ст. 12.8 КоАП РФ.

При этом обращает на себя внимание факт того, что при подавляющем большинстве случаев нарушения скоростного режима (п. п. 10.2 и 10.3 ПДД ст. 12.9 КоАП РФ) сотрудники не являются нарушителями, а являются собственниками транспортных средств, движение которых с превышением скорости было зафиксировано системами, работающими в автоматическом режиме. Согласно данным, представленным отделами по работе с личным составом территориальных ОМВД, доля подобных событий, при которой сотрудники не нарушали ПДД, но являются собственниками, составляет 85%.

Нарушение требований знаков и разметки в большинстве случаев связано с игнорированием сотрудниками требований знака 3.27 («Остановка запрещена») совместно с дополнительной табличкой 8.24 («Работает эвакуатор»). Следует отметить, что для г. Краснодара пик нарушений данного вида приходится на момент прохождения диспансеризации личным составом в Поликлинике МСЧ ГУ МВД РФ по Краснодарскому краю, расположенной в «старом центре», где практически везде запрещена бесплатная стоянка транспорта (а платная заполнена). При этом, не редки случаи, когда не только сотрудники нарушают ПДД, но и в последствии нарушаются права самих сотрудников, как водителей и собственников задержанных и эвакуированных транспортных средств (в частности неправомерная эвакуация и отказ в возврате транспортного средства при устранении причин задержания)[1].

[1] Затолокин А.А. Обеспечение прав собственника (водителя) при перемещении и хранении задержанного транспортного средства // Общество и право. 2019. № 1 (67). С. 94.

Проанализировав имеющиеся в отделах по работе с личным составом материалы служебных проверок по фактам нарушения сотрудниками п. 7.3 ПН ОП (запрета наносить на передние стекла покрытия, ограничивающие обзорность с места водителя) можно прийти к выводу, что 100% подобных деликтов совершаются младшим начальствующим составом, что может свидетельствовать о недостаточной работе руководителей среднего звена по профилактике данного вида правонарушений.

Следующие два вида нарушений ПДД допущенных личным составом (п. 2.3.2 и п. 2.7) связанны с управлением транспортным средством в состоянии опьянения или отказом от прохождения освидетельствование на подобное состояние. Следует отметить, что административные правонарушения, совершенные сотрудниками, и предусмотренные ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ (управление в состоянии опьянения и отказ от прохождения освидетельствования) свидетельствуют о низкой дисциплинированности лиц, допустивших данные правонарушения и помимо состава соответствующего правового деликта они, бесспорно, содержат и признаки проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, то есть дисциплинарного проступка.

Несмотря на имеющуюся положительную динамику по снижению общего количества нарушений сотрудниками ПДД следует отметить, что подобная ситуация не может устраивать и, в качестве предложений по повышению дорожно-транспортной дисциплины постоянного и переменного состава университета, считаю необходимым реализовать следующие меры:

1. Отделениям (отделам) профессиональной служебной и физической подготовки ОРЛС запланировать и обеспечить проведение занятий с постоянным составом университета по темам:

- «Порядок обжалования постановлений по делам об административных правонарушениях, зафиксированных в автоматическом режиме»;

- «Обеспечение прав водителя (собственника) при задержании и эвакуации транспортного средства».

2. Командирам среднего звена провести занятия с младшим начальствующим составом на тему:

- «Ответственность водителя за управление транспортным средством с неисправностями, при которых эксплуатация запрещена»;

3. Рекомендовать личному составу, путем закрепления соответствующей нормы в локальных нормативных актах, отказаться от использования личного транспорта при посещении Поликлиники МСЧ ГУ МВД России по Краснодарскому краю;

4. Осуществить корректировку тестовых заданий по правовой и служебной подготовке в части внесения в них блоков вопросов, посвященных проверки знания пунктов:

- 10.2 и 10.3 (скоростной режим в населенных пунктах и вне населенных пунктов);

- 1.3 (требования знаков и разметки);

- 7.3 (нанесение на передние стекла покрытия, ограничивающие обзорность с места водителя);

- 2.3.2 (обязанность проходить по требованию освидетельствование на состояние опьянения);

- 2.7 (запрет управлять транспортным средством в состоянии опьянения);

5. Инспекции по работе с личным составом организовать совместные рейдовые мероприятия с сотрудниками ДПС с освещением результатов данных рейдов через Группу общественных связей (в том числе посредством размещения информации в социальных сетях и WhatsApp).

Реализация предложенных мер позволит повысить уровень дорожно-транспортной дисциплины сотрудников полиции и будет являться действенным средством в профилактике дисциплинарных проступков, порочащих честь сотрудника органов внутренних дел.

Меретуков Айдамир Гайсович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Уголовная ответственность за вандализм

В уголовно-правовой терминологии и уголовном законодательстве России применительно к ст. 214 УК РФ использовано понятие «вандализм». Исходя из этимологии данного слова, необходимо отметить, что оно приобрело иной смысл, нежели использование данного термина в средствах массовой информации и обыденной речи подразумевающего обессмыслено безнравственное отношение к совершению таких действий как разрушение исторических памятников и культурных ценностей.

В психологических исследованиях существует другой подход к значению вандализма под которым подразумевают антисоциальное поведение связанное с порчей имущества и осквернением сооружений, немотивированно-бесцельное поведение.

Вандализм может является проявлением того, что общество нездорово и переживает свой кризис. Данное явление, не просто социальное отклонение. Это демонстрация того, что в обществе отсутствуют четкие общественные нормы и правила. Вандализм – «… это записка-

предупреждение обществу, что существующая общественная система более непригодна»[1].

Исходя из сущности вандализма существуют различные типы[2]: идеологический – виновный связывает цель совершения вандализма с политическими и социальными целями. При межнациональных конфликтах может выступать как его специфическая норма а возможно и как внутреннее проявление политики; корыстный вандализм – в этом случае порча определенного имущества связывается с извлечением возможных выгод материального характера; вандализм тактический – сознательная тактика проявляющаяся в повреждении имущества для достижения не враждебной цели; совершаемый из мести вандализм – ответная реакция, возникшая в результате нанесенной обиды или оскорбления в ответ конкретному лицу выражающаяся в действиях разрушительного характера; игра-вандализм – мотивами совершения являются состязательность, проявление навыков и умений; злонамеренный вандализм, как отмечает С. Коэн, эта комбинация враждебности и забавы, при которой виновный получает злонамеренное удовлетворение за счет жертвы, присутствует во многих случаях вандализма и может проявляться в повреждении уборных в общественных местах, в порче изоляции водопроводных магистралей и т.д.

Отталкиваясь от сущности данного явления, В.Ф. Пирожков к видам современного вандализма относит: экономический, политический, националистический, сельскохозяйственный, культурологический и кладбищенский вандализм[3].

Закладывая в основу возраст и качество участников можно выделить взрослый и подростковый вандализм, студенческий, индивидуальный, групповой.

В обществе современном деструктивное поведение личности не является редкостью, тем более все совершеннее существующие средства и технологии имеющие разрушительное воздействие. Вандализм можно назвать своего рода выражением определенных идей, взглядов, оценкой существующее власти и правления в стране. Например, ярость, гнев, злость, обида. Кратковременные вспышки таких интенсивных эмоций и являются большей частью содержания мотива конкретного преступления. Это объясняется наличием противоречия между личностью преступника и окружающей его средой.

---

[1] Попов В.А., Кузнецова И.А. Зарубежные исследования молодежного вандализма // Педагогика. 1997. № 6. С. 112.

[2] Cohen S. Property destruction: motives and meanings // Vandalism: Editer by Colin Ward. Van Nostrand Reinhold company N-Y, 1973. P. 42; Baron R.M., Fisher J.D. The equity-control model of vandalism: a refinement // Vandalism. Behaviour and motivatious. Editer C. Levy- Leboyer. North-Holland. Amsterdam. N-Y. Oxford, 1984. P. 63.

[3] Криминальная психология. Психология криминальной преступности. Кн.1 / Пирожков В.М. М., 1998. С. 217-218.

По мнению П.Л. Карабущенко, в истории происхождения понятия «вандализм» мы имеем дело, скорее, с неким укоренившимся в нашем сознании мифом, нежели с исторической реальностью. Термин создавался в угоду определенных идеологически стереотипов и для удовлетворения определенной политической потребности[1].

Несмотря на различные подходы к понятию вандализма солидарность проявляется в необходимости устранения такого негативного явления.

Анализ практики показывает о сложившихся трудностях в применении нормы за вандализм. Некоторые факторы относительно конструкции состава, существующие оценочные признаки, понимание и толкование которых зачастую зависят от обстановки и места совершения преступления, возможно избранных виновным средств и способов внешнего выражения акта вандализма. Необходимо учитывать и направленность умысла виновного, включающее понимание объективных свойств совершаемого общественно опасного деяния. Особенно важно учитывать желание лица на причинение такого вреда как осквернение зданий или сооружений. Преступление – это всегда человеческое поведение, которое является общественно опасным. Мотив лежит в основе любого человеческого поведения, будь оно общественно опасное или наоборот. С помощью мотива можно понять социальный смысл, направленность того или иного действия, можно определить конечный результат, на который он целенаправлен. Никто не заставляет человека совершать действия, приносящие вред обществу. Это личный, субъективный выбор каждого, можно сказать это источник активности той или иной личности, отдельного индивида, стимул его поведения. С помощью мотивации человек принимает те или иные решения, совершает определенные действия и все вытекающие из них последствия. Необходимо отметить, что в основе преступления может быть несколько мотивов. И стороне, осуществляющей уголовное преследование, необходимо правильно определить какой из мотивов является основным. А ведь этот основополагающий мотив далеко не всегда виден сразу. Да, эти два понятия являются волевыми процессами, которые сопровождаются во время совершения лицом действия, но необходимо понимать, что мотив помогает нам понять, зачем человек совершил то или иное действие, а цель указывает на то, каким способом данное действие будет совершено. То есть, к чему именно человек стремится, совершая то или иное общественное опасное деяние. Судебно-следственная практика показывает что наиболее часто к оскверняющим надписям относят те изображения которые несут смысловую нагрузку экстремистской направленности либо способны разжигать вражду или унижать достоинство социальных групп. Существует пробел в уголовном законодательстве и относительно обще-

[1] Карабущенко П.Л. Вандализм как культурно-исторический феномен // Гуманитарные исследования. 2011. № 4 (40). С. 12-21.

ственного места, какое именно место признается общественным? Обычно обоснованность общественности определенного места выражается с помощью пояснении открытого доступа для неограниченного круга людей к определенным участкам местности, зданиям, сооружениям, помещениям. Следовательно, это такое место, которое используется членами общества в повседневной жизни с целью удовлетворения своих бытовых, культурных или иных целей, которое расположено в определенной близости с местом проживания или нахождения.

Анализ законодательного определения вандализма позволяет выделить разновидность данного преступления, сходного по внешней стороне деяния с хулиганством, – порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах. Вандализм следует отграничивать от хулиганства по следующим признакам сопоставляемых составов преступлений:

1) применение оружия или соответствующих предметов с учетом практики применения ст. 213 УК РФ, как правило, является неотъемлемым признаком для объективной стороны хулиганства и факультативным для вандализма;

2) место совершения деяния (общественные места), в отличие от вандализма, не является обязательным признаком хулиганства;

3) хулиганские побуждения выступают в качестве факультативного признака вандализма, но являются неотъемлемой частью субъективной стороны хулиганства;

4) обстановка совершения уничтожения либо повреждения имущества при хулиганстве, в противовес вандализму, предполагает публичность таких действий, обуславливающую в большинстве случаев их опасность для здоровья граждан (при вандализме граждане, как правило, замечают результаты действий виновных, а не процесс их совершения).

Минакова Ольга Викторовна,
соискатель кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Уголовно-правовая охрана безопасности при ведении строительных или иных работ по законодательству зарубежных стран

Обращение к зарубежному уголовному законодательству, регулирующему ответственность за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ, позволяет не только оценить российский аналог с позиции юридико-технического оформления, но и заимствовать прогрессивный законотворческий опыт других стран.

Интересна практика борьбы с преступлениями в сфере строительства в Федеративной Республике Германия[1]. В Уголовном уложении ФРГзаконодатель §319 «Создание опасности в результате нарушения правил строительных работ» поместил в раздел 28, именуемый «Общеопасные наказуемые деяния».

Национальное уголовное право Германии в отличие от российской нормы, во-первых, оговаривает стадии строительных работ. В первой части (абз. (1)) §319 прямо указано, что ответственность наступает за нарушение общепринятых правил техники и создание этим опасности для здоровья или жизни другого человека *при планировании, руководстве строительством или при выполнении строительных работ или при сносе сооружения*. Во-вторых, если в отечественном УК показателем общественной опасности являются наступившие последствия в виде причинения по неосторожности тяжкого вреда здоровью человека либо крупного ущерба, смерти человека, в том числе смерти двух или более лиц, то немецкое уголовное право преследует создание опасности причинения такого вреда, то есть саму угрозу наступления возможных последствий. Причем они точно установлены – это здоровье или жизнь другого человека. В-третьих, по смыслу §319 допускается две формы вины, поскольку в частях третьей и четвертой (абз. (3) и (4)) специально указывается на небрежность: «Кто причиняет опасность по небрежности», «Кто действует небрежно и причиняет опасность по небрежности», тогда как в первой и второй частях (абз. (1) и (2)) такой оговорки нет. Проводя сравнение немецкого уголовного закона с УК РСФСР и УК РФ по субъективной стороне, можно отметить, что в УК РСФСР в ст. 215 «Нарушение правил при производстве строительных работ» также допускалось совершение деяний с обеими формами вины, а по современному УК РФ – это исключительно неосторожность. В-четвертых, немецкая норма конструируется и с учетом нарушения правил безопасности работ на строительном объекте со специальным оборудованием как источником повышенной опасности, когда виновный устанавливает или переделывает установленное техническое оборудование. Такой же подход наблюдался в УК РСФСР, где в ст. 215 речь шла о нарушении правил эксплуатации строительных механизмов. В-пятых, две нормы уголовного закона – отечественная и немецкая – разнятся суровостью санкции. Так, по части второй ст. 216 УК РФ за причинение смерти по неосторожности предусмотрено лишение свободы сроком до пяти лет. То же наказание в УК ФРГ предусмотрено по части первой (абз. (1)) §319 только за сам факт создания опасности для здоровья или жизни другого человека, что, по нашему мнению, не соответствует характеру и степени общественной опасности содеянного. При этом в соответствии с §320 дея-

[1] Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия (German criminal code) (ред. от 03.04.2017) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/ (дата обращения 12.04.2019).

тельным раскаянием признается добровольное устранение опасности прежде, чем наступит значительный ущерб, учитывая которое суд вправе смягчить наказание или освободить от него за преступления, предусмотренные в абз.1-3 §319 УК ФРГ. Если виновный обвинялся по части четвертой (абз. (4)) §319, то достаточно его добровольных и настойчивых усилий для предотвращения значительного ущерба.

В разделе VII «Преступления, ставящие под угрозу общую безопасность людей или собственность» кодекса о наказаниях Нидерландов (Голландии) присутствует аналог ст. 216 УК РФ – статья 171[1]. В ней структурно выделены три части, отличающиеся между собой последствиями преступного деяния. Уголовно наказуемым признается создание общей опасности для собственности (часть первая); для жизни другого человека (часть вторая) или наступление смерти человека (часть третья), если лицо по небрежности или неосторожности разрушает или повреждает здание или сооружение. Очевидно, что юридико-технической особенностью ч. 1 ст. 171 голландского УК выступает охрана собственности, тогда как в истории уголовного права России она никогда не становилась объектом преступлений, связанных с нарушением правил производства каких-либо работ. Наказание здесь включает тюремное заключение или заключение на срок не более трех месяцев или штраф в размер 25 тысяч гульденов (штраф четвертой категории). По части второй ст. 171 УК за создание опасности для жизни другого человека лицо, по небрежности или неосторожности разрушившее или повредившее здание или сооружение, подлежит тюремному заключению или заключению на срок не более шести месяцев или штрафу в том же размере. Наступление смерти человека влечет по ч. 3 ст. 171 УК наказание в виде одного года лишения свободы и тот же штраф. Оговаривается и лишение специального права на занятие профессиональной деятельностью, причем согласно ст. 176 УК Голландии это является правом суда после осуждения виновного.

Ответственность за нарушения правил безопасности при ведении строительных или иных работ в том понимании, какое придается этому преступлению российским законодателем, в Уголовном кодексе Франции не предусмотрена[2]. Специальной нормы не создавалось потому, что действуют нормы общие с учетом специфики охраняемого блага[3]. Во фран-

---

[1] Уголовный кодекс Королевства Нидерланды (Wetboek van Strafrecht van Nederland) (ред. от 14.04.2016) [Электронный ресурс]. URL: http://www.wetboek-online.nl/wet/Sr.html (дата обращения 13.04.2019).

[2] Уголовный кодекс Французской Республики (Code pénal France) (ред. от 09.04.2017) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/ affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070719 (дата обращения 12.04.2019).

[3] Щепельков В.Ф., Пряхина Н.И., Суслина Е.В. Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ (статья 216 УК РФ): криминологическая характеристика и проблемы законодательной регламентации // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 3. С. 600.

цузском уголовном праве привлечение к ответственности за исследуемое деяние осуществляется как за неосторожные преступления против личности аналогично ст. 109 и ст. 118 УК РФ. Статья 222-19 отдела II «О неумышленных посягательствах на неприкосновенность личности» УК Франции провозглашает противоправным действие, повлекшее по причине оплошности, неосторожности, невнимания, небрежности или неисполнения обязанности по безопасности или предосторожности, возложенной законом или регламентами, полную утрату трудоспособности другого лица на срок более трех месяцев. При таких последствиях наказание составляет два года тюремного заключения и штраф в размере двухсот тысяч франков. Если же возложенные обязанности не исполнялись умышленно, наказание ужесточается – срок лишения свободы увеличивается до трех лет и штрафа в размере трехсот тысяч франков. Полная утрата трудоспособности на срок менее или равный трем месяцам по ст. 222-20 в результате несоблюдения требований безопасности влечет тюремное заключение до одного года и штраф в размере ста тысяч франков. Неисполнение обязанности по безопасности или предосторожности, возложенной законом или регламентами, повлекшее причинение смерти, приравнивается к неумышленному убийству (ст. 221-6 Отдела II «О неумышленных посягательствах на жизнь»). В качестве положительного опыта в нашем законодательстве может быть использовано последствие в виде утраты трудоспособности как конструктивный признак, отсутствующий в тексте ст. 216 УК РФ.

В Уголовном кодексе Республики Польша ответственность за анализируемое деяние предусмотрена в статье 163, расположенной в главе XX «Преступления против общей безопасности», как и в УК России[1]. В ней в §1 сказано: «Кто вызывает происшествие, которое угрожает жизни или здоровью многих людей либо имуществу в больших размерах, в виде разрушения строения, затопления либо обвала земли, горных пород или снега», тот наказывается лишением свободы от одного года до десяти лет. Обращает на себя внимание оригинальность конструкции этого состава. Будучи материальным, как и его российский аналог, он объединил в одной диспозиции все деяния, которые связаны с нарушениями специальных правил в разных сферах жизнедеятельности общества и обладают повышенной опасностью (ядерная энергия, взрывчатые или легковоспламеняющиеся, отравляющие, удушающие вещества и др.). Иными словами, сфера строительства специально не выделяется, как это сделано в УК РФ.

По последствиям, обозначенным в описании §1 ст. 163, данная норма более всего близка к немецкой (смерть человека, тяжкий вред его здоровью или угроза их наступления). Здесь также разделяется умышленная и неосторожная формы вины, что отличает подход к вине польского законо-

[1] Уголовный кодекс Республики Польша (Kodeks karny) (ред. от 05.04.2016) [Электронный ресурс]. URL: http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes (дата обращения 22.05.2019).

дателя от отечественного. По §2 ст. 163, где специально оговаривается неосторожность с теми же последствиями, что и в §1, лишение свободы меньше наполовину – от трех месяцев до пяти лет. За причинение смерти или тяжкого вреда здоровью многих людей лишение свободы назначается по §3 в широких границах – от двух до двенадцати лет, а неосторожное причинение тех же последствий наказуемо по §4 от 6 месяцев до восьми лет. Очевидно, что все санкции разительно отличаются от других стран Европы своей жестокостью.

Нарушение правил безопасности в сфере строительных и иных работ наказывается и по турецкому Уголовному кодексу[1]. В ст. 383 раздела «Преступления против общественной безопасности» уголовно-правовой запрет дан в следующей редакции: «Если лицо в результате неосторожности, невнимательности, неопытности в профессиональной или ремесленной деятельности, несоблюдения правил, приказов и инструкций вызвало пожар, взрыв... разрушения и бедствия, чреватые всеобщей опасностью, оно наказывается заключением на срок до тридцати месяцев и тяжким денежным штрафом в размере до 100 лир». Причем интересно, что понятие так называемой всеобщей опасности в статье не раскрывается. Часть вторая по конструкции представляет собой сочетание формального и материального составов – деяние должно создавать опасность для жизни человека или повлечь его смерть. В первом случае виновному назначается заключение на срок от шести месяцев до пяти лет и тяжкий денежный штраф в размере от 50 до 150 лир, а во втором – тяжкое заключение на срок не более пяти лет и тяжкий денежный штраф в размере от 100 до 500 лир.

Таким образом, в законодательстве зарубежных стран можно выделить два подхода к уголовной ответственности за нарушение правил безопасности в сфере строительных и иных работ. Первый включает наказание за причинение вреда (тяжкий вред, потеря трудоспособности, смерть человека или угроза таковых) в любой сфере деятельности как за неосторожное преступление. Второй подход аналогичен российскому и предусматривает не общую, а специальную ответственность за указанные нарушения в отдельной норме и в той сфере, в которой эти работы ведутся. В отличие от УК России зарубежный правотворец усматривает в содеянном две формы вины, более подробно регламентирует причиненный вред как последствие рассматриваемого деяния – утрату трудоспособности, собственности, подробно описывает стадии строительных работ и предусматривает наказание за нарушение правил безопасности при использовании строительных механизмов.

[1] Уголовный кодекс Турции [Электронный ресурс]. URL: http:// http://pravoturka.ru/ (дата обращения 12.04.2019).

Муравченко Наталья Николаевна,
курсант 2 курса факультета по подготовке
специалистов для подразделений полиции
Краснодарского университета МВД России

Некоторые аспекты законодательной и правоприменительной практики необходимой обороны как обстоятельства, исключающего преступность деяния

Институт необходимой обороны в уголовном праве является частью учения об обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность лица, совершившего деяния, имеющего формально признаки преступления. Поэтому институт необходимой обороны это – обязательное условие гарантирования прав и свобод человека, относительно юридической ответственности человека.

Довольно много случаев, когда глава семейства для того, чтобы защитить и обезопасить своих родных, вынужден прибегать к любым методам вплоть до причинения смерти нападающему. В такой ситуации гражданин из обороняющегося внезапно превращается в обвиняемого. Каковы же допустимые пределы необходимой обороны в соответствии с действующим законодательством? Попробуем разобраться в данной проблеме.

Разумеется, ключевым законом касательно применения необходимой обороны является Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. (далее УК РФ), а конкретно статья 37. В первой части данной статьи говорится, что «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия». Из этой части следует то, что необходимая оборона является обстоятельством, которое исключает преступность деяния. В связи с этим особо важно обозначить пределы этой самой необходимой обороны. В части 2^1 статьи 37 УК РФ говорится, что «не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения». Последняя, третья часть статьи 37 УК РФ указывает на то, что положения данной статьи «распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения».

Однако законодателю весьма сложно (фактически невозможно) предусмотреть различные ситуации и включить в одну статью все нормы, которые бы смогли пояснить каждую из этих ситуаций. В связи с этим до-

вольно распространенной является практика разъяснения статей уголовного закона Верховным Судом Российской Федерации.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 (далее ПП ВС РФ №19) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» отменило действие Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 года № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств».

Рассмотрим подробнее пункты данного Постановления, которые касаются пределов необходимой обороны. Стоит начать с того, что первый пункт Постановления по своей сути дублирует положения части 3 статьи 37 УК РФ и говорит нам о том, что «положения статьи 37 УК РФ в равной мере распространяются на всех лиц, находящихся в пределах действия Уголовного кодекса РФ, независимо от профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, от того, причинен ли лицом вред при защите своих прав или прав других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти»[1].

В п.2 Постановления №19 Верховный Суд обозначает признаки наличия посягательств, описанных в части 1 статьи 37 УК РФ, а именно:

а) должна быть опасность для жизни обороняющегося или другого лица;

б) способом посягательства должно являться реальная угроза для жизни и здоровья, примером которого может быть демонстрация оружия, или его применение и т.д.)

Допускается правомерная необходимая оборона только от общественно опасного посягательства, предусмотренного нормами Особенной части УК РФ. Однако Гарбатович Д.А. в своей статье придерживается иного мнения, согласно которому «необходимая оборона может быть правомерной и против непреступных побоев»[2]. Он мотивирует свою позицию двумя фактами:

1) «согласно буквальному толкованию части второй ст. 37 УК РФ в уголовном законе не предусмотрена такая характеристика посягательства, как общественная опасность;

2) акцент законодателем в части второй ст. 37 УК РФ сделан не на общественно опасном характере посягательства, а на насилии, не опасном для жизни обороняющегося или другого лица, и на угрозе применения именно этого насилия»[3].

---

[1] Постановление пленума Верховного Суда от 27.09.2012 г. №19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. №11.

[2] Гарбатович Д.А. Необходимая оборона от непреступных побоев // Российский судья. 2017. №6. С.31-33.

[3] Там же.

Далее в п.3 Постановления Верховного Суда указывается случаи, когда защита от посягательства, которое сопряжено с насилием, не опасным для жизни обороняющегося, является правомерным. В качестве примера ВС РФ приводит: «побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья»[1].

Для изучения поднятой в статье темы не менее важен п.10 данного Постановления. В нем говорится о том, что лицо, которое подвергается общественно опасному посягательству, сопряженному с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, имеет право в целях самообороны нанести любой вред нападающему. Таким образом, мы видим, что Верховный Суд развенчивает устоявшийся миф о том, что обороняющийся обязан защищаться тем же способом, что и посягающее лицо. В этом плане на практике существует фактическое правило по поводу соразмерности необходимой обороны с посягательством. Например, если на человека нападают с ножом, то раз он успеет выстрелить, допустим, из пистолета, то окажется, что обороняющийся превысил пределы необходимой обороны. Из п.10 следует же обратное. По закону, если жизни того, кто защищается, или жизни третьих лиц угрожает опасность, то пределов необходимой обороны нет вообще. Но на практике часто выходит совсем по другому.

То есть согласно ст.37 УК РФ и Постановлению Верховного Суда, а именно п.3 и п.10, есть два вида посягательств:

1. Посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, или с непосредственной угрозой применения такого насилия.

2. Посягательство, не сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, или с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Стоит привести для примера, конкретные случаи применения данного института. Так в 2015 году, в рабочем поселке Нахабино произошло разбойное нападение на семью предпринимателя. Шесть грабителей проникли на территорию загородного участка, начали избивать тех, кто этой ночью спали в доме, затем стали собирать все деньги и драгоценности. После чего двое бандитов решили пойти в пристройку рядом с домом. В ней оказалась семейная пара с маленьким ребенком. Бандиты начали наносить удары ножом по супругам. Молодой отец, будучи раненым, смог выхватить нож и в целях защиты жены и маленького сына нанес несколько уда-

[1] Постановление пленума Верховного Суда от 27.09.2012 г. №19«О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. №11.

ров нападавшим[1]. В результате ножевых ранений оба бандита скончались. Данный пример наглядно показывает, как человек, который подвергся ограблению и вооруженному нападению, сам оказался в качестве главного подозреваемого. Только благодаря широкому общественному резонансу и помощи квалифицированного адвоката данное дело было решено в пользу молодого отца. «У него не было иного пути. Если бы он не отреагировал так, то убили бы всю семью», – резюмировал по поводу случившегося его адвокат. С данным мнением тяжело не согласиться.

Можно лишь предположить, что данный пример скорее исключение из правила. Если бы данная ситуация произошла бы не с предпринимателем, а с «обычным человеком», где-нибудь на периферии нашей необъятной страны, то обороняющийся скорее всего был бы привлечен к уголовной ответственности по ст.108 УК РФ.

Данная проблема волновала и волнует многих юристов и ученых. В 2015 году вопрос о пределах необходимой обороны был поднят в статье руководителя коллегии адвокатов «Комиссаров и партнеры» А. Комиссарова. Автор приходит к выводу о том, что «согласно позиции ВС РФ, которая прослеживается время от времени в отзывах на законопроекты по вопросам самообороны, действующего правового регулирования вполне достаточно. Проблема в том, что это законодательство и разъяснения самого ВС РФ не всегда корректно применяются судами»[2]. Опять же в нашей судебной системе остаются так называемые пережитки советского прошлого, когда сторона обвинения изначально жестко относилась к действиям защищающегося, не признавая их самообороной.

А. Комиссаров делает вывод, что «для начала хотелось бы, чтобы в законе – а не в постановлении Пленума ВС РФ – были более детально прописаны конкретные примеры нападения, опасного для жизни либо с угрозой применения такого насилия»[3]. Нельзя не согласиться с данным мнением, поскольку в начале статьи уже упоминала о том, что необходимой обороне в действующем Уголовном Кодексе посвящено не так много статей. По-видимому законодателю действительно необходимо обозначить некоторые пункты из Постановления Пленума ВС №19 в самом УК РФ, поскольку, как показывает практика, именно Кодексом руководствуются суды при принятии решения, не обращая внимания на действующее Постановление высшей судебной инстанции.

---

[1] Новости Первого канала. Запись в Facebook: 3 февраля в 19:15 [Электронный ресурс] . URL: https://m/facebook/com/watch/?v=1043955555620713&_rdr (дата обращения: 02.06.2019 г.)

[2] Комиссаров А. Необходимая самооборона, или когда преступник и жертва меняются местами // Гарант.Ру, 8 октября 2015 г.// URL: http://www.garant.ru/ia/opinion/author/komissarov/655817/.

[3] Там же.

Изучение данного института позволяет согласиться с мнением ряда ученых, которые считают, что до настоящего времени в законодательной конструкции норм о необходимой обороне свойственно большое число так называемых оценочных признаков, значение которых зависит от усмотрения правоприменителей, которые зачастую трактуются весьма неоднозначно и даже противоречиво, что не влияет лучшим образом на реализацию конституционной нормы о защите прав и свобод граждан России.[1]

Подводя итог, хочется отметить существующую несправедливость по отношению к людям, вынужденным защищать свои интересы и интересы других лиц, соблюдая условия правомерности применения необходимой обороны. По нашему мнению, очень сложно конкретизировать допустимые пределы необходимой обороны. Однако судам следует применять индивидуальный подход, обдумывать свое решение в конкретной ситуации, так, чтобы обороняющееся лицо, соблюдающее условия и пределы необходимой обороны, не становилось обвиняемым.

Намнясева Виктория Вячеславовна,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права
Волгоградской академии МВД России,

Конструирование уголовно-правовых норм с административной преюдицией: историко-правовой анализ

Традиционное понятие преюдиции в юридической науке связано, в первую очередь, с ее применением в процессуальном законодательстве. Под преюдицией (от лат. *praejudicialis* – относящийся к предыдущему судебному решению) понимается признание правоприменителем (судом, прокурором, следователем, дознавателем и т.д.) без дополнительной проверки и повторного исследования обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным решением по другому делу. В материальном праве понятие преюдиции приобретает иное значение. В отличие от процессуального законодательства, в материальном нормативное определение понятия «преюдиция» отсутствует. Большинством ученых под административной преюдицией уголовном праве понимается конструирование состава преступления путем установления уголовной ответственности за совершение административного правонарушения в том случае, если ранее виновный в течение определенного периода времени совершил одно

[1] Хун А.З. Проблемы правового регулирования необходимой обороны в деятельности // Вестник Краснодарского университета МВД России // № (30) 2015г. С.85

или более аналогичных административных правонарушений, за которые был привлечен к административной ответственности.

Если обратиться к историко-правовому анализу данного института, то можно отметить следующее. Законодательное закрепление административной преюдиции начинается в постреволюционном, советском законодательстве. Некоторые авторы указывают на более раннее появление этого института. Так, А.Г. Безверхов отмечает, что «предтечей рассматриваемому способу конструирования составов были все-таки законоположения царской России, и, прежде всего, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1885 г.)»[1], однако данное утверждение оспаривается рядом авторов. Первыми нормами с административной преюдицией (в современном понимании этого института) считаются ст. 79 УК РСФСР 1922 г., предусматривающая ответственность за «неплатеж в срок или отказ от платежа налогов, денежных или натуральных, от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение», и ст. 139-а УК РСФСР 1922 г. (в редакции декрета ВЦИК и СНК от 15 декабря 1924 г.), предусматривающая ответственность за «изготовление, продажу, скупку, хранение с целью сбыта и пользование продуктами и изделиями, обложенными акцизными сборами, с нарушением установленных акцизных правил»[2]. При совершении этих деяний впервые они наказывались «административными взысканиями, налагаемыми соответствующими органами власти в пределах, законом определенных». При повторном совершении наступала уголовная ответственность. В УК РСФСР 1926 г. количество норм с административной преюдицией было увеличено. В УК РСФСР 1960 г. в нормах с административной преюдицией (по состоянию на 31 декабря 1996 года – последний день действия УК РСФСР 1960 г. – эти нормы были размещены в 28 статьях) регламентировалась ответственность за преступления против государственной собственности, хозяйственные преступления, преступления против порядка управления и преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. Данные нормы предусматривали однократную административную преюдицию – наложение уголовного наказания после одного привлечения к административной ответственности.

При принятии Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года (далее – УК РФ) было решено отказаться от норм с административной преюдицией. В качестве обоснования данного решения указывалось на несоответствие данного института понятию преступления и принципам

[1] Безверхов А. Г. Административная преюдициональность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2010. № 2 (10). С. 46.

[2] Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Справ.-прав. система КонсультантПлюс.

уголовного права, и в первую очередь, принципу справедливости (non bis in idem - не дважды за одно и то же; ст. 50 Конституции Российской Федерации, ч. 2 ст. 6 УК РФ) и принципу равенства (ст. 19 Конституции Российской Федерации, ст. 4 УК РФ). Ряд ученых указывали, что даже несколько административных правонарушений не обладают материальным признаком преступления – общественной опасностью. В частности, Н.Ф. Кузнецова отмечала, что различие между преступлениями и административными правонарушениями не количественное, а качественное; административное правонарушение не обладает общественной опасностью, поэтому количество проступков не способно перерасти в качество преступления – «сто кошек не могут образовать одного тигра»[1]. Некоторые авторы указывали, что существование норм с административной преюдицией противоречило бы положениям ст. 8 УК РФ об основании уголовной ответственности, которым может быть признано только совершение деяния, которое само по себе содержит все признаки состава преступления, независимо от того, привлекалось ли ранее виновное лицо к административной ответственности[2].

Фактически в период с 1 января 1997 года до 2009 года административная преюдиция отсутствовала в УК РФ. Условно можно говорить о ее присутствии в скрытой форме в трех статьях Уголовного кодекса – это содержащиеся в диспозиции соответствующих уголовно-правовых норм указания на признак неоднократности или систематичности совершения деяний при наличии административной ответственности за однократное совершение тех же деяний. К данным нормам относятся: 1) преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий» – вовлечение несовершеннолетнего в *систематическое* (курсив мой – Н.В.) употребление спиртных напитков и одурманивающих веществ (ст. 6.10. КоАП РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков или одурманивающих веществ»); 2) преступление, предусмотренное ст. 154 УК РФ «Незаконное усыновление (удочерение)» – незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей, передаче их под опеку (попечительство), на воспитание в приемные семьи, *совершенные неоднократно* (курсив мой – Н.В.) или из корыстных побуждений (ст. 5.37. КоАП РФ «Незаконные действия по усыновлению (удочерению) ребенка, передаче его под опеку (попечительство) или в приемную семью»); 3) преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 180 УК РФ «Незаконное использование товарного знака» – незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначе-

[1] Кузнецова Н. Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 11 Право. 2003. № 1. С. 6.

[2] Гогин А. А. Ответственность за нарушение Федерального закона «О рекламе» // Право и политика. 2004. № 5. С. 27-32.

ний для однородных товаров, если это деяние *совершено неоднократно* (курсив мой – Н.В.) или причинило крупный ущерб (ст. 14.10. КоАП РФ «Незаконное использование товарного знака»)[1].

Следует отметить, что в период с 1997 до 2009 года на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации неоднократно вносились законопроекты, предусматривающие введение уголовно-правовых норм с административной преюдицией (например, в 2000 году – законопроект № 9004468953 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»; в 2001 году – законопроект № 7149953 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», в 2002 году – законопроект № 26373853 «О внесении дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации», в 2004 году – законопроект № 38981653 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», в 2006 году – законопроект № 37370554 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и др.). Однако в заключениях Правового управления Аппарата Государственной Думы РФ и решениях Комитета Государственной Думы по законодательству, рекомендовавших отклонить данные законопроекты полностью или частично, в качестве причины такого вывода указывалось, что понятие административной преюдиции исключено из уголовного законодательства и его восстановление противоречит концепции УК РФ.

В 2009 году Президент Российской Федерации Д.А. Медведев неоднократно высказывает свое мнение о целесообразности возвращения административной преюдиции: так, 11 февраля на заседании президиума Государственного совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» президент отметил, что он «бы считал правильным вернуться и к вопросу административной преюдиции»[2], а в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации Д. А. Медведев указал, что «в уголовном законе следует шире использовать так называемую административную преюдицию, то есть привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения»[3].

---

[1] Название и содержание соответствующих уголовно-правовых и административно-правовых норм в данном абзаце приводится в редакции на момент принятия и вступления в силу УК РФ и КоАП РФ.

[2] Стенографический отчёт о заседании президиума Государственного совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/3150.

[3] Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 12.11.2009 // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».

27 февраля 2009 года Правительством РФ в Государственную Думу РФ был внесен законопроект № 167805-5 «О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части уголовной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства)». В данном законопроекте содержались положения, возвращающие в уголовное законодательство институт административной преюдиции. В законопроекте предлагалось установить уголовную ответственность за «недопущение, ограничение или устранение конкуренции путем … неоднократного злоупотребления доминирующим положением…». При этом в примечании к ст. 178 УК РФ было сформулировано следующее определение неоднократности: «Неоднократным злоупотреблением доминирующим положением признается совершение лицом злоупотребления доминирующим положением более двух раз в течение трех лет, за которые указанное лицо было привлечено к административной ответственности». В пояснительной записке к законопроекту отмечалось, что закон «закон подготовлен в целях реализации принципа неотвратимости ответственности за общественно опасные нарушения антимонопольного законодательства … и будет способствовать повышению эффективности предупреждения и пресечения картельных соглашений и иных фактов монополистической деятельности»; предложенное «определение неоднократного злоупотребления доминирующим положением согласуется с пунктом 11 статьи 4 Федерального закона "О защите конкуренции", которым раскрывается понятие "систематическое осуществление монополистической деятельности"»[1]. В официальном отзыве Верховного Суда Российской Федерации на рассматриваемый проект федерального закона было высказано несколько замечаний: 1) «содержащееся в законопроекте предложение установить в качестве условия наступления уголовной ответственности -предшествующее привлечение лица к административной ответственности противоречит концепции действующего Уголовного кодекса Российской Федерации, который не предусматривает конструирования составов преступления с административной преюдицией»; 2) «положения пункта 11 статьи 4 Федерального закона «О защите конкуренции» … не связывают систематичность с обязательным привлечением к административной ответственности»; 3) «факт привлечения лица к административной ответственности более двух раз в течение трёх лет будет иметь юридические последствия, в том числе и наступление уголовной ответственности в соответствии с предлагаемой редакцией статьи 178 УК РФ, только при условии соблюдения положения

[1] Законопроект № 167805-5 «О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части уголовной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства)» // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации [Электронный ресурс]: http://www.sozd.duma.gov.ru/bill/167805-5.

статьи 4.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, согласно которому лицо считается подвергнутым административному наказанию в течение одного года со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания»[1].

Однако в заключении Правового управления Аппарата Государственной Думы РФ было указано, что «по названному законопроекту замечаний правового, лингвистического, юридико-технического характера не имеется»[2]. 17 июля 2009 года соответствующий закон был принят Государственной Думой и направлен в Совет Федерации. В заключении Правового управления Аппарата Совета Федерации РФ было отмечено, что «установление при определении неоднократности злоупотребления доминирующим положением трехлетнего срока для привлечения лица более двух раз к административной ответственности не согласуется со статьей 4.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в соответствии с которой лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию в течение одного года со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания»[3]. Однако, несмотря на данное замечание, 18 июля 2009 года закон был одобрен Советом Федерации и 29 июля 2009 года подписан Президентом Российской Федерации[4].

В научном сообществе реакция на возвращение административной преюдиции была неоднозначной. Н.А. Лопашенко так прокомментировала это событие: «в уголовное законодательство вернулась административная

---

[1] Официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации на проект федерального закона «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации [Электронный ресурс]: http://www.sozd.duma.gov.ru/bill/167805-5.

[2] Заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по проекту федерального закона № 167805-5 «О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации [Электронный ресурс]: http://www.sozd.duma.gov.ru/bill/167805-5.

[3] Заключение Правового управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по Федеральному закону «О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации», принятому Государственной Думой 17 июля 2009 года// Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации [Электронный ресурс]: http://www.sozd.duma.gov.ru/bill/167805-5.

[4] Следует отметить, что федеральным законом от 08.03.2015 № 45-ФЗ «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации» в ст. 178 УК РФ вновь были внесены изменения: изменено название статьи, диспозиция ч. 1 ст. 178 УК РФ (в частности, исключен признак неоднократности) и отменен пункт примечания, в котором было сформулировано определение неоднократности. Таким образом, в настоящее время данная статья не предусматривает административную преюдицию.

преюдиция в своем худшем проявлении»[1]. Обосновывая свою позицию, Н.А. Лопашенко отмечает, что «мало того, что законодатель считает более опасным третье административное правонарушение, ничем более от первых двух не отличающееся (почему не второе или пятое – нет ответа), так он еще и не принимает во внимание тот факт, что к моменту наказания лица за третье подобное правонарушение лицо во многих случаях считается или вообще не имеющим административного наказания (оба погашены), или имеет только одно непогашенное административное взыскание (одно погашено)»[2].

После так называемого «пилотного проекта» 2009 года начался период пополнения уголовного законодательства нормами с административной преюдицией. С 2011 года по настоящее время в УК РФ в 13 статьях появились нормы с административной преюдицией: ст. 151^1 УК РФ (федеральный закон от 21.07.2011 № 253-ФЗ); с. 212^1 УК РФ (федеральный закон от 21.07.2014 № 258-ФЗ); ст. 314^1 УК РФ (федеральный закон от 31.12.2014 № 514-ФЗ); ст. 264^1 УК РФ (федеральный закон от 31.12.2014 № 528-ФЗ); ст. 284^1 УК РФ (федеральный закон от 23.05.2015 № 129-ФЗ); ст. 215^4 УК РФ (федеральный закон от 30.12.2015 № 441-ФЗ); ст.ст. 116^1, 157, 158^1 УК РФ (федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ); ст. 171^4 УК РФ (федеральный закон от 26.07.2017 № 203-ФЗ); ст. 215^3 УК РФ (федеральный закон от 29.07.2018 № 229-ФЗ); ст. 315 УК РФ (федеральный закон от 02.10.2018 № 348-ФЗ); ст. 282 УК РФ (федеральный закон от 27.12.2018 № 519-ФЗ). Однако, к сожалению, в большинстве случаев эта деятельность характеризуется всеми теми негативными процессами, которые на современном этапе присущи редактированию Уголовного кодекса Российской Федерации[3]. А.В. Иванчин констатирует: «К сожалению, нововведения УК РФ в части административной преюдиции носят (как и многие другие) бессистемный характер, не согласованы с административным законодательством, имеют иные дефекты»[4]. Законодатель не учитывает ни исторический опыт конструирования анализируемых норм в российском уголовном праве, ни опыт законодательного конструирования зарубежных государств, ни правила юридической техники.

---

[1] Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 64.

[2] Там же. С. 70.

[3] Позиция автора по данному вопросу изложена в статье: Намнясева В.В. Патология уголовного права: перспектива или реальность? // Философия права. 2017. № 3. С. 85-92.

[4] Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 2014. С. 322-323.

Полагаем, что в качестве одного из приемов законодательной техники допустимо установление уголовной ответственности за повторное совершение административного правонарушения, если деяние совершено в период, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию за такое же нарушение. Однако необходимо дозированное использование данной юридической конструкции и установление единых правил ее применения.

Некрасова Анастасия Владимировна,
слушатель 5 курса факультета по подготовке
специалистов для подразделений охраны общественного
порядка и обеспечения общественной безопасности
Краснодарского университета МВД России;
Самойлов Сергей Федорович,
доктор философских наук, профессор,
начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России

Критика идеологии праворадикализма как элемент профилактики экстремизма в молодежной среде

Приступая к опровержению идеологии праворадикализма, необходимо уяснить психологические основы привлекательности националистических и расистских взглядов для индивидуального и массового сознания. В основании праворадикализма, также как и любой другой экстремисткой идеологии, лежит отказ индивида и социальной группы от принятие собственных несовершенств и возлагание вины на другого. Специфика праворадикальной идеологии заключается в том, что в качестве образа врага выступают представители других национальностей или рас. Во многом, это обусловлено тем, что индивид, сталкиваясь с той или иной проблемой, неосознанно ищет поддержки со стороны той или иной общности для того, чтобы почувствовать себя сильным.

Одним из способов обретения чувства защищенности служит отнесение себя к какой-либо социальной группе: чем больше группа, к которой относит себя индивид, тем более защищенным он кажется самому себе. Однако отождествление себя с определенной группой автоматически превращает противоположную группу во врага.

Особенностью праворадикальной психологии является то, что индивид отождествляет себя не с определенным социальным классом, а с нацией или расой. В свою очередь, национальная и расовая принадлежность являются неизменными человеческими характеристиками, а конфликт, связанный с негативной оценкой какой-либо нации или расы, является, в

принципе, нерешаемым. Человек не может изменить своей этнической принадлежности. В этом отношении праворадикализм опаснее леворадикальной идеологии, поскольку последняя допускает возможность изменения социального статуса человека. Можно отказаться от своей принадлежности к «эксплуататорскому» классу, но нельзя изменить свои расы или национальности.

Праворадикализм, предлагая индивиду отождествить себя с этнической принадлежностью, одновременно создает образ врага, который не может себя изменить в принципе. В свою очередь, борьба с этим врагом будет служить для индивида средством наделения собственной жизни смыслом. Борясь с представителями других наций и рас, индивид реализует не столько собственные интересы, сколько интересы своей этнической группы либо расы. Таким образом, национальный конфликт в праворадикальной идеологии носит перманентный, постоянный характер, поскольку он выступает средством решения проблемы смысла жизни.

Однако разжигание и поддержание национальной и расовой ненависти, свойственное праворадикализму вступать противоречие с главной целью данной идеологии обеспечения нормального развития своей нации или расы. Пребывание в состоянии постоянной войны с другими нациями и расами делает невозможным нормальное существование собственного этноса.

Нельзя сказать, что данное противоречие не сознается самими сторонниками праворадикальной идеологии. Выходом из него служит утверждение, что борьба наций и рас является продолжением естественного отбора, имеющего место в природе и служащего одним из главных средств осуществления эволюции. Подобно тому, как в природе выживают наиболее приспособленные к внешним условиям животные, так и борьба наций и рас, по мнению праворадикалов, должна привести к появлению совершенной человеческой породы. Но данное оправдание национальной и расовой ненависти означает сведение человека к его животной составляющей. Отсюда следует вывод, что последовательный праворадикализм возможен только при условии отказа индивида от гуманистических и социальных ценностей. И, действительно, для праворадикальной идеологии главным в человеке выступает не полнота его личных характеристик, а его этническая или расовая принадлежность. Представители своего этноса или расы изначально оцениваются положительно, тогда как представители чужих рас и национальностей автоматически являются врагами. И действительно, человек, рассматривающий социальную жизнь в качестве борьбы различных наций и рас и признающий такую борьбу нормальной, автоматически оправдывает принцип выживания сильнейшего, характерного для животного мира.

На основании сказанного, можно сделать вывод о том, что праворадикальная идеология сопряжена с деградацией общественного и нрав-

ственного сознания индивида. Она пробуждает в нем животные инстинкты и нацеливает на проявление агрессивности, при одновременном снятии ответственности за собственные социально-опасные действия.

Теперь рассмотрим основные аргументы, опровергающие важнейшие положения праворадикальной идеологии.

Критика национализма.

В праворадикализме нация рассматривается в качестве высшей ценности, а национализм в качестве идеологии адекватным образом отражающей логику развития социального мира, который предстает в качестве арены борьбы различных наций за реализацию своих интересов. Нельзя сказать, что националистическая доктрина не права в принципе, нация действительно играет огромную роль в социальной жизни, сознание причастности к определенной нации позволяет индивиду подняться на определенную ступень духовного развития. Вместе с тем, абсолютизировать ни национальное самосознание нельзя, поскольку оно является всего лишь одной из форм самосознания. Для индивида важно чувствовать причастным себя к определенной нации, но и не менее важным служит осознание важности общечеловеческих ценностей, тогда как замыкание на национальном самосознании автоматически превращает представителей других наций если не во врагов, то в соперников. При определённых обстоятельствах, даже в случае отсутствии шовинистических установок сознания, это приводит к предвзятому отношению к людям по национальному признаку, а часто и к национальной ненависти. По этой причине национальное самосознание всегда должно дополняться моральным, религиозным, профессиональным и иными формами самосознания, поскольку в противном случае происходит духовное саморазрушение личности, ее скатывание не уровень социального животного борющегося за свою стаю[1].

Рассмотрение нации в качестве главного субъекта социального и исторического процессов также не выдерживает критики. Не вдаваясь в обсуждение вопросов о том, что является субъектом социальной жизни можно с уверенностью утверждать, что глобализационные процессы, протекающие в современном мире, свидетельствуют, о том место нации определяется тем, какой вклад она вносит в развитие мировой экономики, культуры, поддержание международной безопасности. Таким образом, нация с одной стороны, является самоценным началом, но с другой включена, во всемирно-исторический процесс и обязана способствовать социальному, культурному и нравственному прогрессу человечества. Национализм же абсолютизирует частные интересы отдельной нации и при этом предлагает их натуралистическую интерпретацию, усматривая в их борьбе за территорию, энергетические ресурсы, отстаивание экономических интересов.

---

[1] Барыгин И.Н. Основные тенденции эволюции современных российских крайне правых // Политико-правовое устройство реформируемой России: планы и реальность. СПб., 2015. Вып. 3. С. 76.

В результате, национализм предлагает человечеству образ замкнутого, неразвивающегося мира, в котором происходит борьба наций за существование и власть, не ставящих перед собой задач, способных преодолеть примитивный этноцентризм. Вместе с тем, современный мир требует от человечества консолидации сил для преодоления глобальных проблем, ставящих под вопрос само его существование. Ни одна нация не способна решить эти проблемы в одиночку. Ни одна нация, как показывает история, не способна достичь мировой гегемонии. Поэтому альтернативы многополярному миру, ориентирующей человечество на преодоление этноцентризма на основе гуманистических ценностей, не существует.

Критика идеи правового доминирования русской нации в России.

Идеи, в той или иной интерпретации общей для всех направлений отечественного праворадикализма, является идея закрепления особого статуса русской нации в России. Данная идея представляет собой приложение к российским условиям принципа этноцентризма, характерного для национализма в целом, можно выделить два основных направления ее реализации, предлагаемые различными ***направлениями праворадикализма:***

– трансформационный путь предполагает роспуск имеющейся федерации, отмену национальных автономий и создание новых субъектов с парламентами, сформированными по национальному принципу и образование по данному принципу и федерального парламента;

– сегрегационный путь или путь русского сепаратизма, полагает необходимым отделение территорий с компактным проживанием русских и созданием на них самостоятельных республик, соединенных в конфедерацию.

Общим для обоих путей обретения русскими особого положения служит представление, характерное для многих направлений праворадикализма и связанное с недопустимостью смешения понятий «русские» и «россияне». Для большинства националистов «россияне», это искусственное понятие, созданное действующей властью с целью оправдания целенаправленной политики по смешению русских с «инородцами», и потому связанное с потерей первыми своей идентичности. Поскольку нация выступает в качестве более ценного понятия, нежели государство, которое призвано лишь реализовывать интересы нации, то сохранение конституционного строя, территориальной целостности и равноправия народов не являются для русских националистов незыблемыми ценностями, для них имеет ценность только такое государство, в котором русская нация занимает доминирующее положение. Поэтому разрушение, в том числе и насильственное, действующего правопорядка представляется российским праворадикалами нормальным.

Критикуя идею праворадикалов о необходимости законодательного закрепления особых прав русского народа, следует помнить, что само понятие нации трактуется ими натуралистически. Для многих течений праворадикализма термин «нация» тождественен понятию «этнос», тогда

как нация значительно более общее понятие, предполагающее в единство нескольких этносов, общность истории, наличие единого самосознание, вовлеченность в общие экономические, социальные, политические и культурные процессы. Другими совами нация это духовное, а не антропологическое понятие. Поэтому «россияне» как некая духовная общность, связанная общностью территории проживания, истории, определенного социально-экономического, уклада, ценностных ориентиров, самосознания, несомненно, имеет место быть, а русские выступают в качестве одной из важнейших составляющих в формировании российской нации. При этом наличие нации как духовной общности допускает существование нескольких наций входящих в ее состав. Например, в состав швейцарской нации входят несколько наций германо-, франко-, итало- швейцарцы и ретороманцы, различающиеся по языку и вероисповеданию, но обладающих, единством территории проживания, устойчивой государственностью, четким самосознанием, общей культурой[1].

Опасность идеи закрепления особого статуса русских заключается не только в недопустимости господства одной нации над другой в современном мире, но и в прямой угрозе нормального существования самого русского народа. Провозглашая благо русской нации в качестве главного мотива своей политической деятельности, российские праворадикалы провоцируют развязывание гражданской войны по национальному принципу. Следует подчеркнуть, что многими идеологами праворадикализма эта опасность не просто сознается, но и оценивается положительно, как важный шаг на пути обретения собственно русской идентичности.

Опасность идеи доминирования одной нации в многонациональном государстве является самоочевидной. Однако данное обстоятельство не снимает вопроса о причинах ее поддержки ее определенными социальными группами. Объяснением этого служит стремление радикально настроенных сил государственной власти посредством обретение поддержки в широких слоях населения. Одним из таких слоев является самая многочисленная национальность, завоевание симпатий которой представляется радикально настроенных политикам удобным средством достижения своих целей. Таким образом, идея завоевания доминирования русской нации в России, служит для националистов лишь средством захвата власти.

Говоря о недопустимости фактического или законодательно закрепленного господства одной нации над другими нациями нельзя не указать на безнравственный характер данной идеи, поскольку она автоматически признает превосходство одного человека над другим только на основании его принадлежности к определенному этносу. И наоборот, признание превосходства одной нации над другой приводит к ограничению прав челове-

[1] Денчев К. «Ультраправая волна» в Европе: 90-е годы XX – начало XXI века // Новая и новейшая история. 2008. № 5. С. 70.

ка по национальному признаку. Такого рода нарушения неизбежны, если будет реализована поддерживаемая многими праворадикалами идея национальных квот при выборе в парламент.

На основании всего выше сказанного можно сделать уверенный вывод о том, что реализация идеи доминирования русской или какой-либо нации в России не только провоцирует социальную напряженность в обществе, но и мешает его нормальному функционированию. Для сотрудников полиции праворадикальное отношение к конституционному строю, государству, правам и свободам граждан представляется неприемлемым.

Критика антисемитизма.

Одной из важнейших характерных черт праворадикальной идеологии является антисемитизм, который свойственен национал-социализму, национал-республиканству и ряду национал-монархических организаций. В целом антисемитизм можно определить как частный случай ксенофобии – неприятия чужой национальности, культуры и религии. Так же как и другие формы ксенофобии антисемитизм построен по принципу «козла отпущения» –формирование образа виновника всех бег и переложение на него ответственности за происходящее***. Выбор евреев в качестве предмета ненависти объясняется целым рядом причин, важнейшими из которых является их:***

– определенные культурные различия между еврейской и европейской культурами;

– догматические противоречия между христианством и иудаизмом;

– отсутствие компактных мест проживания;

– наличие большого числа видных представителей, успешно участвующих в социальной конкуренции.

Специфика праворадикального антисемитизма, его принципиальное отличие от бытового неприятия представителей еврейской нации следует признать, представления о «тайном мировом правительстве» состоящем из евреев, об ответственности евреев за гибель Российской империи, о руководстве евреями масонским орденом и т.д. Другими словами праворадикальный антисемитизм носит детальный характер, обоснованный характер и может принимать различные концептуальные формы:

– социально-конфликтную, связанную с обвинениями евреев в стремлении к занятию ключевых мест в экономике, политике, социальной жизни, с целью достижения господства над миром;

– религиозную, объясняющую «враждебность» евреев к европейским народам в целом и русским в частности, неприятием христианства;

– расовую, рассматривающую евреев в качестве неполноценной расы, стремящуюся разложить «высшую», «арийскую» расу изнутри.

Рассмотрим основные опровержения против указанных форм антисемитизма.

Рассмотрим основные аргументы направленные против социально-конфликтной формы антисемитизма. Социальная жизнь неотделима от социальной конкуренции, специфика современного общества заключается в том, что в нем в качестве главных конкурентов выступают индивиды. Современный мир это конкуренция прежде всего индивидов, в этой борьбе имеет значение личные деловые и творческие способности. При проигрыше в этой борьбе всегда есть соблазн оправдать себя, что соперник вел себя не честно. Одной из форм такого не честного социального поведения служит обвинение соперника в том, что он пользуется поддержкой определенной группы, клана и т.д. Поэтому утверждения о том, что «евреи заняли все ключевые места в государстве», «евреи «двигают» своих и не дают русским править своим государством», могут быть переведены следующим образом, «я проиграл в социальной борьбе или даже не решился на социальную борьбу потому что придется сражаться не один на один, а с целой группировкой». Но как правило такие объяснения служат слабым оправданием собственной бездарности, трусости и неспособности к самосовершенствованию. Но часто социально-конфликтный антисемитизм не ограничивается простым отказом от борьбы. Он имеет агрессивный характер и нацелен на смещение соперников с занимаемых мест по причине их национальности. Так, одним из лозунгов праворадикалов, пользующегося поддержкой у малообразованных слоев граждан является призыв «очистить власть от засилья евреев». На правовом отношении подобные лозунги есть ничто иное как дискриминация по национальному признаку.

Одно из лучших опровержений социально-конфликтного антисемитизма дал русский философ Н.А. Бердяев, который в своей работе «Христианство и антисемитизм» подчеркивал: «Когда изъявляют претензии на то, что Фрейд был еврей, что еврей Бергсон, то это есть претензии бездарности. ... Есть только один способ борьбы против того, что евреи играют ведущую роль в науке, философии и т.д.: делайте сами великие открытия и будьте великими учеными. Бороться с преобладанием евреев в науке можно только одним способом собственным творчеством»[1].

В целом социально-конфликтный антисемитизм можно охарактеризовать как подмены мирного и соревновательного характера социальной жизни методами социальной агрессии и национальной дискриминации.

Теперь перейдем к критике религиозного антисемитизма, представляющего собой представляющего собой, самую древнюю и форму данного негативного социального явления. Религиозный антисемитизм в Российской империи имел наибольшее распространение, а в условиях современного, секуляризованного общества несколько утратил свое значение. Однако в настоящее время он играет определенную роль, как среди представителей обыденного и религиозного сознания, так и в праворадикальной

[1] Бердяев Н.А. Христианство и антисемитизм. http://www.vehi.net/berdyaev/ant2.html

среде. Главной особенностью данной формы рассматриваемого явления служит то, что религиозный антисемитизм не тождественен анти иудаизму. Подтверждением данного утверждения может служить то обстоятельство, что не смотря на крещение многих евреев продолжает преследовать религиозная ненависть, поскольку наиболее убежденные антисемиты полагают, принятие евреями христианства не является искренним[1]. Поэтому можно утверждать, что религиозные разногласия между иудеями и христианами служат лишь поводом для национальной ненависти.

Что касается собственно религиозной ненависти, то основными обвинениями в адрес иудаизма служит ***утверждениями о том, что***:

– евреи провозгласили себя богоизбранным народом;

– евреи не приняли Христа как Мессию и предали его казнь римлянам.

Возражая на первое обвинение необходимо подчеркнуть, что все религии подчеркивают свою избранность. Христианство, ислам так же как и иудаизм признают свою избранность. Особенностью же иудаизма является то, что он является не мировой, а национальной религией. При этом исключительность религиозной веры является средством спасения во всех авраамических религий, первой из которых является иудаизм. В логике религиозного сознания не евреи провозглашают себя богоизбранными, а Бог выбирает их народ для своих целей, важнейшей из которых является спасение человечества в целом. Но каким бы образом не относится к данной идеи, один факт можно признать бесспорным: именно соблюдение норм иудаизма позволило еврейскому народу сохраниться на протяжении тысячелетий. Таким образом, вера в Бога выступает в качестве с одной стороны в качестве самосохранения этноса, само же по себе богоизбраничество свойственно всем религиям.

Опровергая второе обвинение следует помнить, что любая религия консервативна по своей природе, поскольку она полагает, что хранит Откровение данное ей Богом, сохранение этого Откровения в неизменном виде является священной обязанностью каждой конфессии. Христианство возникшее в недрах иудаизма вступило в противоречие с важнейшими постулатами иудаизма. Естественно, что это не могло не вызвать ответной реакции с его стороны, для иудаизма Иисус является лже Мессией. Вместе с тем, первые христиане начиная с апостолов являлись евреями, история знает большое число примеров искреннего принятия евреями христианства, внесший в большой вклад в развитие христианской религии и культуры. Более того, дискриминация по национальному признаку совершенно чужда христианству, действующему по принципу «несть эллина, несть иудея», то есть безразличия по отношению к нации и расе. Помимо этого богоизбранчество еврейского народа не ставится в христианстве под сомнение,

[1] Умланд А. Сравнительный анализ новых крайне правых групп на Западе (по поводу книги М. Минкенберга) // Политические исследования. 2017. № 3. С. 175.

не приятие же иудаизмом жертвы Христовой подлежит суду Божию, а не человеческому. Таким образом, антисемитизм для христианства абсолютно не приемлем.

Третьей формой антисемитизма является расовый антисемитизм, рассматривающий евреев, как уже было сказано выше, в качестве неполноценной расы. Данное утверждение является одним из постулатов нацистской расовой теории и находит большую поддержку в среде зарубежных и отечественных неонацистов. ***Доказательствами, используемыми в пользу данного утверждения, служат следующие аргументы***:

– антропологический аргумент, основанный на сопоставлении антропологических характеристик представителей европейских и семитских народов;

– креативный аргумент, заключающийся в утверждении, что лица еврейской национальности не совершают научные и культурные открытия, а присваивают их.

Антропологический аргумент не выдерживает критики, поскольку выстраивание человеческих рас в виде иерархии не подтверждается исследованиями айкью представителями различных рас. Выстраивание же антропологических типов по эстетическому принципу совершенства, является привнесением в ненаучного знания в научное.

Обвинение евреев в присвоении интеллектуальных достижений европейской цивилизации может быть смело отнесено к теории заговора. С другой стороны, достижение представителей еврейской нации в области науки и культуры не вызывают сомнений. Можно назвать десятки и сотни деятелей науки и культуры, еврейской национальности, которые достигли в своих областях высоких результатов. Если же говорить о причинах таких достижений, то скорее всего ответ на него следует во-первых, в особом внимании к образованию, традиционно уделяемому в семьях европейских и американских евреях, а во вторых, в принадлежности евреев одновременно к двум культурам, собственной и европейской, благодаря чему им часто удавалось находить нестандартные решения возникающих научных и духовных проблем. В целом же объявлять нацию предложившую сотни имен выдающихся религиозных и культурных деятелей, философов, ученых, изобретателей в неполноценности выглядит абсурдным.

На основании все сказанного можно сделать уверенный вывод о том, что не смотря на наличие определенных аргументов антисемитизм безусловно имеет психологическую природу и связан с попыткой индивида и массового сознания компенсировать свои комплексы, снять с себя ответственность за свои неудачи на другого, выразить параноидальный страх и т.д. Поэтому антисемитизм обычно преодолевается не столько опровержениями посредством обращения к фактам, но и посредством морально-психологической коррекции сознания лиц, разделяющих данные взгляды.

Критика неоязычества.

В современном мировоззрении современного российского праворадикализма неоязыческая составляющая играет значительную роль. Например, идеологии национал-демократии и национал-республиканства допускает равноправие светского сознания, христианства и неоязычества, а национал-социалистическая идеология отдает ему явное предпочтение. По этой причине критике неоязычества следует уделить особое внимание, не забывая о том, что в светском государстве, к которым является современная Россия, человек обладает правом исповедовать любую религию или придерживаться атеистических взглядов. Необходимость идеологического противодействия неоязычеству объясняется тем, что оно часто служит средством вовлечения в праворадикальную среду. Важнейшими положениями против неоязычества могут служить ***следующие аргументы:***

– современное язычество не имеет никакой генетической связи с язычеством древних славян, оно сформировалось только в XX столетии и может быть отнесено к новым, нетрадиционным религиям и следовательно не может претендовать на сохранение культурных и духовных традиций[1];

– неязыческое мировоззрение предлагает своим адептам вымышленную историю славянской культуры, представленную такими явными мистификациями как Велесова и Голубиная книги, Славяно-арийские веды, славянские руны и узелковое письмо, славянские мифы, коловрат и свастика как древние славянские символы и т.д., что свидетельствует о том, что идеологи неоязычество сознательно вводят в заблуждение своих последователей;

– мистификация истории славянства необходима идеологам и служителям неоязыческих культов не только для создания религиозной доктрины, но и для разжигания религиозной ненависти, которая вытекает из утверждения о том, что славяне обладали развитой духовной и материальной культурой, уничтоженную христианами, несущими за это ответственность;

– неоязыческие культы тесным образом связаны с националистической идеологией, в частности с «русским сепаратизмом», расовой теорией, шовинизмом и потому не являются чисто религиозными практиками;

– неоязычество в организационном отношении не представляет собою единого целого, но является конгломератом разнородных и часто враждующих сект, которые не могут, в случае широкого распространения в обществе консолидировать русскую нацию, но напротив приведут ее к разобщению;

– в нравственном отношении ценности неязыческих культов уступают ценностным ориентирам авраамических религий, поскольку ориен-

[1] Мисюров Д.А. Политика и символы в России. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 159.

тируют своих последователей на достижение земных, а часто чисто животных благ;

– неоязычество не является подлинной религией, по сути, оно представляет собою свободное творчество в религиозном облачении, что с точки зрения авраамической религиозности является чистым идолопоклонством, которое подменяет стремление человека к истине потаканием собственным желаниям;

– социальную опасность создания и поддержания неоязыческих культов можно проследить на примере истории Третьего Рейха.

Завершая изложение основных возражений против неоязычества как составляющей праворадикальной идеологии необходимо подчеркнуть, что оно не ставя под сомнение конституционное право граждан на своду вероисповедания сотруднику полиции как при выборе собственного мировоззрения, так и в процессе работы по профилактике проявлений экстремизма праворадикального характера необходимо помнить, что неоязыческие культы в некоторых случаях могут использоваться для вовлечения в праворадикальную среду.

Критика расизма

Расизм свойственен только одному направлению праворадикализма национал-социализму, однако это не означает что данная установка является для рассматриваемой идеологии чем-то случайным. Напротив, расизм представляет собой логическое завершение тенденции националистического мировоззрения в целом. И действительно, представление о высших и низших расах или о принадлежности человеческих рас к разным биологическим видам следует рассматривать как идеологическое обоснование ксенофобии и шовинизма. Поэтому расизм может быть оценен как выявление человеконенавистнической природы праворадикальной идеологии в целом, а его критика в качестве важнейшей составляющей мировоззренческого противодействия экстремизму праворадикальной направленности в целом. ***Важнейшими возражениями против различных расовых теорий могут служить следующие аргументы:***

– современная наука однозначно доказала видовое единство происхождения человечества и его расселение из единого центра Африки;

– признание истинности расовой теории означает признание представителей небелых рас в качестве представителей других нежели homo sapiens биологических видов, что имеет антинаучный и аморальный характер;

– деление рас на высшие и низшие расы, возможно только на основании интеллектуальных различий, но эти различия если и имеют место, то являются не врожденными, а сугубо социальными;

– по своей психологической природе расизм построен по принципу вымещения злобы на меньшинствах и чужаках и потому не имеет отношения к объективному пониманию сущности человека;

– в морально-нравственном плане расовая теория представляет собой частный случай т.н. социал-дарвинизма рассматривающего человеческое общество в качестве продолжения животного мира и признающего борьбу за выживание нормой социальной жизни;

– понятие «арийцы» первоначально было сформулировано в области языкознания и служило для обозначения языковой общности индоевропейских народов и лишь позже получило антропологическую интерпретацию, что свидетельствует об умозрительном способе его образования;

– расовые теории часто носят не только пара научный, но и откровенно эзотерический характер, так нацистское понятие «арийской» расы вплетена в целостную мифологическую концепцию;

– расизм как концепция служит обоснованием таких античеловеческих социальных практик как апартеид и геноцид.

В целом расизм представляет собой наиболее социально опасную праворадикальную концепцию недопустимость, которой признано как российским, так и международным законодательством.

Завершая краткий обзор основных способов выявления лиц разделяющих праворадикальные взгляды и опровержения основных положений праворадикализма необходимо подчеркнуть, что успешное противодействие распространению идеологии праворадикальной направленности требует от сотрудников полиции значительных знаний в области целого ряда социально-гуманитарных дисциплин, требующих от них постоянного повышения своего интеллектуального и профессионального уровня.

Никуленко Андрей Вячеславович,
кандидат юридических наук, доцент**,**
доцент кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России

Возможности совершенствования крайней необходимости

Институт крайней необходимости относится к числу древнейших институтов уголовного права. Исторические данные свидетельствуют о том, что первые нормы, устраняющие ответственность лица, причинившего вынужденный вред общественно значимым интересам, возникли в результате формального закрепления норм обычного права.

Постановления о допустимости причинения вреда с целью защиты более ценного блага были известны римскому праву.

Эдикты Ульпиана указывали на то, что «при коллизии двух неравноценных благ устраняется всякий иск», «не подвергается никакой ответственности тот, кто выбросил в море чужой товар для спасения своего». Древнеримское право допускало разрушение дома в случае пожара, с

дальнейшим предъявлением иска к виновному, самовольное изъятие чужой вещи во время угрожающей ей опасности. Принципы крайней необходимости применялись и к принудительным сделкам, и к невозможности исполнения обязательств.

Более содержательный подход к праву крайней необходимости наблюдается у средневековых канонистов[1]. Каноническое право – право, исходящее из законодательного авторитета христианской церкви, основными источниками которого были Bussordnungen и Corpus iuris canonici. Согласно им крайней необходимостью оправдывались такие действия, как совершение священником богослужения при отсутствии надлежащей обстановки, употребление запрещенной церковными правилами пищи (например, прерывание поста), нарушение принятого обета. Для защиты жизни правомерно было жертвовать всяким чужим благом (жизнью, телесной неприкосновенностью, имуществом). С этой целью допускалось также нарушение любой обязанности. Наказание за несоблюдение установленных законом запретов либо устранялось, либо значительно смягчалось. Наказание устранялось и в случаях, когда мотивом совершения преступного деяния был страх. Кража по нужде наказывалась только в случаях, когда была совершена неоднократно.

Впервые упоминание о крайней необходимости сложилось в средние века с появлением таких понятий как: «нужда закона не знает», «что не дозволено законом, делает дозволенной необходимость» и т. д. Для состояния крайней необходимости характерно столкновение двух интересов, когда для спасения более ценного блага человек жертвует менее ценным благом.

В XVII в. в Европе возникают идеи, признающие существование естественных прав человека. Под влиянием доктрины естественного права происходит дальнейшее развитие учения о крайней необходимости. Ей посвящают свои труды Г. Гроций, С. Пуффендорф[2], Х. Вольф. В их сочинениях право рассматривается как продукт общественного договора между людьми. На фоне этой идеи формируется представление о том, что в пору

---

[1] Энциклопедия государства и права / Под ред. П. И. Стучки. Т. 2. М., 1930. С. 423.

[2] Самуил Пуфендорф является автором многих исторических и юридических трудов, хорошо известных в Европе во второй половине XVII - первой половине XVIII в. Первую всеевропейскую известность Пуфендорфу принес памфлет на конституцию Германской империи «De statu Imperi Germanici», написанный им под псевдонимом Северина де Монзамбано (1667 г.). Наибольшей популярностью в XVII–XVIII столетиях пользовались три произведения немецкого ученого. В первых двух – «De jure naturae et gentium» (1672 г.), «De officio hominis et civis juxta legem naturalem» (1673 г.) – излагались основные положения теории естественного права, третье – «Einleitung zu der Historie der Vornehmsten Reiche und Staaten, so itziger Zeit in Europa sich befinden» (латинское издание вышло под названием «Introductio ad Historiam Europeam») (1684 г.) – представляло собой первое в Новое время обстоятельное изложение истории европейских стран. И эти три, и другие сочинения Самуила Пуфендорфа неоднократно переиздавались как на латыни, так и в переводе на многие европейские языки.

тяжелой нужды оживает былое общее право на пользование имуществом. Действия, совершаемые при крайней необходимости, обосновываются человеческой слабостью. Если давление необходимости достигает крайних пределов и иной выход из трудного положения, кроме нарушения закона, отсутствует, то это обстоятельство создает «merum ius naturale» («чистое право природы»), которое, в свою очередь, возрождает первоначальное естественное право.

В этом плане для нас интересна теория С. Пуффендорфа, которая основывается на инстинкте самосохранения. Общую идею крайней необходимости ученый расширяет до пределов столкновения человеческих жизней. На первый план им выдвигается идея самосохранения, ибо человек не в силах освободиться от этого стремления. Законодатель, по его мнению, устанавливая свои веления, заботится прежде всего о благополучии граждан, имея перед глазами природу человека, заставляющего его искать спасения всюду, где ему грозит опасность. С. Пуффендорф делает общий вывод о том, что крайняя необходимость везде должна приниматься во внимание, где это категорически не воспрещено законом. По мнению ученого, при крайней необходимости деяние совершается в необычной правовой форме.

С. Пуффендорф первым смоделировал ситуацию сталкивания человеческих жизней, названную впоследствии «Пуффендорфовой доской спасения». Ученый утверждал, что если во время кораблекрушения кто-либо, спасая свою жизнь, схватится за доску, на которой не могут уместиться двое, а кто-либо другой, борясь со смертью, ухватится за ту же доску, что может погубить обоих, то в этом случае первый поступит вполне правильно, если столкнет с доски второго и таким образом спасет себя. Такое действие Пуффендорф объявлял непреступным[1].

В XVIII–XIX вв. проблемы крайней необходимости исследуются в рамках философии права. В сочинениях Фихте, Гегеля, Канта, Фейербаха крайняя необходимость рассматривается как основополагающий институт уголовного права.

---

[1] Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726. С. 76. Пуфендорф, С. О должности человека и гражданина по закону естественному: Книги две, сочиненныя Самуилом Пуфендорфом; Ныне же на российский с латинскаго переведенныя, повелением благочестивейшия великия государыни Екатерины Алексиевны, императрицы и самодержицы всероссийския, благословением же Святейшаго правительствующаго всероссийскаго синода; [Перевод И. Кречетовского]. [СПб.]: Санктпетерб. тип., 1726. Кн. 1: 1-332 с. Кн. 2: 333-537 с. Перевод книги был предпринят по инициативе Петра I и выполнен справщиком Санкт-Петербургской типографии И. Кречетовским. Тираж составил 600 экземпляров. Последняя книга, подготовленная по инициативе Петра Великого. Редакция перевода была возложена Петром I на протектора типографии Гавриила Бужинского, который должен был, как требовал Петр, позаботиться не только о том, чтобы работа была выполнена «как скоро возможно, с поспешением», но и о том, чтобы книга «не по конец рук переведена была, но ... внятно и хорошим штилем»; Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1962. С. 131.

Теория Й. Г. Фихте исходила из ситуации, когда тот или другой из участников оцениваемого события должен погибнуть или иначе гибель одинаково грозит им обоим. «Юридические отношения мыслимы при возможности сосуществования. Там же, где имеется коллизия сосуществования, там исчезает господство юридического порядка, и вред, причиненный кому-либо при таких условиях, нельзя назвать ни законным, ни противоправным»[1]. О праве в таком случае не может быть и речи. Право на жизнь отнято у обоих участников естественным путем.

Разрешение этой коллизии всецело зависит от физической силы и произвола. Однако так как после совершения деяния деятель всё-таки встает под господство закона, то право необходимости можно рассматривать как право считать себя совершенно изъятым из сферы влияния всякого законодательства. Таким образом, крайняя необходимость в воззрениях Фихте есть право произвола.

Изложенные взгляды получили название теории «экземпции». «Право крайней необходимости, – писал Фихте, – можно определить как право считать себя выключенным (exemt) из-под всякой правовой сферы». Теория «экземпции» совсем устраняла крайнюю необходимость из сферы права. Действие, совершенное в состоянии крайней необходимости, не есть действие ни правомерное, ни бесправное, оно есть действие для права «совсем безразличное»[2].

Но обратимся в наше время. Сегодня крайняя необходимость включена в систему обстоятельств, исключающих преступность деяния, соседствуя с необходимой обороной и причинением вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Правомерная крайняя необходимость рассчитана на случаи столкновения правоохраняемых интересов в обычной, повседневной жизни. В таких ситуациях юристы используют формулу «перевешивающего интереса», исходящую из объективного критерия. «Извинительная» крайняя необходимость относится к случаям, когда лицо сталкивается с опасностью, угрожающей его жизни, здоровью либо жизни, здоровью его близких.

Суть этой разновидности крайней необходимости состоит в бессилии карательной угрозы удержать от совершения преступления человека, «обезумевшего» от страха. Деяние, совершенное в состоянии «извинительной» крайней необходимости, объявляется деянием неправомерным, но ненаказуемым. Характерным признаком «извинительной» необходимости является идея о допустимости причинения смерти другому человеку с целью спасения собственной жизни.

Как видно, вокруг института крайней необходимости велись споры еще в дореволюционный период. Так, Н. Д. Сергеевский видел в неограни-

---

[1] Энциклопедия государства и права / Под ред. П. И. Стучки. Т. 2. С. 423.

[2] Паше-Озерский Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М.: Юридическая литература, 1962. С. 133.

ченном распространении института крайней необходимости на охрану всех третьих лиц нечто несогласное с юридическим строем человеческого общежития. По его мнению, закон не может дозволить всем и каждому спасать блага и интересы одних граждан за счет причинения вреда другим. «Это означало бы отдать права и блага граждан в распоряжение первому встречному, который бы пожелал спасать других от беды за чужой счет»[1].

В этой связи представляет значительный интерес решение американских властей сбивать самолеты над Нью-Йорком после трагических событий 11 сентября 2001 года[2]. После разрушения Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, многие западные юристы склонны считать законным уничтожение захваченного самолета, влекущее убийство неповинных в этом пассажиров и экипажа, если это является «единственным способом» (the only way) предотвращения «гораздо большего» (much greater) угрожающего ущерба[3]. Поэтому при любой попытке направить захваченное воздушное судно в сторону населенного пункта – неминуемо должно принято решение – сбить такой самолет.

Аналогичную позицию заняла и Российская Федерация. Согласно п. «б» ст. 2 «Положения о применении оружия и боевой техники Вооруженными силами Российской Федерации для устранения угрозы террористического акта в воздушной среде или пресечения такого террористического акта» в случае наличия достоверной информации о возможном использовании воздушного судна для совершения террористического акта или о захвате воздушного судна и возникновения реальной опасности гибели людей либо наступления экологической катастрофы (при условии, что были исчерпаны все обусловленные сложившимися обстоятельствами меры, в том числе вооруженные, необходимые для его посадки) – для пресечения полета воздушного судна путем его уничтожения[4]. На наш взгляд, эта про-

---

[1] Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая. СПб., 1905. С. 260.

[2] Ершов Ю. Как это было // Российская газета. 2006. 11 сент.

[3] Smith J. Criminal Law. 10th ed. London, 2002. P. 273-274.

[4] Постановление Правительства РФ от 06.06.2007 № 352 (в ред. Постановления Правительства РФ от 07.12.2011 № 1013) «О мерах по реализации Федерального закона «О противодействии терроризму» (вместе с «Положением о применении оружия и боевой техники Вооруженными Силами Российской Федерации для устранения угрозы террористического акта в воздушной среде или пресечения такого террористического акта», «Положение о применении оружия и боевой техники Вооруженными Силами Российской Федерации для устранения угрозы террористического акта во внутренних водах, в территориальном море, на континентальном шельфе Российской Федерации и при обеспечении безопасности национального морского судоходства, в том числе в подводной среде, или для пресечения такого террористического акта», «Положением о применении Вооруженными Силами Российской Федерации оружия, боевой техники и специальных средств при участии в проведении контртеррористической операции») // СЗ РФ. 2007. № 24. ст. 2921; Российская газета. 2007. 14 июня; 2011. 20 дек.

блема требует тщательной и взвешенной оценки со стороны ученых, политиков и военных.

В связи с изложенным, напомним, что сегодня широкое обсуждение получила доктрина о праве безопасности, в которой закрепляется право государства на причинения любого вреда для обеспечения общественной безопасности и личной безопасности причинителя вреда[1].

По непонятной причине законодатель не закрепил специфику уголовной ответственности за превышение пределов крайней необходимости. Дело в том, что, что Особенная часть УК РФ не содержит специальной нормы (привилегированного состава)[2], как это предусмотрено за превышение необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. ст. 108, 114 УК РФ).

Поэтому, в отличие от превышения мер, необходимых для задержания во всех случаях квалификация в случае превышения пределов крайней необходимости, будет осуществляться, как указывали Т.Г. Шавгулидзе и Н.А. Овезов, по соответствующим статьям Особенной части УК, предусматривающим ответственность за совершенное преступное деяние[3]. В тоже время в соответствии с п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ «совершение преступления при нарушении условий правомерности крайней необходимости» должно учитываться в качестве смягчающего обстоятельства при рассмотрении дела судом, а в некоторых случаях может быть положено в основу освобождения виновного от уголовной ответственности[4].

По образному выражению А.И. Бойко, «участь незадачливых защитников будет облегчена только на стадии назначения наказания». [5]

---

[1] Никуленко А. В. Роль обстоятельств, исключающих преступность деяния, в современных реалиях противодействия преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (74). С. 103-107; Никуленко А. В. Новые подходы к оценке обстоятельств, исключающих преступность деяния // Журнал правовых и экономических исследований. 2017. № 4. С. 54-61; Никуленко А. В. Право безопасности и обстоятельства, исключающие преступность деяния // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: материалы XI Российского Конгресса уголовного права, посвященного памяти д.ю.н., проф. В.С. Комиссарова, 31 мая-1 июня 2018 г. – М.: Юрлитинформ, 2018. С. 187-191.

[2] Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Уголовное право. Общая часть: учебник / под общ. ред. С. А. Денисова, Л.В. Гочиной, А. В. Никуленко. СПб., 2017. С. 197-198.

[3] Шавгулидзе Т. Г. Необходимая оборона. Тбилиси, 1966. С.147; Овезов Н. А. К вопросу об обстоятельствах, устраняющих общественную опасность и противоправность деяния в советском уголовном праве. Ашхабад, 1972. С. 101.

[4] Федеральный закон от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации // Российская газета. 2011. 09 декабря.

[5] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.И. Бойко. Ростов н/Д., 1996. С. 151.

А.В. Грибков полагает, что это ведет к применению закона по аналогии вследствие того, что мотивом действий виновного в такой обстановке будет стремление избежать более тяжких последствий путем причинения менее значимого вреда, что не имеет ничего общего с мотивами совершения умышленных преступлений[1].

В связи с этим, небезынтересным выглядит предложение В. Н. Козака, поддержанное позднее А. В. Грибковым о том, что следует ввести в уголовное законодательство норму, устанавливающую специальную ответственность за умышленное совершение преступления при устранении грозящей опасности, хотя и с превышением пределов крайней необходимости[2] или норму об уголовной ответственности при превышении пределов правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Предлагаем возможные варианты корректировки уголовного законодательства в части совершенствования применения норм о крайней необходимости[3].

Пункт «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ изложить в следующей редакции:

«ж) совершение преступления при нарушении условий правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния»;

Дополнить пунктом «ж[1]»:

«ж[1]) причинение в состоянии крайней необходимости вреда равного предотвращенному»;

Внести изменения в ст. 62 УК РФ, изложив ч. 1 в следующей редакции:

«1. При наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и», «к», «ж» и (или) «ж[1]» ч. 1 ст. 61 настоящего Кодекса, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать одной второй максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

---

[1] Грибков А. В. Проблемы ответственности за превышение пределов крайней необходимости в системе уголовного законодательства // Современное российское законодательство и его систематизация. Материалы «круглого стола» 23-24 сент. 1998. М.-Тула, 1999. С. 242-243.

[2] Козак В. Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости. Саратов, 1981. С. 117; Грибков А.В. Указ. соч. С. 243-244.

[3] О предлагаемых новациях см. подр.: Никуленко А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. … докт. юрид. наук: 12.00.08. Санкт-Петербург, 2019. С. 25-26, 29-30 и др.

Нифталиева Ирина Алисаламовна,
адъюнкт кафедры уголовного права
Волгоградской академии МВД России

Идея справедливости в советской уголовно-правовой доктрине

Перемены в России, обусловленные октябрьскими событиями 1917 года, определили коренные изменения в социальном, политическом, экономическом и культурном устройстве государства. Впервые в истории человечества при революционном отстранении от власти прежних господствующих классов была установлена диктатура пролетариата. Радикально обновились все сферы общественной жизни. Очевидно, что подобное событие оказало серьезное влияние и на формирование принципиально новой теории уголовного права.

Зарождение советской уголовно-правовой доктрины было связано с пересмотром большинства понятий и институтов, выработанных дореволюционной наукой, и разработкой новых теорий и концепций, соответствующих марксистко-ленинскому мировоззрению. В этот период на страницах журнала «Пролетарская революция и право», издававшегося Наркоматом юстиции с 1918 г., ученые формулировали важнейшие положения советского уголовного права. Вместе с тем некоторые из них шли вразрез с основополагающей идеей справедливости.

Так, Я. Берман в статье «К вопросу об уголовном кодексе социалистического государства» 1919 г. придерживался взгляда, что при применении конкретного наказания следует руководствоваться таким критерием, как опасность личности преступника: «В соответствии с основами социалистической мысли в уголовном праве должно быть бесспорным, что оценка опасности преступного деяния зависит не от характера или рода преступного действия, а от характера субъекта преступления, преступника… совершение преступления есть только повод для принятия мер воздействия против лица, совершившего преступное деяние»[1].

В дальнейшем теория опасного состояния личности («социальной опасности деятеля») как основания уголовной ответственности в советской науке уголовного права получила широкое распространение. Так, в 1922 г. М.М. Гродзинский также доказывал, что при назначении наказания нужно брать за основу степень опасности и антисоциальность правонарушителя[2].

---

[1] Берман Я. К вопросу об уголовном кодексе социалистического государства // Пролетарская революция и право. 1919. № 2. С. 43-44.

[2] См.: Гродзинский М. Элементы кары и социальной защиты в системе наказаний УССР // Вестник советской юстиции. 1922. № 1. С. 12-20.

Схожее мнение выразил М.А. Чельцов-Бебутов в труде «Социалистическое правосознание и уголовное право революции» (1924 г.)[1].

Из подобных позиций исходили создатели проектов Общей и Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., составленных общеконсультационным отделом Наркомата юстиции в конце 1920 – начале 1921 гг. В качестве основания уголовной ответственности они рассматривали опасное состояние лица. Согласно одному из проектов, «лицо, опасное для существующего порядка общественных отношений, подлежит наказанию по настоящему кодексу… необходимость наказания отпадает с устранением опасности для общества со стороны правонарушителя, будет ли это вызвано изменением уклада общественных отношений, истечением времени или фактическим изменением настроения правонарушителя»[2].

В проекте Общей части Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., составленном секцией судебного права и криминологии Института советского права, за основу определения меры уголовно-правового воздействия разработчики брали степень опасности преступника для общества: «При выборе рода и меры репрессии суды руководствуются прежде всего степенью опасности преступника для общежития, т.е. установленной судом степенью вероятности совершения преступником новых правонарушений (так называемым опасным или антисоциальным состоянием его)»[3].

В 30-е гг. данная теория в уголовно-правовой доктрине получила развитие. Так, в 1931 г. А.Я. Эстрин писал: «Из двух принципиальных критериев для применения к осужденному меры уголовной репрессии: либо 1) критерий справедливости (вина), либо 2) критерий целесообразности (опасность преступления и преступника) – мы выбираем второй»[4]. При этом ученый предлагал в курсе уголовного права раздел «Учение об объективных элементах состава преступления» заменить разделом «Объективные признаки классовой опасности», а раздел «Учение о субъективных элементах состава преступления» – разделом «Субъективные признаки классовой опасности привлекаемого к ответственности совершителя преступления как личности, характеризуемой его субъективным (личным) отношением к своему общественно опасному действию»[5].

Аналогичного подхода придерживался Н.В. Крыленко. Выступая в 1935 г. с проектом Уголовного кодекса без Особенной части, он утверждал, что в основе закона должна лежать не идея справедливости, а идея

---

[1] См.: Чельцов-Бебутов М.А. Социалистическое правосознание и уголовное право революции. Харьков, 1924. С. 67.

[2] Проект Уголовного Кодекса для Р.С.Ф.С.Р. // Пролетарская революция и право.1920. № 1. С. 44.

[3] Проект Общей части Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. // Пролетарская революция и право. 1921. № 15. С. 90.

[4] Эстрин А.Я. Уголовное право СССР и РСФСР. М., 1931. С. 27.

[5] См.: Там же. С. 31.

«социальной опасности преступника»[1]. Примечательно, что двумя годами позднее Н.В. Крыленко согласился с ошибочностью высказанных им ранее взглядов и признал такие основополагающие институты советского уголовного права, как вина, ответственность и наказание[2].

Однако следует отметить, что некоторые ученые уже с момента появления в литературе теории опасного состояния личности высказывались категорически против ее проникновения в советское уголовное право. Свою позицию они обосновывали тем, что подобного рода положения нарушают принципы справедливости и законности. Так, И.В. Славин доказывал, что введение в уголовное законодательство данной теории «в условиях стремления рабоче-крестьянской власти к установлению законности было бы чрезвычайно опасным и вредным для самой идеи законности»[3].

Противоречащую представлениям о справедливости позицию высказывали некоторые теоретики уголовного права относительно учений о предварительной преступной деятельности. К примеру, С.П. Мокринский в статье «Покушение и приготовление в советском праве» (1927 г.) отмечал, что понятия «приготовление» и «покушение» в целом потеряли свое значение, так как степень подготовленности преступления и близость наступления его последствий подлежат свободной оценке суда[4].

Нельзя также обойти вниманием неприемлемые с точки зрения справедливости положения по вопросам соучастия, высказанные А.Я. Вышинским в 1949 г. В работе «Вопросы теории государства и права» автор обозначил позицию, которая на практике позволяла привлекать к уголовной ответственности за соучастие в государственных преступлениях лиц, в действительности их не совершавших. А.Я. Вышинский отрицал необходимость между соучастниками соглашения, направленного на совершение преступления, считал излишней причинную связь между действиями пособника или подстрекателя и преступлением, совершенным исполнителем. Кроме того, теоретик допускал возможность ответственности за неосторожное подстрекательство к совершению преступления[5]. По сути, «это было одно из тех положений, которые легко могли оправдать объективное вменение»[6].

Вместе с тем, стоит признать, что на возникновение и развитие в науке уголовного права рассмотренных выше положений огромное влия-

---

[1] См.: Крыленко Н.В. Проект Уголовного кодекса СССР. 1935 г. // Советское государство. 1935. № 1-2. С. 96.

[2] См.: Крыленко Н.В. Проблемы социалистического права. М., 1937. С. 23.

[3] Славин И. Наказуема ли уголовная неблагонадежность (К теории опасного состояния) // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 8. С. 2.

[4] См.: Мокринский С.П. Покушение и приготовление в советском праве // Советское право. 1927. № 1. С. 56-81.

[5] См.: Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 117-118.

[6] Кудрявцев В.Н. Уголовное право. История юридической науки. М., 1978. С. 108.

ние оказывала советская власть, жестко определявшая содержание и направленность уголовно-правовых исследований.

С 50-х гг. политическая обстановка в Советском государстве меняется, в этой связи меняются и представления о справедливости в теории уголовного права. Так, в 1954-1955 гг. по итогам развернувшейся на страницах журнала «Советское государство и право» дискуссии по вопросу основания уголовной ответственности ученые пришли к единодушному мнению, что единственным основанием для привлечения лица к уголовной ответственности является наличие в его деянии состава преступления, определенного статьей уголовного закона[1]. Именно такая позиция была в дальнейшем отражена в учебниках по Общей части советского уголовного права.

С 60-х гг. теоретики начинают выделять справедливость в числе принципов советской уголовной политики и уголовного права[2], а в 70-80-е гг. достаточно подробно анализировать и исследовать. К примеру, Н.А. Беляев в монографии «Уголовно-правовая политика и пути ее реализации» 1986 г. давал подробную характеристику принципу справедливости (соответствия наказания тяжести и характеру преступления). По его мнению, «наказание, назначаемое за конкретное преступление, должно быть справедливым, чем более общественно опасное деяние совершено, тем более суровое наказание должно быть назначено»[3].

Н.А. Беляев полагал, что залогом воспитательного воздействия уголовного закона и конкретных актов его применения к лицам, совершившим преступления, является справедливость. «Закон, – пишет он, – устанавливающий суровое наказание за деяние, не причиняющее существенного вреда, или приговор, присуждающий к длительному лишению свободы человека, вина которого незначительна, могут устрашить, могут даже в этом смысле и исправить виновного, но они никого не могут перевоспитать. Естественно, что это относится и к законам, устанавливающим несоразмерно мягкое наказание за опасное преступление, а также к приговорам, присуждающим к незначительным мерам наказания при наличии серьезной вины, с той разницей, что они и не устрашают, и не воспитывают»[4]. Автор подчеркивал, что данный принцип отражается при классификации преступлений, построении системы наказаний и установлении санкции в составах преступлений[5].

---

[1] См.: Советское государство и право. 1954. №№ 5, 6, 7; Советское государство и право. 1955. №№ 1, 2.

[2] См., например: Виттенберг Г.Б. Развитие основных принципов советского уголовного права в новом Уголовном кодексе РСФСР // Правоведение. 1962. № 4. С. 90; Загородников Н.И. Принципы советского социалистического уголовного права // Советское государство и право. 1966. № 5. С. 66; Сахаров А.Б. О принципах социалистического уголовного права // Правоведение. 1969. № 4. С. 59-60.

[3] Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. С. 51.

[4] Там же.

[5] См.: Там же.

В.В. Похмелкин в своем диссертационном исследовании рассматривал вопрос о месте и роли справедливости в системе принципов уголовного права. Автор отмечал, что это идея не просто один из принципов советского уголовного права, а некая общая ценность, «выражающаяся во всей системе уголовно-правовых принципов и определяющая меру соотношения между ними»[1]. Сходное мнение высказано Р.Н. Ласточкиной: справедливость – это «обобщающий принцип, который корректирует взаимодействие других принципов в случае коллизии их требований (например, требования равенства и индивидуализации, целевого устремления репрессии и гуманизма), приводит их в систему и тем самым аккумулирует их положения, выступая в роли единого требования к мере уголовно-правового воздействия»[2].

В работе «Принципы советского уголовного права» 1988 г. С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев выделяли три уровня проявления принципа справедливости в уголовном праве: при назначении наказания, определении санкции, формировании круга преступных деяний[3]. Кроме того, авторы предложили его доктринальную формулировку: «Наказание или иная мера уголовно-правового воздействия, применяемая к лицу, совершившему преступление, должна соответствовать тяжести преступления, степени его вины и данным о его личности»[4].

Таким образом, отметим, что в работах советских ученых содержалось немало положений с искаженным пониманием идеи справедливости. Одновременно с эти, именно в советской уголовно-правовой доктрине происходит ее признание и придание статуса принципа уголовного права.

Изучение истории науки уголовного права советского периода имеет важнейшее значение, поскольку позволяет вскрыть имевшие место ошибки и перегибы с тем, чтобы избежать в будущем их повторения. Нельзя не согласиться с мнением Б.М. Кедрова, что «изучение прошлого может и должно служить средством для того, чтобы понять настоящее и предвидеть будущее и на основе этого осмыслить развитие науки как целенаправленный исторический процесс»[5].

Безусловно, без рассмотрения существовавших концепций и взглядов, а также условий, в которых они возникали и развивались, невозможно совершенствовать современную теорию уголовного права.

---

[1] Похмелкин В.В. Достижение справедливости при назначении наказания по советскому уголовному праву: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1985. С. 12.

[2] Ласточкина Р.Н. Явная несправедливость наказания как основание к отмене или изменению приговора: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 1983. С. 8.

[3] Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 134-135.

[4] Там же. С. 136.

[5] Кедров Б.М. История науки и принципы ее исследования // Вопросы философии. 1971. № 9. С. 78

Новосельский Сергей Сергеевич,
адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России

Проблемы взаимодействия следственных и оперативно-розыскных подразделений в ходе проведения следственных действий по делам, связанным с преступлениями в сфере экономики

Довольно важным в криминалистической науке вопросом является проблема организации взаимодействия следственных и оперативно-розыскных подразделений по делам, связанным с преступлениями в сфере экономики, в результате деятельности которых выявляется соответствующее преступное деяние и обстоятельства данного деяния.

Традиционно, инициатором такого взаимодействия рассматривается следователь. Это находит своё выражение и в нормах, которые устанавливают такое взаимодействие. В частности, это видно из нормы пункта 4 части 2 статьи 38 УПК РФ, в соответствии с которой следователь даёт письменное поручение, то есть является инициатором установления отношений по взаимодействию с органами дознания.

Однако тот факт, что качество предварительного расследования зависит от качества выявления преступления, ставит под сомнение оптимальность предлагаемого законом порядка установления взаимодействия. Практика расследования названых преступлений показывает то, что, как правило, инициатива на начальном этапе предварительного расследования по взаимодействию исходит от органа дознания, который выявил соответствующее преступление.

Это во многом обусловлено тем, что орган дознания обладает значительной информацией о совершённом преступлении к началу расследования, в то время, как следователь, хотя эту информацию уже и получил от органа дознания, однако далеко не всегда ещё достаточно свободно ею владеет. В то же время начальный этап предварительного расследования не допускает того, чтобы было промедление, нерасторопность, которая может привести к невозможности выявить и закрепить необходимые для предварительного расследования доказательства.

Ради сохранения динамичности орган дознания часто берёт инициативу по установлению взаимодействия со следователем на себя, что обеспечивает быстроту и эффективность в проведении необходимых следственных и иных процессуальных действий. Представлялось бы правильным, если при выявлении преступления уже присутствовал следователь, который мог бы оценить судебную перспективу возбуждения уголовного дела и последующего предварительного расследования. При этом он бы

мог проконсультировать относительно того, какие действия могли бы предоставить информацию, полезную и для последующего предварительного расследования.

Взаимодействие при выявлении экономического преступления в сфере позволило бы уже до возбуждения уголовного дела определить стратегию и тактику будущего расследования, а также создать для него максимально благоприятные условия. При этом для органов дознания были бы ценными консультации относительно того, какая информация могла бы иметь значение для проведения предварительного расследования, для доказывания обстоятельств совершения преступления и причастности конкретного лица к соответствующему преступлению. То есть, с одной стороны, при выявлении органы дознания заинтересованы в помощи следователя при определении того круга информации, которая могла или может быть полезна для последующего предварительного расследования; с другой стороны, следователь заинтересован в том, чтобы создать благоприятные условия для предварительного расследования ещё до его начала.

Тем самым интерес во взаимодействии ещё до возбуждения уголовного дела имеется как у следователя, так и у органов дознания. Это во многом обусловлено особенностями самих экономических преступлений в сфере экономики, которые отличаются сложностью установления обстоятельств, которые составляют преступления данного вида, многие из которых маскируются под различные рода сделки, финансовые и иные операции.

Качественные действия в ходе выявления способны создать условия, благоприятные для проведения предварительного расследования, доказывания обстоятельств совершения конкретного преступления. Это возможно обеспечить организацией взаимодействия между следователем и органами дознания ещё при выявлении экономических преступлений в сфере строительства.

Остро стоит вопрос и о взаимодействии следователя с оперативно-розыскными органами. Это взаимодействие также желательно устанавливать ещё при выявлении преступлений рассматриваемого вида. Обусловлено это тем, что информация, которая может быть положена в основу решения о возбуждении уголовного дела, должна быть качественной. Она должна быть достоверной и относиться к расследуемому преступлению.

Для обеспечения высокого качества такой информации и возможности её использования в ходе предварительного расследования желательно, чтобы следователь имел возможность проконсультировать соответствующие оперативно-розыскные органы относительно качества той информации, которая должна быть получена и в последующем передана для использования в ходе предварительного расследования. Следователю важным является то, чтобы полученная при выявлении и переданная для решения вопроса о возбуждении уголовного дела информация была пригод-

на для дальнейшего использования в процессе доказывания и изобличения лиц, виновных в совершении соответствующего преступления.

На обеспечение данного качества и должно быть ориентировано взаимодействие следователя с названными оперативно-розыскными органами. В связи с этим такое взаимодействие должно устанавливаться для обеспечения качества последующего предварительного расследования. В ходе этого взаимодействия следователь, во-первых, должен ориентировать названые оперативно-розыскные органы на получение качественной информации о совершённом преступлении, во-вторых, ориентировать эти органы на формирование благоприятных условий для последующего предварительного расследования.

При этом следователь может обозначить перед названными органами задачи, решение которых является важным для последующего предварительного расследования. Тем самым и деятельность контрольно-ревизионных органов становится более результативной и целенаправленной. Следователь же имеет возможность получить информацию, благодаря которой имеет возможность эффективного расследования преступлений названого вида. Необходимо также отметить, что экономика – та отрасль народного хозяйства, которая по многим значимым вопросам не подлежит государственному регулированию, поскольку в модель управления включены современные механизмы саморегулирования.

Всё это ставит вопрос о необходимости создания криминалистических методик, которые бы не ограничивались рекомендациями относительно расследования экономических преступлений в сфере экономики, а охватывали также и деятельность по выявлению этих преступлений. Такая методика способна оптимизировать каждое конкретное расследование. При этом она должна включать в себя те признаки экономических преступлений в сфере строительства, которые являются броскими, то есть на которые следует обращать внимание для того, чтобы выявить соответствующее преступление.

К сожалению, несмотря на все преимущества методик, они редко учитывают взаимодействие следственных и оперативно-розыскных органов. В них часто учитывается совершение следственных действий, но нет, например, учета подготовительного этапа, проводимого оперативно-розыскными органами. В этой ситуации в новых методиках расследования преступлений в сфере экономики важно учитывать следующие обстоятельства по взаимодействию следственных и оперативно-розыскных органов:

– проведение оперативно-розыскных мероприятий с ведома следователя или дознавателя;

– большинство оперативно-розыскных мероприятий должны быть скрытыми, чтобы создать почву для будущего уголовного расследования;

– результаты оперативно-розыскной деятельности должны быть оформлены надлежащим образом, чтобы имелась возможность их переквалификации в доказательства по уголовному делу.

Должностные лица, которые заняты выявлением преступлений названого вида, должны хорошо знать то, на что следует им обращать внимание, чтобы можно было обоснованно предположить о наличии скрытого или замаскированного преступления рассматриваемого вида. Данная информация также должна содержаться в названой криминалистической методике расследования. Она должна составлять основу деятельности по выявлению названых преступлений и быть единой с теми положениями, которые лежат в основе расследования этих преступлений.

В этом случае имеется возможность обеспечить единство действий по выявлению и расследованию преступлений в сфере экономики. Это позволяет не только оптимизировать процесс расследования, но и обеспечить более полное установление условий, которые способствовали совершению конкретного преступления названого вида. Тем самым обеспечивается также и профилактика совершения новых преступлений того же вида, что и уже совершённое преступление. Благодаря этому такая криминалистическая методика расследования обеспечивает максимальную полноту, всесторонность и объективность в установлении обстоятельств совершения преступления и условий, которые ему способствовали.

Орагвелидзе Тамара Гиевна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Проблемы криминологического предупреждения мошенничества при получении выплат (ст. 159^2 УК РФ)

В криминологической литературе существует много мнений о предупреждении преступности, однако отсутствует устоявшееся общепризнанное определение этого понятия[1]. Кроме того, принципиально различается и само содержание понятия между тем, что предлагается в научной публицистике и на законодательном уровне.

Так, в научной литературе под предупреждением преступности понимают воздействие на процессы ее детерминации и причинности или, как

[1] Ломаева О.В. Проблема предупреждения преступности как предмет криминологии // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по мат. XIII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 6(13). [Электронный ресурс] Режим доступа: https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6(13).pdf.

часто говорят, устранение причин и условий преступности[1], стройную многоуровневую систему мер государственного и общественного характера, обращенных на устранение факторов и обстоятельств преступности или их нейтрализацию (уменьшение, ограничивание) и тем самым содействующих уменьшению преступности[2].

Тогда как с правовой точки зрения предупреждение преступлений органами внутренних дел – деятельность служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемая в пределах их компетенции, направленная на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением[3].

Различие предлагаемых определений заключается в субъектном составе лиц, участвующих в борьбе с преступностью: в законе это деятельность исключительно государственных структур, в научных исследованиях – работа государственного и общественного сектора. Это отличие в содержательной части в конечном итоге влияет и на результативность работы в целом по предупреждению преступности ввиду того, что на законодательном уровне не определены особенности взаимодействия, средства и методы сотрудничества ради установленной цели.

Кроме того, уже давно научно доказано, что работа по предупреждению любого преступления будет намного результативнее, если в ней будет участвовать и общество в лице общественных организаций, волонтеров и иных организаций и граждан. Примерами указанных исследований можно назвать работы И.В. Азаровой[4], Ю.М. Антоняна[5] и др.

Вместе с тем, проведенное автором статьи исследование работы общественных и волонтерских организаций РФ не выявило ни одного направления работы в рамках предупреждения мошенничества при получении социальных выплат за последние два года. Вместе с тем, довольно много работы проводится в целом по борьбе с мошенничеством в рамках общей санкции статьи 159 УК РФ. Однако в качестве отдаленного примера

---

[1] Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н., проф. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005.

[2] Ломаева О.В. Указ соч.

[3] О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений: приказ МВД России от 17.01.2006 № 19 (ред. от 28.11.2017) / [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58965/.

[4] Азарова И.В. Предупреждение и актуальные проблемы борьбы с преступностью // Общество и право. 2012. № 4 (41). С. 186-189.

[5] Антонян Ю.М. Преступность, криминология, общество // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2019. № 1 (45). С.77-83.

в этом направлении можно указать работу Благотворительного собрания «Все вместе»[1].

Одной из возможных причин невнимания к такому виду мошенничества является мнение некоторых исследований о правовом статусе ст. 159 [2] Уголовного кодекса Российской Федерации[2]. Так, по мнению Т.И. Митрофанова выделение специальной нормы об ответственности за мошенничество при получении выплат противоречит Конституции Российской Федерации[3].

Кроме того, некоторые сложности, безусловно, связаны с отсутствием инструментов участия общественных организаций в мероприятиях по контролю за осуществлением социальных выплат[4]. Так, несмотря на формальную закрепленность права на общественный контроль в сфере социального обслуживания, федеральное законодательство отсылает к закону о защите прав потребителей[5]. Соответственно, законодатель предлагает исключительный вид общественного контроля – за субъектами, которые, в ситуации с социальными выплатами, непосредственно оказывают государственную (муниципальную) услугу. В законе отсутствует норма об общественном контроле за получателями услуг.

Проблема усугубляется и тем, что в рамках получения социальных выплат фактическим лицом, интересы которого задеты, является финансовый орган субъекта РФ или муниципального образования – главный администратор бюджета и, соответственно, вред нанесен всему субъекту РФ или муниципальному образованию и их жителям, то есть, нарушены права неограниченного круга лиц. Особенности восстановления нарушенных прав неограниченного круга лиц ни в законодательстве о социальном обслуживании граждан, ни в законодательстве о защите прав потребителей не предусмотрено.

Все эти особенности организации общественного контроля по факту формируют одну из проблем криминологического предупреждения мошенничества при получении социальных выплат.

Ввиду того, что именно государство имеет основные рычаги предупреждения различного рода преступных деяний, то и проблемы реализа-

---

[1] Материалы / [Электронный ресурс] Режим доступа: https://stop-obman.info/material/.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Российская газета, № 172, 07.08.2019.

[3] Митрофанов Т.И. К вопросу об общественной опасности мошенничества при получении выплат // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 2 (31). С. 50-55.

[4] Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 01.05.2019) // Собрание законодательства РФ, 06.05.2019, № 18, ст. 2215.

[5] О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ, 25.03.2019, № 12, ст. 1228.

ции такого механизма следует искать в первую очередь в деятельности государственных структур.

Указанный вывод подтверждается и материалами научных исследований. Так, А.Л. Репецкая проблемами криминологического предупреждения преступности в целом определяет депрофессионализацию правоохранительных органов, низкий уровень противодействия преступности, ее латентный характер, недоверие населения правоохранительным органам и как следствие снижение уголовной и правоприменительной статистики, избирательность реагирования на преступность ввиду их большого количества. Кроме того, в работе указывается на отсутствие больших изменений в системе борьбы с преступностью, несмотря на развитие самой преступности, а также на недостаточный уровень профессиональной психологии, этики, образования у сотрудников правоохранительных органов[1].

О проблеме несоответствия методов и способов криминологии современным реалиям говорится в работе Ю.М. Антоняна[2]. Исследователь утверждает, что профилактике преступности мешают и недостаточный для современного общества с его видами и способами преступности уровень научных исследований, малое количество исследований по отдельным видам преступлений, несмотря на фактическую потребность в них. Кроме того, криминология должна предупреждать общество и государство о грозящей им опасности, давать прогноз для принятия предупредительных мер в случае неблагоприятного характера, то есть для того, чтобы он не состоялся. Вместе с тем, указанных новелл наука криминология пока не практикует.

Анализ состояния преступности в сфере социальных выплат в Российской Федерации в январе-июле 2019 года, представленный, представленный на официальном сайте МВД России подтвердил выводы научных исследований о латентности статистики ведомства. Так, при наличии принципа открытости деятельности государственных структур анализируются лишь общие статистические показатели по видам преступных посягательств, в частности в целом по ст. 159 УК РФ[3]. Аналогичная картина была выявлена и при анализе правовой статистики за 2017 год, представленной на официальном ресурсе Прокуратуры РФ. По их данным в России было зарегистрировано 165 632 случая мошенничества, квалифицируемого по ст.ст. 159-159^6 УК РФ[4]. Полагаем, что отсутствие детализированной стати-

---

[1] Репецкая А.Л. Преступность в России и проблемы ее предупреждения // Пролог: журнал о праве. 2014. № 3 (7). С. 28-33.

[2] Антонян Ю.М. Преступность, криминология, общество / Юридическая наука и практика // Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2019. № 1 (45). С.77-83.

[3] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации в январе-июле 2019 года [Электронный ресурс] Режим доступа: https://мвд.рф/reports/item/17926489/.

[4] Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://genproc.gov.ru/pdf.

стики по видам преступных посягательств, в том числе в рамках мошенничества при получении социальных выплат, затрудняет оценку негативного влияния на экономику страны в целом и степень общественного риска будущих финансовых потерь для регионов в отдельности, не способствует выработке перспективных и грамотных мер по противодействию данному виду преступлений.

О низком уровне противодействия мошенничеству при получении социальных выплат со стороны правоохранительных органов свидетельствует отсутствие закрепленных на федеральном уровне программ противодействия указанному преступному деянию. При этом такая необходимость в части создания механизмов функционирования системы уголовно-правового противодействия финансовому мошенничеству в современных условиях уже давно имеется[1].

В силу особенностей внутренней структуры правоохранительных органов возникает проблема координации, с одной стороны, внутриведомственных подразделений, с другой стороны, межведомственных. В ситуации с социальными выплатами такая проблема также имеется. Так, социальные выплаты осуществляются уполномоченными на то органами государственной власти (органами местного самоуправления), которые ведут учет выплат и обеспечивают проверку соответствующих документов, поданных для получения государственной (муниципальной) услуги. Вместе с тем, как таковых функций по привлечению к ответственности за предоставление недостоверных сведений у указанных социальных органов нет. Кроме того, работники органов социального обслуживания не обладают достаточными знаниями в сфере уголовно-правовой специализации, которых бы было достаточно для всесторонней и полной проверки документов на предмет их подлинности и достоверности. Например, в ситуации, когда предоставляется справка о заработной плате в составе документов на получение социальной выплаты, работник органов социального обслуживания руководствуется исключительно собственными представлениями о достоверности документа.

В некоторых случаях проблемой криминологического предупреждения мошенничества в сфере социальных выплат является отсутствие или недостаточный уровень знаний в сфере экономики и финансов у работников правоохранительных органов.

Правительство должно выходить за рамки правоохранительных органов и уголовного правосудия для борьбы с факторами риска, которые вызывают преступность, поскольку это является более эффективным с точки зрения затрат и приводит к большим социальным выгодам, чем стандартные способы реагирования на преступность.

---

[1] Хафизова Л.С. Система правового противодействия финансовому мошенничеству в России в современных условиях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 63-71.

Учитывая ограниченный объем статьи, нами сформулированы некоторые рекомендации направленные на минимизацию мошенничества при получении выплат предназначенные для субъектов вовлекаемые в процесс профилактики и предупреждения данного общественно опасного деяния:

разработка, осуществление и мониторинг национального плана действий по предупреждению мошенничества при получении выплат;

укрепление потенциала для сбора данных о мошенничестве при получении выплат;

определение приоритетов и поддержка исследований причин, последствий, затрат и предотвращения мошенничества при получении выплат;

содействие принятию мер первичной профилактики мошенничества при получении выплат;

усиление мер реагирования в интересах жертв мошенничества при получении выплат;

включение предупреждения мошенничества при получении выплат в социальную и образовательную политику в целях повышения уровня правовой грамотности граждан и работников правоохранительных органов;

расширение сотрудничества и обмена информацией по вопросам предупреждения мошенничества при получении выплат.

Как в работе по профилактике мошенничества, так и в работе по устранению причин криминологического предупреждения таких преступлении большая роль отводится именно муниципальным образованиям, поскольку они лучше всего способны организовать стратегии по борьбе с факторами риска, вызывающими преступность.

Подводя итог отметим, что усилия государства могут увенчаться успехом только во взаимодействии всех институтов гражданского общества и граждан. Это признано криминологами всего мира и закреплено в ряде резолюций ООН. В частности в материалах специальной сессии IV конгресса ООН по борьбе с преступностью и обращению с правонарушителями формулируется вывод о том, что в разных странах мира различны пределы использования института участия общественности в борьбе с преступностью, эти различия имеют объективную политическую и социально-экономическую основу, но суть закрепленной в резолюции позиции сводится к тому, что без помощи всего населения, всего общества успех в борьбе с преступностью невозможен. И в этом плане противодействие мошенничеству при получении выплат не является исключением.

Павлова Светлана Алексеевна,
кандидат психологических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры психологии и педагогики
Краснодарского университета МВД России;
Голованова Анастасия Константиновна,
слушатель 5 курса факультета по подготовке специалистов
для подразделений охраны общественного порядка
и обеспечения общественной безопасности
Краснодарского университета МВД России

Социально-психологические особенности виктимности подростков

Социальная ситуация окружающая подростка в процессе его личностного развития и становления создает как благоприятные, так и негативные условия. Рассматривая последние, стоит уделить внимание тем факторам риска, которые становятся предпосылками для виктимизации подрастающего поколения.

Подростковый период является критическим периодом в жизни человека, так как включает в себя кризис, связанный с личностным самоопределением как психическим новообразованием. Однако, социальная ситуация развития в этом периоде играет решающую роль, в результате мотивированности поведения подростка в общении со сверстниками. Итак, именно выбор социального окружения, а также уровень самосознания будут решающими в формировании виктимных качеств у подростков.

Посредством многочисленных психологических и социологических исследований было установлено, что в различные периоды социализации роль взаимодействия с окружающей средой может увеличиться и уменьшаться. Так, главной потребностью в подростковом периоде является идентификация с группой. Результатом неудовлетворенности потребности в принадлежности может являться инфантильное поведение, с ярко выраженным экстернальным локусом контроля, а также не способностью взять на себя ответственность. В ряде этих психологических факторов у подростка может сформироваться личностные виктимологические качества, которые будут являться следованием неадаптивному способу социализации.

Внимания заслуживает рассматриваемое явление в связи с тем, что в подростковый период, в сочетании с психологическими особенностями социализации и преодоления кризисов, возможно достаточно эффективное прогнозирование, а также предупреждение развития такого поведения, которое предусматривает возможность посягательств на личную психическую и физическую безопасность.

Социализация подразумевает под собой процесс усвоения социальных ролей, норм и ценностей той общности, к которой индивид себя идентифицирует. Данное явление сопровождает человека на всем жизненном пути, когда индивид развивается, самореализуется и взаимодействует с обществом. Суть социализации – идентификация личности с обществом в сфере норм, правил, ценностей и другого. «Индивид является индивидуальностью постольку, поскольку принадлежит к какому-то сообществу, поскольку перенимает в своем собственном поведении установления этого другого»[1], – отмечал Дж. Мид.

Социализация включает в себя многочисленные периоды жизни человека, которые формируются на основании возраста, изменении деятельности и других показателях. Так, принято выделять следующие периоды социализации:

1. Младенчество (до 1 года);
2. Дошкольный период (1-6 лет);
3. Младший школьный (6-10 лет);
4. Подростковый (10-15 лет);
5. Юношеский (15-23 года);
6. Молодость (23-33 года);
7. Зрелость (33-50 лет);
8. Пожилой возраст (50 и старше).

Особого внимания заслуживают периоды с младенчества по юношеский возраст, в связи с тем, что в большинстве случаев, проследив динамику развития индивида в этот промежуток, можно предположить жизненную позицию в дальнейшем.

Подростковый период является основой для формирования точки зрения, убеждений, ценностей и предпочтений, которые личность может предъявить обществу в стиле поведения, внешнем облике. Уже позже, в юности, данные явления могут сформировать мировоззрение личности, которое уже с трудом претерпевает изменения. В связи с этим и стоит отметить роль подросткового возраста в социализации как прогнозируемого и коррекционного этапа.

Психологическое качество виктимность может быть сформировано как раз в подростковом периоде, так как социальное окружение развития личности сопровождается психофизиологическими изменениями организма. Неуравновешенность эмоциональных реакций, отсутствие чётких мотивов поведения и иррациональность создают плацдарм для развития индивида в сторону развития лидерских качеств с одной стороны и подчинения с другой. Так, отстаивая весьма неуместными способами свои личные

[1] Казанская В.Г. Подросток: социальная адаптация. Книга для психологов, педагогов и родителей. СПб.: Издательство «Питер» 2011. С. 39;

границы, подросток развивает в себе виктимность, выступая агрессором в конфликтах. Зачастую именно зачинщик конфликта может оказаться жертвой посягательств. А подростковая инфантильность, выраженное желание «стать взрослым», гормональные изменения, как раз способствуют формированию устойчивых поведенческих механизмов, которые будут транслироваться во взрослой жизни. В ином случае, при невозможности отстоять личные границы, индивид может подвернуться психологическому, а порой и физическому насилию, что также приведет к развитию виктимности. Таким образом, то, как индивид в подростковом возрасте может справиться со своими особенностями развития, в контексте взаимодействия с другими лицами, будет непременно проявляться во взрослой жизни.

Что касаемо подросткового периода социализации необходимо отметить, что в этом возрасте закрепляются личностно значимые функциональные качества, в том числе виктимность. В случае благоприятного (для развития соответствующего качества – в нашем случае, это виктимность) социального окружения (враждебно настроенной группы одноклассников), а также при наличии пассивной стратегии адаптации, можно предположить, что в более зрелом возрасте, данная личность будет конформна, тревожна и неопределенна в жизненной позиции. Данный сценарий может быть применим и к другим личностным качествам, при этом практически всегда есть возможность проследить проекцию приобретаемых в подростковом этапе социализации качеств в будущем жизненном пути.

Пик перехода от детства к взрослости совпадает с кризисом подросткового возраста. Именно поэтому, одной из главной спецификой в этот период является противоречивость. Достаточно быстрые биологические изменения влекут за собой изменения социальной сферы. Подросток становится более социально зависим, а суть кризиса заключается в идентификации со значимыми окружающими. Именно в этих процессах несовершеннолетний овладеет самосознанием.

Основываясь на теории ведущей деятельности, можно утверждать, что центральным психическим новообразованием данного возрастного периода становится самосознание. Это сложное, системное новообразование, имеющее структуру, состоящую из взаимозависимых компонентов: самооценки, ценностных ориентаций, самоопределения.

Подростковый кризис, по мнению Л.И. Божович, «...связан с возникновением нового уровня самосознания, характерной чертой которого является появление у подростков способности и потребности познать самого себя как личность, обладающую только ей присущими качествами»[1]. Дан-

[1] Божович Л.И. Проблемы формирования личности: Избр. психол. тр. / Под ред. Д.И. Фельдштейна; Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. 3-е изд. М.: МПСИ; Воронеж : МОДЭК, 2001. С. 300.

ное явление направляет индивида к самоутверждению, самовыражению (проявлению себя в тех качествах, которые он считает наиболее ценными). Механизмом развития самосознания является рефлексия. Подростки критично относятся к отрицательным чертам своего характера, переживают из-за тех черт, которые мешают им в дружбе и взаимоотношениях с другими людьми. И в связи с этим, зачастую, стремятся окружить себя личностями, в какой-то степени, похожими на него самого. Однако бывает и так, что не принимаемые качества создают личный антипод в виде целой референтной группы.

Условия приобретения самосознания непрерывно связан с окружением, что создает дополнительную специфичность. При стремлении к новообразованию индивиду необходим личный пример, как правило этим субъектом будет являться либо отдельный человек, либо группа, которая будет референтна подростку. Как ранее уже утверждал выдающийся психолог Л.С. Рубинштейн: «Личность как сознательный субъект осознает не только окружающее, но и себя в своих отношениях с окружающим»[1].

Для этого возраста характерно желание быть похожим на кого-то, то есть создание устойчивых идеалов. Для подростков, только вступивших в подростковый период, важными критериями в выборе идеала являются не личностные качества человека, а наиболее типичные его поведенческие реакции, поступки. Они выделяют определенные личностные качества людей (нравственные, волевые качества, мужественность для мальчиков и т.д.), к которым стремятся, а также которые они зачастую бессознательно дублируют. Именно на основе этих процессов создается неповторимый, уникальный комплекс личностных убеждений, норм и ценностей. Всё это в себе формирует соответствующее поведение.

Существуют фазы подросткового кризиса:

1. Негативная (предкритическая) фаза – изменение устоявшихся стереотипов и привычек;

2. Кульминационная – актуализация новых качеств;

3. Посткритическая – формирование нового осознания своей личности в межличностном взаимодействии.

Каждая из приведенных выше фаз сенситивна к образованию виктимности. В связи с этим, помимо профилактики возникновения индивидуальных качеств, влекущих за собой склонность претерпевать посягательства на личную безопасность, необходим постоянный мониторинг, а также своевременная коррекция. Данные мероприятия необходимы для позитивного направления подросткового кризиса, который будет заключать-

[1] Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Издательство «Питер», 2000.

ся в удовлетворении потребности в самопознании, в результате чего будет достигнуто психическое новообразование – самосознание.

Таким образом, кризис подросткового возраста является основой для формирования таких способов поведения личности, которые будут способствовать справляться с жизненными трудностями в дальнейшем.

Кризисный период подросткового возраста в социализации несёт в себе множество возможностей для развития. Важнейшим условием при этом является конструктивность направления реализации потенциала.

Так, в своей сути психологические новообразования кризиса подросткового возраста, а также выбор адаптационной стратегии в социализации могут послужить основой для формирования виктимности личности. В связи с этим, стоит уделить социально-психологическим особенностям виктимности подростков в контексте социализации и переживании психологических кризисов.

Также данная проблема имеет множество возможностей в развитии мер для профилактики и прогнозировании формируемых тенденций поведения в подростковом возрасте на более поздние этапы жизни индивида. В целях эффективной профилактики по раннему приобретению виктимологических наклонностей следует обращать внимание на принимаемые подростками стратегии социализации при возникновении психологических кризисов.

Панасенко Вероника Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отделения
по изучению проблем психологического обеспечения
оперативно-служебной деятельности
отдела по исследованию проблем отраслевого управления
научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России

Исправление осужденного как цель применения наказания в виде лишения свободы

Ключевой задачей государства и уголовного законодательства является охрана прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 УК РФ). Для реализации указанной задачи в УК РФ установлена система наказаний. В соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ целями применения наказания являются: а) восстановление социальной справедливости, б) исправление осужденного и в) предупреждение совершения новых преступлений.

Однако между провозглашенными в ч. 2 ст.43 УК РФ целями и имеющимися средствами их достижения (то есть видами наказания), сформулированными санкциями и правилами назначения наказания, а также практикой применения наказания наблюдается явное несоответствие»[1]

Вопрос о достижении цели исправления осужденных в результате отбывания назначенного судом наказания всегда волновал ученых. Поскольку именно исправление лиц, совершивших преступление, является некоей гарантией безопасности граждан и общества в целом. Правовое определение исправления осужденных дано в части 1 стать 9 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, согласно которому исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Исходя из изложенного теоретически следует сделать вывод, что в результате применения наказания, лицо, в отношении которого оно применяется, должно перевоспитаться и стать законопослушным гражданином, не представляющим опасности для общества. Однако практика свидетельствует о координально других результатах применения наказания.

Система назначения и система исполнения наказания не достигли необходимого уровня эффективности. В доктрине уголовного права отсутствует критерий оценки эффективности применения наказания. Возникает вопрос: «В чем проблема низкой эффективности применения наказаний?».

Основной проблемой представляется неправильное назначение наказания, определение его размера. При этом под неправильным назначением наказания понимается назначение наказания, исполнение которого не способно достичь целей применения наказания, в том числе, не способно исправить осужденного и предупредить совершение им новых преступлений.

Ни в действующем законодательстве, ни в теории уголовного права не имеется точной формулы определения размера наказания, достаточного для достижения целей наказания.

Представляется интересным рассмотрение порядка установления и назначения наказания в виде лишения свободы в санкциях статей Уголовного кодекса РФ. Чем руководствуется законодатель при установлении размера наказания в виде лишения свободы? На данный момент на этот вопрос ответить сложно. Следует предположить, что он (законодатель) руководствуется сложившейся практикой и личными убеждениями. Разве этого достаточно для того, чтобы определить срок, за который человек может исправиться? Необходимо не только верно устанавливать и индиви-

[1] Блохин Ю.И. Целесообразность репрессивной политики // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: Материалы IV Российского конгресса уголовного права (28-29 мая 2009 года). М.: Проспект, 2009. С. 24.

дуально определять сроки наказания в виде лишения свободы, но и также следует изменить условия его отбывания.

Назначение наказания регламентируется главой 10 УК РФ, в соответствии с которой «при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи».

Анализируя изложенное, необходимо прийти к выводу, что судья при рассмотрении уголовного дела и при определении вида и размера наказания, должен назначить осужденному такое наказание, по отбытию которого последний теоретически должен исправиться. Возникает вопрос: «как судья может определить, что осужденный исправится через 5 лет, а не через 5 лет и 5 месяцев или 6 лет и 27 дней?» Как он может это высчитать? Такой формулы вычисления в настоящее время нет ни в законодательстве, ни в доктрине уголовного права. Имеется лишь размытая формулировка об учете характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного, в том числе обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание и т.д.

Уголовным законодательством предусмотрена возможность условно-досрочного освобождения осужденного от дальнейшего отбывания наказания в случае его «исправления». Однако, полярная возможность, то есть продление наказания в случае «не исправления» осужденного в УК РФ не регламентируется. Как определить степень исправления осужденного и, в дальнейшем, степень опасности его возвращения и пребывания в обществе?

Т.В. Волкова убеждена, что возвращению преступников в нормальную социальную жизнь должно предшествовать его исправление, которое в конечном итоге побуждает общество к его прощению исходя из результатов реализованного карательно-воспитательного воздействия[1]. В теории права исправление толкуется как положительное поведение осужденного, достигаемое применением наказания, поэтому показателем достижения исправления является отказ осужденного от совершения нового преступления в период отбывания наказания и в пределах срока погашения судимости, а так же отсутствие рецидива[2].

На практике под «исправлением» зачастую понимают «несовершение осужденным в период отбывания наказания преступлений и правона-

[1] Волкова Т.В. Пожизненная альтернатива: уместна ли гуманность? // Уголовное право. 2003. № 3. С. 19.

[2] Цепляева Г.И. О целях, функциях и системе наказания // Уголовное право. 2007. № 3. С. 74-75.

рушений». Вместе с тем, опыт свидетельствует, что в период отбывания наказания в пенитенциарной системе, осужденный может не совершать преступлений и правонарушений, но не в силу отказа от преступной деятельности, а по причине невозможности (или ограниченной возможности) этого. Однако, оказавшись в более «удобных и подходящих» условиях, то есть «на свободе», он вновь совершает преступления, о чем свидетельствует такое распространенное явление, как рецидив.

Учитывая вышеизложенное, представляется, что свидетельством исправления осужденного должны являться его поведение и результаты комплексного тестирования, проведенного специалистами.

Поведение осужденного должно выражаться в совокупности действий, приоритетно направленных на восстановление, по возможности, нарушенного права или компенсацию причиненного преступлением вреда. Данное поведение должно выражаться, прежде всего, в добровольной трудовой деятельности осужденного. При этом оплата труда осужденного должна перечисляться в пользу потерпевших и государства. Представляется логичным законодательное установление зависимости сокращения срока отбывания наказания от периода добросовестно отработанного времени. Данное соотношение должно производиться в соответствии с категорией преступления, за которое лицо осуждено.

Результаты тестирования должны отражать «внутренний» отказ осужденного от дальнейшего занятия преступной деятельностью.

В случае, когда поведение осужденного и результаты его тестирования свидетельствуют о сохранении у него преступных намерений, необходимо предотвратить его освобождение. Данный процесс должен быть урегулирован законодательно и при этом необходимо детально закрепить порядок рассмотрения судом вопроса о продлении наказания на основании предоставленных документов органами пенитенциарной системы.

Представляется целесообразным считать наказание исполненным при достижении целей его применения.

Паршина Ирина Алексеевна,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Криминологическая характеристика организованной экологической преступности

В настоящее время во многих городах России уровень загрязнения атмосферы в несколько раз выше допустимой нормы. В результате сброса загрязняющих веществ в водные объекты, использования огромного количества ядохимикатов, уничтожения флоры и фауны происходит деградация природной среды. Развитие научно-технического прогресса и безразличное отношение людей к судьбе природы привели к ее неспособности самовосстанавливаться, в результате чего стали исчезать сотни различных видов растительности и животных.

Привлечение внимания к данной теме обусловлено также рядом многоуровневых причин. Это неудовлетворительное состояние законодательной базы в сфере охраны природных ресурсов, рост преступности, интенсификация преступных посягательств на природную среду, расширение в этой сфере деятельности организованной преступности, широкое использование преступниками новейших достижений науки и техники.

В этой связи возникает необходимость усиления средств правовой защиты окружающей природной среды как биологической основы жизни и здоровья человека.

Социально-экономические, политические, идеологические преобразования, изменения в состоянии преступности отразились во взглядах законодателя относительно охраны природы. Результатом этого процесса стало его отношение к проблеме борьбы с преступностью в сфере взаимодействия общества и природы с позиции экологической значимости природных объектов как залога существования жизни на земле.

Повышенная опасность преступных посягательств на окружающую среду подтверждается тем, что впервые в истории нашего законодательства нормы, предусматривающие ответственность за экологические преступления, выделены в отдельную главу Уголовного кодекса Российской Федерации – «Экологические преступления».

Значение этого шага подтверждается статистикой зарегистрированных преступлений в Российской Федерации за последние 28 лет, которая свидетельствует о неуклонном росте преступных деяний в сфере экологии (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика зарегистрированных преступлений в сфере экологии в Российской Федерации (1990–2018 гг.)[1]

Годы	Общее количество зарегистрированных преступлений	Количество зарегистрированных экологических преступлений	Доля экологических преступлений в структуре всей преступности, %
1990	1 839 451	5 166	0,28
1991	2 173 074	3 815	0,18
1992	2 760 652	3 346	0,12
1993	2 799 614	3 086	0,11
1994	2 632 708	3 397	0,13
1995	2 755 669	8 113	0,29
1996	2 625 081	7 254	0,28
1997	2 397 311	6 441	0,27
1998	2 581 940	7 721	0,29
1999	3 001 748	11 200	0,37
2000	2 952 367	13 333	0,45
2001	2 737 624	15 757	0,58
2002	2 526 305	21 409	0,85
2003	2756398	26 097	0,95
2004	2893810	30 573	1,06
2005	3554738	33 491	0,94
2006	3855373	41 883	1,08
2007	3582541	41 242	1,15
2008	3209862	44 883	1,39
2009	2994820	46 607	1,56
2010	2628799	39 155	1,49
2011	2404807	29 151	1,21
2012	2302168	27 583	1,19
2013	2206249	24 728	1,12
2014	2190578	25 526	1,17
2015	2388476	24 856	1,04
2016	2160063	23688	1,09
2017	2058476	24379	1,18
2018	1991532	23899	1,20

Приведенные выше данные могут свидетельствовать об устойчивой тенденции экологической преступности, однако они не позволяют в пол-

[1] Данные за 1990–1994 гг. приведены по кн.: Жевлаков Э. Н. Экологические преступления и экологическая преступность. М., 1996. С. 82; за 1995–1996 гг. – по кн.: Преступность и реформы в России / Под ред. д-ра юрид. наук проф. А.И. Долговой. М., 1998. С. 266; за 1997–2002 гг. использованы статистические данные Главного информационного центра МВД России; за 2003–2018 гг. использованы статистические данные Главного информационного центра МВД России. Официальный сайт МВД России // www.mvd.ru /presscenter/ statistics/reports/.

ной мере и объективно судить о ее состоянии, поскольку, по нашему мнению, отражают лишь информацию о выявляемости этих преступлений.

Наиболее полную картину можно себе представить только с учетом высокой латентности этого вида преступлений, которая, по мнению экспертов, достигает 95–99%[1]. Для экологической преступности характерны высокие показатели не только скрытой, но и скрываемой латентности, например, неправомерная замена уголовной ответственности административной.

К причинам, способствующим высокой латентности экологической преступности, по нашему мнению, можно отнести недостаточность материально-технического обеспечения, а также малоэффективность законодательной базы, излишне мягкие меры, применяемые к виновным. Далее можно выделить низкую активность правоохранительных органов, загруженность сотрудников, нехватку штатов и злоупотребление служебным положением. На наш взгляд, выяснение причин латентности имеет огромное значение, особенно для повышения эффективной борьбы. Необходимо помнить, латентность способствует самодетерминации преступности, что дает возможность лицам продолжать свою преступную деятельность.

Исчерпывающая информация о реальной распространенности экологических преступлений в настоящее время отсутствует. Но даже та, которая имеется в природоохранных и правоохранительных органах, свидетельствует о том, что в данной сфере имеются массовые нарушения законодательства. С учетом латентности удельный вес экологических преступлений в общей структуре преступности, по экспертным оценкам, фактически составляет не менее 20%. Необходимо уяснить, что экологические преступления являются одним из наиболее общественно опасных и распространенных видов противоправных деяний. В совокупности с другими экологическими правонарушениями по тяжести своих отрицательных последствий демографического, экологического, социального характера они представляют сегодня реальную угрозу национальной безопасности России[2].

В структуре экологической преступности основной массив занимают преступления: ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов», ст. 258 УК РФ «Незаконная охота», ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений» и ст. 261 УК РФ «Уничтожение или повреждение лесных насаждений». Удельный вес этих преступлений в структуре экологической преступности достигает 99%[3].

---

[1] См.: Криминология. Учеб. / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф., акад. В.П. Сальникова. СПб., 1998. С. 438.

[2] См.: Криминология: Учеб. / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Долговой. М., 1997. С. 516–518.

[3] Баева Ю.И., Черных Н.А. Развитие судебной экологии как способа борьбы с экологическими преступлениями // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 331–338.

Особое место в экологической преступности занимает ее организованная часть. Показательным является преступность, связанная с незаконной добычей рыбы. На основании проведенных исследований, изученных научных публикаций, опроса сотрудников правоохранительных органов мы приходим к выводу о том, что незаконная добыча ценных пород осетровых и лососевых рыб, а также их икры приобрела массовый характер организованной преступной деятельности и причиняет государству огромный экономический ущерб.

Организованная преступность взяла под свой контроль наиболее доходные виды рыбного промысла в районах Приморского края, Астраханской области и Дагестана.

Браконьерство превратилось в огромный бизнес со своими заводами, выходами на заграницу, коррумпированными связями. Здесь стали формироваться организованные преступные группы с хорошим оснащением, вооружением и распределением ролей.

В результате проведенного исследования мы получили данные о том, что в 90% случаев незаконная добыча рыбы совершалась из желания заработать. Следовательно, данные деяния чаще всего совершаются по корыстным мотивам. Понятие корысти очень сложно и разнообразно. Корысть – страсть к приобретению, к наживе[1]; стремление к наживе, выгоде, пользе[2]; стремление получить материальную выгоду любым путем[3]. С.И. Ожегов дает следующее определение: «Корысть – стремление к личной выгоде, жадность»[4].

Преступления, связанные с незаконной добычей рыбы, характерны для Республики Дагестан, поскольку Каспийское море богато запасами рыбы ценных пород. В Астраханской области расположена богатая рыбными запасами дельта реки Волги. Браконьерство характерно для Краснодарского и Хабаровского края, Волгоградской и Ростовской области, Камчатки, Дальнего Востока. Высокие показатели незаконной добычи водных животных в этих районах объясняются, прежде всего, их географическим положением, большим количеством водных объектов. Причем в современных условиях браконьерство развито не только на внутренних водоемах, но и в пределах морской экономической зоны России.

Изучение территориального распространения преступности имеет как теоретическое, так и практическое значение. Теоретически это позволяет лучше понять влияние различных факторов, включая географические,

---

[1] См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1955. С. 171.

[2] См.: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова Т. 1. М., 1935. С. 1480.

[3] См.: Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1985. С. 635.

[4] Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1953. С. 262.

на состояние и динамику преступности. Практическое значение заключается в организации профилактической работы.

На наш взгляд, для незаконной добычи рыбы характерен криминальный профессионализм, т. е. разновидность преступного занятия, которое:

1) является для субъекта источником средств существования (лицо получает от незаконной добычи определенный доход);

2) требует определенных знаний и навыков для достижения конечной цели (например, лицо может управлять самоходным транспортным плавающим средством, умеет ориентироваться в море, может использовать определенные средства и способы для незаконной добычи рыбы и т. д.);

3) обусловливает определенные контакты с антиобщественной средой (например, необходимо наладить каналы сбыта рыбы, пойманной незаконным путем, и т. д.);

4) определяет устойчивый вид преступного занятия (совершение преимущественно однородных преступлений)[1], в данном случае предусмотренных ст. 256 УК РФ.

В результате проведенных исследований нами установлено, что данные преступления в 60% осуществляются группой лиц. Как правило, браконьеры, совершающие преступления в группе, используют в своей преступной деятельности такие орудия лова, которые не возможны или затруднены для применения одним человеком, например, невод, бредни и т. д. Таким образом, браконьеры наносят большой ущерб рыбным запасам.

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о том, что незаконная добыча рыбы имеет тенденции к росту по всем показателям. Свидетельством этому является ее качественное и количественное изменение. Браконьеры наладили связь с заграницей, у них появились свои заводы, стали использоваться масштабные суда, байдарки, новые способы, средства добычи и т. д. Незаконная добыча рыбы в таких масштабах, прежде всего, влияет на экологическую безопасность нашей страны и лишает государственный бюджет значительной части доходов, тем самым обостряя уже существующие экономические проблемы. Таким образом, браконьерство является прямой угрозой национальной безопасности России.

По мнению З.Б. Бахмудова объем контрабандного икорно-осетрового рынка в мире превышает легальный в 5 раз и составляет 500 млн. долларов США ежегодно. Причем около 60% контрабанды черной икры обеспечивают преступные группировки из России[2].

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что современная организованная экологическая преступность представляет собой систем-

---

[1] См.: Гуров А.И. Профессиональная преступность. Прошлое и современность. М., 1990. С. 40–41.

[2] Редникова Т.В. Организованная экологическая преступность в России и за рубежом: криминологическая характеристика и меры противодействия // Lex Russica. № 9 (142). 2018. С. 103.

ную проблему, требующую совместных действий широкого круга субъектов профилактического воздействия, функционирующих в отличных сферах общественной жизни. Данное положение, на наш взгляд, является обязательным условием эффективного противодействия исследуемой преступности.

Пачулия Нестор Анзорович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Мотив как конструктивный признак преступлений против жизни и здоровья

Одним из важных аспектов квалификации преступлений против жизни и здоровья имеет определение мотива совершенного преступления. Определение мотива преступления определяет личность преступника, что в конечном итоге отражается на справедливости назначаемого судом наказания.

Мотивация в преступлениях против жизни и здоровья как правило связано с насилием, кроме того с признаком его общественной опасности. Однако не все проявления насилия, согласно букве закона, признаются преступными. Так, например, не относятся к уголовному насильственному воздействию такие правомерные действия, как насилие в виде угрозы убийством, когда она выступает в качестве защитной меры при необходимой обороне, а также насилие, выраженное в угрозе причинения вреда здоровью при задержании лица, совершившего преступление.

Это обстоятельство, как представляется, обычно упускается учеными из виду при характеристике насилия[1].

Отличительная черта насилия, учитывая представление о его сущности, заключается в его противоправном влиянии на здоровье потерпевшего с целью причинения определенного вреда, а также на его жизнь.

Именно поэтому при осуществлении уголовно-правового анализа насилия особое внимание следует уделять его субъективным признакам. К сожалению, отдельные авторы недооценивают это обстоятельство и предлагают определять способ совершения преступления, руководствуясь лишь объективными признаками деяния, не обращаясь к его волевым характеристикам. Однако науке давно известно, что достижению определенной цели всегда способствует выбор конкретных условий ее осуществления, которые в итоге и будут выражены в самом действии. Криминальное воздей-

[1] Екимов А.А. Гуманизация уголовного законодательства // Молодой ученый. 2015. № 9 (89). С. 834-836.

ствие, подобно любому другому способу совершения преступления, как верно указывал В.Н. Кудрявцев, немыслимо без волевого содержания, мотивов и целей, которые порождают и направляют преступление.

Представляется, что насилие – это такое воздействие, которое преследует цель причинения вреда (психического, физического, материального). Эта цель может лежать далеко за рамками состава того или иного насильственного преступления и, как подчеркивает А.И. Рарог, в этом случае никогда не отождествляется с признаком преступных последствий[1].

При этом цель позволяет охарактеризовать виновное отношение преступника в виде желания причинить определенный вред. В связи с этим многие ученые (Л.В. Сердюк, В.Г. Громов, Е.А Гамаюнова, С.И. Табакова, Н.В. Иванцова, Р.Д. Шарапов и др.)[2] связывают насилие с признаком прямого умысла. Действительно, как пишет Р.И. Михеев, цель, направленная на результат, находящийся за рамками состава, характеризует направленность умысла[3].

Отсюда следует, что насилие является способом достижения такой цели. Само же воздействие в данном случае следует рассматривать как сознательно выбранную субъектом и желаемую им модель собственного поведения.

Кроме того, вывод об исключительно умышленном характере насилия следует из лексического значения терминов, используемых законодателем при его описании (угроза, вред здоровью и др.).

Квалифицируя преступления против жизни и здоровья необходимо учитывать дополнительные признаки субъективной стороны состава преступления и прежде всего мотив и цель преступления. Вместе с тем следует отметить, что их уголовно-правовая оценка вызывает определенные трудности в следственно-судебной практике.

Для того чтобы правильно оценить субъективную сторону преступлений против жизни и здоровья, рассматривать ее всесторонне важно изучить не только умысел, но и мотив совершения этих преступлений.

Следует отметить, что в доктрине уголовного права под мотивом понимается внутренние побуждения к достижению общественно опасного результата, по своей сути – это потребность, которая была трансформирована в побуждение. Если рассматривать мотив как психический акт, то

---

[1] Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 115.

[2] Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения): Автореф. дисс. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

[3] См.: Рарог А.И. Репрессивный крен российской уголовной политики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 88-95; Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006.

необходимо заметить, что он состоит из волевого, осознанного и эмоционального элементов.

Поэтому разные категории преступлений предполагают разные уровни этих двух составляющих.

Невнимательное отношение к установлению истинных мотивов преступной деятельности приводит к неправильной квалификации и нарушению принципа справедливости при назначении наказания за совершенное преступление. Более того в некоторых случаях это обстоятельство может привести к отмене приговора, в других на возвращение уголовного дела на доследование[1].

Далее, в качестве серьезного недостатка судебной практики следует отметить и то, что оценивая только лишь тяжесть нанесенных повреждений, правоприменителем недостаточное внимание уделяется установлению вида умысла, выявлению мотива преступления и конкретизации цели преступного деяния. Довольно большое количество просчетов при правовой оценке преступлений, посягающих на безопасность жизни и здоровья человека, связано с ошибочным установлением их субъективной стороны. В этой связи считаем, что указанные преступления в основном совершаются с косвенным умыслом, когда преступник безразлично относиться к преступным последствиям, которые могут наступить как следствие его преступных деяний.

Весьма редко умысел бывает конкретизированным. Действительно, нанося удары потерпевшему, виновный заранее не может и не способен предвидеть характер причиненных повреждений, которые впоследствии подлежат уголовно-правовой, а также экспертной оценке оценки степени их тяжести.

Подметим, что правоприменителем очень редко выявляется конкретный вид умысла (прямой или косвенный) при правовой оценке рассматриваемых посягательств полагая, что она не влияет на квалификацию преступлений против жизни и здоровья. Вместе с тем они забывают, что суд дает оценку в совокупности всем собранным доказательствам в ходе предварительного расследования. Кроме того, говоря о дифференциации и индивидуализации наказания нельзя забывать о необходимости оценки судом всех обстоятельств дела, в том числе и вид умысла. Говоря еще предметнее, в рамках индивидуализации наказания имеет существенное значение мотив совершенного преступником преступления, что в последствие, при отбывании им наказания подлежит учету в индивидуальной работе сотрудников обеспечивающие отбытие наказания по указанной категории преступлений и проведение комплекса индивидуально-воспитательной работы с учетом мотивации совершенного преступления. И здесь чем нега-

[1] См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд. М.: Юристъ, 2004; Корнеева А.В. теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие. 2-изд. М.: проспект, 2013.

тивнее суть мотива совершенного преступления, тем больше усилий требуется для ее коррекции.

Подводя итог отметим, что квалифицируя преступления против жизни и здоровья необходимо учитывать дополнительные признаки субъективной стороны состава преступления и в частности мотив преступления, что вызывает определенные трудности в судебно-следственной практике.

Под мотивом в уголовно-правовой доктрине понимается внутренние побуждения к достижению общественно опасного результата, по своей сути – это потребность, которая была трансформирована в побуждение.

При уголовно-правовой оценке преступлений против жизни и здоровья необходимо исходить из того, что преступление совершено по определенному мотиву требующего его определения, которое в конечном итоге должно находит отражение при дифференциации и индивидуализации наказания, а в целом при вынесении судом законного приговора по уголовному делу и назначение справедливого наказания виновному.

Пирогов Евгений Юрьевич,
адъюнкт кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России

Совершенствование локального правотворчества как мера повышения эффективности деятельности органов внутренних дел

Правотворчество в системе МВД России осуществляется с целью создания инструментария правового регулирования в сфере внутренних дел, а также управления органами внутренних дел, правового регулирования их внутриорганизационной деятельности.

Являясь жестко зарегламентированными в управленческом плане, ОВД с неизбежностью вынуждены прибегать к децентрализованному регулированию внутриорганизационных общественных отношений. Данная «неизбежность» определяется вовлеченностью ОВД в широкий круг трудовых (при разнообразии категорий лиц, вовлеченных в деятельность ОВД – сотрудников, государственных служащих, работников), экономических и других общественных отношений, непосредственно имеющих место в их внутриорганизационном функционировании. Указанный фактор наряду с необходимостью оперативного управления объективно обуславливают дискрецию должностных лиц в локальном правовом регулировании.

Если субъекты локального уровня (предприятия, учреждения и организации) в целом обладают широкими возможностями самоорганизации, в том числе в плане определения разнообразных процедур локального правотворчества, то ОВД существенно в данном плане ограничены. Это

обусловлено, в первую очередь, спецификой деятельности ОВД (как в части сферы деятельности, так и методов ее осуществления), военизированным типом системы МВД и порядком управления ею.

Таким образом, функционально обусловленная возможностью децентрализованного управления самоорганизация реализуется в деятельности ОВД в целом и в локальном правотворчестве в частности на минимальном уровне. Это, в свою очередь, определяет необходимость максимальной эффективности организационно-правовой регламентации локального правотворчества ОВД. Правотворчество – юридическая деятельность, которая регламентирована правовыми нормами и осуществляется в определенных правовых рамках и формах[1]. Организационно-правовая регламентация локального правотворчества ОВД на сегодня, к сожалению, очень далека от совершенства и соответствия существующим потребностям локального регулирования.

Так, несмотря на принятие предусмотренных трудовым законодательством нормативных правовых актов, существует нормативный запрет на издание руководителями территориальных ОВД нормативных правовых актов.

Согласно п. 2 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, «структурные подразделения и территориальные органы федеральных органов исполнительной власти не вправе издавать нормативные правовые акты»[2]. В соответствии с Регламентом Министерства внутренних дел Российской Федерации, нормативные правовые акты издаются МВД России в виде приказов или в ином установленном законодательством РФ виде в соответствии с указанными правилами (п. 109), заместители Министра издают приказы и распоряжения, не содержащие нормативных предписаний, по направлениям деятельности МВД России, за которые несут ответственность, а структурные подразделения МВД России не вправе издавать нормативные правовые акты (п.110)[3]. Необходимость и правомерность создания локальных нормативных правовых актов руководителями органов внутренних дел всех уровней в принципе определены законодательством. Так, Трудовой кодекс Российской Федерации[4], предусматрива-

---

[1] Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник. М.: Омега-Л, 2008. С. 345.

[2] Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15490/

[3] Приказ МВД России от 17.10.2013 № 850 (ред. от 20.07.2017) «Об утверждении Регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.11.2013 № 30359) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154467/4668981e6c820736d73aa83f78812e3757e51cd0/

[4] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

ет ряд локальных нормативных правовых актов (локальных нормативных актов, содержащих нормы трудового права) в сфере регулирования трудовых отношений.

Кроме того, сами нормативные правовые акты МВД, регулирующие правотворчество в ОВД содержат указания, противоречивые как в понятийном, так и содержательном плане. Например, Наставление по организации правовой работы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации определяет в качестве одного из основных направлений (видов) правовой работы в системе МВД России *нормотворческую деятельность* (пункт 2). При этом в пункте 8 данного Наставления указано, что «нормотворческая деятельность в системе МВД России направлена на разработку, изменение, признание утратившими силу или отмену правовых актов (норм права)»[1]. Как можем видеть, в данном нормативном правовом акте происходит смешение понятий правотворчество и нормотворчество, а правовой акт вообще безосновательно отождествляется с нормой права.

Правила подготовки правовых актов в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации, устанавливающие общий порядок подготовки, согласования, правовой экспертизы проектов правовых актов и их издания в территориальных органах МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях и подчиненных им территориальных органах МВД России на районном уровне и организациях содержат «Главы V - IX Правил подготовки нормативных правовых актов».

Указанные примеры наглядно подтверждают отсутствие как системного подхода к определению уровней и форм правотворчества как такового на федеральном и на ведомственном уровне, так и отсутствие системности в правовой регламентации правотворческой деятельности ОВД в частности.

Что касается конкретных видов (определенной документарной формы) правовых актов, создаваемых в результате локального правотворчества ОВД, то здесь, к сожалению, также присущ несистемный поход в ведомственной правовой регламентации данного вида правовой деятельности.

Регламентом Министерства внутренних дел Российской Федерации определено, что руководитель (начальник) территориального органа МВД России не вправе издавать нормативные правовые акты и издает в пределах своей компетенции приказы и распоряжения по вопросам организации деятельности территориального органа МВД России. Руководитель (начальник) территориального органа МВД России (п. 149); решения МВД России оформляются в виде приказов и распоряжений МВД России или в

[1] Приказ МВД России от 05.01.2007 № 6 «Об утверждении Наставления по организации правовой работы в системе МВД России» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289909/ 7389bb451732994975936b9680657a11223e43d0/

случаях, установленных законодательством Российской Федерации, в виде иных актов (п. 75); решения (в т.ч. поручения), принятые на совещании у Министра (заместителя Министра), оформляются соответствующими протоколами (п. 77);. нормативные правовые акты издаются МВД России в виде приказов или в ином установленном законодательством Российской Федерации виде в соответствии с Правилами подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации (п. 109)[1]. При этом, следует отметить, что п. 2 указанных Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации установлено, что «нормативные правовые акты издаются федеральными органами исполнительной власти в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений»[2]. В свою очередь, п. 4 Приказа МВД России от 27.06.2003 № 484 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России» содержит указание, что «в системе МВД России запрещается издание актов управления, содержащих правовые нормы, в виде распоряжений, писем, телеграмм, телефонограмм, указаний, протоколов, актов, заключений, планов и других служебных документов»[3].

В соответствии с Правилами подготовки нормативных правовых актов в Центральном аппарате Министерства внутренних дел Российской Федерации Министерством издаются нормативные правовые акты в виде: 1) приказов (регулирующих различные направления оперативно-служебной деятельности, прохождения службы в органах внутренних дел); 2) уставов (статусных документов органов внутренних дел, их структурных подразделений, предприятий, учреждений и организаций; 3) положений (статусных документов органов внутренних дел, их структурных подразделений, предприятий, учреждений и организаций, а также определяющих задачи и функции, права, порядок деятельности органа внутренних дел или его структурного подразделения); 4) инструкций (регулирующих основные виды (формы) оперативно-служебной деятельности конкретных категорий сотрудников – кем, в каком порядке, какими способами и методами должен осуществляться тот или иной вид деятельности); 5) правил

[1] Приказ МВД России от 17.10.2013 № 850 «Об утверждении Регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.11.2013 № 30359) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154467/

[2] Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15490/

[3] Приказ МВД России от 27.06.2003 № 484 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111807/

(устанавливающих порядок осуществления отдельного вида деятельности); 6) наставлений (определяющих порядок действия конкретных подсистем (органов) в той или иной ситуации, а также определяющих порядок реализации и исполнения соответствующих прав и обязанностей). Кроме того, исходя из особенностей целей и предмета правового регулирования, в МВД России могут издаваться и иные виды нормативных правовых актов[1].

В соответствии с Инструкцией по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации в деятельности ОВД образуются следующие основные виды документов: нормативные правовые акты МВД России; индивидуальные правовые акты (персонального характера; действие которых исчерпывается однократным применением); межведомственные соглашения, протоколы; распоряжения; директивы; указания; акты; заключения; докладные записки; справки; обзоры; доклады; пояснительные записки; планы; телеграммы; телефонограммы; факсограммы; письма. При этом, в качестве правовых актов указаны: 1) приказ – правовой акт, устанавливающий управленческие решения по вопросам оперативно-служебной деятельности ОВД; 2) распоряжение – документ, издаваемый по вопросам оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, который имеет организационно-распорядительный характер и исходя из особенностей целей и предмета правового регулирования может содержать нормативные предписания (п. 18)[2].

Таким образом, на примере одного только такого вида правового акта, как распоряжение (которое, то не может являться правовым актом системы МВД России, то является нормативным правовым актом и т.п.) можно наглядно проиллюстрировать непоследовательность и противоречивость правовой регламентации ведомственного, в том числе локального, правотворчества ОВД.

Более того, в п. 5.2. Инструкции по ведению систематизированного учета правовых актов в системе МВД России, утвержденной Приказом МВД России от 25.08.2017 № 680 (далее по тексту – Инструкция по ведению систематизированного учета правовых актов в системе МВД России) содержится указание на «правовые акты однократного действия, в том числе акты о созыве конференций, проведении совещаний, культурно-массовых мероприятий, об организации и проведении профилактических

[1] Приказ МВД России от 27.06.2003 № 484 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111807/

[2] Приказ МВД России от 20.06.2012 № 615 (с изм. от 25.08.2018) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=539374#03621885800807372

мероприятий краткосрочного характера»[1]. При этом, документарная форма такого рода актов не указывается.

Итак, что касается исчерпывающего перечня правовых актов, издаваемых в системе МВД России, и их дифференциации в соответствии наличием или отсутствием нормативных предписаний, то и тут ясности нет. В более-менее четко определенный перечень нормативных правовых актов (приказ, устав, положение (имеющее двойное содержание – статутное и организационно-функциональное), инструкция, правила, наставления) вносят неопределенность такие виды правовых актов, как распоряжение и протокол, а также указание на возможность издания иных видов нормативных правовых актов. Общая формулировка «индивидуальные правовые акты (персонального характера; действие которых исчерпывается однократным применением)» без указания конкретных видов правовых актов и их содержательной характеристики на практике также существенно затрудняет процесс локального правотворчества.

Вызывает вопрос и неоднозначность ведомственного подхода к определению самого нормативного правового акта. Так, согласно п. 2 Правил подготовки нормативных правовых актов в Центральном аппарате Министерства внутренних дел Российской Федерации «нормативный правовой акт – это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме должностным лицом Министерства в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм, рассчитанных на многократное применение и относительно неопределенный круг лиц»[2]. При этом, в п. 74 данных правил указано,

---

[1] Приказ МВД России от 25.08.2017 № 680 «Вопросы организации информационно-правового обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Положением о мониторинге правоприменения в системе МВД России», «Инструкцией по работе с модулем «Мониторинг» сервиса обеспечения деятельности правовых подразделений системы МВД России», «Инструкцией по работе с модулем «Иск» сервиса обеспечения деятельности правовых подразделений системы МВД России», «Инструкцией по работе с автоматизированной информационно-поисковой системой для ведения контрольно-наблюдательных дел по сопровождению проектов нормативных правовых актов и планов правоподготовительных работ», «Инструкцией по эксплуатации специализированной территориально распределенной автоматизированной системы «Юрист», «Инструкцией по эксплуатации специализированной территориально распределенной автоматизированной системы «Юрист-Регион», «Типовой инструкцией по эксплуатации автоматизированной информационно-поисковой системы «Правовые акты подразделения системы МВД России», «Инструкцией по формированию и использованию автоматизированной информационно-поисковой системы «Юридические консультации» и наполнению рубрики «Часто задаваемые вопросы», «Инструкцией по ведению систематизированного учета правовых актов в системе МВД России") // http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=718477#022958457068379068

[2] Приказ МВД России от 27.06.2003 № 484 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111807/

что «в нормативных предписаниях, содержащихся в проекте нормативного правового акта, указываются конкретные сроки их реализации с указанием числа месяца, месяца, квартала, года». А п. 76 содержит указание, что «нормативные предписания поручeнческого характера, предназначенные одному исполнителю (одним исполнителям), в тексте проекта нормативного правового акта группируются в один пункт»[1]. Таким образом, выходит, что содержание нормативного правового акта, обладающего такими признаками (свойствами), как многократность применения и относительно неопределенный круг лиц, могут составлять персонифицированные (индивидуальные) нормативных предписания темпорального действия.

Указанное свидетельствует об актуальности определения четкого перечня и содержательной характеристики правовых актов, издаваемых в системе МВД России, и их дифференциации в соответствии с наличием или отсутствием нормативных предписаний, а также четкого определение документарных форм правовых актов в соответствии с уровнями и формами правотворчества ОВД.

Таким образом, с учетом специфики, необходимости и масштабности локального правотворчества в ОВД необходимо принятие единого унифицированного ведомственного нормативного правового акта, регламентирующего порядок осуществления данной деятельности. В свою очередь, соответствующая потребностям локального регулирования надлежащая организационно-правовая регламентация локального правотворчества ОВД позволит существенно повысить эффективность деятельности органов внутренних дел.

Погребная Анна Михайловна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Ответственность за деяния, способствующие совершению самоубийства, в законодательстве зарубежных стран

Практическая значимость изучения действующего уголовного законодательства и правового опыта зарубежных стран очень велика и имеет многообразное проявление. Правовой анализ норм уголовного зарубежного права дает уникальную возможность сравнить отечественное уголовное законодательство с законодательством других государств, а также выявить

[1] Приказ МВД России от 27.06.2003 № 484 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111807/

их положительный и отрицательный опыт в области правового регулирования рассматриваемой проблемы.

В рамках теоретического и практического изучения норм зарубежного уголовного законодательства обратимся к исследованию норм, предусматривающих уголовную ответственность за преступления, связанные с суицидом.

В связи с распадом Советского Союза в 1991 году на территории бывшего СССР образуются конфедеративные объединения.

С обретением и признанием независимости бывших союзных республик появились некоторые проблемы реформирования их национального законодательства. В этот период начинается разработка Модельного Уголовного кодекса государств-участников Содружества Независимых Государств (СНГ) специально созданной рабочей группой, а 17 февраля 1996 г. на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ был принят Модельный Уголовный кодекс[1].

Правовое значение этого нормативного акта достаточно высокое, так как его положения послужили основой для создания уголовного законодательства бывших союзных республик.

Стоит отметить, что положения норм Модельного Уголовного кодекса для стран-участников СНГ (далее – Модельный УК) носят рекомендательный характер при разработке национального законодательства. Модельный УК содержит нормы, предусматривающие ответственность за доведение до самоубийства (ст. 117) и склонение к самоубийству (ст. 118). Данные положения нашли отражение в главе 18 «Преступления против жизни и здоровья» раздела VII «Преступления против человека».

Так, в ст. 117 Модельного УК (Доведение до самоубийства) закреплено: «Доведение лица до самоубийства или покушения на него путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения личного достоинства, – (преступление средней тяжести). То же деяние, совершенное в отношении лица, находившегося в материальной или иной зависимости от виновного, – (преступление средней тяжести)»[2].

Взяв за основу положения Модельного УК при конструировании состава склонения к совершению самоубийства, российский законодатель в то же время расширил перечень способов совершения подобного деяния (ч. 1 ст. 110^1 УК РФ).

Помимо уговоров и обмана, закрепленных в Модельном УК, в УК РФ к ним отнесены предложения и подкуп. По своему характеру подобные действия напоминают действия подстрекателя. Кроме того, в отличие от

---

[1] Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества независимых государств. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 11

[2] Модельный Уголовный кодекс для Содружества Независимых государств от 17 февраля 1996 г. Приложение к «Информационному бюллетеню». 1996. № 10. С. 15

Модельного УК (ст. 118), основной состав склонения к совершению самоубийства по УК РФ сконструирован как формальный и относится к категории небольшой тяжести.

В части 2 ст. 110[1] УК РФ предусмотрен самостоятельный состав преступления – Содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства. Эти действия по своему характеру напоминают действия пособников. Если деяния, предусмотренные ч. 1 или 2 ст. 110[1] УК РФ, влекут за собой самоубийство или покушение на него, то они переходят в разряд тяжких преступлений (ч. 4 ст. 110[1] УК РФ).

Таким образом, российский законодатель пошел по пути ужесточения наказания в случае наступления реальной смерти (самоубийстве) или покушении на самоубийство, явившихся следствием склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства. Значение Модельного Уголовного кодекса для стран-участников СНГ велико, он оказал существенное влияние на формирование уголовного законодательства не только России, но и многих стран ближнего зарубежья. Рассмотрим некоторые из них.

Согласно ст. 110 УК Республики Армения субъективный признак, выраженный в конкретном установлении формы вины: «Доведение лица до самоубийства или покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения личного достоинства, совершенное с косвенным умыслом или по неосторожности…». Исходя из того, что при квалификации доведения до самоубийства исключен прямой умысел, автор предполагает, что доведение до самоубийства совершенное с прямым умыслом, будет квалифицировано как убийство.

Ст. 106 «Склонение к самоубийству и доведение до самоубийства» УК Туркменистана[1] объединяет в себе два деяния, однако, круг лиц, в отношении которых совершается преступное посягательство значительно уже, чем в уголовно-правовых нормах Республики Беларуси, Армении и Кыргызстана. Квалифицирующим признаком выступает совершение рассматриваемого деяния только в отношении несовершеннолетнего; лица, находящиеся в материальной или иной зависимости от виновного, не упоминаются.

[1] Модельный Уголовный кодекс для Содружества Независимых государств от 17 февраля 1996 г. Приложение к «Информационному бюллетеню». 1996. № 10. С. 86-215.

В УК Республики Казахстан (ст. 105)[1], Грузии (ст. 115)[2], Украины (ст. 120)[3], Республики Молдовы (ст. 150)[4], Республики Узбекистан (ст. 103)[5], Республики Таджикистан (ст. 109)[6], Азербайджанской Республики (ст. 125)[7] уголовная ответственность предусмотрена только за доведение до самоубийства. Основные отличия в конструкциях уголовно-правовых норм о доведении до самоубийства или склонении к самоубийству в УК бывших социалистических республик заключаются в круге потерпевших лиц. В УК Республики Таджикистана, Казахстана, Туркменистана, Беларусь, Молдовы, Украины предусматривают совершение доведения до самоубийства в отношении лиц, зависимых от виновного материально или иного положения.

Кроме этого, выделяются отдельные категории потерпевших, которые выступают как квалифицирующие признаки состава преступления. Положительная сторона диспозиции ст. 110 УК Армении заключается в том, что она определяет субъективный признак данного преступления, которое совершается в виде только косвенного умысла, так и по неосторожности. Это единственный из рассматриваемых источников уголовного права, в котором указан умысел совершения преступления, направленного на доведение до самоубийства.

Статья 106 Пенитенциарного кодекса Эстонской Республики устанавливает уголовную ответственность за доведение до самоубийства[8]. В ней не предусмотрены квалифицирующие признаки. Согласно ст. 106 указанного кодекса «Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем жестокого обращения с ним или издевательства над ним – наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет». Как видно из диспозиции статьи, данное преступление совершается путем жестокого обращения или издевательства.

---

[1] Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Режим доступа: http:///online.zakon.kz (дата обращения 31.07.2019).

[2] Уголовный кодекс Грузии: закон от 22 июля 1999 г. с изм. и доп. на 1 декабря 2001 г. СПб.: Юридический Центр «Пресс», 2002.

[3] Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://kodeksy.com.ua/ka/ ugolovnyj_kodeks_ukraini.htm (дата обращения 31.07.2019).

[4]Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://lex.justice.md/ru/ 331268/ (дата обращения 31.07.2019).

[5]Уголовный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://fmc.uz/legisl .php?id=k_ug_18 (дата обращения 31.07.2019).

[6]Уголовный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения 31.07.2019).

[7] Уголовный кодекс Азербайджанской Республики: закон от 30 декабря 1999 г. вступил в силу с 1 сентября 2001 г. СПб.: Юридический Центр «Пресс», 2001.

[8] Уголовный кодекс Эстонской республики [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://estonia.news-city.info/docs/sistemsf/dok_ierxto/page4.htm (дата обращения 31.07.2019).

По нашему мнению, термин «жестокое обращение» является не только широким понятием, но и включает в себя такое понятие как «издевательство». В связи с чем возникает некоторая ограниченность нормы, выраженная в сужении и без того немногочисленных признаков объективной стороны.

Тем не менее, несмотря на ряд выявленных отличительных особенностей в конструкциях уголовно-правовых норм о доведении до самоубийства в УК стран СНГ, прослеживается не абсолютно утраченная вследствие «распада» СССР взаимосвязь и «родство» в построении уголовного законодательства ныне самостоятельных и суверенных государств. Уголовное законодательство стран дальнего зарубежья (наряду с указанными странами нами будет рассмотрен УК Республики Польша, по причине наличия общих характерных черт в формулировке изучаемых уголовно-правовых норм) в контексте исследуемой проблемы имеет разительные отличия от УК РФ и стран СНГ.

В первую очередь необходимо отметить, что проведенный сравнительно-правовой анализ уголовных законов позволил установить, что такое понятие как «доведение до самоубийства» более свойственно странам «соцлагеря». Уголовное законодательство большинства европейских стран, а также ряда восточных государств, криминализирует склонение и подстрекательство к самоубийству.

Так, Уголовные кодексы Японии (ст. 202 «Участие в самоубийстве и убийстве с согласия)[1], Дании (§ 240)[2], Австрии (§ 78. Склонение к самоубийству)[3], Сан-Марино (ст. 151)[4], Турции (ст. 454)[5], Швейцарии (ст. 115) Склонение к самоубийству и пособничество в самоубийстве)[6], Норвегии (§ 236)[7],

---

[1] Уголовный кодекс Японии / Науч. редактирование и предисловие докт. юрид. наук, профессора А.И. Коробеева. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002.

[2] Уголовный кодекс Дании / Научное редактирование и предисловие С.С. Беляева, канд. юрид. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова). Перевод с датского и английского канд. юрид. наук С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001.

[3] Уголовный кодекс Австрии / Науч. редактирование и предисловие докт. юрид. наук, профессор С.Ф. Милюков. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004.

[4] Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / Науч. ред. и вступ. статья докт. юрид. наук С.В. Макс, 2002.

[5] Уголовный кодекс Турции / Предисловие канд. юрид. наук, доц. Н. Сафарова и докт. права Х. Аджара. Науч. ред. и перевод с турецкого Н. Сафарова и Х. Бабаева. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003.

[6] Уголовный кодекс Швейцарии / Научное редактирование, предисловие и перевод с немецкого канд. юрид. наук А.В. Серебренниковой. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002.

[7] Уголовное законодательство Норвегии / Науч. ред. и вступ. статья докт. юрид. наук, профессора Ю.В. Голика; перевод с норвежского А.В. Жмени. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003.

Республики Польша (ст. 151)[1] не рассматривают в качестве преступного посягательства доведение до самоубийства, а, как говорилось ранее, предусматривают уголовную ответственность как за склонение и пособничество в самоубийстве, так и за оказание содействия (помощи) в самоубийстве из чувства сострадания к ближнему.

УК Республики Сан-Марино является одним из немногих уголовных законов европейских государств, которые адекватно реагируют и учитывают повышенную степень опасности, которая свойственна подстрекательству и содействию в самоубийстве. В последние десятилетия ряд европейских государств очень либерально относится к дозволению акта самоубийства (пособничества в самоубийстве), совершаемого в «гуманистических» целях в отношении неизлечимо больных или страдающих деменцией людей. В странах с законодательным «не запрещением» эвтаназии, аргументируют такую необходимость в «праве на смерть» тем, что каждый человек волен принимать решение о прекращении своей жизни, чтобы не испытывать сильную физическую боль при неизлечимом заболевании.

В случае пребывания пациента в коме или в бессознательном состоянии, такое решение принимается коллегиально комиссией врачей с обязательным уведомлением родственников больного или доверенных лиц[2]. Нидерланды – одно из первых государств, в котором была легализована активная (введение смертельной инъекции производит врач) эвтаназия[3], однако, несмотря на это, уголовным законом предусматривается ответственность за подстрекательство к самоубийству, которое законодатель относит к преступлениям небольшой тяжести.

В ст. 115 УК Швейцарии склонение к самоубийству и пособничество самоубийству рассматривается как уголовно-наказуемое деяние, но только при наличии корыстных мотивов, при отсутствии таковых уголовная ответственность исключается. Санкция за оказание помощи в совершении самоубийства по § 240 УК Дании, предусмотрена в виде штрафа или простого заключения под стражу. Срок простого заключения под стражу составляет от 7 дней до шести месяцев. Только совершение такого деяния по причине личной заинтересованности (наличии прямого умысла), влечет более суровое наказание – тюремное заключение на срок, не превышающий трех лет. Вместе с тем, за убийство по высказанной просьбе потерпевшего предусмотрено тюремное заключение на срок не более трех лет, или простое заключение под стражу на срок не менее 60 дней (§ 239). Со-

[1] Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред. канд. юрид. наук, доц. А.И. Лукашов, докт. юрид. наук, профессор Н.Ф. Кузнецова; вступ. статья канд. юрид. наук, доц. А.И. Лукашова, канд. юрид. наук, профессора Э.А. Саркисовой; перевод с польского Д.А. Барилович. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001.

[2] Ермолаева Е.Г. Суицид и преступность. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2007. С. 168-169.

[3] Там же. С. 167.

гласно уголовному законодательству Норвегии, при оказании содействия в самоубийстве, повлекшего причинение значительных телесных повреждений или ущерба здоровью, виновный подлежит наказанию как за пособничество убийству или причинению тяжких телесных повреждений, совершенных в отношении лица, согласного на это. Наказание не применяется при отсутствии летального исхода, либо отсутствии сильных телесных повреждений или значительного ущерба здоровью.

Проведя сравнительно-правовой анализ источников уголовного закона Голландии, Дании, Швейцарии, Норвегии, следует отметить, что либеральное отношение, сложившееся в европейском сообществе по отношению к эвтаназии, находит свое отражение в уголовном законодательстве относительно квалификации таких деяний как «содействие» или оказание «помощи» в самоубийстве (и даже убийстве) по просьбе потерпевшего, отнеся их к привилегированным составам, проявляя тем самым тенденцию к постепенной декриминализации пособничества и содействия в самоубийстве. Все приведенные уголовные источники зарубежных стран содержат в себе нормы, предусматривающие наступление ответственности за доведение до самоубийства, выраженное как в самом доведении, так и через склонение, пособничество, подстрекательство и содействие в самоубийстве.

Присич Ирина Владимировна,
преподаватель кафедры гражданского и трудового права
Воронежского института ФСИН России

Некоторые проблемы правового статуса лиц, осужденных к уголовному наказанию в виде ограничения свободы

Концепция федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017-2025 годы)» (утв. Распоряжением Правительства РФ от 23 декабря 2016 г. № 2808-р), в качестве одной из основных целей называет расширение сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы и предполагает увеличение к 2020 году общей численности лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества, на 200 тыс. человек за счет применения ограничения свободы и других видов наказаний[1].

Правовой статус осужденного включает в себя перечень его прав, обязанностей, свобод и законных интересов, объем которых зависит от ви-

[1] См.: Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

да, срока, размера наказания и индивидуальных особенностей осужденного, к которым относят: пол, возраст, состояние здоровья, трудоспособность, профессиональную принадлежность и т.д.

В этой связи важность при назначении наказания не связанным с изоляций осужденного от общества приобретает такой вид наказания как ограничение свободы (ст. 53 УК РФ[1]).

При этом особенность правового статуса осужденных к наказанию в виде ограничения свободы состоит в том, что их правовое положение регулируется как нормами уголовно-исполнительного законодательства, так и нормами конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, гражданского, трудового, жилищного и иными отраслями права.

Кроме того, положение осужденного к данному виду наказания варьируется в процессе отбывания наказания, в зависимости от его поведения в улучшающую или ухудшающую для него сторону, что влечет за собой соответствующие изменения объема его прав и обязанностей.

Следует отметить, что лица, осужденные приговором суда к уголовному наказанию, не утрачивают статуса гражданина Российской Федерации, соответственно, большинство элементов правового статуса граждан в специальном правовом статусе осужденных сохранено.

Основной причиной назначения указанного вида наказания является убежденность суда в отсутствии необходимости изоляции осужденного от общества и привычного уклада жизни, а также в возможности его исправления в условиях исправительного воздействия и надзора за ним со стороны уголовно-исполнительной инспекции (далее – УИИ). Необходимо отметить, что одним из обязательных условий отбывания наказания в виде ограничения свободы является запрет на изменение места жительства или пребывания без получения согласия УИИ.

Именно место жительства осужденного играет ключевую роль в возможности назначения и исполнения наказания в виде ограничения свободы, а именно:

– лицам, при отсутствии у них места постоянного проживания на территории Российской Федерации в соответствии с п.6 ст. 53 УК РФ наказание в виде ограничения свободы не назначается;

– место жительства осужденного, согласно ч.1 ст. 50 УИК РФ является местом отбывания рассматриваемого наказания[2];

– постановка осужденного на учет в УИИ производится по месту его постоянного проживания;

– инспекция обязана направлять уведомление в суд, вынесший приговор о месте и начале отбывания наказания осужденным;

---

[1] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] См.: Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

– УИИ осуществляет регулярные проверки осужденного по месту его жительства;

– УИИ направляет извещение в органы внутренних дел по месту постоянного проживания осужденного о постановке его на учет;

– установка по месту постоянного проживания осужденного устройств технических средств надзора и контроля за ним;

– проведение иных мероприятий, установленных законодательством Российской Федерации.

В примечании к ст. 139 УК РФ закреплено понятие жилища, под которым понимается индивидуальный жилой дом, содержащий в своем составе жилые и нежилые помещения, а также жилое помещение, входящее в состав жилищного фонда и пригодное для постоянного или временного проживания, наравне с иными помещениями или строениями, не входящими в жилищный фонд, но предназначенными для временного проживания[1].

Данное определение дает основания полагать, что жилищем можно, определить дачный дом, например, что не вполне соответствует смыслу назначаемых ограничений[2]. Учитывая удаленность и разрозненность расположения таких домов, не вполне ясно, каким образом УИИ будет проверять исполнение осужденным данного ограничения, поэтому Р.В. Комбаров предложил исходить, в данном случае, из предписаний именно жилищного законодательства[3]. Жилищное законодательство использует термин «жилое помещение», которым, в соответствии со ст. 16 ЖК РФ признается жилой дом, часть жилого дома; квартира или часть квартиры, а также комната. Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1«О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» устанавливает возможность признания местом жительства лица из состава коренных малочисленных народов Российской Федерации, ведущих кочевой и (или) полукочевой образ жизни и не имеющих места постоянного или преимущественного проживания, одно из поселений, находящихся в муниципальном районе, в границах которого проходят маршруты его кочевий. Комментируя положения этого Закона, К.В. Другова отмечает невозможность признать местом жительства, например, подвал дома, долину, «жилье на колесах»[4]. Это замечание К.В. Друговой имеет право на существование,

---

[1] См.: Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

[2] Перетятько Н.М., Рождествина А.А. Актуальные вопросы применения ограничения свободы и домашнего ареста: Практическое пособие. М.: Кнорус; Саратов: Макет плюс, 2010. С. 67.

[3] Комбаров Р.В. Дополнительные обязанности осужденных к ограничению свободы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 3. С. 94.

[4] Другова К.В. Ограничение прав и свобод лиц, освобожденных из мест лишения свободы, попадающих под административный надзор // Наука и Практика. 2014. № 2 (59). С. 191.

однако в этой связи определенный интерес представляет решение Европейского суда по правам человека в деле «Бакли против Соединенного Королевства» (Buckley v. UK) в своем постановлении от 25.08.1996 признал жилищем дома-фургоны, в которых проживала заявительница, являющаяся цыганкой по национальности, совместно с членами своей семьи, при том, что данные фургоны располагались на принадлежащей заявительнице земле[1].

К тому же, существует вероятность гибели места постоянного проживания в процессе отбывания наказания в виде ограничения свободы, назначенного в качестве основного по причине его физического прекращения существования, например, в результате пожара или наводнения. Представляется не вполне понятным как этот факт повлияет на правовой статус такого осужденного, если он не получит временного жилья. Безусловно, возможна гибель места постоянного проживания осужденного к наказанию в виде лишения свободы, назначенного в качестве основного вида. Так, в случае, если в качестве дополнительного наказания ему назначено ограничение свободы, то к началу его отбывания лицо автоматически станет злостным нарушителем порядка отбывания ограничения свободы с последствиями в виде осуждения по ч. 1 ст. 314 УК РФ.

Еще одним обязательным ограничением в соответствии со ст. 53 УК РФ является запрет на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования без согласования с УИИ[2].

Не сложно смоделировать ситуацию, в которой наказание в виде ограничения свободы может быть назначено лицу, чья профессиональная деятельность предполагает разъездной характер на дальние расстояния. Получается, либо осужденный становится нарушителем порядка отбывания наказания, либо он должен уволиться с данной работы, в результате чего лишится источника дохода и значительно ухудшит свое положение.

Подводя итог, следует отметить, что проблема правового статуса осужденных к ограничению свободы требует усовершенствования предписаний отечественного уголовного закона. А это в свою очередь, будет положительным залогом достижения целей наказания и ресоциализации осужденных, отбывающих этот вид наказания.

---

[1] См.: URL://https://www.srji.org/resources/search/41 [Электронный ресурс] / (дата обращения: 07.12.2019).

[2] См.: Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Рассказова Мария Владимировна,
соискатель Российского государственного
университета правосудия

О криминализации сговора как самостоятельного преступления

Сговор на совершение преступления представляет собой состоявшееся до момента начала выполнения объективной стороны какого-либо преступления и выраженное в любой форме соглашение двух или более лиц, из которых как минимум одно обладает признаками субъекта преступления, отражающее их готовность совместно выполнить хотя бы одно конкретное преступление. Общественная опасность сговора существенным образом варьируется в зависимости от множества криминологически и социально значимых факторов. Это позволяет законодателю использовать различные механизмы и конструкции для оценки сговора как приготовления к преступлению, как элемента совместной деятельности лиц по выполнению преступления. В ряде случаев, по оценке государства, опасность сговора возвышается настолько, что это позволяет рассматривать его в качестве достаточного основания для возложения ответственности за оконченное преступление.

Сговор в качестве самостоятельного деяния, влекущего уголовную ответственность, на сегодняшний день представлен в нескольких статьях уголовного закона: 205^4, 208, 209, 210, 239, 282^1, 282^2 УК РФ[1]. Практика свидетельствует не только о расширении номенклатуры самих таких преступлений, но и о достаточно устойчивом росте числа лиц, осужденных за участие в них. Это обстоятельство связано как с возросшей криминальной активностью организованных преступных групп, так и с нормализацией, упорядочением практики правоприменения, чему немало способствовало принятие в последние годы целого ряда постановлений Пленумом Верховного Суда РФ.

В основе уголовно-правового запрета на сговор в целях совершения преступлений лежит известный комплекс социальных и правовых факторов, среди которых, как представляется, особое место занимаю те, что связаны с необходимостью поиска оптимального баланса между гарантированной международными актами и Конституцией страны свободой ассо-

[1] Элементы сговора на совершение преступлений могут присутствовать и в иных деликтах (например, в незаконной организации и проведении азартных игр, содействии террористической деятельности, организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации). Однако позволим себе оставить их анализ за рамками статьи по причине того, что сговор здесь не выступает обязательным, конструктивным признаком, и чаще всего выступает в них элементом приготовительной или соучастной деятельности.

циаций и потребностью в обеспечении безопасности общества; между задачей раннепрофилактического воздействия на криминальные угрозы и требованием криминализации лишь деяний, представляющих серьезную опасность для охраняемых уголовным законом правовых благ.

Статья 11 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) провозгласила «1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов. 2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

Эта норма получила глубокую проработку и всестороннее истолкование в многочисленных решениях Европейского Суда по правам человека[1]. И хотя непосредственно в связи с исследованием проблем криминализации преступных групп ст. 11 Конвенция не была интерпретирована Судом, его позиция вполне определенно может быть выведена из иных постановлений:

- свобода ассоциаций не абсолютна, а необходимость защищать конвенционные права может привести к ограничению других прав или свобод, установленных Конвенцией,

- ограничение свободы ассоциаций должно соответствовать проверке на соблюдение трех основных критериев: быть предусмотренным в законе, преследовать установленные в ч. 2 ст. 11 Конвенции цели, быть необходимым в демократическом государстве,

- объединение не может быть лишено защиты Конвенции просто потому, что его деятельность, по мнению властей, подрывает конституционные структуры государства и требует наложения на него ограничений,

- объединение может проводить кампании по изменению законов, правовых и конституционных основ государства при наличии двух условий: (1) использованные средства во всех отношениях должны быть законными и демократичными; (2) предложенные изменения должны соответствовать фундаментальным демократическим принципам,

- объединение, лидеры которого подстрекают обращение к насилию или предлагают политику, которая не соответствует одному или нескольким правилам демократии или направлена на уничтожение демократии и

[1] Избранные решения Европейского суда по правам человека. Статья 11 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод / сост.: К. Баранов, В. Громова, Н. Звягина, Д. Макаров. М.: Московская Хельсинская группа, 2012.

нарушение демократических прав и свобод, не может ссылаться на Конвенцию в качестве защиты против мер, принятых против него.

Конвенция и прецеденты ее толкования, таким образом, задают определенную рамку, позволяющую правильно выстроить сбалансированную политику (в том числе и уголовно-правовую) в части ограничения права человека на свободу ассоциаций в целях обеспечения национальной безопасности, общественного порядка, предотвращения беспорядков и преступлений, охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

При этом важно обратить внимание, что цели ограничения свободы ассоциаций определены Конвенцией несколько шире и детальней, нежели цели ограничения прав человека сформулированы в Конституции РФ. Если ч. 3 ст. 55 Конституции РФ провозглашает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, то Конвенция прямо называет среди оснований ограничения свободы ассоциаций цель предотвращения беспорядков и преступлений.

Тем самым можно считать предписанным, что предотвращение преступлений по своей значимости стоит в одном ряду с такими важнейшими социальными практиками как защита прав человека и обеспечение безопасности страны, что предотвращение преступлений является частью мер общей системы обеспечения безопасности.

Как верно отмечает Ю.Е. Пудовочкин, в современных условиях «коллективно гарантированная безопасность становится более желанной, нежели индивидуальная свобода. ... Право на безопасность является неотъемлемым правом человека, а его обеспечение – одной из существенных обязанностей государства. ... Без обеспечения безопасности сама категория прав и свобод теряет свой смысл, поскольку вне безопасности использование этих прав и свобод будет практически невозможно»[1]. При этом специалисты правильно устанавливают, что «общим критерием допустимости ограничения прав и свобод граждан в целях обеспечения безопасности государства может быть признано положение, в соответствии которым конституционные права граждан могут быть ограничены государством в той мере, в какой это необходимо для предупреждения либо устранения вреда или иного ущерба, угрожающего правоохраняемым благам от использования этих прав, если это невозможно осуществить другими сред-

[1] См.: Пудовочкин Ю.Е. Международно-правовые основы уголовно-правового запрета // Международное уголовное правосудие: Современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М.: Институт права и публичной политики, 2009. С. 599–611.

ствами и если причиняемый при этом вред правам граждан является наименьшим из возможных»[1].

С этих позиций введение уголовной ответственности за организацию или участие в группах, созданных в целях подготовки или совершения преступлений, представляется оправданным и соразмерным той угрозе, которая может исходить от функционирования подобных групп.

Такое оправдание, тем не менее, еще не предрешает вопроса о форме криминализации. Признание организации и участия в преступных группах именно оконченным, самостоятельным преступлением, а не соучастием или приготовлением, требует дополнительного обоснования. В отечественной литературе этому вопросу уделяется недостаточное внимание. Лишь в редких сочинениях авторы исследуют проблемы соблюдения принципов криминализации организованной преступной деятельности[2], чаще – ограничиваются общими ссылками на целесообразность криминализации исследуемых деликтов в виду их общественной опасности и распространенности[3].

Вопросы социологического анализа угроз, опасностей и возможных последствий создания и функционирования групп, создаваемых с преступными целями, конечно, требуют отдельного анализа. Однако учитывая направленность настоящей работы, позволим себе оставить их за рамками диссертации и ограничимся обзором исключительно правовых оснований, требующих обособленной криминализации сговора.

Стоит обратить внимание, что необходимость криминализации отдельных проявлений организованной преступности на уровне самостоятельных составов преступлений предписана непосредственно нормами международного права. Так ст. 5 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.) определяет, что каждое государство-участник принимает такие законодательные и другие меры, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, не относя его к покушению на совершение преступления и независимо от фактического совершения преступного деяния, умышленный сговор с одним или несколькими лицами относительно совершения

---

[1] Москаленко Т.О. Конституционно-правовые основания ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 8 – 9.

[2] См.: Агапов П.В. Основы противодействия организованной преступной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 160 – 188.

[3] См.: Аджиев А.Д. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем: уголовно-правовые аспекты противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 7.

серьезного преступления, преследующего цель, прямо или косвенно связанную с получением финансовой или иной материальной выгоды[1].

С точки зрения теории уголовного права такая криминализация всегда связывается с представлениями об общественной опасности содеянного и с доктринальными установками относительно криминализации приготовления к преступлению. Еще Н.Д. Дурманов писал: «приготовительными к преступлению действиями особого рода являются создание преступного сообщества или шайки, участие в таком сообществе, а равно неудавшиеся попытки организации преступного сообщества или шайки. В некоторых случаях, учитывая характер объекта и характер умысла, закон считает оконченным преступлением самую организацию преступного сообщества или участие в нем. Однако такая конструкция состава является исключением, вызываемым прежде всего особенностями объекта»[2].

В действительности, особенности объекта (а они тут заключаются как в содержании общественных отношений, призванных гарантировать общественный порядок, общественную и шире – национальную безопасность, так и в его широте, поскольку преступная группа не только дестабилизирует безопасность, но и ставит под угрозу самый широкий круг общественных отношений, определяемых целевыми установками соучастников), а также специфика умысла (который, будучи прямым, как бы «умножается» в виду собственной неопределенности, свидетельствуя о готовности и желании участников группы совершать не столько одно конкретное преступление, сколько преступления вообще) подталкивают законодателя к тому, чтобы выставить уголовно-правовые барьеры на ранних этапах развития преступной деятельности. Группа в данном случае может быть вполне сопоставима с источником повышенной опасности, проявление свойств которого способно повлечь самые разнообразные и сложно прогнозируемые последствия, в целях предотвращения которых сам этот источник помещается в строгие рамки правового поля и правоохранительного контроля. С учетом этого, законодатель создает особую конструкцию состава преступления, во-первых, признавая самостоятельным и оконченным преступлением фактически этап приготовления к последующим преступным деяниям, а во-вторых, отказываясь от описания последствий в составе этого преступления.

Полагая достаточным этот краткий и весьма неполный обзор оснований криминализации сговора как самостоятельного преступления, признавая одновременно необходимость его дальнейшей более детальной и глу-

---

[1] Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. // Собрание законодательства РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

[2] Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1955. С. 77.

бокой проработки, обратимся к отдельным теоретическим и прикладным аспектам, вытекающим из проведенной криминализации.

Выделенная нами для анализа группа преступлений весьма неоднородна с точки зрения того, как отражены в ней характерные признаки сговора: цель, внутренние структурные особенности группы, форма ее внешнего выражения. В частности, в зависимости от того, как в законе определена цель создания группы можно выделить:

- группы, при описании которых прямо и непосредственно указано на цель совершения ими преступлений (банда, преступное сообщество, террористическое сообщество, экстремистское сообщество),

- группы, описание которых позволяет предположить возможную преступную цель, наряду с иными целями (некоммерческая организация, незаконное вооруженное формирование, террористическая и экстремистская организация).

При этом, очевидно, что в науке и правоприменительной практике ряд значимых вопросов, связанных с характеристикой цели, возникает при оценке именно второй разновидности групповых образований.

Так, характеризуя незаконное вооруженное формирование, высшая судебная инстанция в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 9 февраля 2012 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (п. 23) указала, что оно создается «для реализации определенных целей (например, для совершения террористических актов, насильственного изменения основ конституционного строя или нарушения целостности Российской Федерации)». Преступная цель, таким образом, была подтверждена, хотя и не в качестве исключительной цели создания формирования. Такой подход поддерживается рядом специалистов. Е.А. Маслакова например, пишет, что целями организации незаконного вооруженного формирования могут выступать защита от неправомерных посягательств, обеспечение безопасности населения, поддержание общественного порядка, охрана физических и юридических лиц, обеспечение экономических интересов различных социальных слоев и групп, установление контроля над другими незаконными группировками, силовое разрешение каких-либо вопросов, насильственное изменение основ конституционного строя или нарушение целостности Российской Федерации и другие[1]. В тоже время в науке представлены и иные позиции. Н.В. Дейнега, Н.И. Сальникова, например, утверждают, что бесспорным отличительным признаком незаконного вооруженного формирования является то, что оно представляет собой разновидность военного формирования и не создается с преступной целью[2]. В тоже время

[1] Маслакова Е.А. К вопросу об организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем // Военно-юридический журнал. 2014. № 3.

[2] Дейнега Н.В. Уголовно-правовая характеристика бандитизма и отграничение его от смежных составов преступлений: автореферат дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2007. С. 17; Сальникова Н.И. Незаконное вооруженное формирование не является разновидностью преступного сообщества // Российский следователь. 2005. № 3. С. 20 – 22.

П.В. Агапов аргументирует противоположное мнение: «Несмотря на то, что диспозиция ст. 208 УК РФ не содержит указания на преступные цели, уголовно-политическое предназначение данной статьи и, самое главное, практика ее применения, свидетельствуют о том, что незаконное вооруженное формирование – это сугубо преступное объединение со всеми вытекающими из этого признаками института соучастия в преступлении»[1].

В отношении образования, предусмотренного ст. 239 УК РФ, мнения специалистов также расходятся. Е.А. Димитрова, П.В. Агапов пишут, что религиозные объединения, посягающие на личность и права граждан, следует признать одной из форм организованной преступной группы, предусмотренной в Особенной части УК РФ[2]. Однако М.С. Фокин допускает существование религиозных групп, преследующих незаконные, но не преступные цели[3].

Аналогичная ситуация складывается и при толковании ст. 282[2] УК РФ. Упомянутая в ней экстремистская деятельность далеко не всегда обладает признаком уголовной противоправности. В связи с чем, некоторые авторы полагают, что экстремистская организация может создаваться для совершения хотя и экстремистских действий, но не представляющих собой самостоятельного преступления (например, для пропаганды и публичного демонстрирования нацистской символики и атрибутики)»[4]; другие требуют исключения из понятия экстремистской деятельности административных правонарушений как проявлений экстремизма (и в целом декриминализации преступления, предусмотренного ст. 282[2] УК РФ[5]), третьи доказывают необходимость отнесения экстремистской организации к организованным преступным формированиям[6].

---

[1] Агапов П.В. Основы противодействия организованной преступной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 38, 172.

[2] Димитрова Е.А. Уголовная ответственность за организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 8; Агапов П.В. Основы противодействия организованной преступной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 361.

[3] Фокин М.С. Уголовно-правовая характеристика организации религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2000. С. 18 – 20.

[4] См.: Уголовное право России. Часть Особенная: учебник для вузов / отв. ред. Л.Л. Кругликов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 662 (автор главы – А.С. Горелик); Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.В. Бриллиантова. 2- е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. С. 913 (автор главы – Пудовочкин Ю.Е.).

[5] Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 15, 23.

[6] См., например: Белоцерковский С.Д. Актуальные вопросы следственной и судебной практики по уголовным делам о преступлениях организованных преступных формирований // Российский следователь. 2013. № 4. С. 17, 19.

Существующие различия в понимании цели рассматриваемых групповых образований одновременно предопределяют и определены авторскими рассуждениями относительно их правовой природы. Здесь выявляется четкая закономерность: специалисты, которые полагают целью деятельности этих групп цель совершения исключительно преступлений, усматривают в них проявления той или иной формы соучастия (организованной группы, преступного сообщества). Некоторые, в связи с этим, даже обосновывают мысль о необходимости дополнения ст. 35 УК РФ указанием о выделении таких форм соучастия, как банда, незаконное вооруженное формирование, экстремистское сообщество, экстремистская организация[1]. Те же юристы, которые допускают более широкий набор целей деятельности исследуемых групп, не склонны смотреть на них как на проявление соучастия. А.Г. Хлебушкин, например, прямо указывает, что «экстремистская организация не носит обязательного преступного характера, поскольку юридически «порождена» не уголовным законом и имманентной связи с какой-либо формой соучастия не имеет»[2]. В качестве компромиссной можно выделить позицию А.В. Кисина, который предлагает реформировать ст. 208 УК РФ с тем, чтобы на ее основе сконструировать две самостоятельные нормы: об ответственности за создание организованной вооруженной группы, созданной в целях совершения преступлений террористической направленности, и об ответственности за участие в иных незаконных вооруженных формированиях, не преследующих цели совершения преступлений и не относящихся к соучастию[3].

Оценивая систему предусмотренных в Особенной части уголовного закона групп с точки зрения разрабатываемого учения о сговоре, полагаем необходимым привнести следующие рассуждения в существующую в доктрине дискуссию:

- если основой объединения нескольких лиц в группу выступает общая цель совместного совершения преступления, если группа создается в целях подстрекательства иных лиц к совершению преступлений, создание или участие в такой группе должно быть позиционировано как приготовление к преступлению, а совершение запланированного группой преступления как совершение преступления в соучастии,

- если группа не преследует цели совершения преступления, но обладает деструктивным характером, планирует заниматься аморальной, непреступной противоправной деятельностью, создание такой группы за-

[1] Виденькина Ж.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9.

[2] Хлебушкин А.Г. Преступления экстремистской направленности в системе посягательства на основы конституционного строя Российской Федерации: вопросы квалификации и судебная практика. М.: Проспект, 2015. С. 150.

[3] Кисин А.В. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в составе организованной преступной группы: дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 115 – 120.

кономерно не может оцениваться как приготовление или соучастие в каком-либо преступлении,

- принципиально допустимая самостоятельная криминализация групп первого и второго типа может быть оправдана различными аргументами и основаниями, причем «порог криминализации» собственно преступных групп может быть более низким, учитывая содержание цели их деятельности,

- с точки зрения юридической техники объединение в рамки одного состава преступления создание групп, различающихся по правовой природе и целям криминализации, не представляется оправданным, поскольку вытекающие из оснований криминализации признаки таких групп существенно различаются,

- группы, преследующие цель совершения преступления, по своей природе тяготеют к группам, которые определяются нормативными представлениями о формах соучастия и должны совпадать с ними по своим основным признакам, что предопределяет криминализацию создания таких групп, участия в них, а равно квалификацию совершенных группой тех или иных преступных деяний как выполненных в соучастии,

- группы, не ставящие своей целью совершение преступлений, не могут оцениваться с точки зрения наличия в них атрибутов соучастия, в связи с чем должны быть видимы различия в криминализации создания и участия в таких группах, а факт совершения преступных деяний участниками такой группы сам по себе не дает оснований для квалификации их по признаку совершения в соучастии,

- в действующем законодательстве наблюдается, возможно неявное, стремление создать параллель между такими группами: в качестве взаимосвязанных пар стоит рассматривать ст. 205^4 и ст. 205^5 УК РФ, ст. 282^1 и ст. 282^2 УК РФ, ст. 210 (отчасти) и ст. 239 УК РФ; в целях упорядочения ситуации и обеспечения всестороннего охвата уголовным законом разнообразных общественно опасных групп возможно: а) на основе реформирования ст. 210 УК РФ создать норму об ответственности за организацию организованной группы в целях совершения любых преступлений и противопоставить этой норме положения ст. 239 УК РФ; б) исключить возможность квалификации по ст. 208 УК РФ создание группы, преследующей цели совершения преступлений, поскольку таковая группа сегодня фактически охватывается положениями ст. 205^4 УК РФ, и противопоставить эту норму положениям ст. 209 УК РФ. В итоге, в УК РФ будет создана система групп, охватывающая попарно: террористическое сообщество и террористическую организацию, экстремистское сообщество и экстремистскую организацию, организованную группу и деструктивную общественную или коммерческую организацию, банду и незаконное вооруженное формирование.

Такие параллели, как представляется, будут в большей степени соответствовать выделенной ранее дифференциации сговора на основании его

цели: сговор на совершение преступления и сговор на совершение иных действий. Это будет способствовать и разработке универсальных, общих правил разграничения данных групп, определения критериев их криминализации и квалификации содеянного членами группы. В качестве основных разграничительных признаков в этом случае следует назвать: наличие признаков соучастия, цель деятельности, использование легальных внешних форм функционирования организации.

Робак Владимир Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Крымского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Вопросы пенализации преступлений в сфере незаконного оборота оружия

Пенализация – довольно многогранное социально–правовое явление, включающее установление принципов и критериев применения наиболее строгого государственного принуждения за деяния, признаваемыми преступными; формулирование целей уголовного наказания; определение его видов и размеров; предложение иных мер уголовно–правового характера, необходимых и достаточных для воздействия на лиц, совершивших общественно опасные деяния[1].

Можно выделить два аспекта пенализации. Первый аспект заключается в конструировании санкции уголовно–правовой нормы. Второй – связан с практикой назначения наказания и иных мер уголовно–правового характера за соответствующее общественно опасное деяние.

Санкция – это часть уголовно-правовой нормы и часть статьи Уголовного кодекса, которая определяет вид и размер наказания.

В основу построения уголовно-правовых санкций должно быть положено неуклонное соблюдение принципов законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности, демократизма, гуманизма, дифференциации ответственности и индивидуализации наказания, согласно характеру и мере общественной опасности совершенного преступления, его мотивам, личности виновного, характера и размера причиненного вреда, обстоятельствам, которые смягчают и отягчают ответственность. В связи с чем логично будет априорно считать, что санкции уголовного закона должны прежде всего отвечать диспозициям статей закона, т.е. характеру, мере общественной опасности и тяжести и всем, основным и допол-

[1] Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 142.

нительным, квалифицирующим или смягчающим ответственность, признакам составов преступлений, предусмотренных определенными диспозициями статей.

Следует согласиться с мнением авторов, которые отмечают, что в большинстве случаев санкции уголовно-правовых норм определены произвольно без каких-либо доказательств, аргументов или обоснований[1].

Санкция обязательно должна быть адекватной, т.е. величина санкции должна находиться в прямой зависимости от реальной общественной опасности того деяния, которое описывается в диспозиции, и согласовываться с другими санкциями. Санкции играют подавляющую роль в обеспечении справедливости наказания, так как суд во время назначения наказания жестко ограничен рамками предусмотренной уголовно-правовой нормы санкции и не имеет права выходить за пределы, чтобы усилить наказание. Обоснованным является положение относительно того, что для назначения наказания, его индивидуализации, имеет значение не только перечень наказаний, их виды, но и конструкция санкции.

Преступления, в сфере незаконного оборота оружия предусматривают 30 санкций. В качестве основных наказаний, законодателем предусмотрены следующие: штраф (в 10 санкциях); обязательные работы (в одной санкции); исправительные работы (в 4 санкциях); ограничения по военной службе (в 2 санкциях); ограничение свободы (в 5 санкциях); принудительные работы (в 4 санкциях); арест (в 3 санкциях); содержание в дисциплинарной воинской части (в 2 санкциях); лишение свободы (в 28 санкциях). В качестве дополнительных наказаний, которые установлены в 16 санкциях, законодателем предусмотрены следующие: штраф (в 13 санкциях); лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (в 4 санкциях); ограничение свободы (в 4 санкциях).

На основе анализа санкций можно сделать вывод, что имеет место существенная разница в установлении низших и высших пределов указанного наказания, ее пределы составляют от 1,10 г. до 9,10 лет. Однако, анализ законодательства зарубежных стран, относительно данной категории преступлений, позволяет сделать вывод, что там также наблюдается значительный разрыв: УК Белоруссии – до 6 лет, УК Литовской республики – 6,6 лет, УК Чехии – 8 лет, УК Польши – 9 лет, УК Португалии – 8 лет, УК Швейцарии – 9,6 лет, УК Германии – 9,9 лет, УК Болгарии – до 10 лет, УК Узбекистана – до 10 лет, УК Франции – от 7 лет до пожизненного заключения, КНР – от 7 до пожизненного заключения или смертной казни.

В целом, мы считаем, позиция законодателя, относительно установления видов и размеров наказаний за преступления в сфере незаконного оборота оружия, является целесообразной и обоснованной. Исключение, по нашему мнению, составляет санкция ст. 349 УК РФ, поскольку имеет место несоответствие с общей нормой, предусмотренной ст. 168 УК РФ.

---

[1] Кудрявцев В.Н. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация. М.: Наука, 1982. С. 249.

Кроме того, на основе анализа судебной практики можно сделать вывод, что в настоящее время в 45-50 % приговоров, относительно указанной категории преступлений, предусматривается условное осуждение. При назначении наказаний за преступления, предусмотренные ст. 222-223.1 УК РФ, условное осуждение составляет порядка 85 %. Реальное отбывание наказания, в большинстве случаев, имеет место в случаях осуждения лица при совокупности преступлений, указанных и иных, более тяжких.

Некоторые авторы указывают, что при назначении наказания в виде реального лишения свободы суды ориентируются более на нижний предел санкции соответствующей статьи Особенной части УК. По большей же части они тяготеют к условному лишению свободы. Думается, что это связано с несколькими факторами. Во-первых, суды стремятся не назначать реального лишения свободы лицам, которые ранее не были судимы. Во-вторых, по убеждению большинства судей рассматриваемые преступления не являются значительно общественно опасными в силу того, что уголовная ответственность, в частности, за незаконный оборот газового оружия, холодного оружия включая метательное оружие часто рассматривается как форма превентивной защиты от противоправных посягательств. В-третьих, некоторые преступления выглядят в глазах судей формальными. В-четвертых, по сравнению с весьма распространенными в последнее время насильственными преступлениями против личности и преступлениями, связанными с распространением наркотиков, рассматриваемые деяния опять же не выглядят значительно общественно опасными. Учитывая перечисленные факторы, при назначении наказания, суды занижают наказание осужденным за такие преступления, недооценивая действительную опасность незаконного оборота газового и холодного оружия, включая и метательное оружие. Однако, при указанных выше обстоятельствах повышение наказания за рассматриваемые преступления, не приведет, на наш взгляд, к положительному эффекту, в силу того, что оно не будет соответствовать субъективному представлению о справедливости, как большинства граждан, так и работников правосудия[1]. Судебная практика недооценивает действительную опасность незаконного оборота предметов вооружения, занижает осужденным за такие преступления наказание. Недооценка опасности рассматриваемых преступлений чревата гибелью людей, причинением вреда их здоровью, уничтожением имущества, насильственными посягательствами на иные охраняемые уголовным законом ценности[2].

Учитывая общественную опасность указанной категории преступлений, по нашему мнению, такая тенденция является неверной и требует изменения.

---

[1] Торопыгин О.Ю. Уголовная ответственность за незаконное изготовление, приобретение, сбыт или ношение газового, холодного оружия: дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 154.

[2] Бикеев И.И. Уголовная ответственность за незаконное обращение с предметами вооружения. Казань: Издательство «Познание», 2007. С. 197.

Рясов Дмитрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Проблемы административной преюдиции в составах преступлений экстремистской направленности

Реализуемая государством уголовно-правовая политика в области охраны основ конституционного строя и безопасности государства обусловила появление новых и изменение уже действующих норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), устанавливающих ответственность за преступления, совершаемые по экстремистским мотивам.

Наряду с уголовным законодательством существенно изменились и нормы российского законодательства, имеющие иную (не уголовно-правовую) отраслевую принадлежность.

Формируя правовую основу противодействия экстремистской деятельности, законодатель определил основные сущностные признаки, образующие экстремистскую направленность преступлений.

Приняв за основу – признак основного объекта, образуемый совокупностью общественных отношений возникающих в связи с охраной основ конституционного строя и безопасности государства, законодатель определил виды экстремистских преступлений, установив, тем самым, ответственность за различные формы экстремистской деятельности. Законодательная локация данных преступлений была определена границами 29 главы Особенной части УК РФ.

Однако, сформулированное в примечании 2 к ст. 282.1 УК РФ, определение преступлений экстремистской направленности размывает содержание основного объекта экстремистских преступлений, фактически «распыляя» их по нескольким главам Особенной части УК РФ. Актуализирует проблему, возможность признания экстремистской направленности, фактически любого преступления, совершенного по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, даже в тех случаях, если таковой субъективный признак законодательно не предусмотрен в соответствующем составе преступления. Так, например, неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ), воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141 УК РФ), нарушение права на свободу совести или свободу вероисповеданий (ст. 148 УК РФ), совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной

ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, образуют экстремистскую направленность ввиду того, что данное обстоятельство учитывается судом при назначении наказания в качестве отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «е» ст. 63 УК РФ.

Экстремистскую направленность получили и отдельные преступления, посягающие на общественный порядок. Так, например, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы хулиганство (п. «б» ч.1 ст. 213 УК РФ) и вандализм (ч.2 ст. 214 УК РФ).

Отмеченное обстоятельство обусловило возникновение частично совпадающих, по объективным признакам норм уголовного законодательства (ст.ст. 282 и п. «б» ч.1 ст. 213 УК РФ), что вызвало определенные затруднения в правоприменительной деятельности, преодоление которых требует углубленного научного анализа соответствующих норм Особенной части УК РФ, содержащих признаки экстремистской направленности.

Одной из проблем, в практике применения нормы, об ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), является её отграничение от хулиганства (ст. 213 УК РФ). Пункт «б» части 1 статьи 213 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за хулиганство: грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Основным непосредственным объектом хулиганства, является совокупность общественных отношений, складывающихся в сфере общественного порядка, как комплекса правил общественного и взаимного поведения, а также взаимоотношений между людьми, сложившихся в обществе и регулируемых законодательством, нравственными и моральными нормами, обычаями и традициями[1].

Дополнительный непосредственный объект преступления, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, в его основных признаках, совпадает с основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, его образует совокупность общественных отношений, складывающихся в связи с уголовно-правовой охраной конституционных прав человека, обеспечивающих его гражданское равенство, независимо от национальности, расы, исповедуемой религии, принадлежности к политической партии, избранной социальной позиции.

[1] Иванов Н.Г. Уголовное право. Особенная часть. Учебник. М.: Гриф УМО СПО. 2017. С. 345-346.

В теории уголовного права некоторыми авторами обращается внимание на то, что экстремистский характер действий чаще всего связан с национально-этническими либо религиозными конфликтами[1]. Анализ материалов судебной практики о преступлениях, содержащих признаки возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, позволил сделать вывод, что в большинстве материалов уголовных дел, наряду с указанными обстоятельствами, действия виновного содержали призывы к совершению в отношении представителей определенных расовых, этнических и иных групп противоправных деяний, в том числе насильственных преступлений.

Приговором Солнечногорского городского суда Московской области был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а, б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, то есть в грубом нарушении общественного порядка, выражающем явное неуважение к обществу, совершенном с применением оружия, по мотивам национальной ненависти гражданин Б. Обстоятельства уголовного дела следующие: гражданин Б., находясь в вечернее время суток в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте на территории туристической базы, в присутствии отдыхающих там граждан, следуя внезапно возникшему умыслу, направленному на совершение хулиганский действий, грубо нарушая общественный порядок, выражая явное неуважение к обществу, стремясь возвысить себя над окружающими и выразить свое пренебрежение к гражданину другой национальности, при отсутствии какого-либо повода к выяснению межличностных отношений с гражданином М., демонстрируя свое мнимое превосходство над ним, используя оружие – газовый пистолет, направил его в сторону гражданина М., сопровождая свои действия высказываниями в адрес последнего, характер которых определял его национальною принадлежность. Действия виновного вызвали у гражданина М. тревогу и опасение за неприкосновенность своих законных прав и интересов, и в продолжении своего преступного умысла, Б. произвел из газового пистолета один выстрел в сторону гражданина М. не причинив вреда здоровью последнего.[2].

Анализ действующей редакции нормы, закрепленной в п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ и её признаков, позволяет сделать вывод, что указанные признаки потерпевшего перестали носить обязательный характер. Разъясняя отдельные положения нормы о хулиганстве, Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении указал, что хулиганские действия могут быть со-

---

[1] См.: Антонян Ю.М., Юрасова Е.Н. Экстремистское и террористическое поведение с позиций глубинной психологии // Научный портал МВД России. 2010. № 2. С. 3; Кабанов П.А. Политический терроризм: причины и некоторые меры предупреждения // Следователь. 1999. № 3. С. 32.

[2] Приговор Солнечногорского городского суда Московской области от 04.10.2011 по уголовному делу № 1-215/2011. [Электронный ресурс] // URL: http://docs.pravo.ru/document/view/20123802/19016620/

вершены «как в отношении конкретного человека, так и в отношении неопределенного круга лиц»[1].

Одним из криминообразующих признаков преступления экстремистской направленности, является «социальная группа» к представителям которой адресованы общественно опасные действия. При этом уголовное законодательство не содержит легального определения данного признака, оставляя его толкование в формате уголовно-правовой доктрины.

В Философском энциклопедическом словаре указано следующее: термин «социальный (от лат. socialis – общий, общественный) – название всего межчеловеческого, то есть всего того, что связано с совместной жизнью людей, с различными формами их общения, в первую очередь того, что относится к обществу и общности, что имеет общественный и общностный характер»[2]. В Словаре-справочнике по криминологии и юридической психологии под социальной группой понимается общность людей, объединенных интересами, целями и ценностными ориентациями, функционирующая на основе социальных норм и в условиях социально-группового контроля[3].

Столь широкая трактовка «социальной группы» позволяет относить к ней любую группу, индивиды которой «объединены интересами, целями и ценностными ориентациями». Ввиду многообразия ценностных ориентаций в обществе, трудно предположить и то количество возможных социальных групп, которые могут быть подвергнуты преступным посягательствам. Так же для уяснения данного альтернативного признака хулиганства необходимо установить, что именно побуждения ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы явились поводом для грубого нарушения общественного порядка, выраженного в явном неуважении к обществу.

В качестве основы отграничения преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ от хулиганства (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ), служит мотивационная составляющая совершаемых действий.

Сущность экстремистской мотивации, являющейся для отдельных лиц поводом совершения хулиганства, заключается в потребности демонстрации верховенства и пренебрежительного отношения определенных слоев населения над иными, отличающимися от первых по каким-либо признакам, путем преступного несоблюдения и нарушения общественного

---

[1] О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

[2] Философский энциклопедический словарь. М.: Инфа-М, 2007. С. 429-430.

[3] Словарь-справочник по криминологии и юридической психологии. Минск: Амалфея, 2003. С. 184.

порядка, устоявшихся в обществе норм права и морали, а также неотъемлемых конституционных гарантий и прав потерпевшего[1].

При хулиганстве, лицо стремится продемонстрировать вызов обществу (в нашем случае – определенной части), желая противопоставить себя обществу и продемонстрировать пренебрежительное отношение к сложившимся нормам поведения и взаимоотношений между людьми.[2]

Следовательно, мотив хулиганства – это внутреннее побуждение человека, основу которого составляет неуважение к обществу. Как свидетельствует судебная и следственная практика, наиболее частыми мотивами хулиганства являются озорство, стремление проявить грубую силу, открыто показать пренебрежение к обществу и окружающим бесчинством, бахвальством, наглостью, дерзостью, цинизмом, путем «удали», «ухарства», буйства, бесстыдства и так далее.

Для преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ свойственно устремление виновного сформировать у неопределенного круга людей стойкое убеждение в отрицательной оценке представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии, а также других групп и формирование в отношении них негативной установки, враждебности и ненависти.

Другим объективным признаком, рассматриваемого преступления, является вражда, определяемая как отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью, а ненависть – как чувство сильной вражды, злобы[3]. Этимологически – ненависть является одной из форм вражды и никакого значения для квалификации рассматриваемого преступления возможные их отличия не имеют.

Возбуждение ненависти или вражды следует рассматривать, как процесс активной деятельности, результатом которого должно стать стойкое убеждение в отрицательной оценке представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии, а также других групп и формирование в отношении них негативной установки.

С точки зрения этимологии призыв следует понимать как обращение, выраженное в лаконичной форме, воспроизводящее политический лозунг, руководящую политическую идею, а также какое-либо требование[4].

---

[1] Сичкаренко А.Ю. Хулиганство: уголовно-правовая характеристика: учебное пособие. Ставрополь: Сервисшкола, 2019. С. 36.

[2] Рарог А.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 10-е издание. М.: Проспект. Москва, 2016. С. 249.

[3] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: «А ТЕМП», 2004. С. 102, 408.

[4] См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2005. С. 591.

Общим для рассматриваемых преступлений является публичный характер, как хулиганства, так и действий направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, И в одном, и в другом случаях, виновный обращается к неопределенному кругу лиц, с целью демонстрации своего превосходства, либо превосходства социальной группы с которой он себя отождествляет над лицами в отношении которых совершаются преступные посягательства. При этом юридическая квалификация экстремистских действий, которыми сопровождается грубое нарушение общественного порядка, может быть любой и не обязательно уголовно-правовой.

Экстремистскую направленность образуют противоправные деяния, не обладающие признаком общественной опасности. Ответственность за таковые предусмотрена нормами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 20.3.1 КоАП РФ).

Однако, совершение хулиганских действий, сопровождаемых призывами к осуществлению административных правонарушений, образующих экстремистскую направленность, не могут рассматриваться как преступление, предусмотренное ст. 280 УК РФ, поскольку административные правонарушения не образуют общественной опасности и не относятся к предмету уголовно-правового регулирования.

Изложенные обстоятельства побудили законодателя к изменению редакции ст. 282 УК РФ. В целях исключения случаев привлечения к уголовной ответственности за деяния, совершенные однократно и не представляющие серьезной угрозы для основ конституционного строя и безопасности государства, Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ[1] были внесены поправки в данную ст. 282 УК РФ, в соответствии с которыми указанные в части первой данной статьи деяния будут признаваться уголовно наказуемыми в случае, если они совершены лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года.

Таким образом, запрет на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства установлен ст. 20.3.1. КоАП РФ. Уголовно-наказуемым данное деяние становится в случае его совершения повторно лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.3.1. КоАП РФ, либо когда содеянное образует признаки деяний, предусмотренных квалифицированным составом (ч. 2 ст. 282 УК РФ).

Дополнение УК РФ нормой об ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, со-

[1] О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 27 дек. 2018 г. № 519-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2018. № 53, ч. I. Ст. 8445.

вершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение, является устоявшимся трендом уголовно-правовой политики, направленной на гуманизацию уголовного законодательства и экономию репрессии[1]. Вместе с тем расширение института административной преюдиции в уголовном законодательстве все чаще становится поводом острой дискуссии в вопросах обоснованности и целесообразности существования в УК РФ данного правового института и порождает раскол в уголовно-правовой доктрине, разделяя ее представителей на два противоположных лагеря.

Изменение редакции ч.1 ст. 282 УК РФ фактически декриминализировало впервые совершенные действия, состоящие в возбуждении ненависти или вражды, а равно унижении человеческого достоинства, что поставило правоприменителя в достаточно непростую ситуацию при квалификации данных деяний их хулиганских побуждений.

Совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282 и ст. 213 УК РФ возможна, лишь в случае если виновный ранее, в течение года, был привлечен к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ст. 20.3.1 КоАП РФ. Если же данное лицо совершило указанные действия впервые, то возникают основания для его привлечения к уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, в то время как экстремистская направленность содеянного будет учтена судом в качестве отягчающего обстоятельства (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

При этом законодательная конструкция состава хулиганства, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ является сомнительной относительно установления степени общественной опасности, которую образует совокупность действий, каждое из которых в отдельности не образует общественной опасности.

В случае если публично совершенные действия, были направлены на возбуждение ненависти или вражды, а равно на унижение человеческого достоинства и сопровождались осквернением зданий или иных сооружений, порчей имущества в общественном транспорте или иных общественных местах, при наличии квалифицирующих признаков (ч. 2 ст. 282 УК РФ), могут образовывать идеальную совокупность со ст. 214 УК РФ.

[1] Хлебушкин А.Г. Уголовно-правовые и административно-правовые меры противодействия экстремистской деятельности: вопросы экономии репрессии // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы Ежегод. Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти В.Д. Сорокина (к 90-летию со дня рождения). СПб.: Изд-во СПбУ МВД России, 2014. С. 20–24.

Савенко Ирина Алексеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Исторический аспект и мотивация терроризма в России

Насилие и его крайняя форма – террор – в качестве способа решения политических проблем стали применяться не только государствами в отношении оппозиционных сил, но и разного рода подпольными группами и формированиями с целью противодействия господствующей воле государства и его институтов.

Масштабы терроризма может при определенных условиях приобрести и уголовная преступность. Таким образом, угрозы, исходящие от внутренних факторов, стали сопоставимы с внешними угрозами, а в ряде случаев превосходят последние.

Ни один субъект, осуществляющий борьбу с терроризмом, не сможет выполнить свою главную функцию: предупреждение этого вида преступности, если он не в состоянии оценить напряженность криминогенной ситуации, а также своевременно выявить тенденции ее вероятного развития и на этом фоне выделить и оценить конкретную ситуацию, в том числе связанную с деятельностью террористических организаций.

Проблема терроризма волнуют человечество достаточно давно. Однако распространение этого явления настолько велико, что не только Россия, но и зарубежные государства включились в активную борьбу с этим негативным явлением. Превенция служит мощным стимулятором развития научной деятельности, а противодействие терроризму, способному в любую минуту подорвать в прямом и переносном смыслах жизнедеятельность и функционирование государственных структур, служит мощным стимулом для развития «антитерроризма» как направления в науке, а также как конкретного комплекса мер по противодействию разрушительным последствиям этих явлений-феноменов. Руководители различных ведомств и агентств из разных стран мира, журналисты, реже – ученые собираются на ежегодные симпозиумы и конференции для обмена опытом по нейтрализации последствий «терроризма», для обсуждения перспектив развития любых аспектов не только собственно явления, но и антитеррористической деятельности, на любых уровнях, с учетом национальной специфики.

Ричард Ху Опека, стоявший у истоков создания «антитерроризма» как средства борьбы с терроризмом, а также международным насилием говорит о том, что «... 10 лет назад большинство террористических групп были созданы исключительно по политическим мотивам, сейчас же мы

имеем диапазон новых групп, которые трудно привести в соответствие, следовательно, систематизировать, то есть – бороться...»[1].

М. Сандерберг, представитель Лиги Антитерроризма созданной в США придерживается следующего мнения: «...членами террористических организаций становятся люди, так или иначе прошедшие военную подготовку и имеющие доступ к оружию...»[2].

В принципе, кажется, что некая повторяемость мнений представителей США не отражает их заинтересованности в решении данных проблем, однако это не так. Созданная ими система решений проблематики может быть положена в основу создания гибких организационных механизмов воздействия на эти явления в связи с изменениями технических, экономических, коммерческих, политических и прочих условий, поскольку у американцев ведется особенно тщательный учет практики конкретных условий, при которых внедрение различных методов борьбы с «терроризмом» и «экстремизмом» представляется более эффективным.

«Терроризм – удар по государству и душе более глубокий, чем какие-либо другие явления и феномены», – отмечает М. Сандерберг и подчеркивает, что «...изменения в террористических организациях сегодня связаны с нефункционабельностью больших террористических организаций, которые разбились в небольшие хорошо подготовленные боевые единицы, более опасные, чем все, функционирующие ранее единицы, за ними будущее...»[3]. Опасения руководителя Лиги не напрасны.

Например, на территории Чечни, а также на территориях граничащих с ней республик действовали мобильные отряды боевиков, которые можно назвать «небольшой» террористической организацией, поскольку они по своему составу и функциям подпадают под это понятие, а элементы террора, т.е. ликвидацию оппонентов любыми формами, методами и средствами, можно увидеть в Грозном, Шали, Владикавказе. Задачи террора – провоцирование репрессий со стороны государства, распространение общего состояния террора, устранение «сильных» личностей, захват заложников – выполняются.

Дж. О Нейл, представитель ФБР из Вашингтона, занимающий один из руководящих постов в этой службе, говорил о проблемах своей службы, о роли правосудия в выявлении террористических организаций, борьбе с ними. Законодательство не всегда позволяет сотрудникам спецслужб контролировать деятельность подобных организаций, и, следовательно, последствия функционирования этих организаций непредсказуемы.

---

[1] Система противодействия туризму за рубежом // https://mylektsii.ru/3-100357.html (дата обращения 4.05.2019 г.)

[2] Котушко Е.П. Современный терроризм: Анализ основных направлений / Под общ.ред. А.Е. Тараса. Мн.: Харвест, 2000.

[3] Метелев С.Е. Современный терроризм и методы антитеррористической деятельности: Монография. Омск: 2008.

Представители Израиля и Аргентины говорят о радикальных изменениях, происшедших в террористических организациях за последние десятилетия, организации не имеют «четких границ, образцов, не вызывают каких-либо ассоциаций», «...структура ячеек фундаментальных движений – колеблющаяся, имеет жидкие организационные формы, наблюдается полная зависимость от религиозных лидеров»[1].

Такую точку зрения поддерживает представитель Университета им. Дж. Вашингтона, и считает, что воздействовать на эти организации можно только изнутри, через членов этих организаций. «Постороннему человеку, даже профессионально подготовленному агенту трудно войти в доверие организации», – говорит он. Это относится к мусульманским движениям и организациям, к восточной специфике. Это в полной мере можно отнести и к Российской Федерации, где господствует ислам, а тейповость, клановость играют большую роль в проблемах кавказского региона, который рискует стать, источником международного терроризма.

С. Пэри, обобщая собранные им мнения профессионалов, высказывает свое собственное, в частности: «...военные действия как ответ террористам и экстремистам не приносят желаемого результата; дипломатические усилия предусматривают некий баланс-соотношение; лишь законодательно закрепленные рычаги воздействия, международные соглашения, выдача преступников и их преследование по суду, а также взимание компенсации за жертвы, могли бы привести к позитивным последствиям или нейтрализовать последствия терроризма и экстремизма...»[2].

Вышеизложенные мнения представителей компетентных структур, а также достаточно краткий, лаконичный комментарий самого журналиста представляют некоторый интерес для сотрудников российских правоохранительных органов, так как на первый план выдвигаются две проблемы, которые впоследствии могут иметь негативные последствия:

1) химического и биологического терроризма;

2) подготовки сотрудников органов внутренних дел по нейтрализации последствий не только первой проблемы, но и собственно борьбы с проблемами нейтрализации негативных общественных явлений – терроризма и экстремизма.

Некорректность и, на первый взгляд, нелогичность в определении проблем могут вызвать критические замечания, однако, пояснения по данному вопросу в этом случае вполне уместны. В 1995 г. японская организация «Аум Синрике» впервые применяет против пассажиров метро Токио и Иокогамы зарин. В настоящее время террористами рассматривается возможность использования в преступных целях ядерных, химических, био-

[1] Витюк В.В., Эфиров С.А. «Левый» терроризм на Западе. История и современность. М.: Наука, 1987. С.15.

[2] Метелев С.Е. Современный терроризм и методы антитеррористической деятельности: Монография. Омск, 2008.

логических боеприпасов. Особенно опасен биологический терроризм на территории России и стран СНГ, где вследствие комплекса экономических, политических, социальных мер, полного отсутствия контроля со стороны соответствующих государственных и силовых структур доступ к биологическим средствам ведения террористических действий значительно упрощен. Возможность импорта, а также изготовления кустарным способом (выращивание в лабораториях) не только биологических культур, но и бактериологических, весьма удобных для транспортировки, хранения, применения, а, главное, их несомненная опасность, последствия которой недооценивать невозможно, выдвигают данный вид терроризма в разряд приоритетных.

Химический терроризм – также один из наиболее опасных видов терроризма – позволяет уничтожить большое количество людей в замкнутом пространстве при небольших экономических затратах: химические боеприпасы более дешевы по сравнению с биологическими, а также имеется возможность нанести значительный экономический ущерб.

Терроризм давно стал источником головной боли для политиков и сотрудников спецслужб, излюбленной темой для журналистов и писателей. За последние сто лет феномен терроризма значительно изменился – и в худшую сторону. Сегодня терроризм является фактором глобального значения, с которым приходится считаться любому правительству как в своей внутренней, так и во внешней политике.

Европейские страны давно осознали тот масштаб угроз, который приносит с собой терроризм. Для борьбы с этим фактором создаются научные исследовательские институты, в которых работают очень авторитетные в науке люди по вопросам борьбы с терроризмом и источниками его возникновения.

Если провести описание всех терактов последних двух десятилетий, то оно заняло бы несколько томов. Тем не менее, общественности нужен не перечень взрывов и количества трупов, а теоретический анализ феномена терроризма, причины, порождающие его, сущность и наиболее эффективные методы борьбы с этим явлением.

Термин «терроризм» всегда служил объектом различных террористических спекуляций. Так, Катушко Е.П., дал такое понятие: «Терроризм - это тактика политической борьбы, характеризующаяся систематическим применением идеологически мотивированного насилия, выражающегося в убийствах, диверсиях, саботаже, похищениях и других действиях, представляющих угрозу жизни и безопасности людей. Такое насилие используется для устранения конкретных противников, так и для запугивания правительства, партий, общественно-политических и религиозных движений,

этнических групп, социальных слоев во имя достижения определенных политических, религиозных, социально- экономических целей»[1].

Данное определение очень хорошо отражает все стороны и причины возникновения и процветания терроризма в современном государстве.

Б. Крозье, директор лондонского института по изучению конфликтов, считает, что: «Терроризм есть мотивированное насилие с политическими целями»[2].

В российском законе «О борьбе с терроризмом» дано следующее определение терроризма: «Терроризм - насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающих опасность гибели людей и т.д.»[3].

Дав определение терроризма, его сущности, хочется рассмотреть его генезис. Для исследования причин и основ деятельности террористических организаций в России, изучим идеологическую сторону. Так, например, такое направление исламского фундаментализма как ваххабизм интенсивно исповедуется среди чеченских боевиков, берет свое начало еще в 18 веке в Саудовской Аравии. Её основатель - Мохаммед бен - Абдула аль - Ваххаба, среди своих постулатов о братстве всех мусульман, указал на необходимость вести с иноверцами и еретиками джихад – Священную войну.

Финансирование паломничества к «святым местам», обучение молодежи в зарубежных учебных центрах основывается на торговле наркотиками, работорговле, на незаконных финансовых операциях. В своей борьбе лидеры террористических организаций не останавливаются ни перед чем. Самой уязвимой частью населения во всех странах является молодежь. Используя в своих корыстных целях ее преданность и фанатичность, лидеры террористических организаций пытаются сохранить под своей властью все то, незаконно приобретенное, что было ими завоёвано и отобрано.

С 1992 г. в Чечне происходит массовая пропаганда идей ваххабизма и в сопредельном с нею Дагестане. Подогреваемая мыслью о свободной и независимой Чечне, о том, что нефть станет источником процветания народа по примеру Кувейта, террористические организации стали очень быстро пополняться людьми. Их число росло, ежедневно превращаясь в целую армию чеченских боевиков.

Но, как говорится, одной религией сыт не будешь и, чтобы армия головорезов существовала и была в действии, необходимы были денежные потоки, которые с удовольствием представляли религиозные зарубежные

---

[1] Система противодействия туризму за рубежом // https://mylektsii.ru/3-100357.html (дата обращения 4.05.2019 г.)

[2] Коробко В.В. Естественно-научная карта мира: Учебное пособие. Саратов, 2014 // http://elibrary.sgu.ru/uch_lit/1126.pdf (дата обращения 4.05.2019 г.)

[3] Современный терроризм: Анализ основных направлений / Под общ. ред. А.Е.Тараса. М; Харвест, 2010. С.36.

террористические организации, а также такие личности как Усама - бен Ладен и др.

Терроризм не имеет национальности, на стороне боевиков-ваххабитов против федеральных войск воевали не только чеченцы, но и арабы, афганцы, граждане из республик бывшего СССР и даже русские наемники. «Многочисленные террористические организации имеют в своем составе, как политические, так и террористические подразделения. Политические борются за достижение поставленных целей легальными методами, воспитывают в нужном духе молодежь, занимаются бизнесом, участвуют в выборах, тогда как военные устраивают взрывы и организуют засады»[1].

Тут можно сказать лишь то, что именно такое разделение позволяет некоторым лидерам отмежеваться от особо кровавых террористов. Люди с автоматами и бомбами обычно теряют чувство перспективы, не видят конечных целей движения и могут, в конце концов, принести ему больше вреда, чем пользы.

Сама по себе деятельность террористов, как и терроризма в мире резко сменилась в последнее время. Очевидна тенденция в смене целей для нападения боевиков, например, на авиалайнеры и должностных лиц, беспорядочные убийства. В борьбе с терроризмом не малую роль играет деятельность ФСБ РФ, данная служба выработала успешную тактику с учетом практики, доставшуюся ей от КГБ СССР, с такого рода терактами.

Если в начале эпохи с захватом самолетов многие страны шли на уступки террористам, то сейчас захватить самолет стало гораздо труднее, благодаря мерам безопасности, и спецподразделения наловчились справляться с террористами, практически не теряя во время штурмов ни заложников, ни бойцов. Напротив, для любой террористической группы потеря нескольких бойцов, способных к осуществлению столь сложных операций, как захват авиалайнеров, – серьёзный удар. Именно поэтому сейчас упор сделан на взрывы в общественных местах. Осуществить такой теракт проще и дешевле, а общественный резонанс даже больше.

Ещё одно изменение последних лет: линия раздела между террористическими организациями различных толков стала менее отчётливой. Подчас трудно отличить политически мотивированный терроризм от схожих с ним акций национальных и преступных международных синдикатов в бывшем СССР.

В террористических группах традиционно имеется значительная прослойка крайне фанатичных элементов, поскольку лишь тотальная вера оправдывает практику лишения других людей жизни. Как правило, чем меньше группа, тем она фанатичнее. И как сказал Е.П. Катушко в своей

[1] Сокол В.Ю., Останин В.В. Особенности структуры террористических формирований // Государство и право. 2008 № 2. С.178.

работе: «Террористов нужно поставить вне закона во всем мире. Их надо повсюду ловить и уничтожать как бешеных собак. Делать это необходимо сообща. Справиться с ними поодиночке не удастся никому».

К уголовной деятельности террористического характера могут быть отнесены такие опасные виды преступности, как наркоторговля, систематические захваты заложников, с целью выкупа, рэкет, наносящий ущерб здоровью и имуществу, как персональных адресатов, так и случайных очевидцев происшествия.

Террористическая деятельность может принимать формы внутреннего и международного терроризма, которые на протяжении всей истории шли рука об руку. Все же в течение XX в. терроризм оставался преимущественно внутренним политическим явлением, а с XXI в. приобрел черты международного. Например, палестинские националисты, а позже исламские террористы, настроенные значительно агрессивнее, проводят террористические операции на территории Европы, Америки, стран Азии, что можно охарактеризовать как международный терроризм.

Непосредственно терроризм воплощается в виде террористического акта – совершения преступления террористического характера, являющегося завершающим этапом террористической операции. Террористическая операция продолжается длительное время, включает подготовку и совершение террористического акта. В проведении операции могут принимать участие боевая группа, группы разведки, материального, пропагандистского обеспечения и безопасности. Для террориста насилие – это и способ влиять на общество в необходимом направлении, и форма демонстрации несогласия с устоявшимися нормами и стереотипами.

Терроризм может основываться на разных идеологиях и взглядах, руководящих началах. Для предотвращения этого явления важна роль не только ФСБ, но и средств массовой информации, которые должны не регламентировать деятельность террористов, а раскрывать населению ту угрозу, которую они с собой несут. Конечно же, необходимо усилить и расширить правовую базу по борьбе с терроризмом. Законодателю необходимо очень четко реагировать на процессы, которые происходят в стране, поскольку промедление в принятии законов приводит к тяжелым последствиям.

Очень велика роль и самого населения, которое должно помогать правоохранительным органам в борьбе с террористами, ведь кто как не население знает о людях и их занятиях, живущих рядом. Очень многое остается еще не изучено в вопросе о терроризме, его структуре и причинах возникновения, но, хочется верить, что в ближайшее будущее наша страна хоть и не избавится от этой чумы, то хотя бы научится успешно противостоять ей.

Сафронов Андрей Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности
в органах внутренних дел
Краснодарского университета МВД России;
Стукалов Вячеслав Владимирович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности
в органах внутренних дел
Краснодарского университета МВД России,

Некоторые проблемы разоблачения схем «обналичивания» материнского капитала

Относительная новизна преступлений связанных с «обналичиванием» материнского капитала, слабое государственное регулирование вопроса выявления и предупреждения данного вида преступления ведет к увеличению числа незаконных сделок, связанных с материнским капиталом.

Законодательство Российской Федерации в целях создания условий, обеспечивающих российским семьям достойную жизнь, установило дополнительные меры государственной поддержки, среди которых имеет место материнский (семейный) капитал. Материнский (семейный) капитал - средства федерального бюджета, передаваемые в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации на реализацию дополнительных мер государственной поддержки.[1]

Данная программа предусматривает получение материальной помощи семьями при рождении (усыновлении) второго и третьего ребенка. Документом, предоставляющим такое право, выступает сертификат, выдаваемый Пенсионным фондом. Воспользоваться данным сертификатом семья может с того момента как ребенку, чье рождение явилось поводом к получению капитала, исполниться 3 года. Существуют исключительные случаи получения материальной помощи ранее указанного срока: в случае необходимости использования средств материнского капитала на уплату первоначального взноса и (или) погашение основного долга и уплату процентов по кредитам или займам на приобретение (строительство) жилого помещения, включая ипотечные кредиты, предоставленным гражданам по кредитному договору (договору займа), а также на приобретение товаров и

[1] Ст. 2 Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»

услуг, предназначенных для социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов[1].

С введением выплаты материнского капитала, многие российские семьи задумались о том, как получить денежные средства на руки. В связи с преследуемой целью родителями обналичить денежные средства, указанные лица пришли к такому способу, как покупка жилья у родственников. Данная схема «обналичивания» является одной из самых распространенных. Смысл ее заключается в том, что семья обращается к родственникам, имеющим в своей собственности жилье, с просьбой о покупки части или всей жилплощади. Такая сделка оформляется пенсионным фондом России, после чего родственник возвращает денежные средства семье. В данной ситуации всегда существует риск, что продавец останется без жилья, ведь по документам оно будет принадлежать купившей его семье. Обратиться же в суд отстаивать права не представляется возможным, так как для этого придется сознаваться в участии в совершении мнимой сделки. Нельзя будет и продать такое жилье по-настоящему, поскольку для этого потребуется разрешение Органов опеки, ведь совладельцами являются дети.[2]

В «Обзоре судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал» от 22 июня 2016 г, есть яркий пример того, когда родитель приобретает в собственность жилое помещение, на которое оно имеет право пользования. Приведу лишь отрывок: «Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ не содержит запрета направления средств материнского (семейного) капитала на приобретение жилого помещения (доли жилого помещения) в собственность граждан, имеющих право пользования данным жилым помещением. Гражданка С. и ее несовершеннолетние дети после приобретения доли в праве собственности на квартиру стали в полном объеме обладателями правомочий собственника жилого помещения (право владения, пользования и распоряжения своим имуществом в соответствии с положениями статьи 209 Гражданского кодекса Российской Федерации). Общий размер доли в праве собственности на жилое помещение, приходящейся на истца и ее несовершеннолетних детей, является значительным, позволяющим выделить им в пользование изолированные жилые помещения, и между сособственниками определен порядок пользования жилыми комнатами квартиры. Указанные обстоятельства свидетельствуют о соответствии условий договора купли-продажи жилого помещения целям направления средств материнского капитала – улучшение жилищных условий семьи истца»[3].

---

[1] Ч.6.1. ст.7 Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»

[2] http://ugolovka.com/prestupleniya/finansovye/hozyajstvennye/legalizatsiya-dohodov/obnalichivanie-matrinskogo-kapitala.html

[3] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации № 84-КГ15-8 от 15 сентября 2015 г

Вопрос в том, насколько такие схемы реально признать незаконными, сложен. Как непросто и применять меры для их выявления. Данные действия необходимо квалифицировать по статье 159.2 Уголовного кодекса РФ «мошенничество при получении выплат». Основная проблема заключена в том, что выяснить факт мнимой сделки практически не представляется возможным. И раскрытие подобного преступления фактически возможно только при наличии свидетеля, сообщившего о незаконных действиях родителей в правоохранительные органы, вероятность появления, которого сводится к нулю. Даже если и будет свидетель, указывающий на признаки подобного преступления, доказать мнимость сделки довольно трудоемкий вопрос. Ведь отношения субъектов покупки-продажи жилья (части жилья) вероятнее всего конфиденциальны, основаны на доверии и, конечно же, взаимно нацелены на то, чтобы не быть уличенными в преступлении. Привлечь к уголовной ответственности указанных лиц возможно, если они сами признаются в незаконности своих действий, что на самом деле вряд ли когда- либо произойдет.

Для решения данной проблемы законодателю необходимо: либо предоставить обладателям сертификата материнского капитала возможность получения денежных средств наличными с последующим контролем за их расходованием, либо же ввести запрет на покупку жилья у своих родственников, с внесением соответствующих изменений в Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

Существует другая схема «обналичивания» денежных средств материнского капитала – завышение реальной цены при покупке жилья. Обладатель сертификата подбирает относительно недорогое жилье и просит продавца указать в договоре большую стоимость, чем им объявлена. После заключения сделки излишек возвращается покупателю. В проведении такой аферы присутствует риск того, что продавец может забрать себе всю сумму, прописанную в договоре, причем это будет вполне законно. Доказать же что-либо в суде вряд ли удастся, поскольку для этого придется сознаваться в мошенничестве. О том насколько трудоемок процесс обнаружения признаков такого деяния, объяснять не нужно. Оперативным подразделениям, в частности подразделениям экономической безопасности и противодействия коррупции, самостоятельно инициировать оперативно розыскные мероприятия практически не предоставляется возможным. Возможно, ввести дополнительный контроль за проведением сделок на покупку жилья при господдержке. Например, проводить оценочную экспертизу реальной стоимости квартиры (дома). В таком случае, вряд ли у продавцов будет желание заключать сделки с лицами, обладающими сертификатом на материнский капитал. Это связано будет, прежде всего, с нежеланием продавцов связываться с лишней «документально волокитой».

В данном случае можно прийти все к тому же выводу: предоставление возможности получить денежные средства «на руки». Следует, конечно, учитывать, что встречаются случаи, когда родители, охваченные низшими моральными ценностями, могут расходовать денежные средства не по назначению. В предупреждение таких ситуаций, можно создать «группы риска», которым такая возможность будет ограничена. В эти группы будут входить родители, ведущие антисоциальный образ жизни (склонные к алкоголизму, замеченные или ранее состоявшие на наркологическом учете), лица, привлекавшиеся к уголовной, либо административной ответственности.

Хотелось бы отметить, что государству в лице законодателя, декларирующего обеспечение достойной жизни семьям, имеющим детей, стоит задуматься о расширении программы. Под расширением предлагается помимо материнского капитала предоставлять семьям единовременную выплату в размере приблизительно 30 МРОТ на личные цели. Хотя такие меры, не гарантируют нейтрализацию «серых схем» по «обналичиванию» материнского капитала, тем не менее, цель в обеспечении достойной жизни семьям ясно прослеживается.

Сашенков Сергей Александрович,
преподаватель кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Воронежского института МВД России;
Голубева Надежда Максимовна,
курсант 4 курса юридического факультета
Воронежского института МВД России

Социальные сети как фактор повышения виктимности несовершеннолетних жертв преступлений против половой неприкосновенности

В настоящее время социальные сети играют огромную роль в жизни каждого современного человека. С их помощью люди могут общаться друг с другом, находясь на больших расстояниях, выполнять работу, не выходя из дома, находить необходимую информацию и многое другое. Сейчас в социальных сетях без труда могут зарегистрироваться люди почти всех возрастов. Согласно статистике, около 89% подростков в возрасте от 14 до 17 лет заходят в социальные сети практически каждый день[1], что позволя-

[1] Исследование ВЦИОМ «Подросток в социальной сети: норма жизни – или сигнал опасности?» // URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9587 (дата обращения: 25.09.2019).

ет им беспрепятственно отправлять и получать информацию. Интернет способствует быстрому получению знаний, усвоению навыков и повышению уровня образования. Однако, на ряду с этим существуют и негативные факторы, которые ставят под угрозу безопасное нахождение подростков в социальных сетях. К ним можно отнести совершение неправомерных действий, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних. Подозрения в совершении преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних с использованием сети Интернет послужили поводом для 35,5% обращений на «горячую линию» Мониторингового центра по выявлению опасного и запрещенного законодательством контента pedofilov.net[1]. Известно о случае, когда мужчина зарегистрировался в социальных сетях под вымышленными данными и, вступив в переписку с 10-ти летней девочкой, побуждал ее к совершению сексуальных действий. Данными фактами и обусловлена актуальность выбранной нами темы.

Для начала необходимо разобраться, что же представляет собой понятие виктимности, и какое влияние оказывают социальные сети на развитие этого фактора. Считается, что виктимность представляет собой свойство или отклонение в поведении человека, которое способствует совершению преступных или иных противоправных действий нарушителями по отношению к этому лицу. Можно сказать, что человек под воздействием определенных факторов сам делает себя мишенью для преступных посягательств. Чаще всего именно несовершеннолетние подвержены воздействию злоумышленников. Причиной можно считать отсутствие большого жизненного опыта, который необходим, чтобы скоординировать поведение подростка в той или иной жизненной ситуации. Также необходимо помнить, что психическое состояние ребенка, находящегося в подростков возрасте, обладает рядом особенностей, таких как:

– чрезмерное доверие по отношению к другим людям;

– желание постоянно узнавать что-то новое в различных сферах жизни общества;

– жажда приключений;

– внушаемость;

– неумение правильно вести себя в конфликтных ситуациях, а также неспособность адекватно оценивать свои силы при решении тех или иных конфликтных ситуаций.

Рассмотрев особенности психофизического состояния несовершеннолетних, необходимо перейти к рассмотрению вопроса влияния социальных сетей на повышение уровня виктимности среди подростков.

[1] Соловьев В.С. Использование социального сегмента сети Интернет для совершения посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 193.

Вполне вероятно, что существующая в социальных сетях пропаганда негативно влияет на еще формирующуюся систему жизненных ценностей и ориентиров несовершеннолетних, приводит к развитию «крайнего эгоцентризма, при котором всё поведение несовершеннолетнего подчиняется примитивным влечениям и желаниям»[1], вследствие чего у них возникает мнение о возможности и приоритетности противоправного поведения, в том числе и для достижения материальных благ.

Для проверки этого тезиса были изучены результаты исследований по вопросам деформаций правосознания. Установлено, что одной из причин деформации правосознания является эффект «коммуникативной блокировки», проявляющийся в том, что социальные сети перехватывают «вещательную инициативу» у ключевых агентов социализации (семьи и образовательных организаций) и способствуют распространению антисоциальных установок, ценностей, идеологий, мифов, стереотипов[2]. Кроме того, информация, доводимая посредством социальных сетей, вызывает у пользователей соответствующую реакцию в виде эмоциональных, психологических переживаний, что приводит к формированию определенных установок во взглядах, ориентирах и даже поведении[3]. Таким образом, можно говорить о наличии в социальных сетях информации, направленной на формирование социально опасных взглядов и убеждений среди пользователей социальных сетей путем деформации правосознания, особенно среди несовершеннолетних.

В свою очередь, поведение пользователя социальной сети может зависеть от следующих факторов:

– индивидуального – внутренней склонности (предпочтений) пользователя выбрать тот или иной вариант действий в отсутствие какого бы то ни было внешнего влияния;

– социального – определяемого взаимодействием (взаимовлияниями) с другими пользователями сети и членами общества;

– административного – результата воздействия (влияния) на него (управлением) со стороны управляющего органа – администратора или руководителя сообщества или социальной сети. Сам же пользователь факта информационного управления в его отношении и внешнего влияния чаще всего не осознает, ему кажется, что думает и поступает он самостоятельно.

---

[1] Шуняева В.А. Негативная информационная среда и насильственная преступность несовершеннолетних // Материалы международной научно-практической конференции. Тамбов. 2013. С.212.

[2] Руденко К.И. Социологическое исследование деформаций правосознания российской молодежи в условиях социокоммуникативных трансформаций начала XXI в.: автореф. дис. …канд. социол. наук. Краснодар. 2015. С.9.

[3] Антонян Ю.М., Тимошина Е.М. Причины преступности в России. ФГКУ «ВНИИ МВД России». СПб.: Нестор-История, 2013. С.264.

Эффективность применения информационного воздействия основана на тщательном анализе характеристик управляемой аудитории в социальной сети.

Вполне очевидно, что регулярная подача большого объема специально подготовленной информации приводит к тому, что часть пользователей социальной сети постепенно начинает разделять противоправные взгляды или поведение.

Таким образом, можно сделать вывод о возможности использования социальных сетей для информационного управления, под которым понимается процесс выработки и реализации управленческих решений в ситуации, когда управляющее воздействие носит неявный, косвенный характер, а объекту управления представляется определяемая субъектом управления информация о ситуации (информационная картина), ознакомившись с которой, этот объект самостоятельно (по его мнению) выбирает линию своего поведения.

Серов Юрий Васильевич,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Воронежского института МВД России;
Прохонов Василий Степанович,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Воронежского института МВД России

Основные направления совершенствования мер предупреждения насильственных преступлений, совершаемых лицами с психическими расстройствами

Насильственные преступления, совершаемые лицами с психическими расстройствами являются в достаточной степени распространенным и социально значимым криминальным феноменом, обладающим общими негативными количественными и качественными характеристиками, а также имеющим сложную систему детерминант, несвоевременное устранение которой ведет к тому, что лица, страдающие психическими расстройствами, несвоевременно получившие помощь, либо лечение, становятся преступниками, а иногда даже рецидивистами, не поддающимися мерам превентивного воздействия, в дальнейшем, образуя так называемый «криминальный резерв» роста насильственной преступности в нашей стране[1].

[1] Антонян Ю.М., Могачев М.И. Личность виновных в убийствах при отягчающих обстоятельствах // Российский криминологический взгляд. 2019. № 1 (58). С. 25.

Достаточно сказать, что по официальным данным ГИАЦ МВД России, в период с 2000 по 2018 гг. количество зарегистрированных убийств и фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью увеличилось примерно втрое[1]. Особое опасение вызывает рост количества подобных фактов, совершенных лицами с психическими расстройствами, практически во всех регионах современной России[2]. Так, согласно данным медицинского портала психическое или невротическое (депрессивное) расстройство наблюдается у каждого третьего россиянина (около 100 млн из них постоянно испытывают состояние тревоги и депрессии); свыше 20 млн страдают от расстройств, связанных с употреблением алкоголя; свыше 7 млн – болезнью Альцгеймера и другими видами деменции; около 4 млн – шизофренией; 4 млн – биполярными аффективными расстройствами и 4 млн – паническими расстройствами[3], что является весьма тревожным показателем[4]. Как результат, совершение насильственных преступлений лицами, страдающими психическими расстройствами, ежегодно растет (удельный вес таких деяний вырос с 2,1% в 2010 г. до 3,5% в 2018 г.). На наш взгляд, наблюдаемый рост лиц, страдающими психическими расстройствами, объясняться сразу несколькими причинами: изменение диагностических критериев психиатрических заболеваний; либерализация диспансерного учета психиатрических больных; изменение структуры заболеваемости; снижение общей доступности медицинской помощи и, как следствие, отсутствие ранней диагностики для своевременного лечения психических заболеваний.

Проведенное исследование особенностей детерминации и механизма индивидуального преступного поведения позволило предложить собственную классификацию насильственных преступлений, совершаемых лицами с психическими расстройствами (не исключающих вменяемости на основании ст. 21 УК РФ). На наш взгляд она включает в себя следующие типо-

---

[1] Информация официальных сайтов: МВД России [Электронный ресурс]. URL: http://www.mvdinform.ru; Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL.: http://www.gks.ru; Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Воронежской области [Электронный ресурс]. URL.: http://www.skprok-vrn.ru (дата обращения 21.08.2019).

[2] См.: Сердюк Л.В. Криминологическое и уголовно-правовое исследование насилия: монография. Саратов, 2008. С. 68; Педофилия: криминологический диагноз: монография / под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2010. С. 18; Цымбал Е.И. Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия: учебное пособие. М., 2010. С. 25; Казарян М.А. Анализ насильственных преступлений, совершаемых лицами, имеющими психические аномалии // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 1. С. 83.

[3] Информация официального сайта «МЕДПОРТАЛ» [Электронный ресурс]. URL: https://medportal.ru/mednovosti/news/2017/06/15/682psycho/ (дата обращения: 20.08.2019).

[4] Макушкин Е.В., Мохонько А.Р., Муганцева Л.А. Судебно-психиатрическая экспертная служба Российской Федерации (по материалам отраслевых статистических отчетов Минздрава России) // Российский психиатрический журнал. 2017. № 5. С. 15.

логические группы преступлений: 1) «*корыстные насильственные преступления*» – совершаются в целях завладения чужими денежными средствами и иными ценностями (составляют от 20 до 25%, обычно сочетаются с разбоями); 2) «*семейные насильственные преступления*» – совершаются в результате семейно-бытовых конфликтов лица (составляют от 30 до 35% случаев именно хронический алкоголизм просматривался вместе с проявлениями психопатии и последствиями черепно-мозговых травм человека); 3) «*сексуальные насильственные преступления*» – совершаются на почве сексуального влечения и аномалий, в том числе с сексуальной депривацией (составляют от 15 до 20% случаев); 4) «*хулиганские насильственные преступления*» – совершаются по мотивам самоутверждения (составляют от 10 до 15%); 5) «*досуговые насильственные преступления*» – совершаются в результате возникновения различных конфликтных ситуаций между людьми, например, на фоне совместного пьянства, систематического или разового употребления алкоголя и наркотиков (составляют от 5 до 10%). При этом традиционно к числу наиболее распространенных насильственных преступлений, совершаемых лицами с психическими расстройствами относятся убийства, причинение вреда здоровью различной степени тяжести (в 2018 г. более 50% от общего числа преступлений рассматриваемой категории), изнасилование и насильственный действия сексуального характера, разбои, хулиганство, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов. Из них более 70% совершены при семейно-бытовых конфликтах и на улице – 30%; в состоянии алкогольного опьянения более 60% и наркотического – более 20%.

Отличительной особенностью насильственных преступлений, совершаемых лицами с психическими расстройствами, в последнее время является групповой характер совершаемых деяний и стабильное увеличение количества таких преступлений среди подростков и молодежи в возрасте 14-30 лет. При этом проведенный нами анализ материалов судебно-следственной практики за 2018–2019 гг. (материалы 134 уголовных дел, возбужденным в различных в субъектах Российской Федерации по фактам совершения насильственных преступлений) показал, что само наличие психического расстройства является одним из мотивирующих факторов совершения лицом насильственного преступного деяния, причем многим из них характерен серийный характер. К другим особенностям личности насильственного преступника с психическими расстройствами можно отнести: искаженное представление об истинном значении базовых нравственно-правовых понятий, представлений о смелости и трусости, верности и предательств, дружбе и героизме, мужестве и т.д.; ошибочная оценка конкретных событий и явлений, максимализм, неспособность принимать аргументированные решения, вызванная отсутствием жизненного опыта; эмоциональная неуравновешенность, полярность чувств и убеждений, резкая смена настроения; сочетание завышенной самооценки и неуверенности

в себе; повышенная физическая активность; стремление к самостоятельности, самоутверждению; болезненная реакция на любые формы проявления по отношению к ним несправедливости или излишней опеки. Более того, в большинстве случаев (около 70% проанализированных материалов уголовных дел) наличие психических расстройств приводило к минимизации времени между возникновением мотива к совершению умышленного причинения смерти и началом выполнения объективной стороны самого деяния. Активные действия преступников в значительной степени имеют импульсивный и взрывной (динамический) характер, особенно в семейно-бытовых конфликтах на почве употребления алкоголя или наркотиков, им характерна жестокость и ярко выраженная агрессия по отношении к жертве преступления. Именно по этим причинам современное российское общество и государство должны быть заинтересованы в решении проблемы оптимизации и совершенствования существующей системы мер предупреждения насильственных преступлений, совершаемых лицами с психическими расстройствами с учетом достижений науки и накопленного отечественного и положительного зарубежного опыта.

Насильственные преступники с психическими расстройствами не представляют собой единую массу, поэтому среди них можно выделить: 1) «*алкоголизированный тип личности*» – особенности поведенческой сферы обусловлены злоупотреблением алкоголем и наркотиками; это люди старших возрастных группах, которые совершают убийства и телесные повреждения в быту, меньше – изнасилования (уровень рецидива достаточно высокий); 2) «*психопатизированный тип личности*» – резко выражены психопатические черты характера, поведение которых носит универсальный характер; в равной степени совершают хулиганство, тяжкие насильственные (заметно чаще других лиц становятся организаторами и основными исполнителями преступлений, инициаторами конфликтных ситуаций); 3) «*интеллектуально ограниченный тип личности*» – личностные особенности определяются умственным отставанием в развитии, носящие наследственный и приобретенный характер (большое значение в девиации их поведения приобретают социально-педагогическая запущенность и недостатки воспитания); 4) «*тип личности с иными отклонениями психического развития*» – преступники со сравнительно низким рецидивом, особенно много таких представителей в подростковой и молодежной среде[1].

Вместе с тем в отечественной и зарубежной криминологической науке существует общее мнение, что психические расстройства «автоматически не приводят человека к преступлению», их следует признать в качестве одних из ключевых криминогенных факторов индивидуального преступного поведения лица. Социальная среда (прежде всего, конкретная

[1] Аманжолова Б.А., Полозова Д.О. К вопросу о типологии лиц с психическими аномалиями // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 56. С. 23.

жизненная ситуация, предшествующая и (или) сопровождающая совершение преступления), как криминогенный фактор рассматриваемого нами самостоятельного подвида насильственной преступности, имеет особое место в причинном контексте преступного поведения лиц, имеющих психические расстройства. Как правило именно социальная среда создает своеобразной фундамент (предпосылки) появления психических расстройства у человека (в частности, речь идет о пьянстве и алкоголизме, наркотической зависимости, негативных последствиях полученных человеком в раннем возрасте черепно-мозговых травм и других травм головы). Более того, все чаще ученые и практики стали говорить о так называемых «генетических предпосылках» совершения насильственных преступлений лицами с психическими расстройствами, которые передаются преступнику по наследству. Не случайно изучением проблем профилактики насильственных преступлений, совершаемых лицами с психическими расстройствами, занимаются не только непосредственно ученые-криминологи, но и ученые в области уголовного и уголовно-исполнительного права, социологии, психологии и психиатрии. Сказанное означает, что к таким лицам целесообразно применять не только специальные коррекционные социально-психологические меры, но и соответствующие меры медико-психиатрического воздействия. На наш взгляд, только при использовании комплексного подхода в решении данной проблемы возможно достичь профилактический должный профилактический эффект.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что исправление – как конечная цель применения наказания к лицу, имеющему психическое расстройство совершившему насильственное преступление, – достижимо только при применении мер воздействия, подобранных для конкретного индивида в зависимости от особенностей его психики и окружающей социальной среды. Для того, чтобы профилактическая деятельность дала должный результат, необходимо исключить формализм в работе всех субъектов профилактики, скоординировать усилия общественности, органов и учреждений системы здравоохранения, труда и занятости, молодежной политики, культуры и спорта, правоохранительных органов при реализации соответствующих мер ранней и виктимологической профилактики. Кроме того, для повышения эффективности межведомственного сотрудничества правоохранительных органов России и зарубежных коллег по предупреждению насильственных преступлений, совершаемых лицами с психическими расстройствами. Такое сотрудничество должно осуществляться непрерывно и учитывать проблемы, выявленные в ходе мониторинга и анализа криминогенной ситуации в данной сфере. В настоящее время актуальными форма сотрудничества должны быть: 1) осуществление непрерывного мониторинга криминогенной ситуации и постоянный обмен успешным опытом реализации мер предупреждения насильственных преступлений на международном, федеральном и региональных уровнях; 2) профессио-

нальная подготовка и повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, занимающихся предупреждением, выявлением, раскрытием и расследованием насильственных преступлений, совершаемых лицами с психическими расстройствами; 8) выработка совместных предложений по дополнению и изменению норм законодательства в сфере предупреждения насильственных преступлений, совершаемых лицами с психическими расстройствами.

Сичкаренко Александр Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

К вопросу об извинительных обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность

Анализ норм уголовного законодательства, а также судебно-следственной практики показывает, что при установлении определенных обстоятельств (условий), характеризующих совершение преступления, даже при формальном наличии всех признаков преступления в совершенном деянии, уголовная ответственность для лица исключается. При этом извинительный характер совершения преступления может основываться как на объективных, так и субъективных признаках, сопровождавших запрещенное уголовным законом поведение.

В уголовном законе нашего государства законодатель не отразил, что следует понимать под извинительными обстоятельствами (условиями) совершения преступления. Так же не обозначены основные признаки и критерии, по которым следует признавать таковыми наличные в момент совершения посягательства определенные обстоятельства и условия.

Как правило, с извинительными обстоятельствами совершения преступления мы сталкиваемся при анализе конкретных составов преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ. Однако и в данном случае при законодательной регламентации обстоятельств, препятствующих наступлению уголовной ответственности, нет единого подхода. Так, например, в ст. 270 УК РФ, на извинительные условия неоказания капитаном судна помощи людям, терпящим бедствие на море или на ином водном пути, которые заключаются в наличии серьезной опасности для его судна, экипажа и его пассажиров, указано прямо в диспозиции названной статьи. В иных случаях, для закрепления обстоятельств, указывающих на извинительные обстоятельства при совершении преступления, законода-

тель использует примечания к статьям Особенной части УК РФ. В частности, случаи пропаганды применения соответствующих инструментов и оборудования, используемых для потребления наркотических средств и психотропных веществ, в целях профилактики ВИЧ-инфекции и других опасных инфекционных заболеваний, согласно примечанию к ст. 230 УК РФ, являются извинительными при склонении к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. В соответствии с примечанием к ст. 322 УК РФ, цель реализации права политического убежища указывает на извинительный характер при незаконном пересечении Государственной границы РФ.

В ряде случаев, извинительные обстоятельства при совершении преступления законодательно распространяется лишь на отдельные из причисленных в диспозиции статьи альтернативных деяний. Так, согласно примечаю к ст. 151 УК РФ, извинительными условиями для родителей будут являться тяжелые жизненные обстоятельства, вызванные утратой источника средств существования или отсутствием места жительства, только в случае вовлечения ими своих несовершеннолетних детей в занятие бродяжничеством.

Отсутствие нормативного регулирования извинительных обстоятельств при совершении преступления, создает предпосылки для их регламентации не только в нормах закона, но и в решениях высших судебных органов. К примеру, в пункте 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»[1] извинительным для должностного лица обстоятельством при получении взятки будет являться деятельность сотрудников правоохранительных органов, оказавшая первостепенное влияние на формирование у лица умысла при совершении коррупционных действий.

В соответствии с пунктом 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» отмечено, что «не могут быть квалифицированы по ст. 138.1 УК РФ также действия лица, которое приобрело предназначенное для негласного получения информации устройство с намерением использовать, например, в целях обеспечения личной безопасности, безопасности членов семьи, в том числе детей, сохранности имущества или в целях слежения за животными и не предполагало применять его в качестве средства посягательства на конституционные права граждан»[2]. Однако анализ диспозиции нормы, закрепленной в ст. 138.1 УК РФ, указы-

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. 2013.

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. 2019.

вает, что цель совершения незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, не относится к обязательным признакам состава, следовательно, согласно положениям уголовного закона, не должна иметь значение для квалификации. В данном случае Верховный Суд РФ в качестве субъективного извинительного основания предусмотрел отсутствие у лица цели причинить вред конституционным правам и свободам других граждан. При этом извинительный характер указанного условия распространяется исключительно на факт незаконного приобретения специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. В то время как для незаконного производства или сбыта указанных предметов отсутствие такой цели не отнесено судом к обстоятельствам, препятствующим наступлению уголовной ответственности и извиняющим преступника.

Приведенные примеры руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ указывают на наличие факта самостоятельного установления судебными органами извинительных обстоятельств, характеризующих факт совершения преступления и препятствующих наступлению уголовной ответственности. При этом вопрос о легитимности ограничительного толкования судом положений закона, путем установления извинительных оснований для наступления уголовной ответственности, остается открытым.

К проблемным моментам определения юридической природы извинительных обстоятельств следует отнести и тот факт, что законодатель зачастую отождествляет обстоятельства, имевшие место в момент совершения преступного деяния и препятствующие наступлению уголовной ответственности, с обстоятельствами освобождения от последней. Так, согласно примечанию к ст. 291 УК РФ, давшее взятку лицо будет освобождено от уголовной ответственности, если в отношении его имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица. В примечаниях к ст. 337, 338 УК РФ закреплена возможность освобождения военнослужащего от уголовной ответственности, если самовольное оставление части либо дезертирство явились следствием стечения тяжелых жизненных обстоятельств.

Следует также отметить, что позитивное влияние извинительных обстоятельств при совершении преступления на уголовную ответственность, в соответствии с положениями уголовного закона, проявляется не только в исключении последней. В ряде случаев, извинительные основания также рассматриваются законодателем в качестве условии, смягчающих степень общественной опасности совершенного преступления. Например, противоправное или аморальное поведение потерпевшего является одним из признаков, характеризующих обстановку совершения преступления в привилегированном составе убийства в состоянии аффекта. Наличие общественно опасного посягательства на обороняющегося либо стремление преступника избежать задержания, являются обстоятельствами, снижаю-

щими общественную опасность убийства, предусмотренного ст. 108 УК РФ. Совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения, согласно положениям ст. 61 УК РФ, также признаются условиями, указывающими на пониженную общественную опасность совершенного преступления, и рассматриваются в качестве обстоятельств, смягчающих наказание.

Все вышесказанное говорит о наличии проблем в единообразном понимании извинительных обстоятельств при квалификации общественно опасного деяния и их юридической природы. Это указывает на повышенную необходимость проведения комплексного анализа института извинительных обстоятельств, имевших место в момент совершения формально запрещенного деяния и характеризующих как обстановку совершения преступления, так психическое отношение лица к совершаемому деянию, которые препятствуют наступлению уголовной ответственности либо существенно понижают степень общественно опасности такого деяния.

Сныткин Руслан Иванович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Развитие правил зачета времени содержания под стражей в срок уголовного наказания в аспекте гуманизации уголовно-правовой политики

Проходящий в наше время процесс совершенствования отечественного уголовно-правового законодательства и пенитенциарной системы обусловлен социальной тенденцией гуманизации и либерализации уголовно-правовой политики. Это не национальная особенность, а общемировой тренд развития соответствующих отраслей права.

Передовые традиции теории и практики реализации принципов уважения основных прав и свобод человека, и убеждений о возможностях людей к самосовершенствованию в аспекте пенитенциарной политики, формируемые правовой культурой западноевропейских юридических школ (предтечи которых возникли в Западной Европе и США еще в конце 18-го – начале 19-го веков), оказали значительное влияние на развитие уголовно-правовых и криминологических учений в нашей стране. К числу специализированных международных актов, содержащих стандарты обращения с

лицами, подвергающимися уголовной ответственности, следует отнести Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), Европейские пенитенциарные (тюремные) правила и Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания, Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). В современных условиях, на фоне широкого распространения гуманистических и демократических идей, указанные акты и ряд других подобных международных правовых соглашений определяют парадигму развития пенитенциарных систем многих стран и их место в политике государства по противодействию преступности.

Российская юриспруденция и субъекты законотворческой деятельности активно имплементируют положительный опыт реализации соответствующих международно-правовых норм в национальную уголовно-правовую и пенитенциарную практику. Реализуется Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, предполагающая совершенствование деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов и потребностей общественного развития. В 2018 году утверждена Федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018 - 2026 годы)», целью которой является приведение условий содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в соответствие с законодательством Российской Федерации и международными стандартами, а также условий отбывания наказания осужденными в соответствие с законодательством Российской Федерации.

По справедливому замечанию ряда специалистов, с середины девяностых годов прошлого века прослеживается тенденция гуманизации пенитенциарной (уголовно-исполнительной) политики России[1]. Как отмечается в современных исследованиях, в свете либерализации государственной уголовной политики в нашей стране достигнут самый низкий количественный показатель численности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации[2] (УИС).

[1] См., например: Кузьмин С.И., Пертли Л.Ф. Международные правовые акты и их влияние на гуманизацию пенитенциарного законодательства России // Вестник экономической безопасности. 2016. №.1. С. 136-142.

[2] См.: Азархин А.В., Дроздов А.И. Гуманизация условий содержания осужденных в исправительных колониях как средство реализации уголовно-исполнительной политики // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 113-117.

За минувшее десятилетие фиксируется значительное сокращение числа лиц, содержащихся в местах лишения свободы и под стражей в учреждениях УИС[1]:

по состоянию на 01.01.2010 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы, обеспечивающих изоляцию от общества, содержалось 864 тыс. человек;

сегодня (по состоянию на 01.11.2019 г.) в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержится 530 тыс. человек.

Одновременно с этим сокращается и число самих учреждений Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России), предназначенных для изоляции лиц, осужденных к лишению свободы, а также лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу:

в 2010 году в структуре ФСИН состояло 1214 учреждений и помещений, функционирующих в соответствующем режиме;

в 2019 году – 1036 таких учреждений и помещений.

За эти годы прекратили свою деятельность 55 исправительных колоний, 39 воспитательных колоний, 85 следственных изоляторов и помещений, функционирующих в режиме СИЗО при колониях; с одновременным сокращением числа лиц, содержащихся в таких учреждениях, более чем на 330 тысяч человек, то есть – на 38 %.

Вместе с тем важно отметить возрастающее значение реализации уголовных наказаний и уголовно-процессуальных мер пресечения, не связанных с изоляцией соответствующих лиц от общества. За исследуемый период времени число лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, и состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях ФСИН России, сократилось несущественно: с 534 до 498 тысяч человек, то есть – на 7%. Статистический показатель назначения судами уголовных наказаний в виде реального лишения свободы снизился до 29% от всех выносимых обвинительных приговоров с назначением наказания.

Приведенные статистические данные, конечно же, являются весьма относительными и достаточно условными характеристиками, однако, следует признать, что – в той или иной мере отражают и результаты последовательной и системной работы, направленной на гуманизацию и либерализацию уголовно-правовой политики.

Специалисты сходятся во мнении, что данный процесс реализуется в следующих основных направлениях[2]:

декриминализация деяний, закрепленных в особенной части УК;

---

[1] Данные основаны на статистической информации официального сайта ФСИН России [Электронный ресурс] Режим доступа: http://фсин.рф (дата обращения 20.11.2019).

[2] См., например: Лапшин В.Ф. Гуманизация современной уголовной политики России и дифференциация уголовной ответственности: проблемы и противоречия // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2 (13). С. 194-197.

снижение верхних и нижних пределов санкций статей Особенной части Уголовного кодекса;

замена наказаний, предусмотренных санкциями Особенной части УК РФ, более мягкими видами или исключение из санкций дополнительных видов наказаний;

увеличение числа оснований освобождения от уголовной ответственности и(или) наказания для лиц, совершивших уголовно наказуемое посягательство.

Полагаем, что одним из таких направлений является также и развитие правил зачета времени содержания лица под стражей в срок назначаемого судом уголовного наказания, которые регламентированы нормами Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации.

За последние несколько лет в нормы статьи 72 Уголовного кодекса России неоднократно вносились изменения, касающиеся правил исчисления сроков наказаний и зачета наказаний. На сегодняшний день уголовно-правовой закон (в рамках указанной статьи) определил правила пропорционального соотношения периодов времени применения к лицу мер уголовно-процессуального пресечения и сроков назначенного лицу уголовного наказания.

Согласно новой редакции ст. 72 УК РФ (от декабря 2018 года), время содержания лица под стражей до вступления приговора в законную силу засчитывается:

1) в срок содержания в дисциплинарной воинской части из расчета –

1 день за 1,5 дня;

2) в срок ограничения свободы, принудительных работ или ареста из расчета –

1 день за 2 дня;

3) в срок исправительных работ или ограничения по военной службе из расчета –

1 день за 3 дня;

4) в срок обязательных работ из расчета –

1 день содержания под стражей за 8 часов обязательных работ;

5) в срок лишения свободы из расчета 1 день содержания под стражей за:

1 день отбывания наказания в тюрьме либо исправительной колонии строгого или особого режима;

1,5 дня отбывания наказания в воспитательной колонии либо исправительной колонии общего режима;

3 дня отбывания наказания в колонии-поселении.

Криминологи и специалисты в области уголовного права справедливо отмечают, что изменения и дополнения в статью 72 УК РФ в духе гуманизации и либерализации пенитенциарной политики направлены на улучшение правового положения определенных категорий лиц, привлекаю-

щихся к уголовной ответственности[1]. Поскольку заключение подозреваемого или обвиняемого лица под стражу является самой строгой мерой пресечения в уголовном процессе и предполагает существенное ограничение прав и свобод человека, еще не признанного виновным в преступлении, но уже содержащегося в режимном учреждении следственного изолятора, важно понимать, что по большей части данные изменения коснутся правового положения лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, реже – лиц, привлекающихся к ответственности за тяжкие преступления.

Исключением из данного правила законодатель признал случаи принятия соответствующих решений в отношении (ч. 3 ст. 72 УК РФ):

осужденных при особо опасном рецидиве преступлений;

осужденных, которым смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок 25 лет;

осужденных за отдельные виды тяжких и особо тяжких преступлений (в частности – преступления террористического характера, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, преступления против государственной власти);

срока нахождения осужденного, отбывающего наказание в строгих условиях в воспитательной колонии или исправительной колонии общего режима, в штрафном или дисциплинарном изоляторе, помещении камерного типа (либо едином помещении камерного типа), в случае применения к осужденному мер взыскания в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством.

Для перечисленной категории лиц сохраняются традиционные правила зачета времени содержания под стражей в срок лишения свободы из расчета один к одному.

Полагаем, данный дифференцированный подход в отношении различных категорий осужденных имеет криминологическое обоснование с точки зрения реализации уголовно-правового принципа справедливости (ст. 6 УК РФ), который предполагает, что наказание и иные меры уголовно-правового характера должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного лица.

Учитывая потенциал реализации Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы» на 2018 - 2026 годы (одним из основных направлений которой является приведение условий содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в соответствие с национальным законодательством и международными стандартами), а также широкое распространение в современной юриспруденции идей гуманиза-

[1] См., например: Решняк М.Г. О некоторых аспектах ст.72 УК РФ в контексте темпорального действия уголовного закона // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2018. № 5. С. 115-117.

ции уголовно-исполнительной политики, с высокой долей вероятности можно прогнозировать дальнейшее развитие регламентированных главой 10 УК РФ правил зачета уголовно-процессуальных мер пресечения в срок уголовного наказания в аспекте изменения коэффициента пропорциональности данных мер государственного принуждения, назначаемых по решению суда, в зависимости от эффективности решения в уголовно-исполнительной системе практических задач реконструкции и строительства следственных изоляторов и исправительных учреждений в новых социально-экономических и правовых условиях при сохранении преемственности положительного опыта и апробированной многолетней практики предупреждения и профилактики преступности.

Соловьев Владислав Сергеевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Уголовная политика России в отношении киберпреступности: зачем что-то делать, если можно ничего не делать?

В числе наиболее актуальных криминальных тенденций современной России нельзя не отметить серьезный рост преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (киберпреступлений). По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2017 году число преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий увеличилось с 65 949 до 90 587. Их доля от числа всех зарегистрированных в России преступных деяний составляла 4,4% – это почти каждое 20 преступление[1]. За 8 месяцев 2019 года правоохранительные органы выявили 180 153 преступления, которые были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации[2]. А это уже практически каждое седьмое зарегистрированное преступление.

[1] О преступлениях, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий. Официальный Интернет-сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1431104 (дата обращения: 18.10.2019 г.)

[2] Статистические данные о зарегистрированных преступлениях на территории Российской Федерации в январе - августе 2019 года. Официальный Интернет-сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1703326/ (дата обращения: 18.10.2019 г.)

Однако оценивая проводимую в России уголовную политику в отношении киберпреступности, можно справедливо назвать ее политикой бездействия. И бездействие это проявляется в трех неразрывно связанных между собой сферах.

Первая сфера – сфера криминализации и декриминализации киберпреступлений, криминологической обоснованности этих действий и юридико-технического их воплощения. Сразу стоит оговориться, что проблема игнорирования криминологической, да и любой научной обоснованности изменений, вносимых в уголовное законодательство, актуально не только для противодействия киберпреступлениям. Как справедливо отмечают С.В. Максимов и Н.В. Валуйсков, «за все время, прошедшее после вступления в силу действующих уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного кодексов, трудно обнаружить хотя бы единственный случай совместного участия в разработке законопроектов антикриминальной направленности специалистов в области уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-розыскного, пенитенциарного права и криминологии. И уже совсем невероятно отыскать пример участия в работе над законопроектами в сфере уголовной политики помимо юристов и лингвистов еще и философов, теологов, медиков, педагогов, психологов»[1].

М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин указывают, что «вносимые в уголовный закон многочисленные изменения уже не связываются в профессиональном сознании с последовательным воплощением идей адекватной уголовной политики. Скорее всего они отражают утвердившийся, к большому сожалению, в государстве режим управления общественными процессами, при котором в основу принимаемых решений кладутся неизвестные и непонятные даже специалистам субъективные представления отдельных носителей власти или их окружения. Специфическая черта такого управления состоит в том, что его субъект лишен (или лишил себя) возможности видеть весь спектр проблем, стоящих в той или иной области общественной жизни (в нашем случае – в области противодействия преступности); не имеет (или не желает иметь) объективной и достоверной информации обо всех возможных вариантах решения проблемы, об их предпосылках и последствиях, достоинствах и издержках, о том, к чему принятые сегодня решения могут привести завтра. Управление процессами развития уголовного права в таких случаях обходится без всестороннего коллективного обсуждения имеющихся здесь проблем. Оно, как правило, движимо “одной человеческой силой”, одним разумом и одной волей и потому подвержено сиюминутным настроениям, не имеет четко заданного вектора, осуществляется не на системно-плановой основе, а по принципу

[1] Максимов С.В., Валуйсков Н.В. Асистемная уголовная политика // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 2 (49). С. 65.

“стимул – реакция” (“вызов – ответ”). В современных сложнейших (неоднозначных, многовариантных, нелинейных и т.п.) процессах социального бытия подобное управление сферой борьбы с преступностью, как технология глубоко архаичная, является стратегически контрпродуктивным и даже опасным»[1].

Все сказанное присуще в полной мере и уголовной политике в отношении киберпреступности. Можно наблюдать непоследовательную и подчас необъяснимую криминализацию деяний, включение в статьи Уголовного кодекса квалифицирующих признаков. Вот лишь несколько примеров:

1. В ч. 3 ст. 158 УК РФ и ч. 3 ст. 159^6 УК РФ включены квалифицирующие признаки «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств», что, во-первых, породило трудноразрешимую конкуренцию норм, а, во-вторых, заставило задаться вопросом, что именно и каким образом возможно похитить, чтобы быть привлеченным к ответственности по ч. 1 или ч. 2 ст. 159^6 УК РФ.

2. В ст. 245 УК РФ и ст. 258^1 УК РФ включены квалифицирующие признаки – совершение преступления «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть "Интернет")» (п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ и п. «б» ч. 2 ст. 258^1 УК РФ), что делает возможным привлечение виновных к ответственности по этим нормам лишь в случае прямой трансляции преступления, поскольку преступление считается оконченным после наступления последствий в виде гибели или увечья животных.

3. Пунктом «б» ч. 2 ст. 228^1 УК РФ установлена повышенная уголовная ответственность за сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). Из текста нормы совершенно не ясно, каким образом при сбыте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов должны использоваться средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные сети. Формально даже переписка или голосовое общение двух ранее знакомых людей в мессенджере или в социальной сети, один из которых впоследствии сбывает другому наркотик, должны приводить к тому, что виновный будет нести ответственность по «б» ч. 2 ст. 228^1 УК РФ. В данном случае необходима конкретизация действий, осуществляемых в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетях, и влекущих сбыт предмета преступления.

[1] Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Изменения российского уголовного закона и их уголовно-политическая оценка // Государство и право. 2012. № 8. С. 36

Также не ясно, почему использование средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей усиливает общественную опасность сбыта наркотических средств и при этом не усиливает опасность таких деяний, как, например, сбыт алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (ст. 171^4 УК РФ), огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов (ст. 222 УК РФ), взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 222^1 УК РФ), сильнодействующих или ядовитых веществ (ст. 234 УК РФ), новых потенциально опасных психоактивных веществ (ст. 234^1 УК РФ), официальных документов, государственных наград Российской Федерации, РСФСР, СССР, штампов, печатей или бланков (ст. 327 УК РФ). Как справедливо писал В.Н. Кудрявцев, «опасность действия заключается в том, что оно может вызвать определенные вредные последствия. Однако эти последствия наступают не во всех случаях. Естественно, что действия будут сравнительно тем опаснее, чем выше степень вероятности наступления вредных последствий»[1]. Очевидно, что использование средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей многократно увеличивает аудиторию, способную ознакомиться с предложением о приобретении незаконных товаров и услуг, однако этот факт учитывается законодателем крайне избирательно.

Е.А. Русскевич ставит пять наиболее актуальных вопросов модификации уголовного закона, связанных с информатизацией преступности:

1) пригодны ли классические положения института соучастия к случаям виртуального преступного взаимодействия, являющегося дистанционным и, как правило, анонимным;

2) каким должно быть оптимальное количество составов преступлений, посягающих на информацию и элементы информационно-коммуникационной инфраструктуры;

3) есть ли необходимость и насколько обширно следует изменить диспозиции традиционных составов преступлений путем детализации их совершения специфическим способом – с использованием информационно-телекоммуникационных технологий;

4) будет ли модернизация традиционных составов преступлений достаточной для противодействия современным криминальным угрозам и не потребуется ли определение ряда специальных норм;

5) какую роль использование информационно-телекоммуникационных технологий должно занять в сложившейся системе дифференциации уголовной ответственности[2]?

---

[1] Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 102.

[2] Русскевич Е.А. Уголовное право и информатизация // Журнал российского права. 2017. № 8 (248). С. 75

Отсутствие не просто ответов, а научно обоснованных попыток ответить на них – яркий показатель уголовной политики бездействия.

Также вызывает вопросы фактическое игнорирование законодателем связи уголовного и информационного законодательства. Имеет место серьезное терминологическое расхождение в описании одних и тех же действий с информацией в Уголовном кодексе, Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральном законе «О рекламе». В первую очередь, это касается разного понимания терминов «распространение информации» и «предоставление информации». Одним из следствий игнорирования связи уголовного и информационного законодательства является также отсутствие рассмотрения возможности ограничения доступа к информации при криминализации деяний, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Вторая сфера, где можно обнаружить уголовно-правовую политику бездействия, – это сфера статистического учета киберпреступности. В настоящее время о состоянии киберпреступности в статистических отчетах Генеральной прокуратуры и МВД России имеются лишь фрагментарные данные. Указание Генпрокуратуры России № 487/11, МВД России № 1 от 12.07.2019 (ред. от 23.10.2019) «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» не содержит раздела, где бы учитывались преступления, совершаемые с использованием информационных технологий.

На официальном сайте МВД России в разделе «Состояние преступности»[1] имеются данные об общем количестве преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, за 2017 и 2018 годы. На официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации в разделе «Новости» информация о состоянии преступности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации публикуется лишь эпизодически. На информационно-аналитическом портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации crimestat.ru такие данные отсутствуют.

ГИАЦ МВД России ведет отчет о преступлениях, совершенных в области телекоммуникаций и компьютерной информации (форма 1-ВТ), однако показатели, зафиксированные в этом отчете, существенно отличаются от общего числа преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, публикуемых на официальном сайте МВД России.

[1] Официальный Интернет-сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: https://мвд.рф/folder/101762 (дата обращения: 18.10.2019 г.)

В 2017 году количество преступлений, отраженных в форме 1-ВТ, составило 65668, на сайте МВД России – 90587 (на 37,9% больше). В 2018 году эти цифры составили 134232 и 174674 соответственно (на 30,1% больше).

Учитывая такое положение дел с базовым статистическим показателем – состоянием преступности, очевидно, что адекватно анализировать динамику, уровень, структуру, географию и другие криминологические показатели становится попросту невозможно. Данные, приводимые в научных исследованиях, статистических отчетах, ведомственных обзорных и аналитических документах, не согласуются друг с другом. Так, например, Р.А. Дерюгин, опираясь на информацию Генеральной прокуратуры, отмечает следующее: анализируя судебную и следственную практику, можно сделать вывод о том, что самыми распространенными киберпреступлениями являются неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ), мошеннические действия, совершенные с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ)»[1]. Заглянув в форму 1-ВТ, можно обнаружить, что в 2018 году неправомерный доступ к компьютерной информации составлял 1,3% от числа преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ – 0,5%, мошенничество с использованием электронных средств платежа – 3,2%. Наиболее распространенными же являлись мошенничество, квалифицируемое по ст. 159 УК РФ (67,5%), и кража (24,3%). Из каких источников получают столь разную статистическую информацию, сколько существует статистических форм, учитывающих сведения о киберпреступности, что разными субъектами учета вкладывается в понятия «киберпреступность», «преступления, совершенные с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий» и т.п. – вопросы открытые.

Такое положение дел во многом является сдерживающим фактором и для научных исследований киберпреступности. Ученые вынуждены раз за разом обращаться к вопросу, какие же деяния относятся к киберпреступлениям, как они классифицируются. К примеру, Е.С. Смольянинов и М.Ю. Воронин говорят «о существовании двух категорий преступлений. Первая категория включает в себя общеуголовные преступления, совершаемые с использованием компьютерных устройств и программ как средств совершения преступления, например в качестве хранилища либо устройства связи или распространения информации. Она включает в себя любые

[1] Дерюгин Р.А. Киберпреступность в России: современное состояние и актуальные проблемы // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 2 (22). С. 46.

преступления, совершаемые при помощи компьютерных устройств, такие как распространение порнографии, сбыт или приобретение наркотиков, отмывание денег, незаконные азартные игры, пропаганда ненависти, совершение интернет-мошенничеств и использование этих технологий для хранения, укрытия или общения в уголовной или террористической деятельности. Также к этой категории можно отнести преступления, где компьютерное устройство может использоваться как орудие совершения преступления, например для изготовления поддельных денег, ценных бумаг или документов.

Вторая категория охватывает преступления, где компьютерные устройства или компьютерная сеть выступают в качестве предмета посягательства, например для совершения атак на информацию, компьютерные устройства и их системы. Это и является высокотехнологичной преступностью в сфере информационных и телекоммуникационных технологий и включает такие общественно опасные деяния как несанкционированное использование компьютерной системы, взлом компьютера или любое несанкционированное использование или распространение данных, отказ в обслуживании и распространение компьютерных вирусов»[1].

Вряд ли можно согласиться с такой позицией и относить к преступлениям в сфере информационных и телекоммуникационных технологий только деяния из выделенной авторами второй категории. Совершение большинства перечисленных преступлений из первой категории сопровождается использованием криминологически значимых особенностей информационно-телекоммуникационной среды (а не средств компьютерной техники!!!) для достижения преступного результата: относительной сетевой анонимности, возможности распространения информации для широкой аудитории в минимальное время, возможности сетевого поиска потенциальных потерпевших по заданным характеристикам и др. Объединение в одну группу преступлений, совершаемых в информационно-телекоммуникационной среде (информационно-телекоммуникационном пространстве, где пользователь может взаимодействовать с другими пользователями или программными средствами), и преступлений, где компьютерное устройство может использоваться как орудие (а скорее как средство) совершения преступления способно привести как к неправильному криминологическому пониманию механизмов подготовки и совершения преступления, так и к неверной правовой их оценке.

Третья сфера, где можно наблюдать бездействие уголовной политики в отношении киберпреступности, это сфера правоохранительной дея-

[1] Смольянинов Е.С., Воронин М.Ю. Проблемы реализации уголовной политики по противодействию преступлениям в сфере высоких технологий // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2018. № 3 (13). С. 137.

тельности. Правоохранительная система крайне тяжело перестраивается на новые методы работы, обусловленные развитием информационных технологий. Архаичны существующие ныне методики выявления, раскрытия и расследования преступлений. Раскрытие киберпреступления в настоящее время – скорее случайность, нежели результат целенаправленной работы. Показателен пример, описанный в приговоре Городецкого городского суда Нижегородской области, где лицо, приобретавшее наркотическое средство через «закладку» при помощи сети Интернет, было привлечено к ответственности благодаря случайно оказавшимся на месте преступления сотрудникам патрульно-постовой службы полиции[1].

Продолжает оставаться на крайне низком уровне и техническая оснащенность подразделений органов внутренних дел, в особенности, низового уровня. Учитывая, что одних только мошенничеств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий совершается около 250 в сутки, возникает острая необходимость обеспечения всех территориальных органов соответствующим техническим и методическим оснащением.

Серьезный негативный эффект имеет и внесение изменений в уголовное законодательство, которые скорее запутывают правоприменителя. Одни и те же деяния, совершенные в разное время, приходится квалифицировать по-разному.

По-прежнему недостаточно качественно налажено взаимодействие с финансово-кредитными организациями, операторами сотовой связи, администрацией социальных сетей и мессенджеров. Работу замедляют длительные процедуры согласования, направления запросов и писем.

Практически отсутствует реализация профилактических мероприятий с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, хотя необходимость такой деятельности подчеркивается в криминологических исследованиях. По мнению Е.В. Грибанова, существует два основных вектора развития киберпрофилактики: во-первых, использование информационно-телекоммуникационных технологий для развития различных направлений предупреждения преступлений, которые напрямую не связаны с информационно-телекоммуникационными технологиями; во-вторых, развитие непосредственно технологий предупреждения преступлений в сфере IT[2]. К сожалению, эти векторы пока что имеют место в основном в теории.

---

[1] Приговор Городецкого городского суда Нижегородской области № 1-38/2016 от 24 февраля 2016 г. [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/regular/doc/Hiue82PnHLrt/ (дата обращения: 18.10.2019 г.)

[2] Грибанов Е.В. Технологии предупреждения преступлений: проблемы формирования и развития // Государство и право. 2019. №10. С. 99.

Таким образом становится очевидным, что назрела необходимость коренным образом менять подходы к организации правоохранительной деятельности. Увеличивающиеся масштабы перехода противоправных действий в информационно-телекоммуникационную среду свидетельствуют о необходимости перехода в эту же среду и большинства подразделений правоохранительных органов.

Надежду на изменение ситуации вселяет принятое Министром внутренних дел России В.А. Колокольцевым решение «о создании в структуре Министерства подразделений, которые будут специализироваться на противодействии преступлениям, совершаемым с использованием IT-технологий. Глава МВД России подчеркнул, что эти новые подразделения будут сформированы по отраслевому принципу в пределах имеющейся штатной численности как в центральном аппарате Министерства, так и в территориальных органах внутренних дел.

Министр поручил руководителям оперативных главков, Следственного департамента и Управления организации дознания подготовить и представить на утверждение документы, в которых будут определены организационные структуры, полномочия и функции создаваемых подразделений, после чего направить их в регионы.

Кроме того, планируется существенно увеличить штат Бюро специальных технических мероприятий МВД России, а также их подразделения на региональном уровне»[1].

Подводя итог, следует еще раз акцентировать внимание, что сегодняшняя уголовная политика России в отношении киберпреступности – это политика бездействия в сочетании с демонстрацией контроля над преступностью, под которой понимаются «законы или действия, предпринимаемые государственными чиновниками в ответ на преступление или преступное деяние, которые создают впечатление контроля над преступностью, но фактически не являются таковыми»2, а также в сочетании с попытками решить проблему киберпреступности сугубо репрессивными мерами. Правы М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин, которые заметили, что «появление уголовно-правового запрета или активное обсуждение в политических кругах необходимости его введения в значительном числе случаев перестает восприниматься в качестве свидетельства острой социальной проблемы, которая, во-первых, реально существует в значительных масштабах, а во-вторых, может быть адекватно решена уголовно-правовыми сред-

[1] В МВД России будут созданы новые подразделения по борьбе с преступностью в сфере высоких технологий. Официальный Интернет-сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: https://мвд.рф/news/item/18809813 (дата обращения: 1.11.2019 г.)

[2] Griffin T., Miller M. K. Child abduction, AMBER Alert and «crime control theater» // Criminal Justice Review. 2008. Vol. 33. №. 2. P. 160.

ствами. Стремление или отчаянные попытки государства использовать возможности и силу репрессии для решения проблем, находящихся за пределами зоны ответственности уголовного права, либо для достижения несвойственных ему целей могут быть оценены как бессилие, но в данном случае – не как бессилие собственно закона, а как бессилие власти (государства) обеспечить его адекватное, нормальное, грамотное использование, неспособность конструктивно, наилучшим образом решать (и решить) социальную проблему. Именно этот аспект вызывает наибольшую озабоченность»[1].

Научное обоснование вопросов криминализации и декриминализации деяний, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, совершенствование юридической техники, синхронизация уголовного и информационного законодательства, совершенствование учетно-статистической и правоохранительной деятельности – вот те направления, которые требуют незамедлительной разработки и являются единственно возможным путем удержания киберпреступности в социально приемлемых рамках.

Стелькин Виктор Викторович,
магистрант Института управленческих кадров
Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Интернет-ресурсы в противодействии трансграничной противоправной деятельности

Многолетний опыт оперативно-служебной деятельности пограничных и таможенных органов на белорусской границе обозначил наиболее распространенные формы противоправной и преступной деятельности. В 2018 году на белорусской границе задержано 725 нарушителей государственной границы, изъято более 170 единиц различного оружия, а также около 1,6 тыс. боеприпасов. Вскрыто 4 канала поставки наркотиков, изъято более 410 кг наркотических средств. Пресечено 40 каналов незаконной миграции, при этом задержано 57 организаторов и пособников.[2]

Современная цифровизация общества и его переход к виртуальному жизненному укладу создал отдельную сферу для деятельности противоправных элементов, что требует дополнительной защиты прав и интересов

[1] Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3. С. 423.

[2] Основные итоги деятельности органов пограничной службы в 2018 году и приоритетные задачи на 2019 год [Электронный ресурс] / Информационный портал Государственного пограничного комитета Республики Беларусь / Режим доступ: https://gpk.gov.by/news/gpk/53129. Дата доступа: 10.11.2019.

граждан от посягательств в информационной сфере. Данная проблема начинает стремительно проявляться и на государственной границе, где в условиях международного диалога определенные направления жизнедеятельности существенно дифференцированы. Например, в Литве средняя стоимость пачки сигарет составляет 2,77 евро, в Беларуси – 0,60 евро[1]. Этот общеизвестный факт является главной причиной многолетней борьбы с контрабандой табачных изделий через границу.

Правоохранительные органы иностранных государств целенаправленно придают большой общественной огласке факты задержаний крупных партий наркотических средств и оружия, а также перекрытия каналов незаконной миграции. Для принятия действенных превентивных мер особая важность придается качественной аналитической деятельности по обработке массива информации о задержаниях. В процессе его изучения важно установить ряд общих признаков и характерных особенностей контрабандной деятельности, таких как временной период, транспортное средство (модель, год выпуска), национальность, возраст, наличие совместно следующих лиц. Особого внимания требует исследование ухищрений. Обобщенный анализ и, как результат, учебно-методический продукт в совокупности с отработкой практических навыков гарантируют высокий профессионализм сотрудников, непосредственно проводящих контрольные мероприятия. Однако вышерассмотренный тезис актуален для работы постфактум. Более востребованным считается получение упреждающей информации для принятия своевременных мер реагирования. Поэтому проблема получения данных о противоправной деятельности из интернет-ресурсов с их последующим анализом выступают предметом отдельного научного исследования.

Как правило, организованные противоправные группы, специализирующиеся на перемещении через границу физических лиц, наркотиков и товаров подакцизной группы, имеют многонациональный состав. Безусловно, является удобным наличие связующего звена на территории, которая имеет свои правовые режимы и выстроенную систему безопасности. Согласно приведенной ниже логической схеме, противоправная деятельность может иметь широко развитую сеть участников, маршрутов и этапов его прохождения.

[1] Dėl Baltarusijos kaltės Lietuvoje klesti kontrabandinių cigaričių rinka [Elektroninės resursas] / Prieigos režimas: http://ekspertai.eu/del-baltarusijos-kaltes-lietuvoje-klesti-kontrabandiniu-cigareciu-rinka. Prieigos data: 24.11.2019.

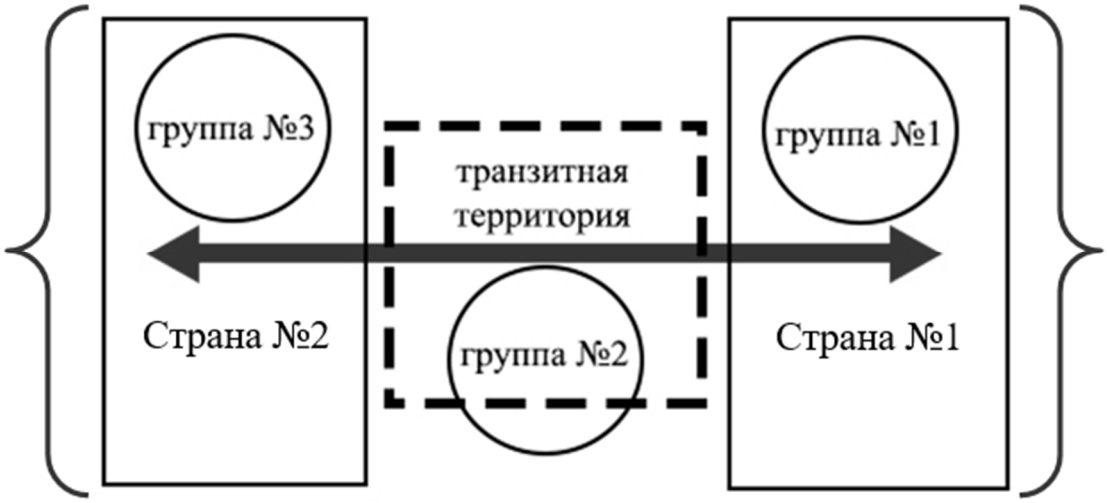


Схема 1. Типовая модель трансграничной противоправной деятельности.

Группа участников противоправной деятельности, как своего рода система, представляет собой совокупность элементов (лиц) и связей между ними (коммуникация). Зачастую как лица, так и способы их коммуникации неосознанно выходят за рамки конспирации и попадают в поле зрения правоохранительных органов. Здесь не идет речь о публиковании фрагмента переписки или демонстрации рода деятельности. Подразумевается намерение получить определенную информацию от более широкого круга лиц, в том числе не имеющих отношения к противоправной деятельности. Например, в мессенджере «Telegram» существует множество открытых чатов на пограничную тематику: «Граница BY-LT», «FAQ_ГраницаBY», «ГраницаBY (Брест)», «ГраницаBY (Гродно)». В указанных ресурсах исключительно определенный круг лиц интересуется обстановкой в пунктах пропуска, при этом отдельные из них стремятся получить информацию не о протяженности очередей с целью комфортного пересечения границы, а о наличии усиления, работы специальных досмотровых групп, характере контрольных процедур (усиленно или поверхностно). Конкретные случаи реализации контрабандного товара являются единичными, тем не менее выявляются и таковые факты: «Выкупаю «Минск» (прим. – марка сигарет) в Вильнюсе, 12,50 евро (прим. – цена за один блок сигарет)».

Субъект противоправной деятельности, осознавая анонимность «Telegram», ведет себя более открыто. Поэтому в обязательном порядке публикации мессенджеров необходимо сопоставлять с контентом социальных сетей. В локальных сообществах на тематику приграничных населенных пунктов социальных сетей «Вконтакте», «Facebook» и др. могут встречаться общие черты, казалось бы, разных профилей (фото, псевдоним, стиль публикования и т.д.). Аналогично «Telegram» в «Facebook» существуют сообщества, специализирующиеся на обстановке в пунктах про-

пуска, однако их содержание отличается малой информативностью со стороны противоправных элементов.

Безусловно, контроль виртуальной составляющей обстановки на приграничной территории требует комплекса организационно-технических мер. В первую очередь речь идет о системе мониторинга угроз пограничной безопасности, в том числе активизации противоправной деятельности. Объектами мониторинга должны являться все существующие ныне социальные сети (а это фактически большая часть информационного пространства сети Интернет), а точнее та их часть, которая обладает признаком публичности. То есть проводимые операции не должны нарушать тайну переписки в личных сообщениях[1]. Рассмотренная проблематика требует существенной совместной работы группы специалистов, среди которых должны находиться эксперты в сфере охраны государственной границы, информационных технологий, психологии и социологии.

Стрилец Олег Валентинович,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права
Волгоградской академии МВД России

Принцип гуманизма в ракурсе современной уголовной и уголовно-исполнительной политики

Политика государства является основой формирования и развития правовой системы, законодательства, правовых реформ и направлений деятельности государства.

Одним из основных направлений деятельности государства является политика в сфере противодействия преступности. Данное направление должно выражать интересы граждан России и обеспечивать защиту их прав и законных интересов от преступных посягательств.

В Российской Федерации правам и свободам человека и гражданина посвящена глава 2 Конституции РФ, нормы которой не только подтверждают исключительную значимость прав и свобод, но и предусматривают гарантии их соблюдения.

В статье 17 Конституции РФ закреплено: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». Основные права и свободы че-

[1] Соловьев В.С. Криминогенный потенциал социального сегмента сети Интернет: методика оценки и меры нейтрализации: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 159.

ловека неотделимы от его личности и принадлежат каждому от рождения. При этом перечисление в Конституции РФ прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина (ст. 55 Конституции РФ).

Россия уже давно стала частью международной правовой системы, в связи с этим права и свободы человека гарантированы не только Конституцией РФ, но и международными правовыми актами, которые регламентируют защиту прав человека[1].

В соответствии со ст. 2 Уголовного кодекса РФ (далее по тексту – УК РФ) одной из задач уголовного законодательства является охрана прав и свобод человека и гражданина.

Вместе с тем эффективность мер уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления, во многом зависит, во-первых, от качества принимаемых нормативно-правовых актов, во-вторых, от уровня работы правоприменителя осуществляющих реализацию их предписаний.

Почти тридцать лет назад Н.И. Загородников и Н.А. Стручков справедливо отмечали, что уголовная политика – это такое направление государственной политики при которой «формулируются исходные требования борьбы с преступностью посредством разработки и осуществления широкого круга предупредительных мер, создания и применения правовых норм материального, процессуального и исполнительного уголовного права, устанавливающих криминализацию и пенализацию деяний, а когда нужно – декриминализацию и депенализацию деяний, а также посредством определения круга допустимых в борьбе с преступностью мер государственного принуждения. На базе общих положений о борьбе с преступностью (иными словами – положений уголовной политики в широком понимании смысла этих слов) формируется судебная и исправительно-трудовая (уголовно-исполнительная) политика»[2].

Политика государства в указанном направлении, безусловно, многопланова. Однако, раскрывая содержание уголовной политики, Н.А. Лопашенко на первое место ставит «определение принципов уголовно-правового воздействия на преступность, которые состоят из принципов уголовного права (в настоящее время они выражены в Уголовном кодексе) и принципов правоприменительной деятельности (неотвратимости ответ-

[1] См.: Всеобщую декларацию прав человека от 10 декабря 1948 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.; Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Загородников Н.И., Стручков Н.А. Направления изучения советского уголовного права // Советское государство и право. 1981. № 7. С. 49.

ственности, главенства деятельности по предупреждению преступлений, экономии мер уголовной репрессии)»[1].

Принципы уголовного и уголовно-исполнительного права коррелируют с политикой в сфере противодействия преступности на уровне их отражения в законодательстве. Точное отражение процессов нашего общества в содержании уголовного и уголовно-исполнительного законодательства возможно лишь через анализ общественного правосознания. Это может быть, прежде всего, потому, что общественное правосознание вмещает в себя такие общечеловеческие представления разумного устройства права, как справедливость и равенство, гуманизм и законность[2].

Принципы уголовного права (равенства, вины, справедливости, гуманизма и законности) имеют прямое отношение к реализации прав и свобод граждан, оказавшихся в сфере влияния уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Идеи гуманизма охраняются многими нормами, которые получили закрепление в различных главах УК РФ. Наряду с этим принцип гуманизма получил непосредственное закрепление в ст. 7 УК РФ и сформулирован следующим образом: «1. Уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека. 2. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства». В Уголовно-исполнительном кодексе РФ (далее по тексту – УИК РФ) он также признается в качестве принципа и закрепляется ст. 8 УИК РФ, однако содержание данной основополагающей идеи в этом нормативном акте не раскрывается.

И.Я Козаченко, анализируя данный уголовно-правовой принцип, отмечает, что его сущность «заключается в признании ценности человека (однако не только преступника, но и в первую очередь того, кто пострадал от него). В частности, он выражается в том, что уголовная мера, влекущая существенное ущемление правового статуса осужденного, преследует единственную цель - оградить интересы других, правопослушных граждан, от преступных посягательств. В целях положительного влияния на виновного к нему должна применяться минимально необходимая мера уголовного наказания»[3].

---

[1] Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М. 2009. С. 32-33.

[2] Подробнее об этом см.: Стрилец О.В. Взаимосвязь принципов уголовного и уголовно-исполнительного права в рамках современной уголовной политики // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 15 сент. 2017 г.: в 2 т. Краснодар, 2017. Т. II. С. 31-36.

[3] Козаченко И.Я. Уголовное право как основной инструмент уголовно-правового регулирования // Уголовное право. Общая часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. М., 1997. С. 21.

«Гуманизм уголовного права, – пишет А.И. Чучаев, – в первую очередь должен проявляться в обеспечении уголовно-правовыми средствами неприкосновенности личности, собственности от преступных посягательств и т.д. В этих целях Особенная часть уголовного права содержит конкретные виды преступлений, за которые виновные подлежат наказанию. Гуманным будет любое справедливое наказание»[1].

Ряд ученых считают, что принцип гуманизма имеет две стороны, одна защищает интересы потерпевшего от преступления, а другая – направлена на защиту самого преступника[2].

В принципе гуманизма закреплены две стороны, однако их значимость для общества и государства различна. Как справедливо отмечает В.В. Мальцев, «есть все основания говорить о широком и узком значении принципа гуманизма. В своем широком смысле он связан с обеспечением гуманистических устоев общества и государства, защитой прав и свобод человека и гражданина… Принцип гуманизма, следовательно, находит свое основное воплощение в регулятивных и охранительных уголовно-правовых отношениях, в содержании уголовного законодательства. В своем узком смысле принцип гуманизма связан с гуманным отношением к потерпевшему от преступления лицу и преступнику»[3]. Вряд ли возможно обеспечить гуманное отношение к преступнику в обществе без «гуманистических устоев». Соответственно, содержанием первой стороны принципа гуманизма должно определяться содержание его второй стороны.

В российском уголовно-исполнительном законодательстве принцип гуманизма также находит свое выражение во многих нормах УИК РФ.

Принцип гуманизма проявляется, прежде всего, в целях и задачах уголовно-исполнительного законодательства. Поэтому процесс исполнения наказания строится на запрещении насилия, пыток и унижения человеческого достоинства осужденных и вытекает, в первую очередь, из требований Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах, закрепленных в ст. 21 Конституции Российской Федерации. Более того, в соответствии с ч. 2 ст. 1 УИК РФ реализация норм уголовно-исполнительного законодательства гарантирует

---

[1] Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов и др.; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017. 384 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Кузнецова Н.Ф. Принципы уголовного законодательства // Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. С 77; Игнатов А.Н. Уголовное право: понятие, предмет и система // Уголовное право России: В 2-х т. Т. 1. Общая часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. С. 13; Чучаев А.И. Принципы уголовного права // Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. М.: Эксмо, 2009. С. 19 и т.д.

[3] Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 171,172.

осужденным защиту их личности, прав, свобод и законных интересов, а также обязывает оказывать помощь осужденным в социальной адаптации.

Наиболее ярко проявляется принцип гуманизма при законодательном закреплении правового положения осужденных. Правовой статус осужденных, наряду с иными нормами, регламентирующими порядок отбывания наказания, определяется принципом гуманизма, поскольку государство, назначая преступнику наказание, не отказывается от него как от своего гражданина.

При этом согласно ч. 1 ст. 10 УИК РФ, Российская Федерация уважает и охраняет права, свободы и законные интересы осужденных, обеспечивает законность применения средств их исправления, правовую защиту и личную безопасность при исполнении наказаний.

Осужденные, отбывая наказание, продолжают оставаться гражданами Российской Федерации, в связи, с чем на них распространяются общегражданские права, законные интересы и юридические обязанности, как и на всех остальных граждан, за исключением ограничений, которые определяются фактом их осуждения. Объем и уровень данных правоограничений зависят от вида отбываемого наказания и условий его отбывания. Они носят временный характер, поскольку действуют только на период отбывания осужденными наказания и могут устанавливаться только законодательством. Данные правоограничения обусловлены целями защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обороны страны и безопасности государства.

«Гуманизм, – отмечает А. Я. Гришко, – уголовно-исполнительного права диалектически противоречив: необходимо, с одной стороны, охранять общество от преступных посягательств и в связи с этим стремиться к достижению целей частной и общей превенции, с другой – осуществлять принудительную ресоциализацию преступника»[1].

В теории права постоянно предпринимаются попытки раскрытия содержания принципа гуманизма и его роли в системе принципов уголовно-исполнительного права. Так, заслуживает внимание позиция авторского коллектива по подготовке научно-теоретической модели Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

Предлагается закрепить принцип гуманизма в статье 11 и наполнить следующим содержанием:

«1. Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации, подзаконные нормативные правовые акты, практика их реализации основываются на строгом соблюдении гарантий защиты от пыток и другого жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными.

---

[1] Гришко А.Я. Принципы гуманизма и демократизма в уголовно-исполнительном праве // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2 (18). С 23.

2. Все осужденные имеют право на гуманное обращение и уважение их человеческого достоинства.

3. Несовместимы с работой в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера, пытки, жестокие, бесчеловечные или унижающие человеческое достоинство действия, а также непринятие надлежащих мер по отношению к таким действиям.

4. В обращении с осужденными следует исходить из того, что они продолжают оставаться членами общества. Исполнение уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера направлено на включение осужденных в общество законопослушными, ответственными и самостоятельными гражданами»[1].

Несмотря на существующую разность содержания предлагаемого принципа гуманизма с принципом закрепленном в уголовном законодательстве, основополагающая идея «гуманизма» отражена в нем полностью.

Уголовная политика XXI века взяла курс на гуманизацию уголовного законодательства. Так, авторы концепции уголовно-правовой политики на период до 2025 г. «Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.)» определяют три стратегических этапа развития и реализации уголовной политики на 2017-2025гг: 1) гуманизация законодательства и практики (2017-2018 гг.), 2) систематизация уголовно-правового поля (2019-2021 гг.) и 3) новая пенализация, т.е. пересмотр наказуемости деяний (2022-2025 гг.)[2].

Не вдаваясь в полемику о значимости данной концепции для современной уголовной политики, отметим следующее. Во-первых, положения концепции о переводе всех особо тяжких преступлений, которые не были сопряжены при их совершении с общеопасным способом их совершения либо применением насилия или угрозой его применения, в категорию тяжких преступлений, а также о вводе запрета на назначение наказания в виде лишения свободы при совершении впервые преступлений в сфере экономики, едва ли соответствуют принципу гуманизма. Во-вторых, законотворческая деятельность в нашей стране за последние годы имеет яркие примеры (Федеральные законы: от 29.07.2017 № 248-ФЗ; от 29.12.2017 № 445-ФЗ; от 23.04.2018 № 111-ФЗ; от 27.06.2018 № 157-ФЗ; от 01.04.2019 № 46-ФЗ; от 17.06.2019 № 146-ФЗ) не восприятия лозунга первого этапа вышеуказанной концепции.

---

[1] Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. д.ю.н., профессора В.И. Селиверстова. М.: ИД «Юриспруденция», 2017. С. 67,68.

[2] Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.) / Г.А. Есаков, Р.О. Долотов, М.А. Филатова, М.А. Редчиц, К.А. Цай. М.: Центр стратегических разработок, 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://csr.ru/news/ugolovnaya-politika-dorozhnaya-karta-2017-2025-gg/ (дата обращения: 17.09.2019).

Воплощение идеи гуманизма в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве требует всестороннего и взвешенного подхода, она должна быть подчинена одной цели – обеспечения защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, а также лиц, виновных в совершении этих преступлений.

Стронский Данил Дмитриевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики и правовой информатики
Кубанского государственного университета

Противодействие транснациональной преступности как одно из условий межгосударственного взаимодействия по обеспечению коллективной безопасности

Необходимость межгосударственного взаимодействия по противодействию транснациональной преступности напрямую связана с уголовно-правовой политикой, проводимой в нашей стране после распада СССР.

Негативные последствия транснациональной преступности достигли таких масштабов, которые позволяют им серьезно влиять на состояние безопасности во многих сферах жизни современного общества, при этом определенная специфика сложилась при совершении транснациональных преступлений, сопряженных с миграцией[1], на территориях с нестабильной политической и социально-экономической ситуацией, в том числе, где ведутся боевые действия, имеющие признаки «гибридных» войн.

Транснационализация преступности заставила вырабатывать организационно-правовые механизмы противодействия ей, при чем в современных условиях речь уже идет о делегировании соответствующих полномочий субъектам международных отношений в сфере не только правоохраны, но и обороны[2].

Озабоченность таким негативным явлением как транснациональная организованная преступность, в связи с ее особой опасностью, масштабами и последствиями, неоднократно высказывалась на Конгрессах ООН по предупреждению преступности, где принимались и соответствующие программные документы, например, Миланский план действий (1985г.); Га-

[1] См. например: Лебедева А.Д., Стронский Д.Д. Организационно-правовые меры, направленные на минимизацию последствий неконтролируемой миграции в современных условиях // Общество: политика, экономика, право, №11. Краснодар, 2016.

[2] См. например: Лебедева А.Д., Стронский Д.Д. Некоторые особенности правового регулирования отдельных направлений международного военного сотрудничества Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. №6-7, Краснодар, 2017.

ванские руководящие принципы для предупреждения организованной преступности и борьбы с ней (1990г.) и т.п.

Выносился этот вопрос на рассмотрение в Интерполе, в частности, в 1996 году на Генеральной Ассамблее в Пекине был поднят вопрос «о русской мафии» и ее влиянии на транснациональные криминальные процессы, после чего Генеральным секретариатом Интерпола был запущен проект «Миллениум», направленный на борьбу с российской и восточноевропейской организованной преступностью (позже география проекта была расширена).

Вошли в практику сотрудничества специализированные группы ООН, свидетельствующие о современных подходах к организации и проведению расследований международными специалистами по таким категориям дел, как международный терроризм, экстремизм, участие в незаконных вооруженных формированиях и пр.

Наблюдается сближение позиций стран-участниц по вопросам противодействия транснациональной преступности в рамках ОДКБ, ШОС, БКБОП и других структур, формируются предпосылки для создания единого правового пространства в вопросах обеспечения коллективной безопасности (в частности, проект модельного соглашения на территории стран ОДКБ в скором будущем может обрести вполне четкие нормативные формы).

Взаимодействие при противодействии транснациональным преступлениям предполагает контакты на межгосударственном уровне и может быть постоянным, периодическим и разовым.

Значимость международного взаимодействия заключается в том, что оно позволяет совместными усилиями с использованием специфических особенностей сторон-заинтересантов реализовать совместную как уголовно-процессуальную функцию в рамках предмета доказывания, так и оперативно-розыскную, криминалистическую деятельность по выявлению, раскрытию преступлений, розыску лиц и предметов, имеющих непосредственное отношение к расследуемым событиям, а также в области превенции возможных деликтов и реализации уголовной политики. Например, проведенная в 2000-е годы правоохранительными органами нескольких государств в тесном контакте с Интерполом операция «Оса» в Испании, направленная против лидеров криминального мира, решила важные вопросы борьбы с транснациональной преступностью, а прокурора Балтазара, курировавшего расследование, сделала даже популярнее многих европейских политиков.

Рассматриваемая деятельность по противодействию транснациональной преступности в разных странах получила много названий – «полицейское дело», «полицейская техника», «оперативно-служебная деятельность» и т.п., но вне зависимости от «вывески» не должна подменяться суть, где «за основу следует признать, сформулированную в отношении способа преступления, специфическую для криминалистики познавательную задачу: изучение преступления в аспекте следов, оставляемых им в целом

и каждым его структурным элементом в отдельности»[1]. Формирование учетных данных криминального характера в отношении транснациональных преступлений и их дальнейшее использование в процессе предупреждения, раскрытия и расследования должно учитывать этот важный момент.

Одновременно с этим, актуальным является и реализация соответствующих методов расследования транснациональных преступлений[2].

Следует продолжить положительно зарекомендовавшую себя практику проведения совместных мероприятий в рассматриваемой сфере. В частности, согласно сведениям, предоставленным МВД России по итогам проведения межгосударственной оперативно-профилактической операции «Розыск» в 2018 году, удалось задержать 7700 подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а по линии Интерпола осуществлено оперативное сопровождение 72 обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений.

Не вызывает сомнения, что построение эффективной системы международного взаимодействия по противодействию транснациональным преступлениям должно строиться на четко определенных организационно-тактических началах.

Для этого требуется решить масштабные задачи в области модернизации информационно-технологической инфраструктуры, в том числе с привлечением возможностей искусственного интеллекта: создание единого реестра населения с возможностями биометрической идентификации; прогнозирование преступного поведения на «ранних стадиях»; расширение оперативно-розыскных и поисковых возможностей спецслужб в виртуальном пространстве и современных средствах коммуникации; развитие оперативно-розыскной аналитики; алгоритмизация на базе оцифрованного опыта уже раскрытых и расследованных преступлений и т.п.

Представляется, что обмен информацией в рамках международного взаимодействия должен базироваться на унификации государственного законодательства и современных международных норм, просто необходимо исключить порочную практику «двойных стандартов». Как справедливо отмечают специалисты, оптимизация взаимодействия в рассматриваемой сфере «позволит эффективно противодействовать и окажет позитивное влияние на динамику преступности государств-участников такого сотрудничества»[3].

---

[1] Коновалов С.И. Современное состояние криминалистического познания преступной деятельности // Проблемы эффективности права в современной России: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. Т. 2. С. 364.

[2] Хижняк Д.С. Особенности использования методов расследования в борьбе с транснациональными преступлениями // Актуальные проблемы права: материалы IV Междунар. науч. конф. М: Буки-Веди, 2015. С. 250.

[3] Ревин В.П. Международное сотрудничество по противодействию преступности в контексте уголовной политики России (оценка состояния и проблемы оптимизации) // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. № 1. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. С. 44.

Стукалов Вячеслав Владимирович,
кандидат юридический наук,
доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности в органах внутренних дел
Краснодарского университета МВД России;
Горбунов Алексей Николаевич,
старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной
деятельности в органах внутренних дел
Краснодарского университета МВД России

Актуальные вопросы организации деятельности органов внутренних дел по борьбе с терроризмом на современном этапе

Социально-политическая и криминогенная обстановка в нашей стране характеризуется расширением масштабов преступлений террористического характера. Информация, поступающая в правоохранительные органы и спецслужбы, позволяет сделать вывод о возможном росте преступлений террористической направленности.

Совершенно очевидно, что терроризм, преследуя противоправные цели, старается достичь их соответствующим образом. Захват заложников, применение насилия в отношении физических лиц, создание опасности гибели людей, уничтожение и повреждение имущества – это только часть запрещенных уголовным законом средств и методов, посредством использования которых террористы пытаются нарушить общественную безопасность, устрашить население и оказать воздействие на принятие органами власти решений выгодных террористам. При этом следует учитывать, что в связи с качественным изменением жизни происходит соответствующая модернизация преступности, и в первую очередь ее организованных проявлений, в том числе связанных с террористической деятельностью[1].

Террористические акты отличаются гибкостью и неординарностью тактики террористов; ведением наблюдения и контрнаблюдения; наличием в террористических группах лиц, ранее судимых, пользующихся авторитетом в преступной среде, знакомых с приемами и методами работы оперативных подразделений органов внутренних дел; лиц, имеющих навыки обращения с взрывчатыми веществами и взрывными устройствами.

За последние годы проявляется устойчивая тенденция роста опасных посягательств на жизнь и здоровье граждан, их собственность, обществен-

[1] Горбунов А.А., Стукалов В.В. Борьба с преступлениями террористической и экстремистской направленности на современном этапе // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4(30).

ный порядок и общественную безопасность, с использованием взрывных устройств. Социальная опасность преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств заключается в том, что их незаконный оборот, будучи опасным, сам по себе, облегчает совершение иных преступлений насильственного характера. Взрывные устройства все чаще становятся орудиями преступлений при совершении тяжких преступлений против личности, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, в результате чего гибнут люди, причиняются телесные повреждения гражданам, причиняется значительный материальный ущерб.

Практика борьбы с криминальными взрывами показывает, что основными направлениями противодействия им должны быть:

– организационно-практические мероприятия по пресечению незаконного оборота оружия, предупреждению и раскрытию криминальных взрывов;

– меры по усилению сохранности, выявлению, пресечению каналов хищения взрывных устройств, взрывчатых веществ, боевого оружия и боеприпасов;

– правовое, нормативное, методическое и материально-техническое обеспечение;

– укрепление кадров и повышение их профессионального мастерства.

Организация антитеррористической деятельности предполагает нормативное определение компетенции правоохранительных органов на выполнение организационно-тактических задач в борьбе с терроризмом.

К компетенции органов внутренних дел с учетом их предназначения и возможностей можно отнести борьбу с общеуголовным терроризмом. Одним из условий успеха в решении этих задач является взаимодействие с другими привлекаемыми к борьбе с терроризмом силами и, в первую очередь, с ФСБ России.

Перед оперативными подразделениями органов внутренних дел стоит ряд задач организационно-правового и практического характера, которые необходимо решать в процессе повседневной деятельности:

– усовершенствование практики применения оперативно-розыскных мер, а также отработка системы совместных оперативно-розыскных и организационных действий всех субъектов антитеррористической деятельности;

– подготовка ряда межведомственных нормативных актов, регламентирующих действия всех субъектов антитеррора как единого комплекса, а также внесение изменений и дополнений в действующие ведомственные нормативные акты;

– отработка системы совместных действий различных субъектов антитеррористической деятельности, таких как тренировочные занятия, опе-

ративные игры, учения, обмен конкретной информацией в центре и на местах с использованием различных ведомственных и межведомственных информационных систем, проведение оперативных комбинаций и др.

В настоящее время взаимодействие осуществляется при проведении конкретных контртеррористических оперативно-розыскных мероприятий и при возникновении чрезвычайных обстоятельств. Однако обстановка требует более четкой организации совместной работы, в том числе и с региональными антитеррористическими комиссиями, созданными в субъектах Российской Федерации и действующими в рамках Национального антитеррористического комитета. Это позволит напрямую наладить взаимодействие в каждом конкретном регионе.

На регулярной и постоянной основе должно строиться взаимодействие с оперативными подразделениями правоохранительных органов и спецслужб, в первую очередь с ФСБ России. Между тем на должном уровне оно не налажено даже между подразделениями органов внутренних дел. В действиях наблюдается разобщенность, отсутствие надлежащего контакта. Вследствие этого большинство преступлений остается нераскрытыми, несмотря на их повышенную опасность.

Анализ деятельности органов внутренних дел свидетельствует о том, что сотрудники, имеющие отношение к расследованию преступлений, зачастую не владеют методикой раскрытия и расследования преступлений, совершенных с применением взрывных устройств.

Хочется отметить основные ошибки, которые возникают в деятельности органов внутренних дел:

1) Необходимые действия на месте происшествия организуются и проводятся с опозданием, что ведет к утрате доказательств, волоките в производстве по уголовным делам.

2) Нередко осмотр места взрыва или обнаружения взрывного устройства проводятся без участия соответствующих специалистов.

3) Слабо используются научно-технические средства.

4) Слабо организовано взаимодействие следственных, оперативных работников, специалистов-криминалистов, сотрудников других служб органов внутренних дел и с другими правоохранительными органами.

Наряду с этим, на наш взгляд, к основным задачам оперативных подразделений органов внутренних дел в рамках борьбы с терроризмом можно отнести:

– установление организованных преступных групп и сообществ, использующих для достижения своих целей террористические группы (передел сфер влияния, вымогательство денег, валюты, ценностей, нагнетания страха на определенные круги граждан, обеспечения работы каналов переброски валюты, оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ);

– выявление учреждений, организаций, способных прибегнуть к террористическим методам для устрашения конкурентов, получения долгов, освобождения задержанных членов (сотрудников), захвата оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.

– выявление террористических групп, установление их состава, руководителей, сообщников, мест хранения оружия, наличие транспортных средств и т.п.

Оперативно-розыскное обеспечение может быть эффективным лишь в случае, если оно организовано по принципу множественности оперативных источников и с учетом наших возможностей. При этом необходимо учитывать особенности действий террористических групп, для которых характерны:

– во-первых, глубокая конспирация, состав групп подбирается с таким расчетом, чтобы его не нужно было менять или дополнить, члены группы иногда не знают настоящих имен и фамилий друг друга, не имеют связи (кроме руководителя) с главарем и членами организации, которая их создала;

– во-вторых, группы тщательно готовятся к совершению террористического акта, эта подготовка включает: выбор объекта, установление режима его работы, маршрутов передвижения, системы охраны и других особенностей обстановки, все это проводится скрытно; результатом этой работы является план, в котором определяется место совершения теракта, тактика его совершения, меры личной безопасности террористов, пути отхода и укрытия, каждый член группы решает конкретную задачу и готовится к ее выполнению;

– в-третьих, в группах жестко поддерживается дисциплина, в террористических группах общеуголовной направленности не всегда эти положения выполняются, хотя они знают, что от этого зависит их жизнь.

Оперативным подразделениям органов внутренних дел во взаимодействии с другими правоохранительными структурами необходимо осуществлять свою деятельность таким образом, чтобы она была направлена, прежде всего, на получение упреждающей информации о лицах (группах), вынашивающих намерение совершить террористические акты. Обеспечить проникновение негласного аппарата во все слои криминогенной среды.

Суздалев Евгений Александрович,
старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел
Уральского юридического института МВД России

Взаимосвязь совершаемых нарушений и преступлений в сфере государственного заказа

Для повышения эффективности и результативности осуществления государственных заказов, обеспечения открытости и гласности их осуществления, а также противодействию коррупции и поддержанию конкуренции был принят Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» № 44-ФЗ (далее - ФЗ № 44)[1].

Согласно данным, представляемым Счетной палатой Российской Федерации, за 2016 год выявлено 414 нарушений законодательства о контрактной системе в сфере закупок на общую сумму 17,136 млрд. рублей.

Такое положение дел ставит перед правоохранительными органами и органами финансового контроля общую цель, заключающуюся в предупреждении и пресечении коррупционных проявлений в рамках осуществления процедур государственных закупок.

Нарушения в сфере государственных закупок зачастую связаны с ограничением принципа конкуренции, несоблюдение которого влечет подрыв антикоррупционных основ.

В свою очередь, указанный закон предусматривает в ст. 8 принцип обеспечения конкуренции при осуществлении государственных закупок, который свидетельствует о том, что контрактная система в сфере закупок направлена на создание равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок. Любое заинтересованное лицо имеет возможность в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок стать поставщиком. Кроме того, согласно положениям данного принципа, конкуренция основывается на соблюдении как ценовой, так и неценовой конкуренции для выявления лучших условий поставок товаров. Организациям, осуществляющим закупки, запрещается осуществлять действия, приводящие к ограничению конкуренции, в частности к необоснованному ограничению числа участников закупок.

[1]Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 21.05.2017)

В данном ключе следует отметить, что в соответствии с п. 17 ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»[1] признаками ограничения конкуренции наряду с другими является сокращение числа хозяйствующих субъектов, не входящих в одну группу лиц, на товарном рынке, рост или снижение цены товара, не связанные с изменениями конъектуры рынка.

Несмотря на имеющееся законодательство, регулирующее контрактную систему государственных закупок, количество преступлений в данной сфере неумолимо растет[2].

По данным ФКУ «ГИАЦ МВД России»[3], в 2012-2016 годах выявлено 1807 преступлений, непосредственно связанных с государственным заказом.На протяжении последних пяти лет отчетливо прослеживается тенденция увеличения преступлений в сфере государственных закупок: со 143 – в 2012 году до 489 – в 2016 году. При этом размер материального ущерба, причиненного в результате совершения указанных преступлений, увеличился в семь раз с 300 млн рублей – в 2012 году до 2,1 млрд рублей – в 2016 году.

Следует отметить, что 45% из всех выявленных преступлений, связанных с государственным контрактом, имеют коррупционную направленность. Это отражает многочисленные факты использования лицами своих должностных полномочий в целях хищения бюджетных средств.

Нарушения законодательства о государственных закупках можно классифицировать на несколько групп, однако практически каждая будет каким-либо образом связана с коррупцией. Таким образом, нарушения, допускаемые в данной сфере, можно классифицировать следующим образом:

1. Технические описания, ограничивающие выбор товаров, работ, услуг;
2. Прямые нарушения правил проведения госзакупок;
3. Ограничение доступа к оформлению и подаче заявки;
4. Ограничения по времени исполнения заказа;
5. Ограничения для участия малого и среднего бизнеса;
6. Технические описания, ограничивающие круг исполнителей.

Совершению данных нарушений зачастую предшествует сговор, под которым подразумевается договоренность участников закупки о том, кто в

---

[1] Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 17.05.2017)

[2]Дараган В.В. Преступность в сфере государственных закупок и её взаимосвязь с коррупционной преступностью // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3. С.61.

[3]Сведения о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации за период с 2012 по 2016 гг. Форма «5-БЭП» (459), книга 201. Москва: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2017.

результате конкурса станет исполнителем заказа [1]. Данные действия напрямую указывают на коррупционную направленность совершаемых нарушений, что впоследствии образует состав преступления.

Из всех субъектов, которыми совершаются нарушения в сфере государственного заказа, а к ним относятся организаторы и участники закупок, а также представители органов контроля, наиболее связаны с коррупционными проявлениями организаторы закупок. Это определяется тем, что наибольшее количество нарушений допускается при формулировке технического задания на исполнение заказа, в котором может прослеживаться не только ограничение конкуренции, но и определение требований, которым удовлетворяет единственный исполнитель, с которым заранее было заключено соглашение. Более подробно данные нарушения будут рассмотрены ниже.

При разграничении преступлений, совершаемых данными лицами, необходимо учитывать момент, в который они совершаются.

Если выявлено нарушение, свидетельствующее о техническом описании, ограничивающем выбор поставщиков, ограничении доступа к оформлению и подаче заявки, а также иные нарушения, связанные с ограничением конкуренции, можно предполагать, что данному нарушению предшествовало получение «вознаграждения» за выбор конкретного исполнителя заказа.

Помимо этого, получение «вознаграждения» может быть осуществлено и на финальном этапе государственного контракта: в момент приема товаров, работ, услуг, когда осуществляется приемка невыполненных работ, либо прием товаров, работ, услуг ненадлежащего качества.

Особняком стоят преступные действия, когда хищение бюджетных средств осуществляется путем использования фиктивной документации, когда государственный заказ фактически не заключается и не исполняется, а такие документы, как государственный контракт и платежное поручение на перечисление денежных средств имеются.

Что касается преступлений, совершаемых участниками закупок, то к ним следует отнести сговор с организаторами закупок с целью получения исполнения заказа, другими словами дача «вознаграждения» с целью создания благоприятных условий для собственного экономического субъекта и вытеснения других при помощи создания для них барьеров. Также данная ситуация может возникнуть и при сдаче невыполненных работ, либо сдаче товаров, работ, услуг ненадлежащего качества. Кроме того, участники государственных закупок осуществляют хищение бюджетных средств путем обмана или злоупотребления доверием организаторов торгов: ими могут быть использованы поддельные документы с целью выигрыша на торгах, свидетельствующие о банковских гарантиях, подтверждающие

[1] Бочкова Ю.А. Сговоры на торгах при осуществлении государственных закупок // Проблемы современной экономики. 2014. № 4. С. 117-120.

оборот денежных средств на предприятии, подтверждающих наличие денежных средств для обеспечения контракта и т.п.

Количество способов совершения преступлений лицами, занимающими должности контрольных органов, не так велико, однако их общественная опасность представляется нам наиболее высокой, поскольку кто, как ни контрольные органы, должны выявлять и пресекать имеющиеся нарушения. Так, наиболее часто осуществляется неприменение мер по выявленным нарушениям в ходе рассмотрения жалоб с целью присуждения победы на торгах «своим» участникам. Кроме того, может быть совершено вымогательство за рассмотрение жалобы при её получении.

Более подробно остановимся на нарушениях, осуществляемых организаторами закупки, связанных с предварительным сговором с участниками закупки для предоставления преференций при проведении торгов.

Примерами осуществления нарушений, осуществляемых путем оформления технического описания, ограничивающим выбор товаров, работ и услуг могут являться следующие «схемы» их совершения:

– указание в документации конкретной торговой марки без определения эквивалента;

– отсутствие существенных для исполнения заказа сведений, таких как подробное техническое задание, регламент поставки товара, выполнения работ, оказания услуг, объективно описанные технические характеристики, что препятствует участию сторонних заказчиков;

– размещение многомиллионного заказа, техническое задание к которому сокращено до нескольких страниц и не дает полного представления о сути контракта и требуемых работах[1].

Что касается прямых правил нарушения госзакупок, то наиболее часто встречаются следующие нарушения:

– игнорирование требования о проведении обязательного общественного обсуждения закупок на сумму более 1 млрд. рублей;

– начальная (максимальная) цена контракта не обоснована или обоснована некорректно, без использования принятых методов расчета;

– заключение контракта не с тем участником, который предложил минимальную стоимость контракта;

– неверно составленные документы закупки (ошибки в итоговом протоколе, перечне обязательных сведений, датах и времени проведения процедур).

Ограничение доступа к оформлению и подаче заявки зачастую осуществляется на основе написания документации заказа в нераспространен-

[1] Серая книга Остапа Бендера. Часть 2. М.: Редакционная группа проекта «ЗА честные закупки», 2015. С. 38.

ных текстовых редакторах и защите документации от чтения паролем, ограничении возможности поиска и копирования информациив документации заказчика.

Ограничение времени исполнения заказа также встречается довольно часто. Например, срок исполнения заказа сокращается так, что без готового решения контракт не может быть исполнен. Другими словами, доверенный исполнитель должен сначала практически выполнитьконтракт и, когда он будет на финальной стадии работ, объявить конкурс с нереально маленьким сроком исполнения.

Ограничение доступа к исполнению заказа малых и средних предприятий может осуществляться за счет того, что однотипные работы по контракту необходимо выполнить небольшом количестве объектов, то есть создается ситуация, когда закупщик вступает в сговор с крупным исполнителем на огромный объем однотипных работ, которые попросту не смогут выполнить небольшие компании.

Кроме того, создаются и технические описания, ограничивающие круг участвующих субъектов. Так, могут быть включены завышенные требования к исполнителю заказа в отношении опыта, наличия лицензий, сертификатов и т.д., не относящихся к сути контракта. Кроме того, могут отклоняться заявки отдельных участников по формальным признакам в связи с отсутствием документов, которые не указаны в минимальной номенклатуре сведений, необходимых для участия в заказе.

Таким образом, полученная информация о допущении нарушений в сфере государственного заказа может свидетельствовать о совершении хищения бюджетных денежных средств, а также ограничения принципа конкуренции, связанного с совершением преступлений коррупционной направленности.

Табакова Наталья Александровна,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Историко-правовой анализ противодействия преступлениям в сфере выпуска и обращения ценных бумаг

Уголовное законодательство России об ответственности за преступления, совершаемые на рынке ценных бумаг прошло в своем развитии несколько этапов формирования: дореволюционный (до октября 1917 г.), советский (с НЭПа и до начала экономических реформ, проводившихся в

1990-е годы) и современный (начавшийся с приватизации государственной собственности)[1]. Мнения ученых о моменте возникновения в России рынка ценных бумаг сегодня не совпадают, одни исследователи связывают его с эпохой правления Петра I[2], другие считают, что он своими корнями уходит вглубь XVIII века, когда произошло повышение уровня благосостояния общества, развитие рынка и появились бумажные деньги[3].

Как отмечал П.П. Цитович, момент закрепления ценных бумаг в нормативно правовых актах связан с появлением в России первой ценной бумаги – векселя. В связи с введением векселей в России 16 мая 1729 г. был принят первый Вексельный устав, изданный на немецком и русском языках, что указывало на его иностранное происхождение. Указанным документом устанавливалась ответственность за злоупотребления с векселями и за производство подложных векселей. Однако, ввиду того, что вексель представлял собой не более как заемное письмо, предназначенное только для лиц торгового звания и занятия, Вексельный устав 1729 г. не имел широкого распространения[4].

Позднее, в 1769 г. благодаря успешно проведенным Екатериной II внешнеполитическим шагам, ею через посредников – банкирский дом из Амстердама «Гопе и Ко», впервые в истории России был получен заграничный заем. К концу ее правления долг России перед иностранными государствами составил более двухсот миллионов рублей, что по тем временам являлось огромной суммой.

На российском рынке первые облигации долгосрочного государственного займа были выпущены позже, лишь сорок лет спустя, на основании Высочайшего указа Александра I от 25 августа 1809 г. «О внутренних в Государстве займах»[5], целью которого было погашение существовавшего в то время государственного дефицита. Этот первый в истории внутреннего государственного кредита России выпуск оказался неудачным, так как был реализован всего на 3,2 млн. рублей, что было в свою очередь связано с отсутствием свободных денежных капиталов на долго-

---

[1] См.: Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. IV. Уголовный закон. Законодательная техника / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 3.

[2] См., например: Бердникова Т.Б. Рынок ценных бумаг: прошлое, настоящее, будущее: монография. М.: Инфра-М, 2013; Барац С.М. Курс вексельного права. СПб.,1893; Молотников А.Е. Правовое регулирование рынка ценных бумаг: учебное пособие. М.: Стартап, 2013.

[3] См., например: Солонская Л.А. Ценные бумаги: учебное пособие. СПб.: СЗТУ, 2002; Карташов Б.А., Матвеева Е.В., Смелова Т.А., Гаврилов А.Е. Рынок ценных бумаг (фундаментальный анализ): учебное пособие. Волгоград: ВолгГТУ, 2006.

[4] Цитович П.П. Труды по торговому и вексельному праву. Том 2. Киев, 1887. С. 379-384.

[5] См.: ПСЗ. Собр. 1. Т. XXX. 1808-1809. № 23.808.а. С. 1110-1113.

срочный период. В тот период времени было размещено менее 3% бумаг с номинальной стоимостью 1000 рублей на 7 лет с доходностью 6%.

С 1827 г. в России начинается развитие акционерного дела. В 30-х годах акции и облигации частных компаний становятся объектом биржевой торговли. 6 декабря 1836 г. императором Николаем I был принят Закон «Положение о компаниях на акциях»[1], которым регулировался порядок выпуска и обращения указанных ценных бумаг, однако их оборот был незначителен, что опять же соответствовало уровню развития российского капитализма того времени.

К середине 50-х годов XIX в. государственный кредит проделал большую эволюцию, государственный долг вырос до 1198 млн. рублей серебром, что было связано с использованием займов для финансирования военных расходов, производственных целей. В середине XIX в. произошедший в России промышленный переворот, позвонил иностранным инвестициям попасть в её экономику. Благодаря этому начинают создаваться благоприятные условия для работы организаций, осуществляющих свою деятельность на рынке ценных бумаг, открываются акционерные компании. С этого времени ценные бумаги начинают пользоваться спросом.

Однако это вызвало одновременно и отрицательный эффект, связанный с различного рода махинациями в акционерных обществах, приводящими к завладению акциями предприятий в целях их ненадлежащей реализации[2]. Именно тогда появилась необходимость в нормативном акте, которым устанавливалась бы ответственность за различные злоупотребления на рынке ценных бумаг. Этим документом становится Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г.[3] (далее – Уложение).

Уложением 1845 г. была введена уголовная ответственность за подделку государственных кредитных бумаг, билетов банков общественных и частных, иностранных кредитных бумаг, похищение образцовых листов, подлоги при займе из государственных или частных кредитных установлений, несообщение маклером о не благонадежности векселя, недобросовестное его отношение к проверке подлинности подписи векселедателя и другие преступления, совершенные в сфере выпуска и обращения ценных бумаг. Это был первый кодифицированный законодательный акт, предусматривающий применение мер уголовно-правового воздействия за противоправные деяния на рынке ценных бумаг.

В конце XIX–начале XX вв. П.А. Столыпиным и С.Ю. Витте проводились многочисленные реформы, которые положительно отразились на рынке ценных бумаг. Был издан третий Вексельный устав 1902 г., которым были исключены многочисленные архаичные положения, существовавшие

---

[1] См.: ПСЗ. Собр. 2. Т. XI. Отделение 2. 1836. № 9763. С. 257-263.

[2] Асанов Т.Б. Квалификация мошенничества, совершаемого на рынке ценных бумаг // Научный вестник Омской Академии МВД России. 2009. № 1. С. 52.

[3] См.: ПСЗ. Собр. 2. Т. XX. Отделение 1. 1845. № 19283. С. 598-1010.

в прежнем Уставе. В то же время и преступления на рынке ценных бумаг получают большое распространение. 22 марта 1903 г. было принято новое Уголовное Уложение[1], которое содержало большое количество статей и даже отдельных глав, которыми предусматривалась ответственность за преступления в сфере выпуска и обращения ценных бумаг.

Второй этап формирования уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере выпуска и обращения ценных бумаг относится к советскому периоду, когда Россия переживает многочисленные социально-экономические потрясения. Происходит октябрьский переворот 1917 г., спустя некоторое время гражданская война, первая мировая и Великая отечественная войны, что неизбежно приводит к подрыву экономики и сосредоточению всех возможных ресурсов на борьбу с внешним врагом и восстановлением последствий вторжения[2]. После октябрьской революции рынок ценных бумаг в России практически перестал существовать. В соответствии с Декретом СНК РСФСР от 29 декабря 1917 г. «О прекращении платежей по купонам и дивидендам»[3] все операции с ценными бумагами были запрещены. В начале 1918 г. ликвидируются все государственные займы. В фондовых отделах допускались сделки по покупке и продаже иностранной валюты и векселей, чеков и иных платежных документов, золота и серебра в слитках, государственных ценных бумаг, облигаций государственных и кооперативных предприятий, а также допущенных к обращению в СССР иностранных ценных бумаг[4].

В период НЭПа существовали разнообразные виды ценных бумаг, динамично работали биржи. Начиная с 1922 г., в зависимости от происходящих в стране событий, появляются всевозможные займы с различными условиями их предоставления (сроками, размерами и формами выплаты дохода, способами размещения и т. д.). В России во время правления И.В. Сталина облигации государственного сберегательного займа размещались в добровольно-принудительном порядке, зачастую в счет заработной платы. Сохранившиеся облигации в дальнейшем были погашены через 35–40 лет, с выплатой незначительного дохода.

Принятый в 1922 г. Уголовный кодекс РСФСР предусматривал ответственность «за подделку денежных знаков и государственных процент-

---

[1] См.: ПСЗ. Собр. 3. Т. XXIII. Отделение 1. 1903. № 22704. С. 175-274.

[2] См.: Волобуев А.Ф. Историко-правовой анализ развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере обращения ценных бумаг // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2011. № 2. С. 30.

[3] О прекращении платежей по купонам и дивидендам: декрет СНК РСФСР от 29 дек. 1917 г. [Электронный ресурс]. URL: https://lawru.info/dok/1917/12/29/n1206294.htm (дата обращения 18.07.2019).

[4] См.: Маренков Н.Л. Ценные бумаги. Изд. 2-е. М.: Московский экономико-финансовый институт. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 2005. С. 164.

ных бумаг, марок и других знаков государственной оплаты» (ст. 85)[1]. Основное внимание рассматриваемой нормы было акцентировано именно на подделке денежных знаков. По сравнению с ранее принимаемыми уголовно-правовыми документами, Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. однозначно уступал им по юридической конструкции, так как большинство норм, предусматривающих ответственность за преступления в сфере выпуска и обращения ценных бумаг, были упразднены, несмотря на то, что фондовый рынок продолжал действовать. Внесенные в дальнейшем Постановлением ВЦИК от 16 октября 1924 г.[2] изменения в ст. 85 УК РСФСР 1922 г., дополнили предмет преступного посягательства государственными ценными бумагами.

22 ноября 1926 г. Постановлением ВЦИК в действие был введен Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.[3], которым преступления в сфере выпуска и обращения ценных бумаг, как и в предыдущем Уголовном кодексе, были отнесены к преступлениям против порядка управления.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., вступивший в действие с 1 января 1961 г.[4], продолжил уголовно-правовую политику государства, где в условиях централизованной системы управления экономикой частные и ценные бумаги не имели юридического признания[5]. Необходимо отметить, что этот закон стал последним, когда экономические преступления могли интерпретироваться по нескольким уголовно-правовым запретам. В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. имелось всего две нормы, регламентирующие ответственность за преступления в сфере выпуска и обращения ценных бумаг и направленные на охрану государственной монополии на выпуск ценных бумаг.

С 1991 года и по настоящее время начался современный этап развития уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере выпуска и обращения ценных бумаг. После распада СССР, в стране произошел отказ от административно-командной экономики. Сплошной государственный контроль всех отраслей промышленности и сельского хозяйства изживал себя. Начинается постепенное восстановление экономического сектора страны. С принятием Постановления Совета Министров РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 601 «Об утверждении Положения об акци-

---

[1] О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР»): постановление ВЦИК от 01 июн. 1922 г. [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы Консультант Плюс.

[2] О дополнениях и изменениях Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 16 окт. 1924 г. [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы Консультант Плюс.

[3] О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года (вместе с «Уголовным кодексом Р.С.Ф.С.Р.): постановление ВЦИК от 22 нояб. 1926 г. [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы Консультант Плюс.

[4] См.: Уголовный кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. 1960 № 40. Ст. 591.

[5] См.: Волобуев А.Ф. Указ. соч. С. 31.

онерных обществах»[1], в России начался процесс возрождения и формирования современного рынка ценных бумаг на качественно новом уровне развития. Появились первые открытые акционерные общества, на биржевых торгах появились государственные облигации, начали функционировать инвестиционные компании.

Однако этому периоду были присущи и негативные явления, связанные с распространением криминального капитала в стране и приватизацией по заниженной цене государственной собственности. Для разрастания организованной преступности создаются все условия, когда объединяясь с властными структурами государства, она имела прямое отношение к рынку ценных бумаг. Борьба с различными злоупотреблениями в экономической сфере деятельности ограничивалась примитивностью системы регулирования рынка ценных бумаг и отсутствием эффективной уголовно-правовой базы. В итоге это привело к большим денежным потерям.

В этот период начинается разработка нормативно-правовой базы фондового рынка. Постановлением Совета Министров СССР от 19 июня 1990 г. № 590 было утверждено Положение о ценных бумагах. Этим нормативным актом впервые на законодательном уровне было закреплено определение ценных бумаг, к которым относились акции, облигации, казначейские обязательства государства, сберегательные сертификаты и векселя.

В 1995–1996 гг. начинает развиваться государственное регулирование рынка ценных бумаг, когда были приняты ключевые нормативно-правовые акты: Гражданский кодекс РФ (часть первая)[2], Федеральные законы «Об акционерных обществах»[3], «О рынке ценных бумаг»[4] и др. Следует отметить, что в 1991-1992 гг. преступления на рынке ценных бумаг представляли собой единичные явления, однако к середине 1990-х годов уже прослеживалась тенденция к их широкому распространению. Действующий Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., несмотря на вносимые в него изменения и дополнения, к этому времени не мог уже объективно обеспечить надлежащую охрану общественных отношений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг. Начинается разработка проекта нового уголовного кодекса, представлявшего собой целостный нормативный правовой акт, в котором на охрану общественных отношений на рынке ценных бумаг были направлены две специальные нормы: ст. 185 УК РФ «Злоупотребления при

[1] Об утверждении Положения об акционерных обществах: постановление Совмина РСФСР от 25 дек. 1990 г. № 601 // СП РСФСР. 1991. № 6. Ст. 92.

[2] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

[3] Об акционерных обществах: федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 1.

[4] О рынке ценных бумаг: федер. закон от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 17. 22.04.1996. Ст. 1918.

выпуске ценных бумаг (эмиссии)» и ст. 186 УК РФ «Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг», которые по своему качественному содержанию значительно отличались от запретов, существовавших ранее в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года. Указанные общественно опасные деяния законодателем были отнесены к преступлениям в сфере экономической деятельности.

Сегодня государством преступлениям в сфере выпуска и обращения ценных бумаг уделяется повышенное внимание, так как фондовый рынок является неотъемлемой частью развивающейся рыночной экономики и представляет большой интерес для инвесторов. Как показала правовая практика, для его эффективного функционирования требуется надлежащая уголовно-правовая охрана отношений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг. Прежних норм Уголовного кодекса РФ для пресечения всех нарушений на финансовом рынке было явно не достаточно, в связи с чем, Федеральным законом от 30 октября 2009 г. № 241 и Федеральным законом от 1 июля 2010 г. № 147 были введены новые уголовно-правовые запреты, предусматривающие ответственность за фальсификацию единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета (ст. 170.1 УК РФ); злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством РФ о ценных бумагах (ст. 185.1 УК РФ); нарушение порядка учета прав на ценные бумаги (ст. 185.2 УК РФ); манипулирование ценами на рынке ценных бумаг (ст. 185.3 УК РФ); воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг (ст. 185.4 УК РФ); фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества (ст. 185.5 УК РФ). Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 224 введена ст. 185.6 УК РФ, предусматривающая ответственность за неправомерное использование инсайдерской информации.

В настоящее время преступность в сфере выпуска и обращения ценных бумаг по числу зарегистрированных фактов занимает незначительные доли процента от общего количества зарегистрированных преступлений в сфере экономической деятельности. Изучение статистических данных позволяет сделать вывод, что на территории России в основном выявляются преступления, предусмотренные ст. 170.1, 185.5 и 186 УК РФ, относящиеся к полиобъектным составам, в которые законодатель поместил различные предметы преступного посягательства, по-разному характеризующие непосредственный объект указанных деяний. В связи с тем, что Главным информационно-аналитическим центром МВД России преступления, совершаемые в сфере выпуска и обращения ценных бумаг отдельно не выделяются, а учитываются с преступлениями, совершаемыми в сфере рейдерских захватов, кредитно-денежной системы России и других стран и т.д.,

их точное количество определить нельзя, что в свою очередь не позволяет объективно подойти к изучению данной группы преступлений.

Говорить о каких-либо тенденциях в рассматриваемом виде преступности на основе имеющихся статистических данных нельзя, так как случаи возбуждения уголовных дел этой категории и привлечения к ответственности лиц единичны. Создается впечатление, что в части борьбы с указанными преступлениями Уголовный кодекс РФ «не работает», превентивного значения и профилактического эффекта почти не имеет.

Анализ деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия преступности в сфере выпуска и обращения ценных бумаг позволяет сделать вывод о существующем кризисе в данной области. По оценкам различных специалистов вне поля зрения правоохранительных органов остается более 80% рассматриваемых преступлений, что свидетельствует об их высоком уровне латентности. Это связано, в том числе с тем, что зачастую сами потерпевшие не обращаются в правоохранительные органы с заявлением о совершении преступлений из-за нежелательной для них огласки об их финансово-хозяйственной деятельности, которая в некоторых случаях может быть полулегальной, а иногда и вовсе незаконной.

Несмотря на последовательное внесение дополнений в Уголовный кодекс РФ и последующее их изменение, в настоящее время следует обратить внимание на недостаточное совершенствование законодательства об уголовной ответственности за преступления в сфере выпуска и обращения ценных бумаг. Оно не соответствует современному экономическому развитию России и не позволяет в полной мере правильно оценивать и квалифицировать посягательства в этой сфере, что в конечном итоге влияет на эффективность правоохранительной деятельности. Увеличение уголовно-правовых запретов, направленных на охрану рассматриваемых общественных отношений, свидетельствует о нецелесообразности чрезмерного расширения круга норм за счет норм, содержащих лишь косвенные признаки.

Подводя итог, можно заключить, что рынок ценных бумаг формировался в России поступательно, начиная с XVIII в., когда началось принятие различных нормативных актов по регулированию общественных отношений в сфере их выпуска и обращения, а также установление ответственности за допущенные нарушения в указанной сфере деятельности. «Замораживание» рынка ценных бумаг в советский период нельзя оценивать однобоко: современность должна вынести некоторые уроки[1]. Подведение итогов накопленному историческому опыту борьбы с преступлениями в сфере выпуска и обращения ценных бумаг должно помочь в установлении и решении проблем теоретического и законодательного характера, а также для правильной оценки рассматриваемых видов деяний.

[1] См.: Рябова А.Ю., Савюк Л.К. Уголовно-правовое регулирование рынка ценных бумаг: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 63.

Тимченко Александр Андреевич,
кандидат социологических наук,
старший преподаватель кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России;
Самойлов Сергей Федорович,
доктор философских наук, профессор,
начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России

Опровержение основных положений идеологии леворадикализма как элемент правовой культуры сотрудника полиции

Опровержение идеологии леворадикализма должно соответствовать структуре основных направлений данного вида радикального мировоззрения и *включать в себя три важнейших раздела:*

– критика левого коммунизма;

– критика идеологии «новых левых»;

– критика «антиглобалистов»;

– критика анархизма.

При этом следует помнить, что каждое из указанных идеологических направлений леворадикализма разделено на ряд течений и самобытных идеологий. В силу данного обстоятельства критика конкретной *леворадикальной идеологии должна включать в себя:*

– опровержение фундаментальных принципов леворадикализма;

– выявление противоправного характера леворадикальной социальной практики в целом;

– критику отдельных леворадикальных доктрин.

Рассмотрим данные пункты критики леворадикализма.

Опровержение фундаментальных принципов включает в себя последовательную критику:

– леворадикальной интерпретации совершенного социального устройства;

– классовой борьбы в качестве главного содержания социальной жизни;

– рассмотрение ценностей и социальных отношений капиталистического общества в качестве главного затруднения на пути реализации социального идеала;

– критика революционного изменения социального порядка.

Критика социализма. Идея социализма представляет собой концепцию, объединяющую практически все направления леворадикальной идеологии. Естественно, что каждое направление течения или крупная органи-

зация предлагает собственную трактовку социализма. При расширенной трактовке социализма, идеалы двух полюсов леворадикальной идеологии коммунизм и анархия выступают в качестве крайних форм социалистической идеи. Общим же для всех направлений и течений леворадикализма является трактовка социального идеала, в качестве социально-политического устройства, лишенного классового расслоения, социальной несправедливости, подчинения внешней и внутренней политики интересам политической и экономической элиты, в ущерб широким социальным слоям, в котором индивиды добровольно признают доминирование общественных интересов над частными. И напротив, действующий правопорядок оценивается леворадикализмом как система поддержания эгоизма, гедонизма, потребительского отношения к жизни, экономической эксплуатации, коррупции, несправедливых войн.

Совершенное общество (социализм, коммунизм, анархия), представляется сторонникам леворадикализма либо в качестве максимально социально ориентированного государства (демократический социализм), либо в качестве без государственного устройства (левый коммунизм, социализм).

Все трудности перехода от несовершенного к совершенному социальному устройству связывается в идеологии леворадикализма с подчинением частного общему:

– в морально-психологической сфере индивид должен отказаться от эгоизма и присвоения чужого труда;

– в социальной сфере преодолеть различные формы социальной дискриминации и разделения людей на «управляющих» и «управляемых»;

– в экономической сфере отказаться от рассмотрения частной собственности в качестве незыблемого экономического института и признать коллективную собственность в качестве социальной нормы;

– в политической сфере признать государство в качестве исторически приходящего образования, нуждающегося в замене более совершенным социальным устройством.

Леворадикальная абсолютизация общественного начала в социальной жизни неизбежно приводит к потере ценности отдельного человека.

Однако нивелирование индивидуального начала и социальной жизни приводи к следующим негативным последствиям:

– индивид начинает рассматриваться в качестве чисто социально биологического существа. Его духовные потребности признаются производными от биологических и экономических потребностей. В свою очередь отказ от понимания человека в качестве изначально идеального и ду-

ховного существа ведет сначала к признанию условности моральных норм, а затем к оправданию возможности их нарушения[1];

– подчинение индивида служению какой-либо социально-значимой идеи на практике означает лишение его возможности совершать собственный творческий и социальный выбор. Во многом это обусловлено тем, что та или иная леворадикальная идеология отказывает целому ряду социальных выборов в праве на существование. В результате служение социальному идеалу оказывается оправданием социального насилия и тоталитарной модели устройства общества;

– вера леворадикалов в возможности сделать человека счастливым посредством проведения социальных реформ свидетельствует об их непонимании сложности человеческой природы, в ее зависимости от межличностных отношений часто независимых от процессов, протекающих в социальной жизни;

– стремление к подчинению индивидуального начала общему имеет логически противоречивый характер: леворадикализм заявляет о стремлении в достижении счастью всех людей, но устанавливая определенным социальным идеалам и политической идеологии жесткие границы дозволенного и недозволенного, ограничивает их свободу.

– все попытки реализации социального порядка, основанные на приоритете общественного начала над частными интересами индивидов, приводят к появлению мощной бюрократической прослойки, которая со временем начинает играть роль эксплуататорского класса;

– социалистический идеал в его различных интерпретациях недостижим, поскольку исходит из допущения об изначальном равенстве людей, тогда как индивиды наделены различными способностями, что исключает возможности их уравнивания;

– в истории нельзя найти ни одного примера успешного осуществления социалистического эксперимента. Социальные образования, основанные на социалистических, коммунистических или анархистских идеях оказывались либо нежизнеспособными, либо уровень социальной, экономической, политической и культурной жизни в них оказывался намного ниже их капиталистического окружения.

Завершая краткий обзор аргументов направленных на критику социалистической идеи, в том или иной степени разделяемой всеми направлениями леворадикализма следует подчеркнуть, что социализм имеет право на существование в качестве элемента идеи включенной в систему сло-

[1] Барыгин И.Н. Основные тенденции эволюции современных российских крайне левых // Политико-правовое устройство реформируемой России: планы и реальность. Выпуск 3. СПб., 2015. С. 77.

жившегося социально-правового порядка. Необходимость этой идеи заключается в необходимости осуществления социальной критики имеющегося правопорядка с целью его дальнейшего совершенствования. Все же попытки реализации социалистического идеала неминуемо заканчивались социальными потрясениями.

Критика классовой борьбы. Идея классовой борьбы как главного содержания социальной жизни характерная для большинства направлений леворадикализма:

– левого коммунизма;

– «новых левых»;

– «антиглобалистов»;

– анархистов.

При этом классовое строение общества, а также определение главного революционного класса определяется в многочисленных направлениях и течениях леворадикализма по-разному. Например, в марксизме классовая борьба в современном обществе разворачивается между рабочими и капиталистами. В свою очередь «новые левые» полагают, что основное классовое противоречие заключается в противоборстве высших слоев из средних классов с одной стороны и маргинальными группами с другой. Общим же для всех направлений леворадикализма служит сведение классовой борьбы к противоречию между бедными и богатыми[1].

Однако современное общество наглядно демонстрирует, что многие социальные проблемы, такие как национальные противоречия, ядерная угроза, борьба за равноправие женщин, экологические проблемы, не сводимы к социальным противоречиям между богатыми и бедными. Кроме того, современное общество демонстрирует стремление к постепенному стиранию имущественной пропасти между богатыми и бедными.

Например, экономическое положение рабочего класса в экономически-развитых странах принципиально отличается от их положения в 19-м столетии времени формирования левых и леворадикальных идеологий. Рабочий класс в большинстве экономически-развитых стран удовлетворил свои экономические потребности и уже не стремится к кардинальному изменению сложившегося социального порядка. Социальная борьба приняла вид борьбы за частные интересы наемных производителей и не нарушает сложившейся социальной системы в целом. В свою очередь господствующие классы, понимая важность социальной стабильности и сохранения своего доминирующего положения в ней, тратят значительные средства на благотворительность и развитие социальной сферы. Таким образом, в це-

[1] Политология. Хрестоматия: Пособие для вузов, юридических и гуманитарных факультетов / под.ред. Т.Ш. Полякова. М.: Просвещение, 2016. С. 529.

лом можно утверждать, что социальные противоречия в интерпретации классиков марксизма и анархизма утратили свою актуальность.

Критика антикапитализма. Антикапитализм является еще одной характерной чертой леворадикальной идеологии в целом, позволяющей найти точки соприкосновения представителям четырех основных направлений современного леворадикального движения: радикальным марксистам, «новым левым», «антиглобалистам» и анархистам.

При этом наличие таких направлений леворадикализма как демократический социализм и анархо-капитализм, в которых капиталистическое устройство общества не отрицается столь однозначно, как во всех остальных течениях леворадикализма не должно вводит в заблуждение по поводу непримиримости леворадикальной идеологии по отношению к господствующей форме социально-экономических отношений.

И анархокапитализм и демократический социализм выступают за кардинальную трансформацию имеющейся системы капиталистических отношений. Их отличие от других направлений леворадикализма заключается лишь в том, что они рассматривают современный капитализм в качестве базы для реализации своих моделей социалистического проекта.

Современная критика капитализма, используемая представителями традиционных направлений леворадикализма, таких как троцкизм, маоизм, анархо-коммунизм, анархо-синдикализм, как правило не учитывает того факта, что капитализм со времени возникновения указанных идеологий претерпел существенные изменения. В частности, в нем исчезли такие характерные черты капитализма конца XIX начала XX веков как: неограниченная эксплуатация рабочего класса, империализм, колониализм, подавление профсоюзного движения и самоорганизации рабочего класса. Современный капитализм, который принято называть демократическим или социальным капитализмом во многом воспринял критику социалистического и коммунистического движения, а также опыт социальных революций XX века, он существенным образом отличается от описываемого классиками марксизма и анархизма так называемого «дикого капитализма».

Поэтому критику капитализма традиционных направлений леворадикализма следует признать устаревшей, а с учетом неудачных социалистических экспериментов неправомерной, поскольку леворадикализм не может предложить модели социальных отношений способной конкурировать с современным капитализмом.

В свою очередь направления леворадикализма, сформировавшиеся в конце XX века «новые левые» и «антиглобализм» стремятся к разрушению капиталистической системы во имя преодоления социально-экономического разрыва, существующего между экономически-развитыми и экономически-отстающими странами. Однако разрушение экономической системы развитых стран не может привести к решению проблемы отстающих стран. Более того оно несомненно усугубит их положения, по-

скольку страны так называемого «богатого севера» оказывают существенную экономическую помощь государствам так называемого «бедного юга». *Вообще опровергая положения антикапитализма, необходимо помнить, что имеющиеся в наличии система демократических свобод и относительного экономического благополучия всецело является результатом капиталистических отношений без соблюдения принципов:*

– неприкосновенности частной собственности;

– правового регулирования экономических отношений;

– свободы предпринимательства;

– экономической конкуренции;

– свободы перемещения капитала;

– невозможность создания социально-экономической базы, демократия, борьба за которую является одной из важнейших целях участников леворадикального движения.

Еще одним аргументом в защиту капитализма может служить аргумент, предложенный американской писательницей русского происхождения Айн Рэнд, которая в своем романе «Атлант расправил плечи» утверждала, что существует только две формы регуляции социальных отношений: деньги и кровь. То есть, свободные экономические отношения и социально-политическое насилие. Отмена капиталистических рыночных отношений с одной стороны не отменит необходимости социальной регуляции, а с другой оставит лишь одной средство ее осуществления насилие.

Из сказанного следует, что, несмотря на во многом справедливую критику современного капиталистического общества, леворадикализм своим бескомпромиссным отрицанием капитализма ставит под угрозу социальные, экономические, правовые, политические и культурные достижения современной цивилизации и создает реальную угрозу скатывания общества на более низкие степени развития[1].

Критика революционного изменения социального порядка. Склонность к радикальным, а именно революционным методам изменения сложившегося социально-правового порядка существенным образом отличает леворадикальное движение от собственно «левых» партий и организаций. При этом термин «революция» в леворадикальной среде подвергается необоснованной романтизации. «Революция» рассматривается в качестве совершенно оправданного метода установления социальной справедливости, оправдывающее массовое применение насилия по отношению к целым социальным группам, оправданным стремлением к установлению совершенного социального порядка. *Однако как показывает практика леворадикально-*

[1] Леворадикальные политические партии и движения современной Европы / отв. ред. проф. И. Н. Барыгин. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. С. 166.

го движения, на протяжении всего периода его существования революционные методы борьбы, применяемые леворадикалами, включают в себя:

– совершения государственных переворотов;

– массовое присвоение частной собственности;

– отмену базовых правовых принципов и норм;

– осуществление социального геноцида по классовому принципу;

– деградацию экономики;

– безосновательное ограничение гражданских прав и свобод.

Наиболее чудовищными методами реализации революционных методов политической борьбы приименных различными леворадикальными режимами следует признать:

– «красный террор» времен русской революции и военного коммунизма;

– репрессии 30-х годов в Советском союзе;

– коммунистический террор во время Китайской революции гражданской войны, а также «культурную революцию» 1966-1976 гг.

– социальный геноцид режима «Пола Пота» в Камбодже.

Но, пожалуй, главным возражением против революции как средство изменения социальных отношений служит тот факт, что они не способствуют прогрессу общества и, как правило, заканчиваются частичной «реставрацией» имевшейся до этого системы правопорядка. Во многом это обусловлено невозможностью преодоления классовой структуры общества и установления системы абсолютной социальной справедливости. В силу данного обстоятельства социальная система после потрясений возвращается примерно в исходное состояние. При этом выгоду же от таких потрясений получают не широкие массы населения, а оппозиционная элита с помощью масс, захватывающая государственную власть. Поэтому идеология, используемая для совершения кардинальных социальных изменений, в конечном итоге служит лишь средством захвата власти. Широкие же слои населения, несущие на плечах тяжесть социальных потрясений, сопряженных с ломкой экономики и гражданской войной, не только не получают никаких выгоды от смены элиты, но и попадают в значительно худшие социально-экономические условия. В свою очередь, в победившей оппозиционной элите, со временем начинается борьба за власть неправовыми средствами, приводящая к переворотам и политическим репрессиям. Таким образом, революция представляет собой затягивающийся на десятилетия кровавый хаос, затормаживающий развитие общества и требующий долгого периода социального, экономического, политического и культурного восстановления.

После опровержения основных принципов леворадикальной идеологии необходимо осуществить критику основных направлений леворадикализма существующих в настоящий момент времени. Такого рода критика

должна опираться на детальное знание идеологии конкретных леворадикальных течений и организаций и касаться как их теории, так и практики политической борьбы.

Важнейшими аргументами, направленными против левокоммунистической идеологии, может являться невозможность доказательства универсальных законов развития истории, движущихся к построению бесклассового общества.

Одним из наиболее слабых мест троцкистской доктрины служит утверждение о возможности победы пролетариата только посредством мировой революции. При этом понятие «мировой революции» необходимо связать с борьбой за мировое господство и социальным геноцидом, без которого ее реальное осуществление невозможно.

В свою очередь одним из слабых мест маоистской доктрины служит оправдание нарушения традиционных моральных и социальных ценностей. В частности, партия оправдывает социальное раскрепощение и осуществляет пропаганду лиц нетрадиционной сексуальной ориентации.

Одним из важнейших аргументов направленных против идеологии «новых левых» и «антиглобалистов» может служить отсутствие у них положительной социально-политической программы и сведение их политической стратегии к перманентному бунту. Закономерно, что такая стратегия имеет социально опасный характер и ведет к дестабилизации общества.

В отличие от «новых левых» анархисты предлагают вполне конкретный образ совершенного социального устройства. Но как показывает практика реализовать свой социальый идеал даже на микроуровне путем создания анархических коммун, профсоюзов и других социальных объединений данному направлению леворадикализма не удается. Подобные объединения, как правило, существуют крайне непродолжительное время и распадаются в силу неспособности наладить устойчивые социально-экономические отношения и тем самым адаптироваться к социальной реальности.

Завершая краткий анализ аргументов, направленных на опровержение идеологии леворадикализма, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на всю ее утопичность, она способна при определенных социально-политических и экономических условиях оказать существенное негативное влияние на массовое сознание и послужить причиной социальных потрясений. В этой связи профилактика распространения идеологи леворадикализма, составной частью которой служит опровержение различных леворадикальных доктрин, несомненно, обладает положительной социальной значимостью.

Токарчук Роман Евгеньевич,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры тактико-специальной
и огневой подготовки Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России;
Милюков Сергей Федорович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена

Обратная сила изменений уголовного закона, внесенных Федеральным законом № 146-ФЗ от 17.06.2019 года, или эффект «последовательной двойной бланкетности»

Федеральным законом № 146-ФЗ от 17.06.2019[1] в Уголовный кодекс Российской Федерации внесены изменения, в соответствии с которыми максимальное наказание за нарушение лицом, управляющим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть одного или нескольких лиц и совершенное в состоянии опьянения или сопряженное с оставлением места его совершения увеличено. Максимальное наказание по ч. 4 ст. 264 УК РФ увеличено до 12 лет лишения свободы, а по ч. 6 ст. 264 УК РФ – до 15 лет лишения свободы. Одновременно неосторожные деяния, за совершение которых предусмотрено максимальное наказание от 10 до 15 лет лишения свободы, отнесены к категории тяжких преступлений. Неосторожные деяния не относились к тяжким с тех пор, как Федеральным законом от 09.03.2001 № 25-ФЗ[2] из части четвертой ст. 15 УК РФ были исключены слова «и неосторожные». В течение долгих 18 лет неосторожные деяния, вне зависимости от размера наказания за них, не относились к тяжким преступлениям, что с точки зрения криминологии совершенно не обосновано.

---

[1] Федеральный закон от 17.06.2019 № 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_326883/ (дата обращения 01.07.2019 г.).

[2] Федеральный закон от 09.03.2001 № 25-ФЗ (ред. от 08.12.2003) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ruconscgi/online.cgi?redoc&base=LAW&n=45508&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.786007972819563#0090684499958 4151 (дата обращения 15.04.2019 г.).

Рассматриваемые изменения, представляющиеся на первый взгляд исключительно репрессивными, предполагались как не имеющие обратной силы в соответствии с требованиями ст. 10 УК РФ, так как в соответствии с проектом этого закона «дополнительных расходов средств федерального бюджета» не потребуется[1]. Между тем, эти изменения имеют и скрытую часть, а именно устраняют преступность некоторых деяний, предусмотренных уголовным законом.

Дело в том, что сотрудники полиции в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О полиции»[2] (далее – ФЗ «О полиции») имеют право (должностное полномочие) на применение огнестрельного оружия для задержания лица, пытающегося скрыться с места совершения *тяжкого или особо тяжкого преступления*. Последняя норма при формулировании должностных полномочий сотрудников полиции оперирует уголовно-правовыми категориями, то есть является нормой с бланкетным описанием. Понимание признаков этой нормы невозможно без оценки использованных в ней уголовно-правовых понятий «тяжкого» и «особо тяжкого» преступления, которые отражают закрепленные в ст. 15 УК РФ категории преступлений.

Получается, что до рассматриваемых изменений статей 15 и 264 УК РФ сотрудники полиции не имели права на применение огнестрельного оружия в отношении водителя транспортного средства, пытающегося скрыться с места совершения дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП), повлекшего причинение смерти одному или нескольким лицам в результате нарушения им правил дорожного движения (далее – ПДД). Соответственно, совершение этих действий, даже при отсутствии возможности задержать преступника иными средствами, могло быть расценено как превышение своих должностных полномочий с применением оружия (п. «б» и «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ).

Аналогичная регламентация полномочий имела место быть и в отношении сотрудников милиции в период с 2001 года до рассматриваемых изменений. Сотрудникам милиции было предоставлено право на применение огнестрельного оружия для задержания лица, застигнутого при совершении тяжкого преступления против жизни и пытающегося скрыться (ч. 4

---

[1] Финансово-экономическое обоснование к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Проект Федерального закона № 685843-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 10.04.2019). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=183229#07414724903204208 (дата обращения 15.08.2019 г.).

[2] Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 01.04.2019) «О полиции» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1347735607024 25767276473937&cacheid=03F26D9B3589D28B88211674020666A4&mode=splus&base=LAW&n=357rn0.8 6007972819563#1tgyneiiw6d (дата обращения 15.04.2019 г.).

ст. 15 Закона «О милиции»), т.е. их полномочие также зависело от категории преступления[1].

Поэтому, например, применение сотрудником полиции огнестрельного оружия в отношении водителя, в результате нарушения ПДД совершившего ДТП с причинением смерти десяткам детей и пытающегося скрыться на автомобиле, с середины 2001 года до середины 2019 года формально было недопустимо, даже если последующие нарушения в процессе преследования были чреваты новыми жертвами. Как у сотрудника полиции, так и у сотрудника милиции, было право на применение огнестрельного оружия только для остановки транспортного средства путем его повреждения. Между тем, далеко не всегда можно добиться остановки транспортного средства нарушителя путем его повреждения. В условиях, когда получают распространение безвоздушные шины и колеса с автоподкачкой воздуха, остановка транспортного средства путем их повреждения становится практически невозможной. К тому же, двигатели некоторых марок автомобилей оборудуются защитными коробами, которые чрезвычайно усложняют возможность их эффективного повреждения.

В практике могли иметь место случаи, когда применив в рассматриваемой экстремальной ситуации огнестрельное оружие в отношении водителя, будучи искренне уверенным в правоте своих действий, тяжести совершенного преступления пытающегося скрыться на автомобиле лица, сотрудник полиции (милиции) при написании рапорта о применении оружия обнаруживал, что ст. 264 УК РФ, вне зависимости от количества жертв, не является тяжким преступлением. Для сотрудников полиции хорошее знание уголовного закона, соотношения его Общей и Особенной частей, роскошь. Поняв это, и стараясь избежать ответственности за превышение должностных полномочий, которое стало результатом «мнимого полномочия», сотрудник, применивший огнестрельное оружие мог настаивать на том, что применил его для повреждения транспортного средства, а попадание пули в водителя стало случайностью, вызванной подвижностью транспортных средств, что случалось на практике[2]. В результате этого сотрудника полиции могли оправдать в связи с тем, что он применял огнестрельное оружие в соответствии со ст. 38 УК РФ, как это имело место в судебной практике Приморского краевого суда[3], либо привлечь к уголовной ответственности по статьям 108, 109 (ч. 2), 114 или 118 (ч. 2) УК РФ. В част-

[1] Каплунов А.И., Милюков С.Ф. Применение и использование огнестрельного боевого ручного стрелкового, служебного и гражданского огнестрельного оружия. СПб., 2003. С. 135-146.

[2] Хун А.З. Правовые основы применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел: учебное пособие. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. С. 95-103.

[3] Апелляционное постановление Приморского краевого суда № 22-5909/13 22К-5909/2013 от 30.10.2013 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/5KDhl5iCXfWC/.

ности, согласно п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 случаи совершения убийства или умышленного причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении сотрудником правоохранительного органа мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, содеянное им, при наличии соответствующих признаков, рекомендовано квалифицировать по статье 108 или по статье 114 УК РФ[1].

Последние изменения статей 15 и 264 УК РФ улучшают положение сотрудников полиции (милиции) в рассматриваемых случаях, так как зависят от отраслевого законодательства, которое ограничивает сферу уголовно-правового регулирования должностных преступлений, а значит должны иметь обратную силу, как в отношении сотрудников полиции, так и в отношении сотрудников милиции. Рассматриваемые изменения определили новое содержание бланкетной нормы п. 4 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции» (ч. 4 ст. 15 Закона «О милиции»), которое, в свою очередь, изменило границы полномочий сотрудников полиции (милиции), т.е. признак составов преступлений, предусмотренных бланкетными нормами п. «б» и «в» ч. 3 ст. 286, ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, статьями 108 и 114 УК РФ. Получается, что ужесточающие уголовную ответственность изменения норм уголовного закона повлияли на декриминализацию части деяний, охватываемых другими бланкетными нормами уголовного закона, через влияние на содержание бланкетной нормы иного отраслевого федерального закона. Этот эффект (взаимосвязь) можно назвать «последовательной двойной бланкетностью» норм.

Тот факт, что изменения иного закона, который определяет признаки бланкетной нормы уголовного закона, могут определять криминализацию или декриминилизацию тех или иных деяний подтвержден Определением Конституционного Суда РФ от 10 июля 2003 г. № 270-О[2]. Как указывается в этом Определении, «декриминализация тех или иных деяний может осуществляться не только путем внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство, но и путем отмены нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности, к которым отсылали бланкетные нормы уголовного закона...», при этом ст. 10 УК РФ и п. 13 ст. 397 УПК РФ «не

[1] Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.07.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_135861/ (15.08.2018 г.).

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 10 июля 2003 г. № 270-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 5.

исключают возможность придания обратной силы законам иной отраслевой принадлежности в той мере, в какой этими законами ограничивается сфера уголовно-правового регулирования». Верховный Суд РФ идет в своих заключениях дальше и разъясняет, что Постановления Правительства РФ, определяющие признаки составов преступлений являются составной частью уголовного закона, почему на них распространяется действие положений ч. 2 ст. 54 Конституции РФ и ст. 10 УК РФ об обратной силе нового закона[1]. Закономерно, что и отраслевые законы, определяющие признаки составов преступлений также могут считаться составной частью уголовного закона, на которую распространяется принцип действия обратной силы уголовного закона.

К.В. Ображиев, при рассмотрении правил темпорального действия уголовного закона выделил несколько видов выражения бланкетной части уголовно-правовых норм. В частности, он определил, что бланкетная часть может быть выражена в: Конституции РФ и международных договорах России; в нормативных правовых актах иных отраслей права, например в различного рода правилах и требованиях; в подзаконных уголовно-правовых актах – постановлениях Правительства, принимаемых в соответствии с примечаниями к статьям Особенной части уголовного закона; в решениях Верховного Суда, которые определяют бланкетное содержание признаков отдельных составов преступлений. При этом, рассматриваемый нами вопрос применения последовательной двойной бланкетности он не выделял и не рассматривал[2].

В рассматриваемой нами ситуации имеет место особый вид последовательной двойной бланкетности норм, в котором бланкетная часть нормы Особенной части уголовного закона (напр. ст. 286 УК РФ) отсылает к норме иной отрасли права, содержащей бланкетную часть (п. 4 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции»), основанную на других нормах уголовного закона (статьи 15 и 264 УК РФ). В этом случае источник изменений и конечный их пользователь собственно уголовный закон, а посредник (ФЗ «О полиции») может считаться его составной частью. В конечном итоге рассматриваемые изменения остаются изменениями уголовного закона, а значит правила темпорального действия уголовно-правовых норм, закрепленные в ст. 10 УК РФ распространяются на них в полной мере.

Справедливости ради следует заметить, что нельзя исключать также других видов последовательной двойной, тройной и т.п. бланкетности норм, а также случаев, когда бланкетная норма иной отрасти права основана не на изменчивых предписаниях уголовного закона, как в рассматри-

[1] Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 5 февраля 2013 г. Дело № 50-Д12-134 // URL: http://www.supcourt.ru/.

[2] Ображиев К.В. Действие уголовно-правовых норм во времени: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2016. № 2. С. 59–66.

ваемом случае, а на предписаниях иных нормативных правовых или подзаконных актов. Но эти вопросы не входят в объект нашего исследования и заслуживают самостоятельного изучения.

Таким образом, получается, что если в период с середины 2001 до середины 2019 года имели место случаи, в которых сотрудники полиции или милиции применили огнестрельное оружие в отношении водителя транспортного средства, пытающегося скрыться с места совершения ДТП со смертельным исходом, с причинением этому водителю вреда здоровью или жизни, за которые эти сотрудники были привлечены к уголовной ответственности по одной из рассмотренных статей УК РФ (108, 109, 114, 118 или 286 УК РФ), то после вступления в силу Федерального закона № 146-ФЗ от 17.06.2019 эти лица получают право на пересмотр состоявшихся решений, прекращение уголовных дел, находящихся в производстве, или освобождение от наказания, реабилитацию, получение материальной компенсации и восстановление своей профессиональной репутации.

К сожалению, уже неоднократно отмечалось, что на государственном уровне отсутствует официальная статистика о случаях применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия с причинением вреда, случаях допущения превышения при этом полномочий, допущения причинения вреда в результате неосторожного обращения с ним или гибели сотрудников в результате недостаточных навыков владения оружием[1]. Сведения о том, имели ли место рассматриваемые ситуации в указанном периоде, могут быть в Департаменте государственной службы кадров МВД России. В открытой судебной практике нами такие примеры не обнаружены, что не исключает их вероятности. Соответственно от активности и принципиальности этого подразделения МВД России в защите интересов сотрудников органов внутренних дел и обеспечении морально-психологического климата на местах, зависит вопрос установления подобных дел и инициирования их пересмотра.

Следует заметить, что мы в рамках данной статьи не рассматривали весь 18-летний период изменения взаимосвязанных норм приведенной последовательной двойной бланкетности, а остановились только на наиболее значимых вопросах влияния последних изменений, поэтому вопрос оценки более ранних изменений рассматриваемых норм этого периода может быть осуществлено в процессе пересмотра соответствующих дел.

В рамках проведенного исследования можно заключить, что:

– последовательная двойная бланкетность в уголовном праве это случаи, в которых бланкетная норма Особенной части уголовного закона

[1] Кобленков А.Ю. Мониторинг реализации законодательства о применении огнестрельного оружия сотрудниками полиции в России и за рубежом // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 243.

отсылает к бланкетной норме отраслевого нормативного или подзаконного акта, которая в свою очередь основана на нормативных положениях другого нормативного или подзаконного акта, в том числе на нормах уголовного закона;

– изменения положений статей 15 и 264 УК РФ в порядке последовательной бланкетности с п. 4 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции» (ч. 4 ст. 15 Закона «О милиции»), и статьями 108, 109, 114, 118 и 286 УК РФ, привели к декриминализации случаев причинения сотрудниками полиции (милиции) вреда водителю транспортного средства, пытающемуся скрыться с места совершения тяжкого неосторожного преступления, вызванного нарушением этим лицом ПДД, путем применения в отношении него огнестрельного оружия.

На основании вышеизложенного предлагаем:

1. ДГСК МВД России:

– провести мониторинг случаев применения огнестрельного оружия сотрудниками милиции и полиции в процессе преследования водителей транспортных средств, пытающихся скрыться после совершения ДТП со смертельным исходом, в период с середины 2001 до середины 2019 года, квалифицированных по статьям 108, 114, ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, пп. «б» и «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, для выявления рассмотренных случаев декриминализованных деяний;

– направить материалы по подобным делам, при их наличии, в Договорно-правовой департамент МВД России с указанием на необходимость организации мероприятий по обеспечению пересмотра этих дел и реабилитации данных сотрудников.

2. Судам, при пересмотре данных дел, руководствоваться тем обстоятельством, что части 4 и 6 ст. 264 УК РФ предусматривают тяжкие преступления, и в случае попытки водителя, допустившего данные преступления в действующей редакции скрыться от преследования сотрудников полиции, в отношении него может быть применено огнестрельное оружие на поражение, в случае, если иными средствами задержание не представляется возможным, а также тем обстоятельством, что это положение имеет обратную силу в соответствии с требованиями ст. 10 УК РФ как в отношении сотрудников полиции, так и сотрудников милиции.

Трюхан Дмитрий Викторович,
старший следователь следственного отдела
по расследованию преступлений в сфере экономики
СУ УМВД России по г. Владикавказу

Проблемы преодоления конкуренции общих и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности

Решение вопроса об освобождении от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, во многом основано на положениях, закрепленных в примечаниях соответствующих норм гл. 22 УК РФ. Общим для этих норм является, является наличие в них положений стимулирующих постпреступное поведение виновного, состоящих в предусмотренной законом возможности урегулирования уголовно-правового конфликта в связи с совершением данного преступления, посредством выполнения виновным необходимых условий.

Таким образом, анализируемые нормы расширяют перечень специальных видов освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, предусмотренные примечаниями к соответствующим статьям гл. 22 Особенной части УК РФ условия, выполнение которых гарантирует лицу, совершившему преступление освобождение от уголовной ответственности.

В настоящее время УК РФ в нормах гл. 22 Особенной части, на ряду с основаниями, предусмотренными примечанием 2 к ст. 200^5 УК РФ, установил специальные основания освобождения от уголовной ответственности в семи статьях, к числу которых относятся ст. 178, ч.1,2 и 5 ст. 184, ст. 198, 199-199^1, ст. 200^1 и ст. 200^3 УК РФ.

Императивный характер норм, устанавливающих специальные основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные в примечаниях к статьям гл. 22 Особенной части является принципиально отличающимся от общих условий, определенных в ч. 1 ст. 75 УК РФ[1]. На данное обстоятельство обращалось внимание Пленумом Верховного Суда в постановлении №19 (п. 7)[2]. Отмечалось, что решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности по специальным нормам не явля-

[1] См.: Исмаилов Ч.М. Освобождение от уголовной ответственности на основании примечаний к статьям Особенной части УК РФ // Законность. 2013. № 2. С. 40; Сухарева Н.Д. Классификация видов освобождения от уголовной ответственности // Российский судья. М.: Юрист, 2005, № 5. С. 42.

[2] О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013г. №19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

ется обязательным выполнение условий, предусмотренных общей нормой (ч. 1 ст. 75 УК РФ). Данное разъяснение, по нашему мнению, целиком соответствует ч. 2 ст. 75 УК РФ, положения которой допускают освобождение от уголовной ответственности независимо от того были ли выполнены условия, предусмотренные ч. 1 ст. 75 УК РФ[1]. Несмотря на это, Верховный Суд расширительно понимает соотношение общих и специальных видов освобождения от уголовной ответственности, отмечая, что законодательно предусмотренная возможность применения примечания не исключает основание освобождения от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75 УК РФ, при условии выполненнения лицом установленных данной нормой требований, и вследствие чего оно перестало быть общественно опасным.

Условия освобождения от уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 200^5 УК РФ, распространяют свое действие лишь на деяния, состоящие в незаконной передаче работнику контрактной службы, контрактному управляющему, члену комиссии по осуществлению закупок, лицу, осуществляющему приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иному уполномоченному лицу, представляющему интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконном оказании ему услуг имущественного характера либо предоставлении других имущественных прав за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц в связи с закупкой товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. В то время как, действия незаконного получателя, предусмотренных, анализируемой нормой предметов, не получили императивной возможности освобождения от уголовной ответственности.

Изложенная законодательная позиция, относительно установления возможности освобождения от уголовной ответственности за незаконную дачу предмета подкупа, по сути, воспроизводит положения, ранее сформулированные в примечании к ст. 291 УК РФ.

Отмечая последовательность законодателя в подходе к решению вопроса о допустимости и недопустимости императивного освобождения от уголовной ответственности за незаконные дачу и получение предмета подкупа, следует отметить принципиальное отличие объектов «экономических» и «должностных» преступлений. Принципиально отличающиеся, по своему содержанию, общественные отношения, взятые под уголовно-

[1] О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013г. №19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

правовую охрану, в статьях глав 22 и 30 УК РФ обуславливают специфические подходы к урегулированию правового конфликта.

Согласно примечанию 2 к ст. 200^5 УК РФ лицо, совершившее преступление, предусмотренное частями первой, второй и третьей данной статьи подлежит освобождению от уголовной ответственности при следующих обстоятельствах:

1) если активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления;

2) в отношении его имело место вымогательство предмета подкупа;

3) либо добровольно сообщило о совершенном преступлении в орган, имеющий право возбудить уголовное дело.

Таким образом, первое и третье условие освобождения от уголовной ответственности, устанавливают необходимость выполнения определенных действий, по своей сути воспроизводящих элементы деятельного раскаяния, в то время как второе, является разновидностью психического принуждения (ч. 2 ст. 40 УК РФ).

В положениях, закрепленных в ч. 2 ст. 75 УК РФ, законодатель отмечает категории преступлений, по которым возможно специальное освобождение, – тяжкие и особо тяжкие преступления. В то время как нормы гл. 22 Особенной части УК РФ, предусматривающие специальные виды освобождения от уголовной ответственности в большинстве своем предусмотрены в преступлениях небольшой и средней тяжести (см., например, ст.ст. 198, ч.1 ст.199, ч.1 ст.199^1, 200^1, 200^3, ч.1 ст.200^5 УК РФ). В свою очередь, квалифицированные и особо квалифицированные виды преступления, предусмотренные ч.ч. 2 и 3 ст.200^5 УК РФ относятся к категории тяжких преступлений (ч.4 ст. 15 УК РФ).

В уголовно-правовой литературе распространенной является точка зрения, согласно которой специальные виды освобождения от уголовной ответственности являются специфическими формами деятельного раскаяния, зачастую данную позицию авторы обосновывают ссылками на процессуальный закон. Который, в соответствии со ст. 28 УПК предусматривает прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием, по основаниям, указанным в ст. 75 УК РФ. По таким же основаниям прекращается уголовное преследование и в случаях, предусмотренных примечаниями статей Особенной части УК РФ. Однако, мы склонны считать, что межотраслевая связь процессуальных форм прекращения уголовного преследования в случаях деятельного раскаяния и уголовно-правовых норм, устанавливающих специальные основания освобождения от уголовной ответственности не может служить основанием их правового отождествления В этой связи, справедливым представляется мнение И.А. Тарханова отмечающего, что основаниями специальных видов освобождений

от уголовной ответственности являются формы деятельного раскаяния, положения о которых следует привести в соответствие с предписаниями базового института[1]. Говоря иными словами, условия деятельного раскаяния в полной мере должны рассматриваться как специальные виды освобождения от уголовной ответственности. Однако, позиция законодателя является принципиально иной, определяя компетенцию органов уполномоченных на освобождение от уголовной ответственности, он закрепляет данные нормы в императивной форме.

Безусловно потерпевшего вряд ли будет интересовать источник денежных средств, из которого будут компенсированы его финансовые убытки, понесенные в результате совершенного в отношении него преступления. По всей вероятности, законодатель и судебная практика руководствовались подобными соображениями, допуская возможность использования виновным различных финансовых источников (как собственных, так и принадлежащих третьим лицам) для возмещения, причиненного преступлением имущественного ущерба.

Тюрина Маргарита Валерьевна,
курсант 3 курса
факультета по подготовке специалистов
для органов предварительного следствия и дознания
Краснодарского университета МВД России

Совершенствование уголовного законодательства в сфере противодействия экологической преступности

Закон можно считать качественным в том случае,
если смысл его точен, если требования его справедливы,
если он формирует добродетели у граждан.
Фрэнсис Бэкон

Проблема охраны окружающей среды превратилась за короткий срок в одну из важнейших глобальных общечеловеческих проблем, влияющих на жизнь и здоровье нынешнего и будущего поколений людей.

С одной стороны, экологическая проблема явились результатом огромных масштабов человеческой деятельности, радикально изменяющей природу, общество, образ жизни человека. С другой стороны – неспособности людей рационально распорядиться этой огромной силой.

[1] Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения в уголовном праве. Казань, 2001. С. 50.

Одним из показателей деятельности государства по защите окружающей среды, развитию уровня экологической культуры его граждан является разработка на государственном уровне общей экологической концепции, законодательное закрепление экологических норм и принципов, конституционное регулирование экологических правоотношений. Здоровая экология составляет основу национальной безопасности государства.

Экологическая ситуация в мире сегодня находится на грани катастрофы. В России она характеризуется как крайне неблагоприятная. По данным издания Forbes в рейтинге по уровню экологии лидируют Швейцария, Франция и Дания. Экологическая статистика в нашей стране не такая радужная. Российская Федерация занимает в этом рейтинге 52 место[1].

Охрана среды обитания в Российской Федерации тесно связана с идеей создания благоприятных экологических условий для жизнедеятельности, труда и отдыха граждан. В статье 42 Конституции Российской Федерации закреплено «право каждого человека на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию об ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением»[2].

Однако на реальное воплощение этого конституционного права посягают экологические преступления, которые негативно влияют на жизнь и здоровье граждан и обостряют сложившуюся неблагополучную экологическую ситуацию.

Экологическое преступление как общественно опасное, виновно совершенное деяние, состоит в причинении вреда (угрозе причинения вреда) охраняемым уголовным законом общественным отношениям по сохранению благоприятной окружающей среды, рациональному использованию ее ресурсов, обеспечивающих экологическую безопасность населения, и запрещенное уголовным законом под угрозой наказания[3].

В большинстве стран мира за экологические преступления предусмотрено административное и уголовное наказание. В то время как разработки экологически чистых технологий поощряются государством. Например, в соответствии со статьей 17 Федерального закона «Об охране окружающей среды» российским компаниям предоставляются субсидии и налоговые льготы.

---

[1] URL: https://vawilon.ru/jekologicheskaja-statistika

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ).

[3] Джунусова Д.Н. Экологическая преступность и ответственность за экологические преступления. М.: ИД Академии Естествознания, 2012.

Государство проводит экологическую политику, определяет юридическую ответственность за экологические преступления. В статье 75 Федерального закона «Об охране окружающей среды» перечислены виды ответственности за экологические правонарушения: «За нарушение законодательства в области охраны окружающей среды устанавливается имущественная, дисциплинарная, административная и уголовная ответственность в соответствии с законодательством»[1].

В главе 26 УК РФ перечислены экологические преступления, за совершение которых наступает уголовная ответственность (ст. 246-262)[2].

Но многие тяжкие правонарушения против окружающей среды, которые приводят к большому числу потерпевших, например, хозяйственные, не воспринимаются как уголовно наказуемые. Особенно, если каждый потерпевший несет лишь незначительный ущерб, да еще на протяжении длительного отрезка времени. Подобного рода преступность не соответствует устоявшимся взглядам общественного мнения, не совпадает с общепринятой картиной преступления и обликом преступника, которые создаются средствами массовой информации.

В случае невыполнения служебных обязанностей по охране природной среды к должностным лицам и ответственным работникам применяются меры дисциплинарного характера (предупреждение, выговор) и материальные санкции (штраф). Очень часто материальные санкции к правонарушителям далеко не соответствуют истинному ущербу, наносимому природе и здоровью людей.

В связи с этим остро встает проблема ужесточения наказаний за совершение экологических правонарушений и преступлений. В частности, за совершение экологических правонарушений, которые несут непосредственную опасность для жизни и здоровья граждан, необходимо привлекать лиц, их совершивших, не к административной, как это практикуется, а к уголовной ответственности.

Когда мы говорим о сложной экологической ситуации разных районов страны, то мы употребляем такие слова, как «бедствие», «кризис», «катастрофа», однако при этом редко употребляем термины «правонарушение» и «преступление». Но отношение к природе граждан, включая руководителей разных рангов, определяется сегодня высокой степенью безразличия, низкой экологической культурой и четким пониманием того, что практика наказаний за нарушения природных законов слабо отработана. Общество еще не осознает, что загрязнение окружающей среды подпадает под совершенно конкретные статьи уголовного законодательства.

---

[1] Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 г. №7-ФЗ (ред. от 26.07.2019).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 16.10.2019).

Наиболее популярны экологические преступления в производственной отрасли. Наиболее дорогостоящим и обременительным мероприятием является обеспечение экологической безопасности производства. В связи с этим на предприятиях широкое распространение получает незаконная экономия на средствах, которые подлежат направлению на природоохранные цели. Самоустранение от разработки, финансирования и реализации мероприятий по охране природы все чаще оправдывается руководителями предприятий и предпринимателями как вызванное необходимостью избежать банкротства, сохранить рабочие места, снизить себестоимость выпускаемой продукции. На самом деле в основе таких противоправных действий лежат иные экономические причины – стремление всеми способами, в том числе запрещенными законом, максимально обогатиться.

Так, например, ночью с 23 на 24 августа 2018 года в Крыму, в городе Армянске, расположенном на границе с Украиной, произошёл выброс вредного химического вещества в воздух. К утру химическое вещество, распыленное в атмосфере, осело в виде маслянистых осадков. В результате металлические предметы покрылись слоем ржавчины, погибли растения и животные, люди жаловались на проблемы с дыханием, температуру, ожоги кожи. По данным исследований, причиной загрязнения явилось испарение содержимого кислотонакопителя, используемого предприятием «Крымский Титан». Предприятие является градообразующим, поэтому правительство региона заявило, что будет его поддерживать и гарантированно не допустит остановки. В управлении Следственного комитета РФ в Крыму возбудили уголовное дело по признакам нарушения правил обращения с экологически опасными веществами и отходами[1].

В ряде стран мира юридические лица, наряду с физическими и должностными лицами, являются субъектами уголовного права. За совершение экологических преступлений они могут быть ликвидированы, а их руководители, как физические лица, могут быть привлечены к уголовной ответственности.

Так, например, прокуратурой штата Аляска (США) в 1989 году было возбуждено уголовное дело против капитана супертанкера, перевозившего сырую нефть и потерпевшего аварию у берегов Аляски. В результате разлива нефти экологии был нанесен колоссальный ущерб. Погибло много морских животных и птиц. Загрязнение вод на протяжении двухсот миль представляло серьезную опасность для людей.

Суд квалифицировал действия капитана как экологическое преступление и назначил в качестве уголовного наказания 1000 часов исправительно-трудовых работ и в качестве возмещения ущерба штраф в сумме 50

[1] URL: https://zen.yandex.ru/media/starcom68/tehnogennaia-avariia-v-armianske-kak-posle-himicheskoi-ataki

тысяч долларов. Также уголовное дело было возбуждено против компании-перевозчика и корпорации, которой принадлежал танкер. В качестве меры уголовной ответственности с них был взыскан штраф в размере 25 млн. долларов. Еще 100 млн. долларов они заплатили в доход государства в возмещение причиненных убытков[1].

В 2015 году немецкий концерн Volkswagen выплатил штрафов на общую сумму около 30 млрд. долларов в рамках финансирования программы по восстановлению окружающей среды и программы грантов на борьбу с загрязнением воздуха. Оказалось, что автомобили этой марки были оснащены программным обеспечением, которое в несколько раз занижало показатель выброса в воздух вредных газов. Сотни тысяч владельцев автомобилей отказались от своих машин и вернули их производителю. Только в США Volkswagen выкупил у населения 350 тыс. автомобилей, затратив при этом более 7 млрд. долларов[2].

В уголовном праве Российской Федерации отсутствует институт привлечения к ответственности юридических лиц. Полная остановка или приостановка экологически вредных производств может негативно отразиться на поступлениях в бюджет государства, часть предприятий находятся на грани банкротства и без штрафных санкций.

К числу наиболее распространенных экологических преступлений в России относятся загрязнение атмосферного воздуха, организация несанкционированных мусорных свалок, загрязнение водоемов и, как следствие, плохое качество питьевой воды. По данным Генеральной прокуратуры РФ сумма ущерба от преступлений, причинивших вред окружающей среде, составила в 2018 году в России 12 миллиардов рублей[3].

Анализ применения норм уголовного законодательства показывает, что в большинстве своем они применяются неэффективно и работают слабо. Росту экологической преступности способствует несовершенство современного российского законодательства. Например, в санкциях, предусмотренных главой 26 УК РФ, максимальная сумма штрафа за экологические правонарушения составляет 3 млн. рублей, в то время как в экологическом законодательстве Франции она составляет 1.5 млн. евро. Кроме того, в той же Франции в 60-ти санкциях штраф предусмотрен альтернативно с лишением свободы[4].

---

[1] URL: https://ria.ru/20100604/239692981.html

[2] URL: https://platforma-online.ru/media/detail/ekologicheskie-iski-uspeshnyy-opyt-borby

[3] URL: https://riafan.ru/1187752-podschitana-summa-usherba-ot-ekologicheskikh-prestuplenii-v-rossii-v-2018-godu

[4] Шулепова Л.Ф. Юридическая природа уголовно-правовых положений в Экологическом кодексе Франции // Вестник МГЛУ. Вып. 15(701). 2014. С.96-104

Борьба с преступностью в сфере экологии должна иметь прочную правовую основу. Например, в специально разработанном федеральном законе можно было бы комплексно предусмотреть все надлежащие положения, связанные с усилением юридической ответственности юридических и физических лиц за нарушение законов в природоохранной сфере, специфике их выявления и предупреждения.

Положительным результатом законотворческой деятельности является введение в действие Федерального закона «Об экологической экспертизе», что позволило заложить правовую базу для предотвращения экологических преступлений на ранних этапах подготовки и принятия хозяйственных и иных решений.

Необходимо активизировать законотворческую работу по совершенствованию природоохранного и природно-ресурсного законодательства, объединить усилия законодательной и исполнительной власти, ученых и предпринимателей, общественных объединений по ускорению разработки и принятию нормативно-правовых актов, ориентированных на борьбу с экологической преступностью[1].

Анализ судебной практики показывает, что применение мер уголовной ответственности к виновным в совершении экологических преступлений является недостаточно эффективным. В современных условиях продолжающегося ухудшения экологической обстановки и роста числа правонарушений в этой сфере неоправданное смягчение мер ответственности является негуманным, способным в самом ближайшем будущем привести к резко негативным экологическим последствиям.

Необходимо рассмотреть вопрос о присоединении России к Конвенции «О защите окружающей среды посредством уголовного законодательства». Конвенция направлена на улучшение защиты окружающей среды на европейском уровне, путем применения крайнего средства – уголовной ответственности[2].

Таким образом, можно сделать вывод о созревшей необходимости совершенствования уголовно-правового законодательства путем усиления ответственности и обеспечения неотвратимости наказания за совершенные экологические правонарушения и преступления.

---

[1] Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М.: Рос. право, 1992.

[2] Конвенция «О защите окружающей среды посредством уголовного законодательства ETS №172 (Страсбург, 4 ноября 1998 г.).

Тютюнников Михаил Викторович,
заместитель прокурора
Изобильненского района Ставропольского края

Проблемы эффективности уголовного наказания в предупреждении преступлений, связанных с незаконными организацией и (или) проведением азартных игр

Установленные законодателем ограничения в сфере организации и проведения азартных игр, свидетельствуют о стремлении государства исключить проявления незаконного игорного бизнеса, представляющего наибольшую опасность, для общественных интересов.

Однако соблюдение данных запретов без надлежащей правовой охраны, которую могут обеспечить нормы уголовного права в части правового регулирования азартных игр, как специфического сегмента предпринимательской деятельности и ограждения общества от вредного влияния незаконных организации и проведения азартных игр, представляется весьма затруднительным. В этой связи, логичным и обоснованным, представляется решение законодателя об установлении уголовно-правовых запретов, обеспечивающих выполнение изложенных позиций.

Используя несовершенство действующего законодательства, игорные заведения после закрытия через непродолжительное время возобновляют свою работу, так как вместо изъятого оборудования появляется новое, которое очень быстро окупается. Один игровой аппарат стоит от 3 тыс. до 5 тыс. руб., а доход игрового клуба составляет от 30 тыс. до 100 тыс. руб. в сутки[1].

Актуализирует проблему опасность азартных игр для общественной нравственности и здоровья населения.

По данным ВЦИОМ, 12 % россиян отмечают, что в их ближайшем окружении есть азартные игроки. По данным РАН, около 700 тыс. россиян страдают игровой зависимостью[2].

Повсеместный рост количества игорных заведений до принятия Федерального закона № 244-ФЗ от 29.12.2006 г. «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской

[1] Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: http: // www. genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-657759 (Доступ свободный. 11 мая 2019 г.)

[2] Карпов А.А. Социально-психологическое содержание отношения к игре у зависимых игроков: автореф. дис. …канд. психол. наук. Ярославль, 2011. С. 3.

Федерации»[1] позволил привлечь к участию в азартных играх широкий круг лиц, что привело к распространению игромании.

Патологическое влечение к азартным играм отнесено к перечню психических расстройств, которое согласно международной классификации болезней МКБ-10, определяется как постоянно повторяющееся участие в азартной игре, что продолжается и углубляется, несмотря на социальные последствия, такие как обнищание, нарушение внутрисемейных взаимоотношений и нивелирование жизненных интересов и имеет классификацию (F63.0)[2].

Отмеченные обстоятельства потребовали от законодателя принятия еще более решительных мер направленных на ужесточение ответственности за незаконные организацию и проведение азартных игр. Результатом этого явилось внесение соответствующих поправок в уголовное законодательство и законодательство об административных правонарушениях[3].

Казалось бы, ужесточение уголовной ответственности за незаконную организацию игорной деятельности решило множество проблем возникающих на пути борьбы с данным видом преступной деятельности, однако на практике, это лишь поставило правоприменителя в еще более затруднительное положение.

Принимая во внимание отмеченное обстоятельство, логичным было бы предположить, что незаконно осуществляемые азартные игры, на ряду со сферой экономических отношений, вторгаются в общественные отношения составляющие нормальное нравственное развитие и воспитание гражданского общества.

Признавая объектом преступления, предусмотренного ст. 171^2 УК РФ отношения, обеспечивающие правовые основы государственного регулирования деятельности по организации и проведению азартных игр на территории РФ и ограничивающие осуществление данной деятельности в целях защиты нравственности, прав и законных интересов граждан[4], законодатель относит организацию и проведение азартных игр к специфиче-

---

[1] О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ (в ред. ФЗ от 22 июля 2014 г. № 278-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 2007 г. № 1 (часть I) ст. 7.

[2] Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем Десятого пересмотра (МКБ-10) / International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems 10th Revision (ICD-10)

[3] О внесении изменений в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 14.1.1 и 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 22 декабря 2014 г. №430-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 52 (часть I) ст. 7541

[4] Тюнин В.И. Преступления в сфере экономической деятельности. М., 2012. С. 53.

скому виду предпринимательской деятельности, определяя его нормативное регулирование, в первую очередь гражданским законодательством.

Вместе с тем, общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 171^2 УК РФ, обусловлена не только лишь получением виновным неконтролируемого дохода, выступающего конструктивным признаком состава, а причинением морального вреда обществу, пропагандой психологии удачного выигрыша, а не кропотливого труда, распадом семей, обнищанием населения.

Опираясь на приведенные суждения, автор приходит к выводу, что данное преступление посягает на защищающие (комплексные) отношения, норма должна располагаться в гл.25 УК РФ («Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»), а состав преступления должен быть сформулирован как формальный, когда преступление считается оконченным в момент организации и (или) проведения азартных игр с использованием игрового оборудования.

Законодательное конструирование объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 171^2 УК РФ, позволяет говорить о том, что данный состав является формальным, а его обязательным признаком является деяние, т.е. действия, состоящие в организации и (или) проведении азартных игр.

Данная норма, как и большинство других, составляющих содержание главы 22 УК РФ является бланкетной, поэтому для ее уяснения требуется обращение к нормам, имеющим иную отраслевую принадлежность.

Представляется, что наметившаяся правоохранительная практика реагирования на факты вовлечения несовершеннолетних в занятие азартными играми не может быть признана адекватной степени и характеру опасности таких деяний. Повышенная общественная опасность вовлечения несовершеннолетних в азартные игры обуславливает необходимость криминализации данного деяния

Все сказанное заставляет обратиться к законодательному опыту зарубежных государств, большинство из которых пошло по пути криминализации незаконных азартных игр, видя в них опасность, в первую очередь для общественной нравственности и уже потом для экономических интересов государства. Полагаем, что и отечественному законодателю стоит учесть обстоятельства, существенно повышающие степень опасности деяния, состоящего в вовлечении несовершеннолетнего в азартные игры. Тем более, что в ранее действовавшем УК РСФСР 1960 года была предусмотрена специальная норма (ст. 210 УК РСФСР), устанавливающая ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, в которой на ряду с пьянством, попрошайничеством, проституцией, предусматривались и азартные игры. В этой связи, следует согласиться с Е.П. Коровиным, автор считает, что «вовлечение несовершеннолетних в занятие азартными играми предполагало возбуждение у

последних играть в следующие игры: в карты, кости, на бильярде. Обязательным условием игры выступал факт игры на деньги или иные материальные ценности»[1].

Безусловно, современные реалии требуют от отечественного законодателя соответствующего подхода к криминализации вовлечения несовершеннолетних в азартные игры, как разновидности антиобщественных действий. Для этого требуется изменение действующей редакции ч. 1 ст. 151 УК РФ, «Вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством, попрошайничеством или азартными играми, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста». Полагаем, что такая редакция позволит оградить несовершеннолетних от их вовлечения в азартные игры, которые по своей сути для данной категории лиц являются антиобщественными. В свою очередь вовлечение несовершеннолетнего в организацию или проведение незаконных азартных игр требует квалификации по ч. 1 ст. 150 УК РФ (Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления), поскольку сами по себе незаконные организация и проведение азартных игр являются преступлением, ответственность за которое предусмотрена ст. 171.2 УК РФ.

В целях устранения законодательного пробела, исключающего возможность применения мер уголовно-правового реагирования на факты вовлечения несовершеннолетних в азартные игры, требуется изменение действующей редакции ст. 151 УК РФ. В этой связи ч. 1 данной статьи предлагается изложить следующим образом: «Вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством, попрошайничеством или азартными играми, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста». Полагаем, что такая редакция позволит оградить несовершеннолетних от их вовлечения в азартные игры, которые по своей сути для данной категории лиц являются антиобщественными. В свою очередь вовлечение несовершеннолетнего в организацию или проведение незаконных азартных игр требует квалификации по ч.1 ст. 150 УК РФ (Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления), поскольку сами по себе незаконные организация и проведение азартных игр являются преступлением, ответственность за которое предусмотрена ст. 171^2 УК РФ.

[1] Коровин Е.П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий: учебное пособие. М.: «Илекса», 2015. С. 57.

Уваров Игорь Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры криминалистики
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Ресоциализация как элемент пенитенциарной профилактики женской преступности

Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации определяет своими целями не только исправление осужденных, но и предупреждение совершения новых преступлений, как осужденными, так и иными лицами (ч. 1 ст. 1 УИК РФ). Для реализации данных целей служит, в частности, одна из установленных ч. 2 ст. 1 УИК РФ задач – социальная адаптация осужденных.

Ресоциализация женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, представляет собой систему последовательных этапов, отражающих позитивное воздействие мер воспитательно-профилактического характера. А также позитивные субъективно-личностные изменения осужденной в социально-приемлемом отношении.

Различные временные периоды отбывания наказания, создают условия для приближения их к освобождению, где каждый этап ресоциализации качественно повышает уровень социализации осужденных, готовя к жизни в свободном обществе. Социализация, по мнению Т.Н. Волковой, представляет собой процесс усвоения и дальнейшего развития индивидом социально-культурного опыта: трудовых навыков, знаний норм, ценностей, традиций, накапливаемых и передаваемых от поколения к поколению, процесс включения индивида в систему общественных отношений и формирование у него социальных качеств. Грубое нарушение важнейших социальных норм, выражающееся в форме совершения преступления, свидетельствует об антисоциальной направленности личности осужденных женщин, исключение составляют представительницы «случайного» типа преступниц[1].

В специально-криминологической литературе процесс ресоциализации осужденных, условно, подразделяется на следующие элементы:

1) субъективно-личностную индивидуальную деятельность осужденной (как на осознанном, так и на подсознательном уровне);

2) комплекс воспитательно-принудительных мер, осуществляемый сотрудниками исправительных учреждений, а также лицами, содействую-

[1] Волкова Т.Н. Проблемы ресоциализации осужденных женского пола в период отбывания наказания в виде лишения свободы // Социально-правовые проблемы ресоциализации осужденных. Рязань: Академия ФСИН России, 2014. С. 177.

щими им в этой деятельности (общественных, религиозных организаций, органов социальной опеки и др.);

3) подготовку необходимых условий для успешной адаптации после освобождения осужденных от отбывания наказания.

По общепринятому в пенитенциарной профилактике требованию, работа по ресоциализации осужденных, должна начинаться с первого дня их пребывания в исправительное учреждение и продолжаться еще в течение всего периода судимости, после их освобождения, так как в именно в постпенитенциарный период возможна определенная доля вероятности рецидива преступлений.

Учитывая, что степень социальной деформации осужденных женщин различна, то и в процессе их ресоциализации решающее значение приобретает совокупность методов индивидуально-профилактического воздействия. Именно индивидуальное воздействие строится на учете криминогенной устойчивости, положительного потенциала и построению перспективной установки каждой личности[1]. Необходимость строить воспитательно-профилактическую работу таким образом, чтобы каждая вновь прибывшая осужденная сама активно занималась вопросами ресоциализации, подготовкой к жизни на свободе.

Ресоциализация личности осужденных женщин – это, прежде всего, восстановление социально-полезных свойств и качеств личности. Обращаясь к отчетам о работе групп социальной защиты женской исправительной колонии УФСИН России по Ставропольского края, необходимо отметить, что в 2017 году количество осужденных, утративших социально-полезные связи, составило 16,6%, из них восстановлены были только 1,4%. В 2018 году эти показатели составили 16% и 1,8% – соответственно.

Проблема осложняется тем, что такие женщины, как правило, давно утратили семейные, трудовые и иные общественно-полезные связи, не имеют специальности (по данным за 2018 год в ИК-7 УФСИН России по Ставропольского края количество таких осужденных женщин составило 29,5% от общего числа отбывающих наказание), лишены навыков нормальной в социальном плане жизни. Их культурно-образовательный уровень продолжает оставаться на довольно низком уровне.

Многие из них до осуждения вели антиобщественный образ жизни: бродяжничали, занимались проституцией, пьянством, долгое время не работали и не имели постоянного места жительства. Само поведение такого рода можно по мнению Ю.М. Антоняна, можно квалифицировать как –

[1] В специально-криминологической литературе, этот подход получил название – «интегрального способа исправления осужденных». (подробнее см.: Уваров И.А. Интегральная оценка личности воров-рецидивистов, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, по методу Ю.В. Бышевского // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2016. № 1 (17). С. 325-331).

«околопреступное»[1], а ресоциализация таких женщин представляет собой более сложную задачу. Например, по сравнению с ресоциализацией осужденных мужского пола, такого же типа.

Для этой категории осужденных женщин проживание в условиях, соответствующих в целом требованиям санитарии и гигиены, излечение от венерических заболеваний и алкоголизма, режим, регулярное питание и другие дисциплинирующие условия исправительного учреждения являются необходимым условием для ресоциализации осуществляемой на первом этапе.

Наказание в виде лишения свободы «прямо воздействует на конкретную осужденную, косвенно – на ее ближайшее социальное окружение, прежде всего – семью, родственников»[2]. Как показывает правоприменительная практика, в процессе отбывания наказания часто происходит распад семей осужденных и прерывание отношений с близкими им людьми. Общепризнанным считается тот факт, что только в тех случаях, когда осужденным удается поддерживать социально-полезные связи с «внешним миром» в течение всего срока отбывания наказания, после освобождения они быстро могут адаптироваться к условиям свободного общества.

Работа по установлению наличия родных и близких проводится в исправительном учреждении сразу по прибытии осужденной в колонию. Важнейшими составляющими воспитательно-профилактического процесса по сохранению семейных отношений осужденных, налаживанию их переписки с родственниками являются личные беседы воспитателя, как с самими осужденными, так и с их родственниками, постоянная забота об укреплении социально-полезных связей. По мнению С.П. Суслина, осужденные, сохранившие семейные отношения, значительно реже допускают нарушения режимных требований в исправительных учреждениях[3].

Большую помощь в воспитательно-профилактической работе с осужденными, особенно с не имеющими социально-полезных связей, привитии им гражданской ответственности за свои поступки оказывают различные виды общественных объединений (попечительские советы, родительские комитеты, общественные, религиозные организации, службы занятости населения, творческие союзы и т.п.). Такого рода содействие выражается не только в решении материальных вопросов, трудовом и бытовом устройстве, но и, прежде всего в нравственном и духовном совершенствовании личности осужденных.

---

[1] Антонян Ю.М. Женщины на дне жизни // Преступность среди женщин: сборник научных статей. М., 2002. С. 148.

[2] Михлин А.С. Роль социально-демографических свойств личности осужденных: монография. М., 2000. С. 58-62.

[3] Суслин С.П. Сохранение, укрепление и поддержание социально-полезных связей осужденных // Реформа системы через реформу сознания: сборник научных статей. М., 2011. С. 68.

Так, например, в ГУФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области совместно с Северо-Западным техническим университетом разработал образовательные программы: «Как начать свое дело», «Как устроиться на работу», «Как управлять собой». Они призваны помочь осужденным осознать свои способности, найти свое место в жизни, стать полноправным гражданином, развить социальные навыки. Реализация данных программ в ИК-2 ГУФСИН России по Ленинградской области показала, что наибольший интерес у осужденных вызвал курс «Как управлять собой», помогающий осужденным почувствовать уверенность в себе, снизить недоверие к окружающим, усилить желание общаться с людьми, добиться в жизни определенных успехов. Женщины проявили активность, эмоциональность, открытость и дружелюбие, старались решать поставленные задачи индивидуально, творчески, используя разнообразные стратегии[1].

Несовершеннолетние женского пола, находясь в изоляции от общества, также испытывают сильное психоэмоциональное напряжение, что ведет к развитию у них дезадаптации. В силу половозрастных особенностей данная категория осужденных обладает достаточно большей внушаемостью, зависимостью от мнения окружающих, что обусловливает целесообразность применения для них системы специальных упражнений под названием «Прогрессивная релаксация»[2]. Использование приемов релаксации позволяет девушкам расслабиться, обрести душевное равновесие. Также, в целях нейтрализации отрицательных факторов отбывания наказания в виде лишения свободы несовершеннолетними женского пола эффективным является использование аутогенной тренировки для осужденных, как группового, так и массового варианта.

Одной из форм организации предупреждения дезадаптации рассматриваемой категории лиц может стать проведение различного рода тренингов, ролевых игр. В процессе проведения такого тренинга у несовершеннолетних осужденных женского пола формируется умение адекватно оценивать требования, которые предъявляет окружающая среда, а также способность вести правопослушный образ жизни в соответствии с нравственными нормами. Участие в тренинге повышает психологическую чувствительность, развивает у осужденных способность ориентироваться в сложных жизненных ситуациях.

Особое место следует уделять разработке программы ресоциализации осужденных, имеющих детей. Так, 91% осужденных, имеющих детей в исправительной колонии, испытывают определенного рода дис-

---

[1] Белоцерковский В.В. О практике подготовки осужденных к освобождению // Реформа системы через реформу сознания: сборник научных статей. М., 2011. С. 58.

[2] Малышкина А.А. Специальные психологические методики в системе мер ресоциализирующего воздействия на несовершеннолетних осужденных женского пола // Проблемы психолого-педагогического воздействия на несовершеннолетних осужденных женского пола. Рязань, 2016. С. 225-226.

комфорт. Необходима организация досуга матерей совместно с детьми, создание комфортных условий общения в доме ребенка. В частности В. Мухина убеждена в том, что организации экскурсий осужденных отбывающих наказание вместе с детьми, вне исправительной колонии, следует уделить первоочередное внимание[1].

Практика подтверждает необходимость и целесообразность проведения с осужденными ролевой игры на тему: «Решение проблемы трудоустройства освобожденными женщинами молодежного возраста». Ее участницы отмечают, что «такая игра нужна…ранее я и не задумывалась, что в трудоустройстве столько проблем», «такие игры нужны, так как мы приобретаем опыт общения с людьми, в том числе и с должностными лицами»[2]. Однако тематика ролевых игр может быть достаточно разнообразной – это и отношение с семьей, друзьями, и создание собственной семьи и многие другие темы, подчиненные единой цели – преодолению отрицательных последствий отбывания наказания в социальной изоляции несовершеннолетних женского пола.

Все большее распространение в исправительных колониях приобретает работа школ по подготовке к освобождению. Так, прослеживая динамику численности охваченных такой подготовкой осужденных в ИК-7 УФСИН по Ставропольскому краю, следует отметить, что в 2017 году этот показатель составлял 10%, в 2018 году – 38%, а в 2011 году – уже 52% осужденных. В мужской исправительной колонии общего режима участие осужденных в подготовке к освобождению более пассивно. Так, в 2017 году их количество составило 14%, в 2018 году – 6,2%, в 2011 году – 3,5%.

Обращаясь к отчетам о работе групп социальной защиты и учета трудового стажа, можно отметить, что все осужденные женщины, освобождаемые из исправительного учреждения, нуждаются в помощи в трудовом и бытовом устройстве, при этом практически каждая из них такую помощь получает. Инспектора по трудовому и бытовому устройству осужденных проводят консультации по вопросам пенсионного, материального и иного социального обеспечения. В 2017 году число таких консультаций составило 151, в 2018 – 361, при этом уменьшилось число обращений от осужденных по социальным проблемам с 249 до 67 – соответственно.

Создание условий для социальной адаптации осужденных после отбытия наказания – одна из основных задач уголовно-исполнительной системы. Получение осужденными образования, необходимых трудовых навыков, обеспечение их психологической готовности к жизни на свободе – это те результаты, для закрепления которых необходимо создание условий, обеспечивающих преемственность единого ресоциализирующего процесса

[1] Мухина В. Проблема материнства и ментальности женщин в местах лишения свободы // Преступление и наказание. 2004. № 1. С. 25.

[2] Малышкина А.А. Указ. соч. С. 225-226.

осуществляемого в рамках пенитенциарной профилактики, начавшегося в колонии и завершающегося уже на свободе.

В специальной литературе, традиционно отмечается своеобразный «шок освобождения», который испытывают осужденные, получившие свободу, и который приводит отдельных из них к бездумному поведению[1]. В этот период у женщин обостряется чувство неуверенности в том, что удастся порвать с преступным прошлым. Это чувство усугубляется проблемами, связанными с налаживанием отношений с социальным окружением и необходимостью трудоустройства.

В условиях лишения свободы психологический механизм адаптации у осужденных женщин становятся менее мобильным. При переходе к условиям новой социальной среды при освобождении он способен вызвать стрессовое состояние и криминализировать поведение. Наиболее острые проблемы, с которыми сталкиваются осужденные при освобождении, касаются жилья и трудоустройства. Общество не должно оставлять без внимания женщин в момент их освобождения из мест лишения свободы. В этой связи, моно высказать солидарность с теми авторами, которые говорят о необходимости создания государственных или частных организаций, способных оказать отбывшей наказание женщине содействие в ее социальной реабилитации.

Урда Маргарита Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета, г. Курск

О значении признака «организация» в ст. 322[1] УК РФ в отграничении от миграционных деликтов

Миграционные деликты в основном предусмотрены главой 18 КоАП РФ «Административные правонарушения в области защиты государственной границы Российской Федерации и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации». Система миграционных административных правонарушений включает нарушения режимов въезда, пребывания, транзитного проезда, а также иные относительно обособленные нарушения режимов постановки на миграционный учет, трудоустройства, административного выдворения, депортации, реадмиссии, обусловливающие незаконное пребывание на российской территории иностранных граждан и лиц без гражданства.

[1] Абасова С. Социальная адаптация осужденных женщин // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2003. № 7. С. 27.

Развернутая система миграционных деликтов предопределена управленческим характером миграционного режима, который обеспечивается, главным образом, нормами административного права. Уголовная ответственность должна устанавливаться исключительно в тех случаях, когда иные механизмы регулирования миграционных отношений не работают, а криминализация соответствующего деяния социально и политически необходима.

При описании миграционных правонарушений законодатель использует бланкетный способ изложения норм. В самом общем виде их можно охарактеризовать как неисполнение или ненадлежащее исполнение требований миграционного законодательства. Ситуация, когда внешне схожие запреты влекут наступление различных видов ответственности (административной или уголовной), вызывает потребность в определении их соотношения. В этом контексте целесообразно говорить о межотраслевых связях. Их наличие, по мнению Н.И. Пикурова, «...диктует необходимость изучения природы нормативного материала различной отраслевой принадлежности, который используется уголовным правом для формирования основания уголовной ответственности»[1]; кроме того, позволяет наблюдать трансформацию одного вида ответственности в другой и определить критерии их разграничения.

Рассуждая о дифференциации уголовной и административной ответственности, Н.А. Лопашенко признает невозможность использования в качестве критерия их разграничения категории общественной опасности.

Она отмечает, что наличие-отсутствие этого признака «…у административно-правовых деликтов для отличия их от преступления… спор позиционный и понятийно-терминологический (большинство из отрицающих общественную опасность административных правонарушений признают, что они причиняют вред; но вред характеризует и общественную опасность)…потому для разграничения административных правонарушений и преступлений следует искать иные критерии, более четкие и понятные»[2].

Таким образом, с учетом сложности системы правового регулирования миграционных отношений необходимо выявление признаков миграционных правонарушений, дифференцирующих ответственность за их совершение. От решения этой задачи во многом зависит качество уголовно-правовой охраны миграционного режима.

Нормы УК о миграционных правонарушениях имеют свои прототипы в административном законодательстве. Их характерной особенностью

---

[1] См.: Пикуров Н.И. К вопросу о границах системы уголовного права // Системность в уголовном праве: Материалы II Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. М., 2007. С.317.

[2] Лопашенко Н.А. Межотраслевая дифференциация: модель критериев, учитываемых при криминализации деяний // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2018. Т. 8. № 4(29). С. 133-134

является то, что в своей основе они содержат признаки первичного (административного) нарушения и отличаются от него дополнительными обстоятельствами, которые призваны отражать общественную опасность соответствующего миграционного нарушения как преступления.

Запрет организации незаконной миграции (ст. 322[1] УК) в первооснове своей аккумулирует в себе альтернативные признаки разнообразных миграционных деликтов, опосредующих незаконное пребывание иностранных граждан (апатридов), и уголовно-наказуемого незаконного въезда указанных лиц на территорию государства. Используемый в диспозиции нормы признак «организация» служит отражением общественной опасности этого деяния и указывает на стремление законодателя не столько к криминализации незаконной миграции, как таковой, сколько признать уголовно-наказуемыми через его использование в конструкции нормы, вид организаторской деятельности, включающей комплекс разнообразных действий, способствующих ее развитию. Уголовно-правовой запрет собственно незаконной миграции установлен только в части незаконного въезда иностранных граждан и лиц без гражданства в рамках статьи 322 УК РФ.

Термин «организация» в составе преступления, предусмотренного статьей 322[1] УК, представляет собой сложный комплекс действий, направленных на обеспечение совершения иностранными гражданами (лицами без гражданства) уголовно-наказуемого незаконного пересечения Государственной границы РФ (в части въезда) и (или) «включение» указанной категории лиц в социально вредное, но не преступное, административно-наказуемое нарушение правил их пребывания или транзита.

Под соответствующими действиями нужно, в частности, понимать разработку плана пересечения границы иностранными гражданами (лицами без гражданства) и (или) их пребывания, обеспечение его фактической реализации, поиск, приспособление мест для пребывания и жизнедеятельности мигрантов, создание иных условий для незаконного въезда, пребывания, а также транзитного проезда по территории Российской Федерации указанной категории лиц. Организация незаконной миграции может сопровождаться поиском иностранцев, заинтересованных в получении подобного рода «услуг», в том числе посредством их рекламы с использованием сети «Интернет» и других источников, подделкой и последующим использованием документов, необходимых для въезда и пребывания на территории государства. При этом признак «организация» является системообразующим, носит оценочный характер и устанавливается в каждом случае с учетом конкретных обстоятельств дела.

Например, если лицо незаконно трудоустраивает мигранта или даже большое количество мигрантов, оно формально содействует его (их) незаконному пребыванию на территории государства, но будет нести ответственность по статье 18.15 КоАП «Незаконное привлечение к трудовой де-

ятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства». Если же лицо совершает комплекс действий, например, осуществляет поиск мигрантов, предоставляет им жилье, питание и трудоустраивает с нарушением установленных требований, его действия должны квалифицироваться как организация незаконной миграции. Так чаще всего оцениваются подобные обстоятельства судебной практикой.

Так, Гайнулин Р.Н. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 322[1] УК. Заведомо зная о том, что гражданин Республики Узбекистан ФИО7 и гражданин Республики Туркменистан ФИО9 не имеют регистрации по месту пребывания на территории РФ, организовал их незаконное пребывание, предоставив возможность проживать в строительных бытовках, оборудовав их спальными местами и спальными принадлежностями, предметами быта, обеспечив работой и выплачивая заработную плату[1].

В отсутствие рекомендаций по отграничению организации незаконной миграции и миграционных деликтов имеют место случаи ошибочной квалификации, когда по одному и тому же факту лицо привлекается и к уголовной, и к административной ответственности.

ИП Дыбкова Л.С. по факту незаконного трудоустройства иностранных граждан была привлечена к административной ответственности по части 2 статьи 18.15 КоАП. Не согласившись с вынесенным постановлением, она обратилась в Арбитражный суд Республики Бурятия с заявлением о признании его недействительным. В качестве основания для отмены оспариваемого акта Дыбкова Л.С. указала на привлечение ее к уголовной ответственности по тому же факту. Приговором Прибайкальского районного суда от 11.11.2013 г. она была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 322[1] УК, а именно: в организации незаконного пребывания иностранных граждан в РФ. Из судебного акта усматривается, что ею были привлечены для работы на пилораме и в тепличном комплексе граждане КНР Ли Фэн, Ли Шаомин, Лю Дэхай, Ши Чжунхань. Она им предоставила возможность проживать в здании, обустроенном под общежитие, выплачивала заработную плату, выдавала продукты питания и теплые вещи. Отказывая в удовлетворении требования, суд указал, что привлечение ИП Дыбковой Л.С. к уголовной ответственности не исключает возможности привлечения ее к административной ответственности, расценив ее действия по незаконному трудоустройству как иной факт, не связанный с организацией незаконной миграции[2].

---

[1] Приговор Домодедовского городского суда Московской области от 10 февраля 2015 г. по делу № 1-92/2015 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные и акты РФ. URL: http://sudact.ru/

[2]Решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 14 августа 2014 г. по делу № А10-2769/2014 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные и акты РФ. URL: http://sudact.ru/

В целях устранения выявленных противоречий и недопущения неоднозначного толкования норм предлагаем *диспозицию части 1 статьи 18.15 КоАП дополнить формулировкой «…если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, –»* аналогично тому, как это имеет место в частях 1 и 4 статьи 18.9 КоАП, устанавливающей ответственность за нарушение приглашающей или принимающей стороной (гражданами РФ, должностными и юридическими лицами – прим. авт.) разнообразных правил пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РФ.

Целесообразно также дать разъяснения по фактам квалификации организации незаконной миграции и отграничению ее от смежных административных правонарушений в соответствующем Постановлении высшего судебного органа страны.

Усачева Алена Павловна,
старший оперуполномоченный ОРИ
УМВД России по г. Керчи

Субъект привилегированных видов причинения вреда здоровью: общий или специальный?

В привилегированных составах преступления субъект и субъективные признаки имеют немаловажное, иногда первостепенное значение, так как их всестороннее и объективное рассмотрение будет влиять на квалификацию деяния в целом. В этой связи представляется актуальным необходимость детального исследования субъекта преступлений против здоровья с привилегированным составом.

Вызывает интерес позиция М.А. Любавиной, которая считает, что субъекты, наделенные дополнительным обязательным признаком, принято называть специальными субъектами[1]. В связи с этим возникает правомерный вопрос: относятся ли к числу специальных субъектов преступления с привилегированным составом? Большинство ученых юристов склоняются к мнению, что субъект причинения вреда здоровью в состоянии аффекта, а также совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания, общий[2]. Противоположной позиции придерживается В.Г. Павлов, который относительно субъекта преступления по ст. 114 УК РФ пишет, что фигуры обороняюще-

[1] Любавина М.А. Субъект преступления: учеб. пособие. СПб.: С.-Петерб. юрид. ин-т (филиал) Академии Генер. прокуратуры РФ, 2014. С. 3.

[2] Бриллиантов А.В., Долженкова Г.Д., Жевлаков Э.Н. и др. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 1. С. 412–413.

гося и задерживающего требуют особого внимания. Один из них является первичным потерпевшим, а второй выполняет общественно значимое дело. Они не являются преступниками в обычном смысле этого слова. Эти лица чрезмерно защищали охраняемые права и интересы либо пытались выполнить свой гражданский, а в ряде случаев и служебный долг. Данное обстоятельство позволяет вести речь не об общем субъекте преступления. Поэтому автор полагает, что рассматриваемые составы преступления предполагают наличия специального субъекта. Речь идет не о должностных лицах, представителях власти и других лицах, выделяемых законодателем по определенным признакам. Основное в субъекте преступления то, что он находится в состоянии необходимой обороны, то есть защищает свои законные интересы или интересы других лиц от посягательств, наказуемых уголовным законом, или предпринимает усилия для задержания лица, совершившего преступление[1]. Обозначенная позиция представляется заслуживающей внимания. Между тем следует отметить, что в правовой литературе отсутствует единое толкование такого понятия как «специальный субъект преступления». В этой связи заслуживает внимание позиция Рашковской Ш.С., которая относит к специальным субъектам лиц, обладающих кроме необходимых признаков еще и особыми, обусловленными их деятельностью или характером возложенных на них обязанностей, признаками, в силу которых только они могут совершить данное преступление[2]. Ученые так же высказываются о специальном субъекте, как о лице, которое обладает конкретными особенностями, признаками, указанными в диспозиции статьи, отражающими специфические свойства преступника[3]. Исходя из этого, можно прийти к выводу, что в привилегированных составах причинения вреда здоровью также имеет место специальный субъект преступления. Так, диспозиция ст. 113 УК РФ наделяет субъекта преступления особым состоянием внезапно возникшего сильного душевного волнения, которое не случайно появилось, а было вызвано конкретным (аморальным, противоправным, применяющим насилие) поведением потерпевшего, т. е. в отличие от других общих субъектов преступлений лицо, причинившее вред здоровью в состоянии аффекта, было спровоцировано на обозначенный поступок аналогично, как в ч. 1, 2 ст. 114 УК РФ. При этом Г.Н. Борзенков систематизирует характеризующие признаки специального субъекта следующим образом:

1) социальная роль и правовое положение субъекта:

а) гражданство;

б) должностное положение лица;

---

[1] См.: Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.

[2] Рашковская Ш.С. Субъект преступления. М., 1960. С. 7.

[3] Лейкина Н.С., Грабовская Н.П. Субъект преступления // Курс советского уголовного права. Общая часть. Л., 1968. Т. 1. С. 389; Уголовное право в Российской Федерации. Общая часть: учеб. / под ред. Б.В. Здравомыслова. М.: Юрист, 1996. С. 214.

в) профессия, род деятельности, характер выполняемой работы;
г) отношение к военной службе;
д) участие в судебном процессе;
е) осуждение или заключение под стражу;
ж) судимость;
2) физические свойства субъекта:
а) по возрасту;
б) по полу;
в) по состоянию здоровья и трудоспособности;
3) взаимоотношения субъекта с потерпевшим:
а) родственные отношения субъекта с потерпевшим и другими лицами;
б) служебные отношения;
в) иные отношения[1].

В такую, казалось бы, разностороннюю классификацию субъект преступлений по ст. 113, 114 УК РФ не попадает в некоторой степени, однако это не означает, что субъект обозначенных преступлений не попадает под категорию специального субъекта. Представляется верным в п. 3 обозначенной классификации добавить пп. «г», отражающий взаимоотношение субъекта с потерпевшим, как «спровоцировавший субъект посягательством, насилием, аморальным или противоправным поведением, в том числе бегством и сопротивлением лицу, оказывающему задержание».

Ю.В. Тарасова справедливо указывает, что законодатель, вводя в закон признаки специального субъекта преступления, тем самым определяет, что данное преступление может совершить не всякое лицо, а лишь обладающее такими признаками[2]. Очевидно, это в полной мере можно отнести и привилегированным составам, которые совершают не все категории лиц, а исключительно те, которые попадают под описание, установленное в диспозиции соответствующих статей УК РФ. Прав, по нашему мнению, А.Н. Трайнин, отмечающий, что признаки, вводимые законом в состав преступления для характеристики субъекта преступления, направлены к следующей цели: законодатель при помощи этих признаков сужает круг лиц, могущих нести уголовную ответственность за определенное преступление или определенную группу преступлений, тем самым утверждая положение, что не всякое физическое вменяемое лицо может быть субъектом данного вида или данного рода преступлений[3].

Так, например, в квартиру В.Д. Гордеева с целью совершения хищения чужого имущества через окно незаконно проник К., который совершил

---

[1] См.: Курс уголовного права. Общая часть: учеб. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. Т. 1. С. 292–293.

[2] Тарасова Ю.В. Специальный субъект преступления и его значение в уголовном праве / под ред. А.С. Михлина. М.: ВНИИ МВД России, 2007. С. 84.

[3] Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М.: Госюриздат, 1957. С. 191.

открытое хищение имущества: цветной телевизор и сотовый телефон, принадлежащий Т.Н. Гордеевой. Когда женщина обнаружила грабителя, который поднимал с комода телевизор, К. ударил телевизором ее по голове от чего она упала на кровать. Потерпевшая стала звать на помощь сына, и мужа, В.Д. Гордеева. Когда они прибежали в комнату, то узнали, что их ограбили: похитили телевизор, сотовый телефон, и что грабитель выбежал (может «выпрыгнул») во двор через окно. В.Д. Гордеев, желая задержать К. и вернуть похищенное имущество, выпрыгнул из окна квартиры на улицу, подобрал находившийся под окном дома деревянный стул и побежал за К. Он догнал К. на детской площадке и, деревянным стулом, превышая меры, необходимые для задержания К., умышленно нанес ему не менее 14 ударов деревянным стулом и правой ногой в голову, по туловищу и конечностям, тем самым причинив К. тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека и повлекший по неосторожности смерть потерпевшего[1].

Из приведенного примера следует, что виновный В.Д. Гордеев подходит под категорию специального, а не общего субъекта, так как он, по сути, является первичным потерпевшим, в дом которого проник грабитель, совершил хищение имущества и ударил жену виновного, что и спровоцировало дальнейшие действия В.Д. Гордеева. В суде стороной обвинения не были опровергнуты доводы В.Д. Гордеева о том, что тяжкий вред здоровью К. он причинил не из личных неприязненных отношений, а в результате задержания К. как лица, совершившего преступление, чтобы вернуть похищенные вещи и доставить преступника в отдел полиции. По словам В.Д. Гордеева, задержать К. иным способом не представлялось возможным, поскольку К. убегал, пытался оказать сопротивление. В.Д. Гордеев опасался насилия со стороны К., возможных сообщников грабителя, так как события происходили ночью в безлюдном месте. При этом если бы указанные сведения в судебном заседании были опровергнуты и выяснились иные обстоятельства, например, что К. в дом к виновному не забирался и его не грабил, либо тот факт, что удары виновный наносил из личных неприязненных отношений с потерпевшим, а не для того, чтобы задержать преступника, то к ответственности за содеянное он был бы привлечен в общем порядке.

В соответствии с п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27 сентября 2012 г. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»[2] право на задержание лица, совершившего преступление, имеют не только уполномоченные представители власти, но и иные лица, в том числе пострадавшие от преступления или ставшие его непо-

[1] Приговор Кировского районного суда г. Самары от 16 февр. 2018 г. по делу № 1-38/2018. URL: http://sudact.ru/regular/doc/XnN7tK2hQUmv/ (дата обращения: 04.03.2019).

[2] См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

средственными очевидцами, или лица, которым стало достоверно известно о его совершении. Таким образом, действия виновного полностью соответствуют как диспозиции ч. 2 ст. 114 УК РФ (умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление), так и требованиям указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Подводя итог отметим, что субъекты преступлений с привилегированным составом являются не общими, а специальными субъектами, так как уголовную ответственность за данные виды преступлений будет нести не всякое физическое вменяемое лицо, а только то, которое обладает конкретными особенностями, признаками, указанными в диспозиции соответствующих статей УК РФ (ст. 107, 108, 113, 114 УК РФ), отражающими специфические свойства преступника, в частности, тот факт, что поведение виновного было спровоцировано конкретным поведением потерпевшего: аморальным, противоправным, применяющим насилие, оказывающим покушение либо сопротивление, либо бегство от лица, оказывающего задержание, и т. д.

Фарышев Евгений Васильевич,
начальник отделения экономической безопасности
и противодействия коррупции
отдела МВД России по Абинскому району
Главного управления МВД России
по Краснодарскому краю

Проблемы совершенствования уголовной ответственности за преступления, совершенные с признаками криминального профессионализма

Профессиональная преступность проявляется во множественности тождественных и однородных преступлений корыстной направленности. Это свидетельствует об устойчивости избранного вида преступной деятельности, что приводит к оттачиванию преступниками своего «профессионального мастерства». Следовательно, для усиления борьбы с профессиональными преступниками необходимо учитывать однородность и тождественность при рецидиве преступлений. Авторами отмечается, что в связи с этим целесообразно ввести в уголовное законодательство нормы, предусматривающие специальный рецидив преступлений. М.М. Асланян предлагает под специальным рецидивом преступлений понимать «совершение

нового умышленного преступления лицом, ранее осужденным за однородное или тождественное преступление»[1].

Существует мнение, что закрепление в Общей части УК РФ понятия «профессиональный преступник» может способствовать усилению ответственности наиболее злостных преступников лишь в том случае, если в уголовно-правовые нормы ввести квалифицирующий признак – «совершение преступления профессиональным преступником». Данное отягчающее наказание обстоятельство поможет повысить объективность оценки личности преступника и соответственно индивидуализировать его наказание. Этот квалифицирующий признак следует ввести в следующие статьи УК РФ: ч. 2, ч.3 ст. 158, ст. 159 – 159.6, ч. 2 ст. 161, ч. 2 ст. 162, ч. 2 ст. 163, ч. 3 ст. 186[2].

Такая позиция представляется весьма спорной. Во-первых, уголовное законодательство в последнее идет по пути оценки не личностных характеристик лица, совершившего преступлений, а самого совершенного деяния. Именно поэтому произошел переход от понятия «рецидивист» к понятию «рецидив преступления». Во-вторых, не ясно, почему автором были выбраны именно перечисленные статьи. Криминализация деяний, появление квалифицирующих признаков, усиление ответственности должны сопровождаться криминологическим мониторингом и оценкой масштабов распространенности и уровня опасности явления. Конституционный Суд РФ указал, что «федеральный законодатель, определяя, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями, обязан избегать избыточного использования уголовно-правовой репрессии, помня о том, что основанием преступности противоправных деяний могут служить лишь обстоятельства, в совокупности объективно подтверждающие криминальную степень их общественной опасности, в том числе масштаб распространенности и динамика роста таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств» (Постановления от 27 июня 2005 г. № 7-П, от 27 мая 2008 г. № 8-П, от 16 июля 2015 г. № 22-П, от 10 февраля 2017 г. № 2-П и др.). Как справедливо отмечает Конституционный Суд РФ, «уголовное законодательство является по своей правовой природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным

[1] Асланян М.М. Совершенствование института рецидива преступлений как легальной формы профессиональной преступности // Общество и право. 2008. №2. С. 104.

[2] Кондратьева С.Н. Меры предупреждения профессиональной преступности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2011. № 6 (223). Вып. 25. С. 51.

образом только с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности» (Постановление от 10 февраля 2017 г. № 2-П).

Однако трудно спорить с тем, что систематическое совершение преступлений свидетельствует о повышенной общественной опасности субъекта и вызывает необходимость предоставления суду правовой возможности действительно реально индивидуализировать наказание. Справедливо отмечается, что при ныне действующем законе назначение наказания за каждый вид преступления приводит к тому, что лицо на самом деле несет реально наказание по одной статье, предусматривающей более строгое наказание. Совершение других преступлений является как бы отягчающим обстоятельством и учитывается судом при избрании окончательной меры наказания в пределах санкции данной нормы закона.

Такого же мнения придерживается и А.И. Долгова, которая считает, что работа против профессиональной преступности была бы более эффективной, если бы при назначении наказания использовался принцип сложения, а не поглощения более мягкого наказания более суровым, без ограничения окончательного наказания в виде лишения свободы тридцатью годами. Вместе с тем никогда не поздно применять и досрочное освобождение, если тот или иной преступник-профессионал сделал правильные выводы из пройденного им жизненного пути[1].

Таким образом, признание лица профессиональным преступником повлечет за собой более строгое наказание на основании и в пределах, которые предусмотрены УК РФ. В части квалификации преступлений и определения наказания профессиональным преступникам уголовный закон следует сделать более гибким, позволяющим судебным органам максимально обеспечивать индивидуальный подход к установлению ответственности за содеянное.

Введение квалифицирующего признака «совершение преступления в виде промысла» применительно к легализации преступных доходов сейчас более чем актуально. УК РФ в недостаточной мере отражает такое общественно опасное явление, как использование специальных познаний лицами при легализации преступно нажитых средств. Деяния преступника-профессионала должны наказываться строже[2].

Однако, как уже было отмечено, следует всё же придерживаться уголовно-правовой оценки не личности преступника, а совершенных им деяний. Признак криминального профессионализма существенным образом повышает общественную опасность содеянного. Введение в Общую часть УК РФ понятия «совершение преступлений с признаками криминального

---

[1] Криминология: учебник для вузов / под ред. А.И. Долговой. 3-е изд. М.: Норма, 2008. С. 537.

[2] Кондратьева С.Н. Меры предупреждения профессиональной преступности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2011. № 6 (223). Вып. 25. С. 51.

профессионализма» позволит конкретизировать уголовную ответственность виновных. Это, естественно, улучшит качество назначения уголовного наказания.

Понятие «совершение преступлений с признаками криминального профессионализма» следовало бы включить в ст. 18.1 УК РФ. Ее диспозиция может быть сформулирована следующим образом:

«Ст. 18.1 УК РФ Совершение преступлений с признаками криминального профессионализма

1. Совершением преступлений с признаками криминального профессионализма признается систематическое совершение лицом тождественных либо однородных преступлений, предусмотренных пунктом «з» части второй статьи 105, пунктом «г» части второй статьи 111, пунктом «ж» части второй статьи 117, статьями 126, 127.1, 127.2, 146, 147, 158, 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6, 161, 162, 163, 164, 171, 171.1, 171.2, 171.3, 172, 172.2, 174, 174.1, 175, 186, 187, 191, 191.1, 200.1, 200.2, 200.3, 206, 209, 210, 210.1, 222, 222.1, 223, 223.1, 226, 226.1, 227, 228.1, 228.4, 229, 229.1, 231, 234, 234.1, 235.1, 238.1, 240, 241, 242, 242.1, 242.2, 256, 258, 258.1, 260, 272, 273, 274.1, 295, 296, 317, 322.1, 327, 327.1, 327.2 настоящего Кодекса, вне зависимости от того, привлекалось ли оно к уголовной ответственности за их совершение, с использованием специальных знаний, умений и навыков с целью извлечения дохода.

2. Наличие в совершенных преступлениях признаков криминального профессионализма устанавливается судом.

3. Совершение преступлений с признаками криминального профессионализма влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом, а также иные последствия, предусмотренные законодательством Российской Федерации».

Следует особо оговориться относительно части 2 предлагаемой статьи. В данном случае на первый план выходит судейское усмотрение, поскольку не все преступления, перечисленные в ч. 1 ст. 18.1 УК РФ, совершенные повторно, можно отнести к совершенным с признаками криминального профессионализма.

Судейское усмотрение в уголовном праве – это осуществляемый в процессуальной форме специфический аспект правоприменительной деятельности, заключающийся в использовании предоставленных судье (следователю, дознавателю) уголовно-правовыми нормами правомочий по выбору решения в пределах, установленных законом, в соответствии с его правосознанием и волей законодателя, исходя из принципов права и конкретных обстоятельств совершения преступления[1].

[1] Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законотворчества, теории и практики: автореф. … докт. юрид. наук. М., 2011. С. 8.

При решении вопроса о наличии в совершенном деянии признаков криминального профессионализма нужно отталкиваться от уголовно-правовой и криминологической сущности этого явления. В частности, установлению и оценке в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства подлежат следующие обстоятельства:

– количество преступлений с признаками криминального профессионализма, совершенных виновным;

– длительность преступной деятельности, то есть количество времени, прошедшего с момента начала подготовки к совершению первого преступления до совершения последнего деяния, имеющего признаки криминального профессионализма;

– тождественность или однородность совершаемых преступлений. Под тождественностью понимается совершение нескольких преступлений, ответственность за которые предусмотрена одной статьей УК РФ. Под однородностью следует понимать схожесть объекта посягательства и механизма совершения преступления;

– конкретные знания, умения и навыки, применяемые лицом при совершении преступлений;

– размер дохода, полученного лицом в результате совершения преступлений;

– наличие связей виновного с криминальной средой, выражающаяся, в частности, в совместном совершении преступлений виновным с другими лицами, в том числе участниками организованных групп и преступных сообществ, вхождении виновного в преступных группы и сообщества, взаимодействии с лидерами преступной среды, производстве отчислений в бюджет криминальных структур («общак»).

На основе анализа перечисленных обстоятельств и делается вывод о наличии в совершенных деяниях признаков криминального профессионализма.

Предложенная редакция ст. 18.1 УК РФ была обсуждена с экспертами. Первый вопрос, заданный экспертам, был посвящен тому, как они в целом воспринимают возможность введения такой статьи в УК РФ и как оценивают перспективы противодействия профессиональной преступности в связи с появлением указанной нормы. Большинство опрошенных экспертов поддержало введение ст. 18.1 УК РФ в предложенной редакции. За это высказались 71,6% респондентов. Максимальная доля поддержавших авторскую инициативу приходится на сотрудников отделов «К» подразделений специальных технических мероприятий органов внутренних дел (81,3%), сотрудников уголовного розыска (75%), следователей (73,3%) и судей (72,2%). Нейтрально воспринимают возможность включения в Уголовный кодекс РФ ст. 18.1 и считают, что особого эффекта в противодействии профессиональной преступности от этого не будет 20,4% опрошенных. Наибольший удельный вес среди придерживающихся такой точки

зрения приходится на преподавателей уголовного права и криминологии вузов (28,6%). Негативно восприняли авторское предложение 8% респондентов. Основными аргументами против включения в Уголовный кодекс РФ эксперты считают значительное количество оценочных понятий в предлагаемой норме, чрезмерное расширение судейского усмотрения при отнесении деяния к числу преступлений, совершенных с признаками криминального профессионализма, что может способствовать коррупционным проявлениям среди правоприменителей.

Во втором вопросе экспертам предлагалось ответить, достаточен ли, по их мнению, перечень преступлений, совершенных с признаками криминального профессионализма, приведенный в предлагаемой автором ч. 1 ст. 18.1 УК РФ. В результате установлено, что достаточным считают перечень преступлений 87,6% опрошенных. 6,8% экспертов посчитали перечень недостаточным, практически все из них высказали точку зрения о возможности признать любое преступление, в результате которого был извлечен доход, совершенным с признаками криминального профессионализма. То есть фактически они предложили сделать этот перечень открытым, максимально расширив судейское усмотрение. Наибольший удельный вес среди экспертов, высказавшихся таким образом, принадлежит судьям (8,3%). Такое решение представляется чрезмерным и не соответствующим результатам криминологического мониторинга современной профессиональной преступности. 5,6% опрошенных экспертов посчитали предлагаемый перечень преступлений, совершенных с признаками криминального профессионализма, избыточным. Были высказаны точки зрения, согласно которым преступления экономической направленности не следует признавать совершенными с признаками криминального профессионализма.

В следующем вопросе экспертам предлагалось сравнить предлагаемые автором пути по совершенствованию уголовно-правового механизма противодействия профессиональной преступности с иными, высказанными в литературе, в частности, с предложением введения квалифицирующего признака «совершение преступления профессиональным преступником» в статьи Особенной части УК РФ, а также с закреплением в Общей части УК РФ понятия профессионального преступника. Большинство экспертов высказались за предложенные автором изменения и подтвердили их эффективность (83,2% опрошенных). Можно отметить и единство мнений разных категорий опрошенных экспертов. Доля респондентов, поддерживающих авторские изменения в уголовном законодательстве, варьируется от 78,6% среди преподавателей уголовного права и криминологии до 85,7% среди сотрудников уголовного розыска.

Можно утверждать, что в целом авторское предложение по включению в Уголовный кодекс РФ ст. 18.1 в указанной редакции нашло поддержку среди экспертов, причем в большей степени – среди экспертов-

практиков, сталкивающихся с проблемами привлечения к уголовной ответственности преступников-профессионалов.

Следующей мерой, направленной на совершенствование уголовно-правового механизма противодействия профессиональной преступности, является предложение признать совершение преступления с признаками криминального профессионализма обстоятельством, отягчающим наказание, дополнив ч. 1 ст. 63 УК РФ УК РФ пунктом «а.1» в следующей редакции: «Совершение преступлений с признаками криминального профессионализма». С таким предложением согласились 92,4% опрошенных экспертов.

Необходимо установить правила назначения наказания при совершении преступлений с признаками криминального профессионализма, для чего дополнить УК РФ статьей 68.1 в следующей редакции:

«Статья 68.1 Назначение наказания при совершении преступлений с признаками криминального профессионализма

1. При назначении наказания при совершении преступлений с признаками криминального профессионализма учитываются характер и степень общественной опасности совершенных преступлений, продолжительность преступной деятельности, факты привлечения к уголовной ответственности за ранее совершенные тождественные либо однородные преступления, размер причиненного материального ущерба и (или) извлеченного дохода.

2. Срок наказания при совершении преступлений с признаками криминального профессионализма не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса.

3. При совершении преступлений с признаками криминального профессионализма, если судом установлены смягчающие обстоятельства, предусмотренные статьей 61 настоящего Кодекса, срок наказания может быть назначен менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса, а при наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных статьей 64 настоящего Кодекса, может быть назначено более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление».

Предложение, согласно которому срок наказания при совершении преступлений с признаками криминального профессионализма не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ, было предложено оценить опрошенным экспертам. Поддержали идею автора 80,8% респондентов, еще 13,2% опрошенных посчитали такое наказание

для профессиональных преступников слишком мягким. Ответы экспертов на вопросы, касающиеся совершенствования уголовно-правового механизма противодействия профессиональной преступности, свидетельствуют о понимании экспертами проблемы и солидарности с автором в поисках ее решения, связанных, прежде всего, с усилением ответственности для лиц, совершивших преступления с признаками криминального профессионализма.

Федченко Владимир Владимирович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Правовые меры предупреждения преступлений и административных правонарушений экстремистской направленности

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020[1] г., оценивает состояние и направления, по которым развивается современный мир, одно из которых заключается в том, что «получат развитие националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма». Именно это объясняет тот факт, что руководство страны определяет главной тенденцией государственной политики России в сфере обеспечения национальной безопасности необходимость совершенствовать нормативно-правовое регулирование деятельности, которая направлена на то, чтобы предупреждать и противодействовать организованной преступности, коррупции, терроризму и экстремизму. По оценкам специалистов, в настоящее время в России, несмотря на деятельность государства по противодействию проявлениям экстремизма, их масштабы остаются достаточно внушительными[2].

Чтобы организовать противодействие экстремизму важно не только предупреждать преступления и правонарушения экстремистской

[1] Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (ред. от 01.07.2014) [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87685/ (Дата обращения: 22.04.2019)

[2] Соловьев В.С. Криминологическое исследование экстремистских проявлений в социальных сетях интернета (по материалам интернет-опроса пользователей) // Юристъ - Правоведъ. 2016. № 5 (78). С. 63-69.

направленности, но и осуществлять профилактику идеологии экстремизма. Наличие административной ответственности за деяния экстремистского характера направлено на предупреждение противоправной деятельности в данной сфере.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях1 (далее – КоАП РФ) предусматривает ответственность за осуществление экстремистской деятельности и физических и юридических лиц (например, в статье 20.3 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность юридических лиц за пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики). Федеральнымй закон № 114-ФЗ регулирует процедуру, которая призвана приостановить, ликвидировать или запретить деятельность по осуществлению экстремизма.

После 2002 г. поэтапно вводится законодательство, предусматривающее различные виды административной ответственности, которое направлено на то, чтобы пресекать экстремистские проявления. Данное законодательство по объекту делится на следующие направления, призванные:

пресекать деятельность запрещенных или ликвидированных организаций и объединений:

- организация и участие в деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого действует имеющее законную силу решение о приостановлении его деятельности (ч. 2 ст. 20.28 КоАП),
- организация и участие в деятельности некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, в отношении которой принято решение о приостановлении ее деятельности (ч. 2 ст. 20.28 КоАП);

бороться с возможностью распространять экстремистскую информацию:

- массовое распространение, хранение и производство экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов (20.29 КоАП),
- распространение информации о запрещенном или ликвидированном общественном объединении или иной организации (ч. 2 ст. 13.15 КоАП),
- публичное распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славе и памятных датах России, связанных с защитой Отечества (ч. 4 ст. 13.15 КоАП);

бороться с возможностью пропагандировать и публично демонстрировать нацистскую атрибутику или символику:

- публичное осквернение символов воинской славы России (ч. 4 ст. 13.15 КоАП),

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.04.2019) [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (Дата обращения: 22.04.2019)

- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения (ст. 20.3 КоАП),

- публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций (ч. 1 ст. 20.3 КоАП).

Наибольшую трансформацию претерпела введенная одной из первых в 2001 г. ст. 20.3 КоАП РФ, предусматривавшая ответственность за «демонстрирование фашистской атрибутики или символики в целях пропаганды такой атрибутики или символики».

С 2002 года в положение данной статьи добавлен признак *публичного* демонстрирования и пропаганды, а также, *сходности* с нацистской атрибутикой или символикой *до степени смешения*[1], с 2007 года введена часть вторая, которая предусматривает ответственность за «изготовление, сбыт или приобретение в целях сбыта нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, направленные на их пропаганду[2]», с 2012 года в часть первую добавили ответственность за *«публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций[3]».*

Чтобы пресекать организацию деятельности запрещенных или ликвидированных общественных или религиозных объединений, а также участие в такой деятельности и распространение о них сведений, с 2006 года ввели ст. 20.28 КоАП РФ[4], которая предусматривает административную ответственность за организацию деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого действует имеющее законную силу решение о приостановлении его деятельности, а также участие в такой деятельности.

---

[1] Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты РФ в связи с принятием ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 29.12.12) [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37865/ (Дата обращения: 22.04.2019)

[2] Федеральный закон от 10.05.2007 № 70-ФЗ «О внесении изменений в статьи 214 и 244 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56657/ (Дата обращения: 22.04.2019)

[3] Федеральный закон от 25.12.2012 № 255-ФЗ «О внесении изменений в статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 27.12.18) [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/ (Дата обращения: 22.04.2019)

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 01.04.2019) [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (Дата обращения: 22.04.2019)

В ноябре 2012 г. ст. 20.28 КоАП РФ дополнена частью 2[1], предусматривающей ответственность за организацию деятельности некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, в отношении которой принято решение о приостановлении ее деятельности, либо участие в такой деятельности.

Так, Федеральный закон от 24.07.2007 № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» запретил распространять информацию об общественном объединении или иной организации из опубликованного перечня общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых суд принял решение о ликвидации или запрете деятельности, и оно вступило в законную силу по основаниям, которые предусматривает Федеральный закон № 114-ФЗ, при отсутствии указания на ликвидацию общественного объединения или иной организации или запрет их деятельности, что предусматривает ст. 13.15 КоАП РФ. С 2009 года данная ответственность содержится во второй части приведённой статьи[2].

Последние новации повлекли требования общества к уважительному отношению к историческому наследию. Так, Федеральным законом от 05.05.2014 № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ст. 13.15 КоАП РФ введена ответственность за публичное распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, либо публичное осквернение символов воинской славы России, в том числе совершенные с применением средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей[3].

Таким образом, в связи с постоянно возникающими отношениями изменяется и дополняется законодательство в рассматриваемой сфере, в связи с чем, практика только нарабатывается и обобщается, что приводит к необходимости совершенствования законодательства.

---

[1] Федеральный закон от 12.11.2012 № 192-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] https://www.lawmix.ru/prof/92508 (Дата обращения: 22.04.2019)

[2] Федеральный закон от 28.12.2009 № 380-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_95513/ (Дата обращения: 22.04.2019)

[3] Федеральный закон от 05.05.2014 № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162575/ (Дата обращения: 22.04.2019)

Хациев Магомед Рамзанович,
аспирант кафедры уголовного права
юридического факультета
Кабардино-Балкарского государственного университета

Проблемы систематизации уголовно-правового регулирования ответственности за квалифицированные виды преступлений против правосудия, сопряженных с фальсификацией доказательств

Анализируя уголовно-правовую регламентацию квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков составов преступлений против правосудия, сопряженных с фальсификацией доказательств (ст.ст. 303, 299, 300, 302, 304, 305, 306, 307, 309 УК РФ), представляется возможным сделать вывод об имеющих место бессистемности и непоследовательности, которые проявляются в различных основаниях и содержании дифференциации ответственности за схожие преступления, а также в различной законодательной оценке характера и степени общественной опасности аналогичных по содержанию их квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков.

Так, говоря о несоответствии оснований и содержания дифференциации ответственности за схожие преступления против правосудия, сопряженные с фальсификацией доказательств, можно отметить, что Уголовным законом России в самостоятельных нормах УК РФ регламентируется ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела (ст. 299 УК РФ) и за незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ).

С нашей точки зрения, представляется вполне справедливой равная оценка законодателем характера и степени общественной опасности названных преступлений. Вывод о равенстве законодательной оценки можно сделать, исходя из содержания санкций, регламентированных основными составами незаконных привлечения и освобождения от уголовной ответственности – до семи лет лишения свободы. Вместе с тем, ст. 299 УК РФ об ответственности за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела состоит из трех частей, где основанием дифференциации ответственности альтернативно выступают тяжесть незаконно инкриминируемого преступления, факт, вид и размер причиненного ущерба, а также цель незаконного уголовного преследования в виде воспрепятствования предпринимательской деятельности. Вместе с тем, ст. 300 УК РФ не содержит ни одного из названных квалифицирующих признаков и структурно состоит только из

основного состава, изложенного в единственной части статьи. При этом представляется очевидным, что незаконное освобождение лица от уголовной ответственности, как и привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, безусловно, может совершаться при аналогичных отягчающих обстоятельствах (к примеру, по делу о тяжком или особо тяжком преступлении, из корыстной или иной личной заинтересованности), а также сопровождаться причинением крупного ущерба и иных тяжких последствий).

При этом отметим, тяжкая или особо тяжкая категория преступления, с которым связаны иные преступления против правосудия, состоящие, по сути, в создании недостоверных и (или) недопустимых доказательств, является основанием для дифференциации ответственности в ч. 3 ст. 303 УК РФ «Фальсификация доказательств по уголовному делу о тяжом или особо тяжком преступлении», в ч.2 ст. 306 УК РФ «Заведомо ложный донос, соединенный с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления», ч.2 ст. 307 УК РФ «Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод, соединенные с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления», а также в ст. 304 УК РФ «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд», где основанием дифференциации ответственности за искусственное создание доказательств обвинения посредством регламентации специальной уголовно-правовой нормы выступает не категория «фальсифицируемого» преступления, а его особый вид – взяточничество.

Говоря о тяжких последствиях или о причинении крупного ущерба в процессе незаконного освобождения лица от уголовной ответственности (тем более, в случаях совершения тяжких или особо тяжких преступлений) необходимо учесть вопросы преюдиции, в частности, в судопроизводстве по гражданскому или административному делу.

Так, в частности, в соответствии с ч.4 ст. 61 ГПК РФ «Вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор суда, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом»[1]. Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 64 КАС РФ «Вступившие в законную силу приговор суда по уголовному делу, иные постановления суда по этому делу и постановления суда по делу об административном правонарушении являются обязательными для суда, рассматривающего административное дело об административно-правовых последствиях действий лица, в

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.12.2018) // http://www.pravo.gov.ru

отношении которого вынесены приговор и постановления суда, только по вопросам о том, имели ли место определенные действия и совершены ли они этим лицом»[1]. В соответствии с ч. 4 ст. 69 АПК РФ «Вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для арбитражного суда по вопросам о том, имели ли место определенные действия и совершены ли они определенным лицом»[2]. Таким образом, незаконное освобождение лица от уголовной ответственности, к примеру, в связи с его непричастностью к совершению преступления, равно как и в связи с отсутствием события преступления, основанное на сфальсифицированных доказательствах, подтвержденное соответствующим судебным решением по уголовному делу, исключает возможность оспаривания факта причастности незаконно освобожденного от уголовной ответственности лица к совершению преступления и, соответственно, к причинению любого вреда в административном, гражданском и арбитражном процессах, включая крупный ущерб.

Учитывая вышеизложенное, представляется, что незаконное освобождение лица от уголовной ответственности не только существенно затрудняет доступ к правосудию потерпевших от преступления, но и создает угрозу причинения им крупного ущерба, иного существенного вреда, равно как и наступления иных тяжких последствий, аналогичных последствиям привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности.

Кроме того, учитывая положения института конфискации имущества, регламентированные главой 15.1 УК РФ, можно сделать вывод о том, что незаконное освобождение от уголовной ответственности лица, виновного в совершении преступлений, доходы от совершения которых подлежат конфискации, препятствует обращению в доход государства имущества, которое могло бы быть конфисковано в случае законного уголовного преследования виновного.

Обобщая полученные выводы, считаем, необоснованными различия в основаниях дифференциации ответственности за незаконное освобождение от уголовной ответственности и за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела, выражающиеся в отсутствии в ст. 300 УК РФ квалифицирующих признаков незаконного освобождения от уголовной ответственности «по уголовному делу о тяжком или особо тяжком преступлении», а также «повлекшее причинение крупного ущерба или иных тяжких последствий». Представляется, что дополнение ст. 300 УК РФ названными квалифици-

---

[1] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.12.2018) // http://www.pravo.gov.ru

[2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.12.2018) // http://www.pravo.gov.ru

рующими признаками в совокупности с регламентацией санкций, предусматривающих наказание в виде и размерах, соответствующих санкции ч.2 ст. 299 УК РФ, будет способствовать внутриотраслевой систематизации уголовно-правового регулирования ответственности за незаконное освобождение от уголовной ответственности.

Одним из видов преступлений против правосудия, сопряженных с фальсификацией доказательств обвинения, является предусмотренная ст. 304 УК РФ провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (в ред. Федерального закона от 23.04.2018 N 99-ФЗ).

Необходимо отметить, что действующая (равно как и предыдущие) редакция ст. 304 УК РФ включает лишь основной состав, без возможности дифференциации ответственности. При этом санкция данной нормы в качестве максимального размера наиболее строгого наказания предусматривает «лишение свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет». В то же самое время уголовно-правовые нормы об ответственности за получение взятки (ст. 290 УК РФ), получение коммерческого подкупа (ч. 5-8 ст. 204 УК РФ) и получение подкупа работником контрактной службы, контрактным управляющим либо членом комиссии по осуществлению закупок (ч. 4-6 ст. 200.5 УК РФ) предусматривают возможность дифференциации ответственности в зависимости от ряда квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков преступлений. Так, в частности, в зависимости от содержания квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков получения взятки, данное преступление может относиться как к категории преступлений небольшой тяжести (поскольку ч.1 ст. 290 УК РФ предусматривает наказание до трех лет лишения свободы), так и к категории тяжких (ч. 2 – ч. 4 ст. 290 УК РФ) и особо тяжких преступлений (поскольку ч.5 ст. 290 УК РФ предусматривает наказание до двенадцати, а ч. 6 – до пятнадцати лет лишения свободы). Аналогичным образом осуществляется дифференциация уголовной ответственности за получение коммерческого подкупа в ч.ч. 5-8 ст. 204 УК РФ, от чего, соответственно, зависит и категоризация основного и дифференцированных видов данного преступления, изменяющаяся с категории преступлений небольшой тяжести в основном составе (ч.5 ст. 204 УК РФ), на категорию преступлений средней тяжести в квалифицированном виде получения коммерческого подкупа (ч.6 ст. 204 УК РФ), а также на тяжкую и особо тяжкую категорию преступлений, соответственно, в особо квалифицированных видах получения коммерческого подкупа, предусмотренных ч. 7 и ч.8 ст. 204 УК РФ. Кроме того, статьей 200.5 УК РФ регламентируется аналогичный вышеперечисленным алгоритм категоризации дифференцированных видов получения подкупа работником контрактной службы, контрактным управляющим или членом комиссии по осуществлению за-

купок, в соответствии с которым в процессе дифференциации ответственности изменяется категория данного преступления с небольшой тяжести в основном составе (ч.4 ст. 200.5 УК РФ) до категории тяжкого и особо тяжкого преступления, соответственно, в его квалифицированном (ч.5 ст. 200.5 УК РФ) и особо квалифицированном (ч.6 ст. 200.5 УК РФ) видах.

Существенная разница в санкциях за основные и квалифицированные (особо квалифицированные) виды рассматриваемых коррупционных преступлений, с нашей точки зрения, вполне справедлива, будучи обоснованной существенной разницей в характере и степени общественной опасности каждого из отягчающих и особо отягчающих обстоятельств, при которых они совершаются. Вместе с тем, мы считаем, что регламентация в одной части ст. 304 УК РФ ответственности за провокации данных преступлений не вполне обоснована и справедлива.

С нашей точки зрения, установление в ст. 304 УК РФ за провокацию любого из дифференцированных видов перечисленных коррупционных преступлений единого размера наказания (пусть и в альтернативной и относительно-определенной, но все же единой санкции), вне зависимости от квалифицирующих или особо квалифицирующих признаков, а также категории, соответствующей наиболее строгому наказанию, предусмотренному за провоцируемое преступление, в любом случае противоречит принципу справедливости, поскольку ответственность за провокацию любого из видов рассматриваемых коррупционных преступлений в максимальных пределах наказания не превышает пяти лет лишения свободы.

Представляется не вполне справедливой ситуация, когда провокатор, искусственно создавая доказательства обвинения в совершении лицом коррупционного преступления, подлежит ответственности за преступление средней тяжести, независимо от того, что провоцируемое им преступление может относиться к категории тяжких и даже особо тяжких преступлений.

Проведенное нами исследование позволяет утверждать, что уголовно-процессуальные меры пресечения, применяемые к подозреваемым и обвиняемым в совершении тяжких и особо тяжких коррупционных преступлений, расследуемым в общем порядке, более чем в 90 % случаев состоят в заключении под стражу. Вместе с тем, заключение под стражу, будучи формально законным, может стать результатом осуществленной провокации коррупционного преступления, существо которой может быть установлено лишь в процессе предварительного расследования, т.е. в период фактически незаконного причинения вреда свободе личности потерпевшего от провокации.

Кроме того, заключение под стражу в процессе провокации тяжких и особо тяжких видов получения коммерческого подкупа, безусловно, создает угрозу причинения потерпевшему от провокации коммерческого подкупа крупного ущерба. В послании к Федеральному собранию от 03.12.2015г. Президент России обращал особое внимание на то, что из

100 % дел, возбужденных в отношении предпринимателей в 2014 году, только 15% завершились вынесением обвинительного приговора. При этом «83 процента предпринимателей, на которых были заведены уголовные дела, полностью или частично потеряли бизнес»[1].

Учитывая вышеизложенное, на наш взгляд, можно сделать вывод о том, что в результате провокации тяжкого или особо тяжкого коррупционного преступления причиняется вред не только интересам правосудия, но и создается реальная угроза причинения существенного вреда иным правам и свободам личности, а также охраняемым законом интересам общества и государства, в частности, свободе личности, а также законной и эффективной предпринимательской деятельности. С нашей точки зрения, обозначенные общественно опасные последствия не соответствуют характеру и степени общественной опасности преступлений средней тяжести, к категории которых относится предусмотренная ст. 304 УК РФ провокация коррупционных преступлений. При значительной дифференциации ответственности за коррупционные преступления, ст. 304 УК РФ не предусматривает возможности дифференциации ответственности за их провокацию в зависимости от характера и степени ее общественной опасности и, как следствие, от категории провоцируемого преступления коррупционного характера.

В свете предложенного нами выше дополнения ст. 300 УК РФ квалифицирующим признаком, отражающим категорию преступления, с которым сопряжена фальсификация доказательств, считаем, что подобного рода дифференциация уголовной ответственности должна найти отражение в содержании ст. 304 УК РФ в виде квалифицирующих признаков провокации тяжкого или особо тяжкого вида получения взятки, коммерческого подкупа или подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

Оценивая виды и размеры наказаний, которые могли бы быть регламентированы в процессе предлагаемой нами дифференциации уголовной ответственности за провокацию коррупционных преступлений, отметим, что наказания за провокацию тяжкого или особо тяжкого коррупционного преступления, с нашей точки зрения, должны соответствовать регламентированным УК РФ пределам наказания за провоцируемые тяжкие и, соответственно, особо тяжкие преступления.

[1] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 // Российская газета. № 275. 04.12.2015.

Хисамова Зарина Илдузовна,
кандидат юридических наук,
начальник отделения планирования
и координации научной деятельности
научно-исследовательского отдела
Краснодарского университета МВД России

Роль органов внутренних дел в предупреждении преступлений с использованием цифровых финансовых активов

Всеобщая цифровизация неизбежно сказалась и на преступности. Она «оцифровывается», при этом процесс непрерывно движется в двух направлениях: с одной стороны цифровые технологии все более активно применяются в традиционных формах преступлений, с другой – появляются новые деяния, содержащие признаки преступлений, однако, до конца не оформленные в уголовном законодательстве.

Деяние является преступным, если оно содержит в себе признаки общественной опасности, виновности, противоправности и наказуемости. Новые преступные явления в цифровом пространстве характеризуются всеми указанными признаками, за исключением одного – наказуемости. Отсутствие уголовно-правовых запретов и откровенное отставание уголовного законодательства от темпов цифровых преобразований, происходящих в преступном мире, создает ситуацию, когда деяния, несомненно, обладающие повышенной общественной опасностью, не находят должной уголовно-правовой оценки. В указанных условиях особую значимость приобретает деятельность по предупреждению общественно опасных деяний в цифровой сфере, и неотъемлемая роль в указанном процессе отводится органам внутренних дел. «Их деятельность по пресечению и раскрытию преступлений оказывает большое значение в деле профилактики общественно опасных деяний. К задачам органов внутренних дел относится индивидуальная работа, а также внедрение некоторых общих направлений профилактической деятельности на основе анализа состояния преступности»[1].

Правонарушения и преступления в финансовой сфере всегда являлись особенно «чувствительными» как для общества, так и для государства, создавая угрозу дестабилизации социально-экономической ситуации в стране. Появление цифровых активов, ставшее реперной точкой цифровизации финансовых институтов, обусловило появление нового вида циф-

[1] Савченко А.А. Соотношение понятий профилактики преступлений и предупреждения преступлений в современной юридической доктрине // Современное право. 2010. № 3. С. 112-114.

ровой преступности – преступлений с использованием цифровых финансовых активов.

На сегодняшний день можно выделить несколько направлений преступной деятельности, в которых активно применяются цифровые финансовые активы, при этом они могут выступать как предметом преступлений, так и средством их совершения. Россия вошла в первую тройку стран по количеству атак на криптовалютные биржи[1], все чаще вымогатели стали требовать выкуп в криптовалютах, а Monero и Zcash неоднократно признавались наиболее востребованными средствами оплаты товаров и услуг в Darknet.

Не вдаваясь в подробный анализ видов преступных посягательств, совершаемых с использованием цифровых финансовых активов, отметим, что роль органов внутренних дел в предупреждении всех посягательств несомненна велика[2].

Эффективная превентивная работа невозможна в условиях отсутствия позитивного регулирования рассматриваемых общественных отношений. Примечательно, что в законотворческой работе по созданию правового механизма регулирования цифровых активов, принимают участие все министерства и ведомства экономического блока, тогда как правоохранительные органы в указанный процесс не вовлечены. Проведенный нами анализ свидетельствует о том, что ни один из предложенных законопроектов не содержит каких-либо механизмов по защите и охране прав участников рынка цифровых активов. Что, несомненно, является существенным упущением со стороны Министерства внутренних дел, которому приходится рассматривать обращения граждан, ставших жертвами преступных посягательств.

Нормотворческая работа МВД также должна реализовываться и в направлении создания механизмов конфискации цифровых финансовых активов, полученных в результате совершения преступлений[3].

Отдельное внимание следует уделить просветительской работе. Рынок криптовалют, выросший в одночасье в многомиллиардную индустрию, в условиях повсеместного распространения интернета и социальных сетей стал своеобразным «Полем Чудес». Бум ICO 2017 года, обещавший легкую и многократную прибыль, оставил за собой сотни обманутых вкладчиков. Для большинства граждан криптовалюты были ознаменованы появлением

[1] URL: https://forklog.com/v-krymu-nachata-proverka-po-faktu-hishheniya-bitkoinov-u-klientov-birzhi-wex/

[2] Fick J. Prevention is Better than Prosecution: Deepening the Defence against Cyber Crime //Journal of Digital Forensics, Security and Law: 2019. Vol. 4: No. 4, Article 3.

[3] URL: https://investfuture.ru/news/id/v-rossii-razrabatyvayut-mehanizm-aresta-i-konfiskacii-kriptovalyut © Investfuture.ru

«новых» и «надежных» инструментов для инвестиции, не смотря на отсутствие какого-либо юридического обоснования осуществления такой деятельности.

Ограниченная осведомленность населения о сущности и природе цифровых активов с одновременным «пиаром» их прибыльности, обусловили ситуации, когда мошенникам удавалось продать в качестве «биткоинов» «значки и монеты с логотипом криптовалюты».

Несомненно, отсутствие правового регулирования существенно ограничивает возможности правоохранительных органов в предупреждении рассматриваемых злоупотреблений. Вместе с тем, на сегодняшний день, в условиях несовершенства форм статистической отчетности о преступлениях, невозможно сформировать объективную картину о степени распространенности отдельных деяний и размерах нанесенного ущерба.

Говоря в целом об основных аспектах противодействия преступлениям с использованием цифровых финансовых активов, необходимо резюмировать что применения «точечных» мер предупреждения явно недостаточно.

Для правоохранительных органов вслед за созданием эффективных уголовно-правовых мер, критически важным видится разработка новой парадигмы в области криминалистической методики расследования преступлений.

Экспертами справедливо отмечается необходимость расширения частно-государственного партнерства в целях эффективного обмена оперативной информацией и противодействия криминальным угрозам.

Интересным в данном аспекте является применение инновационных программных продуктов, активно используемых компаниями, предоставляющими услуги по производству экспертиз. К примеру, платформа Crystal Blockchain. Программа обладает широким спектром функций, обеспечивающих максимально эффективное проведение расследований в блокчейне. Инструмент не только помогает установить адреса кошельков отправителя и получателя, но и связывает их с субъектами реального мира. Эффективность программного продукта была наглядно продемонстрирована при расследовании атаки на биржу Zaif в сентябре 2018 года. Злоумышленникам удалось успешно перевести 5966 BTC и неизвестное количество BCH и MONA. По итогам частного расследования было установлено, что 30% украденных биткоинов находится на адресах хакеров без движения, 24% отправлены на биржу Binance через серию мелких транзакций, остальные украденные средства были выведены либо переведены на другие биржи[1].

[1] URL: https://cryptorussia.ru/zametki/chas...shchyu-crystal

В рамках государственно-частного партнерства перспективной видится и консолидация усилий в области оказания помощи потерпевшим. В указанном аспекте интересна инициатива Российской ассоциации криптоиндустрии и блокчейна (РАКИБ). Инициатива РАКИБ FPCIA (First Private Cryptocurrency Investigation Agency) представляет собой службу помощи пострадавшим от действий мошенников и недобросовестных участников криптовалютного рынка. По задумке инициаторов сервис будет включать широкий спектр услуг, начиная от помощи в ситуации, когда средства уже потеряны, до оценки персонала инвестиционных проектов, на предмет риска хищения денег[1].

Отдельный круг проблем в вопросе создания эффективных мер противодействия преступлениям, совершаемым с использованием цифровых финансовых активов, связан с подготовкой квалифицированных кадров[2].

Весьма перспективным решением в предупреждении преступлений, совершаемых с использованием цифровых финансовых активов, является внесение поправок в Федеральный закон «О полиции», дающих право органам внутренних дел выносить гражданам официальные предостережения о недопустимости действий, которые создают условия для нарушений закона[3].

Резюмируя вышеизложенное, следует заключить, что не смотря на отсутствие регулирования рынка цифровых финансовых активов, правоохранительные органы обладают достаточно эффективным арсеналом для предупреждения криминальных посягательств в указанной сфере.

Хомутов Максим Владимирович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Зарубежный опыт участия общественных организаций в предупреждении преступлений

Идея Ш. Монтескье о приоритете предупреждения преступлений над наказанием за их совершение широко распространена сегодня во всем мире и лежит в основе уголовной политики не только России, но и подавляющего большинства зарубежных стран. В практике предупреждения пре-

[1] URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/5bfd5...TEGl1gt42kRBGU

[2] Goodison S.E., Woods D., Barnum J. D., Kemerer A.R., Jackson B. A. Identifying Law Enforcement Needs for Conducting Criminal Investigations Involving Evidence on the Dark Web.- RAND. 2019. 27 p.

[3] https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/03/18/796674-politseiskie-ofitsialnie

ступлений общей чертой развитых государств является обязательное участие в антикриминальной деятельности граждан и их объединений.

Мировой опыт участия общественных формирований в предупреждении преступлений весьма обширный. С позиции общесоциального предупреждения преступлений – это участие общественных формирований в оказании социальной, психологической, юридической, материальной помощи нуждающимся. К этой категории относятся лица, отбывающие наказание или освободившиеся из мест лишения свободы, бездомные, лица, ведущие аморальный образ жизни, малообеспеченные семьи, безнадзорные и беспризорные дети, лица, злоупотребляющие спиртными напитками и наркотиками.

Одним из направлений общесоциального предупреждения преступлений благотворительными общественными организациями в европейских странах и в Америке в конце XIX – сер. XX в. стало миссионерство. Суть этой деятельности заключалось в материальной помощи нуждающимся и ресоциализации при помощи авторитета христианской морали лиц, совершивших преступления. Ресоциализацией преступников, а также возвращением в ряды законопослушных граждан беспризорных детей и занимавшихся проституцией женщин занимались, действовавшие еще с конца XVIII в. в Дании, Англии, во Франции, Филадельфии общественные патронатные учреждения.

Среди европейских государств можно выделить скандинавские страны, где достаточно много внимания уделяется участию общественности в предупреждении преступности. Так, в 1974 году в составе Министерства юстиции Швеции был создан Национальный шведский совет по предупреждению преступлений. Руководит советом коллегия из 20 представителей государственных учреждений и общественных организаций. Совет проводит криминологические исследования, по результатам которых ежегодно публикуются доклады[1].

Подобные советы действуют также Дании, Франции, Нидерландах, Великобритании, Германии[2], Сингапуре[3] и Корее[4]. В их состав, как правило, входят известные и уважаемые в стране ученые, политики, а также руководители некоммерческих общественных институтов. Основной задачей общественных советов по предупреждению преступности является:

---

[1] Шведский национальный совет по предупреждению преступности // URL: https://www.bra.se/bra-in-english/home/about-bra.html (дата обращения: 20.11.2019).

[2] Германский фонд по предупреждению преступности и поддержке правонарушителей // URL: https://www.dbh-online.de/ (дата обращения: 20.11.2019).

[3] Национальный совет по предупреждению преступности // URL: https://ncpc.org.sg/about.html (дата обращения: 20.11.2019).

[4] Корейский научно-исследовательский институт уголовной политики // URL: https://www.kic.re.kr /index.jsp (дата обращения: 20.11.2019).

- максимальное привлечение общественности в лице рядовых граждан, некоммерческих организаций и волонтеров к предупреждению преступлений;

- выявление латентных социальных патологий и разработка мер по их нейтрализации;

- поддержание интереса государства к организации и финансированию программ предупреждения преступлений на всех уровнях.

Еще одной формой взаимодействия государства с общественными организациями является Международный центр по предупреждению преступности (The International Centre for the Prevention of Crime (ICPC))[1]. Эта организация была основана в 1994 году, первоначально правительствами Канады, Франции и Квебека, а в настоящее время в настоящее в нее входят различные правительства разных стран мира, а также Совет международных, региональных и национальных организаций, городов и широкий круг неправительственных организаций и ассоциаций, занимающихся вопросами предупреждения преступности и обеспечения безопасности общин. Основная цель деятельности ICPC заключается в содействии обеспечению безопасных и здоровых условий жизни общества и общин посредством осуществления основанных на фактических данных программ, а также на поддержку международных норм и стандартов, в частности руководящих принципов Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности (1995 и 2002 годы).

Основной концепцией участия общественности в предупреждении преступлений в странах западной Европы, Канаде, США и Японии является «community policing» – «общественная» или «коммунальная полиция». Суть данного подхода состоит в создании и поддержании партнерских отношений между полицией и населением с целью повышения защищенности граждан, недопущения совершения преступлений и повышения эффективности работы полиции. Основной акцент в таком подходе делается на взаимодействие с общиной – «community» и ее институтами, а также организации соседского контроля (присмотра) – «neighborhood-watch»[2].

Практика соседского контроля за рубежом возникла в средине прошлого века в США и явилась реакцией на резонансное убийство жительницы Нью-Йорка, после чего жители района Квинс стали объединяться в отряды для патрулирования улиц с целью поимки убийцы и обеспечения общественной безопасности. Данная общественная инициатива была поддержана Национальной ассоциацией шерифов США и как результат – по-

[1] Международный центр по предупреждению преступности // URL: https://cipc-icpc.org/en/home/ (дата обращения: 20.11.2019).

[2] Соседский дозор // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Neighborhood_watch (дата обращения: 20.11.2019).

лиция стала активно сотрудничать с волонтёрами, начав задействовать их в своих рейдах и профилактических мероприятиях. Стоит отметить, что в нашей стране механизм участия самоорганизованных отрядов граждан в охране общественного порядка сформировался намного раньше – в 20-х гг. прошлого века при заводах и предприятиях создаются общества содействия милиции для борьбы с хулиганами и пьяницами[1].

На сегодняшний день подобные формы участия граждан в предупреждении преступлений довольно популярны и пользуются поддержкой со стороны государственной власти: Безопасный Город Миссиссога[2] (Канада), Ангелы-Хранители[3] (США), Neighbourhood Watch[4] (Великобритания), Инминбан (Северная Корея), Buurtpreventie[5] (Нидерланды), Eesti Naabrivalve[6] (Эстония). Объединяет их одно – это некоммерческие объединения граждан организованные по территориальному принципу с целью обеспечения общественной безопасности, информирования проживающих на территории граждан об основах безопасности и развития взаимодействия с органами государственной власти, местного самоуправления и полицией.

Также на охрану общественного порядка направлена еще одна форма антикриминальной активности – совместное патрулирование улиц вместе с полицейскими. Причем в различных формах – от простого наблюдения за порядком на улицах до создания специальных формирований в определенной униформе и обладающих правом применять оружие и спецсредства при задержании преступника.

Мотивация для привлечения граждан к такому патрулированию тоже довольно разная – от простого призыва к гражданскому долгу до материального и иного стимулирования. Так, например полицейское управление штата Нью-Йорк (США) организовало в г. Рочестер обучающие курсы в

---

[1] Хомутов М.В. Деятельность общественных организаций по предупреждению преступлений в СССР // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 319-324.

[2] Безопасный город Миссиссога // URL: http://safecitymississauga.on.ca/programs/neighbourhood-watch/ (дата обращения: 20.11.2019).

[3] Ангелы Хранители // URL: http://guardianangels.org/ (дата обращения: 20.11.2019).

[4] Соседское наблюдение // URL: https://www.ourwatch.org.uk/ (дата обращения: 20.11.2019).

[5] Соседский дозор // URL: https://buurtpreventie.startpagina.nl/ (дата обращения: 20.11.2019).

[6] Eesti Naabrivalve // URL: https://www.naabrivalve.ee/?mid=5 (дата обращения: 20.11.2019).

рамках программы «Полиция и жители – вместе против преступности»[1] с целью привлечения жителей к несению патрульной службы совместно с полицейскими. В качестве мотивации, студентам, например, было предложено за 90 часов патрулирования улиц оплатить их годовое обучение в колледже.

Помимо охраны общественного порядка антикриминальный потенциал возможности общественных объединений используется в зарубежных странах еще в одном немаловажном направлении. Это предупреждение делинквентного поведения и преступности несовершеннолетних.

Особенно интересен в этой сфере опыт Японии, где в 1947 году были созданы Ассоциации старших братьев и сестер. Такие Ассоциации проводят работу с подростками, совершившими правонарушения, стремясь установить с ними дружеские взаимоотношения, оказать позитивное влияние на них и помогая решить возникающие проблемы. С подростками, совершившими преступления, в Японии также ведут профилактическую работу Женские общества реабилитационной защиты, ассоциации родителей и учителей, ассоциации наставников несовершеннолетних, занимающиеся выявлением трудных и делинквентных подростков и воспитательной работой с ними, ассоциации связи школы и производства с полицией, центры по руководству несовершеннолетними.

В Великобритании несколько иной подход к предупреждению преступности несовершеннолетних с использованием возможностей общества. На профилактику преступлений несовершеннолетних там направлены национальные программы по оказанию помощи семьям с детьми, организации досуга несовершеннолетних, трудоустройству подростков. Для реализации таких программ государство осуществляет подбор и обучение добровольцев по соответствующим направлениям, а также привлекает некоммерческие молодежные организации и местные органы власти[2].

Помимо организации досуга и помощи несовершеннолетним в тяжелой жизненной ситуации, общественные формирования в странах Западной Европы, США, Канаде и Японии выполняют работу, направленную на расширение правовых знаний несовершеннолетних, формирование у них уважения к закону и законопослушного поведения[3].

---

[1] Департамент полиции Рочестера – Программа «Полиция и граждане вместе против преступности» // URL: https://www.cityofrochester.gov/pactac/ (дата обращения: 20.11.2019).

[2] Ведерникова О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью в Великобритании. М., 2001. С. 304-305.

[3] Раскина Т.В. Криминологические проблемы участия общественности в предупреждении преступности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. С. 87.

Анализируя зарубежный опыт, можно с уверенностью говорить о существенном вкладе общественности в дело предупреждения преступлений, а также определить основные направления предупреждения преступлений, где наиболее актуально участие общественных формирований:

– создание площадок для диалога власти с общественными организациями, где выявляются существующие и назревающие социальные патологии и вырабатываются меры по их устранению совместными усилиями государства и общества;

– привлечение граждан к участию в охране общественного порядка в различных формах, используя разнообразные способы стимулирования антикриминальной активности граждан и их объединений;

– создание и государственная поддержка (в рамках антикриминальных программ) общественных объединений различного уровня, состава и направленности по предупреждению делинквентного поведения несовершеннолетних.

Сегодня в России созданы все предпосылки для использования представленного зарубежного опыта использования возможностей общественных формирований для предупреждения преступлений:

– имеется нормативная база, регулирующая участие общественности в предупреждении преступлений;

– богатый опыт поддержки СО НКО со стороны государства в сфере социального обслуживания населения;

– рост желания граждан участвовать в общественной деятельности[1];

– снижение уровня доверия общества к органам власти, в том числе и к правоохранительным органам[2].

Использование передового зарубежного опыта участия общественных формирований и граждан в предупреждении преступлений позволит существенно повысить качество современной правоохранительной деятельности, в том числе формирование и развитие технологий участия граждан и негосударственных некоммерческих организаций в предупреждении преступлений[3].

---

[1] Права человека – Левада-центр // URL: https://www.levada.ru/2019/11/20/prava-cheloveka/ (дата обращения: 20.11.2019).

[2] Результаты опроса ВЦИОМ показали снижение уровня доверия россиян к полиции // URL: https://www.mk.ru/politics/2019/11/06/vciom-vse-menshe-rossiyan-doveryayut-policii.html (дата обращения: 20.11.2019).

[3] Грибанов Е.В. Технологии предупреждения преступлений: проблемы формирования и развития // Государство и право. 2019. № 10. С. 99.

Хун Аслан Зауркановић,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России.

Сравнительный анализ ст. 38 УК РФ и п. 4 ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О полиции»: проблемы правоприменительной практики

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в ст. 38 Уголовного кодекса Российской Федерации[1] (далее – УК РФ) и в п. 4 ч. 1 ст. 23 Федерального закона от 07.02.2011 №3-ФЗ «О полиции»[2] (далее – ФЗ «О полиции») содержатся категории, требующие предварительной оценки лицами, осуществляющими задержание, что на практике в условиях экстремальных ситуаций, не всегда представляется возможным выполнить верно. Кроме того, дальнейшая оценка правомерности причинения вреда лицу при его задержании дается на основе широкого судейского усмотрения, что является причиной вынесения многочисленных неправосудных приговоров и в целом подрывает доверие к судебной системе.

Не вызывает сомнения, что задержание лица, совершившего преступление, является действием общественно полезным, и таким правом обладает любой человек, но чаще приходиться выполнять такое задержание сотрудникам полиции, для которых такое задержание является прямой обязанностью, в отличие от иных лиц, имеющих такое право.

По заявлению главы МВД РФ В.А. Колокольцева, в течение прошлого, 2018 года, 38 сотрудников полиции погибли и более 1,3 тысяч получили ранения в процессе осуществления своей служебной деятельности.

Одной из причин сложившейся ситуации является сложность и противоречивость нормативной базы, регламентирующей порядок и условия применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками полиции.

Так, п. 4 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции» обусловливает возможность применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия в отношении лиц, застигнутых при совершении преступления, обязательным наличием следующих обстоятельств:

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 16.10.2019 г.) // Электрон. дан. Консультант Плюс. 2019. Режим доступа: http://www.consultant.ru.

[2] Федеральный закон от 07.02.2011 №3-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О полиции» (по состоянию на 30.08.2019 г.) // Электрон. дан. Консультант Плюс. 2019. Режим доступа: http://www.consultant.ru.

- лицо было застигнуто при совершении деяния, содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления;

- данное деяние должно нести посягательство на жизнь, здоровье или собственность;

- лицо должно пытаться скрыться;

- иными средствами задержать данное лицо не представлялось возможным.

В части 1 ст. 38 УК РФ содержатся схожие основания правомерного причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление:

- задерживаемое лицо должно совершить именно преступление;

- объективная сторона общественно опасного посягательства должно быть уже выполнена;

- вред может быть причинен только задерживаемому лицу, а не третьим лицам;

-целью задержания должно являться его доставление в соответствующие органы власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений;

- причинение вреда должна быть вынужденной мерой и единственным средством и способом задержания данного лица;

- не должно быть допущено превышения мер, необходимых для его задержания.

Данное обстоятельство, во-первых, не охватывает случаи задержания лица, совершающего побег из-под стражи, так как побег возможен только после состоявшегося задержания и доставления органам власти или даже из места заключения. Об этом свидетельствуют, в частности, требования п.п. 4 и 7 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции», определяющие эти два случая задержания самостоятельными основаниями для применения огнестрельного оружия. Во-вторых, указание в рассматриваемой статье на цель доставления органам власти фактически определяет, что лицо имеющее право на причинение вреда при данном обстоятельстве, исключающего преступность деяния, не может быть представителем власти, так как передача задерживаемого лица сотруднику полиции – это и есть передача его органу власти. В-третьих, вся основа права задержания лица, совершившего преступление, строится на обстоятельстве совершения преступления, т.е. лицо имеющее право на причинение вреда, либо видел совершение преступления и посягающего, либо на него прямо указали свидетели, и при этом, лицо совершившее преступление, обязательно должен пытаться скрыться с места совершения преступления, стараясь избежать ответственности. Постановление ПВС РФ № 19-2012 даже не упоминает случаев совершения побега из-под стражи при анализе ст. 38 УК РФ.

Конечно, побег из-под стражи лица, представляющего угрозу жизни людей может быть предложено отнести к необходимой обороне, но такое

мнение представляется ошибочным, кроме нападения на кого либо в соответствии со ст.37 УК РФ, так как угроза жизни людей носит вероятностный, а не непосредственный характер.

В правовом государстве полномочия сотрудников полиции правомочных и обязанных к применению государственных мер физического принуждения, направленных на сохранение правового порядка, обеспечение безопасности личности и ее интересов, общества и государства, не должны оставлять пробелов или предусматривать двусмысленных норм. Они не должны вызывать различных толкований, которые становятся не только основанием для привлечения сотрудников полиции к ответственности вопреки здравому смыслу и социальной необходимости, но и препятствуют своевременному и необходимому в конкретных ситуациях применению этих государственных мер физического принуждения. Нельзя допускать, когда сотрудники полиции, причинившие обоснованный объективными условиями, социально необходимый или неизбежный, но обоснованный ситуацией вред, будут нести ответственность из-за разночтения законов, предусмотренных их полномочиями.

Следует сразу отметить, что и п. 4 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции», и ст. 38 УК РФ предусматривается возможность задержания лица, совершившего именно преступление, а касаемо сотрудников полиции – применение ими огнестрельного оружия допускается только в отношении лиц, совершивших деяния против жизни, здоровья или собственности, имеющих признаки тяжкого или особо тяжкого преступления.

Обвиняемые в совершении преступления считаются невиновными, хотя преступление существует с момента выполнения объективной стороны до тех пор, пока виновность данного лица не будет доказана в регламентированном федеральным законом порядке и установлена вступившими в законную силу приговорами судов (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ). Во время задержания такого лица практически невозможно дать точную юридическую оценку в полной мере и самое сложное определить - будет ли задерживаемое лицо в дальнейшем признано виновным. При этом, действующее законодательство не содержит прямых указаний относительно возможности задержания лиц, не являющихся субъектами преступления, например, в связи с невменяемостью, не достигших возраста уголовной ответственности или лиц, невиновно причинивших вред. В данном случае, сотрудники полиции или обычные граждане в момент задержания такого лица, т.е., как правило, в считанные секунды, при условии нахождения в психотравмирующей ситуации, а также потенциальной угрозы возобновления или продолжении данного обстоятельства, должны не только определить вменяемость, возраст и степень вины задерживаемого лица, но также юридически верно квалифицировать его деяние. Представляется, что такой набор профессиональных качеств присутствует, наверное, у неболь-

шого количества сотрудников правоохранительных органов[1]. В этой ситуации практически невозможно точная и правильная юридическая оценка совершенного деяния, тем более установление признаков тяжкого или особо тяжкого преступления в совершенном деянии именно в момент преследования данного лица. Другими словами, необходимо установить точную квалификацию, затем исходя из санкции к данному составу, определить категорию тяжести преступления и только после этого можно решать вопрос о правомерном применении оружия сотрудниками полиции.

Говорить же в подобных случаях об обычных гражданах не приходится вовсе.

Для обычных граждан не указана возможность причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление путем применения оружия в соответствии со ст.24 ФЗ «Об оружии», где указанно: «граждане Российской Федерации могут применять имеющееся у них на законных основаниях оружие для защиты жизни, здоровья и собственности в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости»,[2] хотя при определении права на применения оружия основываются на условиях правомерного причинения вреда, которые допускает уголовный закон[3], но это отдельная тема, не являющаяся предметом нашего исследования.

В соответствии с содержанием ст.23 ФЗ «О полиции» сотрудник полиции должен оказаться именно на месте совершения преступления и застигнуть лицо в момент совершения преступления. На практике сотрудники полиции редко являются свидетелями преступлений. Обычно информацию о совершении преступленных деяний сообщают свидетели или пострадавшие, и зачастую, сразу после их совершения. А как же быть, если преследование и задержание происходит на основании показаний потерпевших и очевидцев преступления, которые прямо указали на него как на лицо, совершившее преступление? Буквальное толкование содержания п. 4 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции» показывает отсутствие конкретизации по поводу того, кем непосредственно должно быть застигнуто лицо при совершении преступления - только сотрудником полиции, применившим оружие,

---

[1] Никуленко А.В. О проблеме правомерности причинения вреда при задержании // В сборнике: Актуальные проблемы юридической науки и практики: Гатчинские чтения – 2016. Гатчина, 2016. С. 211-217

[2] Об оружии: федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 02.08.2019 г.) // Электрон. дан. Консультант Плюс. 2019. Режим доступа: http://www.consultant.ru.

[3] Хун А.З. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление как основание применения оружия // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью: материалы Первой Всерос. науч.-практ. конф., 22 мая 2015 г. Краснодар: Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2016. С. 197-207.

либо другими лицами (например, другими сотрудниками полиции, работником ведомственной охраны, потерпевшим и т.п.).[1]

И наконец, одним из самых сложных условий правомерности причинения вреда является категорический запрет на превышения мер, необходимых для его задержания. Большинство юридических ошибок, возникающих при рассмотрении судами таких дел, касаются именно превышения соразмерности причиненного вреда, степени и характеру общественной опасности, совершенного преступления.

Так, Патрушев А.А. был признан виновным в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, и осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ к 8 годам лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Судебная коллегия по уголовным делам Кировского областного суда оставила данный приговор без изменения. Президиум Кировского областного суда надзорную жалобу адвоката Овчинниковой Т.А. также оставил без удовлетворения, а вышеуказанные приговор и кассационное определение - без изменения.

Как установлено материалами уголовного дела, 17.12.2011 г. в вечернее время Патрушев находился у себя дома вместе с Н., когда в их жилище посредством взлома оконных рам без законных на то оснований проникли Д. и Н. По указанию Патрушева Н. позвонила в полицию и сообщила о незаконном проникновении, попросив прибыть сотрудников полиции, а Патрушев, в свою очередь, предложил Д. и Н. покинуть дом, однако злоумышленники стали провоцировать конфликт, при этом, Д. попытался ударить Патрушева. Свидетель Л. (оперативный дежурный), который общался по телефону с Н., подтвердил, что действительно по факту случившегося в полицию поступило несколько звонков от Н. и Патрушева, на место происшествия был отправлен наряд полиции, а Л. дал указание о необходимости задержания правонарушителей до приезда сотрудников полиции. Тем не менее, оценивая степень влияния указанных обстоятельств на квалификацию действий подсудимого Патрушева, суды пришли к выводу о том, что указание дежурного Л. о задержании правонарушителей нельзя было признать основанием, уменьшающим ответственность Патрушева, т.к. сотрудники полиции, не находясь на месте происшествия во время преступного деяния, не могли оценить данную ситуацию, в связи с тем, что подсудимый должен был дать оценку такому указанию самостоятельно, с учетом сложившейся обстановки. Кроме того, суд сослался на отсут-

[1] Белецкий А.А. Применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции для задержания лица, застигнутого при совершении деяния, содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни, здоровья или собственности, и пытающегося скрыться, если иными средствами задержать это лицо не представляется возможным // Новая наука: От идеи к результату. 2016. №6-2 (90). С. 241-245

ствие нападения и неоднократность нанесения потерпевшему ударов подсудимым, а также физическое превосходство последнего над Н., его безоружность и отсутствие у подсудимого каких-либо телесных повреждений. В конечном итоге, в мотивировочной части в своих выводах суды указали на обстоятельства, которые исключают признаки необходимой обороны, однако не учли, что задержание преступника может быть произведено и для пресечения возможности совершения задерживаемым лицом новых преступлений с целью передачи его сотрудникам правоохранительных органов (в нашем случае – выехавшему на место происшествия наряду полиции). Приведенные в обвинительном приговоре доказательства явно свидетельствовали о том, что осужденным Патрушевым А.А. насилие к Н. было применено с целью его задержания до приезда наряда полиции, но обстоятельства этого задержания не соответствовали предпринятым Патрушевым мерам, необходимым для задержания Н., тому характеру и той степени общественной опасности преступления, совершенного Н., при которых Патрушевым без необходимости был причинен Н. вред, явно чрезмерный и не вызванный сложившейся обстановкой.

При этих данных Судебной коллегией Верховного Суда РФ было принято решение о переквалификации действий осужденного Патрушева с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч. 2 ст. 114 УК РФ, т.е. умышленное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. А с учетом уже отбытого наказания по ч. 4 ст. 111 УК РФ Патрушев был освобожден из мест лишения свободы.[1]

Данный пример из практики наглядно демонстрирует, что отсутствие должного внимания законодателя к вопросам, связанным с причинением вреда при задержании, а именно «пробельность» законодательного регулирования по многим вопросам, возникающим в данной сфере, оставляет большой простор для судейского усмотрения при вынесении приговоров в отношении лиц, задерживающих преступников. Существующее положение не улучшают и разъяснения Верховного Суда РФ по соответствующим вопросам.

Так, п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 №19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»[2] разъясняет, что превышение мер, необходимых для задержа-

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации №10-Д13-5 от 25.12.2013. URL: https://www.zakonrf.info (дата обращения: 21.01.2019)

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. №19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица. // Электрон. дан. Консультант Плюс. 2019. Режим доступа: http://www.consultant.ru.

ния лица, совершившего преступление, влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения смерти, тяжкого или средней тяжести вреда здоровью. Однако, как показывают некоторые примеры из практики, суды при вынесении обвинительных приговоров не всегда руководствуются разъяснениями высших судебных инстанций.

Так, судом первой инстанции было установлено, что 7 сентября 2013 г. К.Д. в ходе задержания С. применил к последнему физическую силу, а именно: навалился на С., когда тот упал на землю возле сторожки, уперся своим коленом в его спину, «заломил» ему руки, а затем связал руки шнуром, т.е. совершил иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в статье 115 УК РФ. К.Д. был осужден по ч. 1 ст. 116 УК РФ за совершение деяния в состоянии задержания лица, совершившего преступление. Суд апелляционной инстанции оставил приговор в силе. И лишь суд кассационной инстанции со ссылкой на вышеуказанное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ прекратил в отношении К.Д. уголовное дело в связи с отсутствием в его деянии состава преступления.[1]

С учетом приведенных примеров из судебной практики представляется необходимым на законодательном уровне конкретизировать положения, сформулированные в гл. 8 УК РФ, в том числе в ст. 38 УК РФ, что позволит предотвратить возможность произвольной трактовки судами ее положений. Подобная конкретизация будет иметь существенное значение, так как сотрудники полиции, и граждане будут понимать, что государство стоит на защите их прав, включая возможность правомерного причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, а это, в свою очередь, будет:

1) влиять на повышение активности правосознательных граждан и уверенность в правомерности действий сотрудников полиции, которые намного чаще оказываются в этих ситуациях и задержание таких лиц является их обязанностью, что приведет к более активному сотрудничеству в обеспечении порядка между гражданами и сотрудниками полиции;

2) обеспечивать неотвратимость уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, будет также способствовать сокращению лиц, находящихся в розыске по подозрению в совершении преступления;

3) предотвращать совершение данными лицами новых уголовно наказуемых деяний и обеспечит возмещение причиненного ими ущерба.

[1] Постановление президиума Свердловского областного суда от 11.11.2015 г. по делу №44-У-231/2015. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 21.01.2019)

Чахов Георгий Николаевич,
кандидат юридических наук,
судья Калининского районного суда
Краснодарского края

Криминологические проблемы изучения культурных стереотипов межличностного конфликта как факторов эскалации криминального насилия

Криминологический анализ современного состояния преступности в Российской Федерации и ретроспективная оценка ее развития позволяет сделать вывод о наличии ряда устойчивых тенденций, характеризующих это социальное явление на протяжении достаточно длительного времени. К сожалению, одной из таких тенденций является сохранение высокой интенсивности криминального насилия в структуре преступных проявлений. Сформировался отличающийся тесной взаимосвязью составляющих элементов комплекс характеристик насильственной преступности, который, по нашему мнению, позволяет определить современные специфические признаки ее детерминации, структуры личности насильственного преступника и, конечно же, перспективные направления профилактического воздействия со стороны общества и государства. Не смотря на то, что криминальное насилие характерно для многих видов преступного поведения, начиная от наиболее тяжких его разновидностей, таких, например, как убийство по найму, и заканчивая бытовыми насильственными преступлениями, мы можем выделить значительное количество факторов общесоциального характера, детерминирующих механизм индивидуального преступного поведения на ранних этапах его развития. Одним из них, как нам представляется, выступает формирование и развитие культурных стереотипов межличностного конфликта, деформация которых под влиянием современных условий существования нашего общества во многом обуславливает повышенную социальную конфликтность, продуцирующую разнообразные виды криминального насилия.

Специалисты в различных отраслях человеческого знания обращали свое внимание на проблемы определения места и роли культурных стереотипов в общественной жизни: история, социология, культурология, криминология, психология, педагогика – вот далеко не полный перечень научных направлений, каждое из которых, не смотря на специфические черты изучаемого предмета, по сути, решает общую проблему стереотипизации межгрупповых и межличностных конфликтов. В контексте заявленной темы в качестве задачи исключительной важности, решение которой необходимо для эффективного противодействия преступности, нам видится необходимость коррекции стереотипов межличностного конфликта как способа общесоциальной профилактики криминального насилия.

В наиболее широком понимании культурный стереотип может рассматриваться как носитель коллективных представлений, касающийся определенной сферы функционирования общества и взаимоотношений между людьми. Он формируется под воздействием властных отношений, обеспечивающих однообразное поведение членов социума, направляется общепринятыми правилами поведения, не регулируемыми нормативными источниками, наконец, он может выступать как составляющая мотивации к социальной практике[1].

Криминальный конфликт, являясь разновидностью конфликтов в социуме, связан с нереализованными потребностями и интересами, которые индивид стремится обеспечить путем нарушения установленных в обществе и охраняемых законодательством общественных отношений, ограничивающих его возможности в целях защиты законных интересов других людей. Насколько велика вероятность совершения преступления, как формы разрешения рассматриваемого конфликта, можно судить, только принимая во внимание множество факторов, обуславливающих преступное поведение, другими словами – причин и условий преступности. Условия существования и развития современного общества свидетельствуют о наличии множества угроз его безопасности, как на международном, так и национальном уровне. Обращаясь к их содержанию, мы делаем вывод о системном присутствии насилия как инструментального компонента перечисляемых явлений и процессов. Деятельность террористических и экстремистских организаций преследующих разнообразные по своей направленности цели (от политических до общеуголовных); функционирование транснациональных организаций и группировок, связанное с незаконным оборотом оружия, наркотиков, незаконной миграцией, торговлей людьми; использование информационных и коммуникационных технологий для пропаганды терроризма, сепаратизма, фашизма и пр.; преступные посягательства, направленные против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности[2] – вот далеко не полный их перечень. С точки зрения современной культурологии все это результат столкновения доминирующих мировоззренческих позиций представителей различных культур, существующих в современной цивилизации. Анализируя научные публикации, посвященные рассмотрению затронутой проблемы, мы можем сделать вывод о том, что в большинстве своем их авторы обозначают в качестве конфликта культур межнациональные

[1] См.: Нечаева С.А. Роль культурных стереотипов в ситуации межличностного конфликта // http://conflictmanagement.ru/rol-kulturnyih-stereotipov-v-situatsii-mezhlichnostnogo-konflikta (Дата обращения 11.08.2019г.)

[2] Государственная и общественная безопасность. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации №683 от 31.12.2015 г. // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/... (Дата обращения 14.08.2019 г.)

противоречия. Вместе с тем нам ближе позиция ученых, причисляющих к данной категории широкий спектр противоречий, обусловленных конфликтами интересов различных социальных групп. Именно такой подход позволяет наиболее полно охватить совокупность факторов, раскрывающих, в частности, детерминацию криминального насилия в современном обществе.

Криминологический анализ механизма индивидуального преступного поведения позволяет выделить его логически завершенные этапы, которые в своем развитии и взаимодействии обеспечивают достижение конечного результата, которым является совершение преступления. Наиболее важными для изучения возможностей превентивного воздействия, позволяющего своевременно выявлять и нейтрализовывать причины и условия преступности, являются, на наш взгляд, этапы ранней социализации личности и формирования ее негативных нравственно-психологических свойств, позволяющих в конкретной жизненной ситуации принять определенное поведенческое решение. Применение физического или психического насилия в отношении оппонента, как способ разрешения межличностного конфликта, стало, в настоящее время, устойчивым поведенческим стереотипом. Причем весьма значительная часть случаев насильственных действий на практике характеризуется так называемым «немотивированным» насилием, когда в процессе возникновения и развития конфликта интересов его разрешение могло быть достигнуто абсолютно мирным путем, без агрессии со стороны одного или нескольких оппонентов.

Статистика красноречиво иллюстрирует приведенную выше тенденцию показателями современной насильственной преступности в Российской Федерации: большинство рассматриваемых противоправных действий – бытовые преступления, совершенные на почве длительных соседских или семейных противоречий, либо происходящие спонтанно из-за внезапно возникших, зачастую незначительных бытовых проблем. Последующее разбирательство правоохранительных органов в причинах произошедшего позволяет сделать вывод об отсутствии каких-либо веских причин к применению силы. Сами участники конфликта зачастую не могут вразумительно объяснить, с какой целью осуществлялось физическое воздействие в отношении оппонента.

Как нам представляется, описываемая ситуация складывалась на протяжении достаточно длительного времени под воздействием целого комплекса негативных явлений и процессов, сопровождавших развитие нашего общества. Многие из них широко известны и достаточно изучены в криминологической науке, в первую очередь – социально-экономические детерминанты, касающиеся уровня общего благосостояния населения, его социальной защищенности, возможности обеспечить себя и свою семью необходимыми для нормальной жизни ресурсами. Однако, это всего лишь один, хотя и базовый элемент системы детерминации девиантного поведе-

ния в современном обществе. Специалисты в области конфликтологии, отмечают, что в основе ситуативных конфликтов, на которых мы заостряем внимание, могут лежать обстоятельства материального характера (защита своего имущества, материальных ценностей, либо наоборот – неправомерное стремление завладеть ими), так называемые «безобъектные» противоречия (конфликт по причине определенного образа поведения – правомерного либо неправомерного), наконец – когнитивные, вытекающие из попыток доказать некомпетентность оппонента в предмете спора, либо реализация собственных амбиций. В настоящее время практически все они могут с момента своего возникновения обладать высокой степенью интенсивности, начинаться с взаимных оскорблений или же физического воздействия. Наглядным примером может быть выяснение отношений между участниками дорожно-транспортных происшествий, которые после столкновения автотранспортных средств, не утруждая себя установлением истинных причин случившегося, начинают выяснять отношения прямо на проезжей части, не обращая внимания на то обстоятельство, что своим поведением не только нарушают общественный порядок, но и ставят под угрозу жизнь и здоровье окружающих.

Итак, отличительной чертой нашего времени становится не просто изменение в сторону возрастания интенсивности конфликтных действий, но и качественными изменениями в природе самого межличностного конфликта. В стадии оскорблений и физического насилия обычно происходит оттеснение первоначального предмета конфликта, связанного с теми или иными частными проблемами, на второй план, и доминирующей темой становятся прежде не существовавшие противоречия в личных взаимоотношениях. Конфликт благодаря действию определенных внутренних механизмов перерастает в более глубокую и значительно труднее разрешаемую интеракцию. Бесспорным, по нашему мнению, является предположение о тесной взаимосвязи комплекса психологических причин криминальных конфликтов с опытом формирования личности и общей культурой поведения.

Стереотипизация поведенческих решений в современном обществе основывается на практическом отсутствии у личности навыков и умений достижения компромисса в развивающемся противоречии. Враждебность к окружающим вне зависимости от характера общения становится производной от повышенной подозрительности и ранимости индивида, ощущения незащищенности от негативного воздействия окружающей среды. Среди населения сформировались латентные нормы поведения, предписывающие совершение возмездия за нанесенный ущерб, вне зависимости от возможности или необходимости обращения за помощью в восстановлении нарушенных прав в правоохранительные органы или иные учреждения и ведомства. Традиции мести и насыщенность человеческой культуры образами насильственного поведения самым роковым образом проявляются

в общении конкретных субъектов. Между тем правоохранительная система нашего государства располагает достаточным инструментарием для разрешения рассматриваемых конфликтов, наиболее эффективными из которых большинство ученых-юристов и практиков признают так называемые альтернативные методы[1].

Таким образом, криминологическое рассмотрение культурных стереотипов межличностного конфликта становится важной задачей в сфере дальнейшего изучения причинного комплекса современной насильственной преступности. К сожалению, следует признать, что вопросы оценки динамического развития межличностных конфликтов, в первую очередь – ситуативного характера, с момента возникновения до криминального разрешения, рассматривались в очень ограниченном количестве научных исследованиях эмпирической направленности[2]. Между тем, они представляют большой практический интерес именно для правоохранительных структур, по роду своей деятельности обязанных выявлять и принимать меры к нейтрализации причин и условий, вызывающих конфликтные отношения либо способствующих таковым. Эта деятельность объективно носит во многом ретроспективный характер и осуществляется путем анализа материалов конкретных уголовных дел, изучения личности преступника и обстоятельств, сопутствовавших совершению насильственного преступления. Безусловно, указанные источники не всегда предоставляют возможность исследователю получить развернутую картину произошедшего межличностного конфликта, здесь исследователь вынужден по крупицам восстанавливать фабулу произошедшего события, сопоставляя различные документы дела (в основном различные показания, данные в ходе следствия), чтобы восстановить событийный ряд. Довольно часто, на практике, это происходит в судебном заседании, где событийный ряд может быть существенно дополнен и максимально приближен к реальности. И все же значительная часть деталей при этом неизбежно ускользает, и потому восстанавливаемая фабула почти всегда оказывается приблизительной. Тем не менее, выявленные общие закономерности оказываются вполне плодотворным предметом для дальнейшего научного анализа причинного комплекса совершенного преступления.

[1] Старыгина П.С. Правовые аспекты регулирования социальных конфликтов: основные элементы // Марийский юридический вестник. 2016. №4(19). С.31-33.

[2] Правовая конфликтология // http://www.dslib.net/teoria-prava/problemy-pravovoj-konfliktologii.html (Дата обращения 14.08.2019)

Шаклеин Сергей Николаевич,
адъюнкт кафедры административного права
и административно-служебной деятельности
органов внутренних дел
Дальневосточного юридического института МВД России

Пенологические условия повышения эффективности административного наказания

Повышение эффективности административного наказания связано с ростом административных деликтов и их рецидивов; его значение сводится не только к предупреждению административных деликтов, его потенциальные возможности гораздо шире: воспитание административных делинквентов.

Санкционные меры административно-деликтного законодательства должны оказывать воздействие в такой мере, чтобы произвести на наказуемое лицо воспитательный эффект, морально воздействуя на него, и, таким образом, предостеречь его от совершения новых правонарушений, обременяя его правоограничениями, запретами и обязанностями, создавая состояние «наказуемости» и ответственности перед самим собой и обществом, внутренне побудив его к соблюдению правовых норм, что в итоге способствует положительной коррекции его поведения и предупреждению административных деликтов, - что в определенной мере предупреждает совершение преступлений, делая это с наименьшими затратами.

«Административно-деликтное поведение предшествует криминогенному поведению, являясь, по сути, первой ступенью, сигнализирующей о возможности формирования антиобщественной направленности и о предпосылках негативных изменений ценностных ориентаций личности. При этом систематическое совершение административных правонарушений является фактором, свидетельствующим о повышение социальной опасности личности и трансформировании административно-деликтного поведения в криминогенное»[1].

В своей работе Д.А. Газизов отмечал «…система административных наказаний нуждается в совершенствовании, как с точки зрения расширения перечня наказаний, так и индивидуализации их применения. Представляется, что разработке законопроектов, направленных на ужесточение санкций за совершение правонарушений, должен предшествовать комплексный анализ правоприменительной практике, а также социологиче-

[1] Мотрович И.Д. Механизм административно-деликтного поведения // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2011. № 1. С. 26.

ские исследования эффективности административных наказаний за определенные виды правонарушений…»[1].

Исследование социальной эффективности административных наказаний оправдана современным состоянием административно-деликтного механизма назначения и применения целесообразного наказания. Требуется исследование объективных закономерностей эффективности административного наказания, влияющие и определяющие его оптимальные возможности, и применение новых административно-правовых инструментарии, направленных на положительный результат прямого воздействия на лиц, совершивших уже правонарушения, и косвенного воздействия на сознание, волю и разум других лиц, в целях профилактики и предупреждения административных деликтов, охраны правопорядка и обеспечения состояние безопасности граждан, общества и государства.

А.П. Шергин еще в свое время отмечал, что «…весь процесс должен быть подчинен максимальному достижению целей административной юрисдикции, и прежде всего ее воспитательной цели»[2].

Обремененное административным наказанием лицо, подвергнутое нравственно-психологическому воздействию, сознает примененное к нему наказание и виновность в совершении правонарушения, действующее на психологическом уровне, что, безусловно, предшествует осмыслению им своего поступка и последующему его воспитанию (моральному, юридическому, нравственному).

Любое административное наказание сочетает в себе элементы психической и иной составляющей деятельности человека. Так, исполнение административного наказания в виде штрафа лишает материальных благ и содержит психологическую нагрузку на сознание личности административного деликта, и оттого, насколько она будет целесообразной, будет зависеть эффективность административного наказания.

Можно с уверенностью презюмировать, что основная роль в предупреждении и профилактики административных деликтов, достижении социально полезного результата, зависит от обоснованного, разумного и целесообразного административного наказания.

Многоаспектность эффективности административных наказаний, как социально-правовой категории, выраженной в обеспечении общественной безопасности и правопорядка в обществе, зависит от ряда дополнительных диалектических условий, направленных на эффективность наказания:

- необходимой общепревентивной мерой воздействия является *информированность субъектов права* о существующих правовых запретах в сфере административно-юрисдикционной деятельности и санкциях за их нарушение, о предписанных и запрещенных правовых нормах, вновь из-

[1] Газизов Д.А. Понятие административного правонарушения в сфере оборота наркотических средств // Административное право и процесс. 2012. № 9. С. 9.

[2] Шергин А.П. Административная юрисдикция. М.: Юрид. лит., 1979.

данных законов и подзаконных актов. Осведомленность субъектов о праве является необходимой предпосылкой формирования у них правосознания и в известной мере детерминирует дальнейшее их поведение в обществе.

Элемент воспитательной стороны наказания значительнее будет действенен, если выше уровень правосознания граждан и общества в целом, если между правосознанием общества и законодателем будет больше совпадений. С высоким уровнем правосознания общества, граждане этого общества уважают власть и закон, с должным уважением относятся к правам и интересам других лиц и считают необходимым наличие законов, а значит эффект от правовых форм воздействия будет значительнее выше, и необязательно будет необходимость применять суровое наказание.

- *наличие систематизированного, кодифицированного и стабильного административного законодательства*, социально обусловленного объективным закономерностям прогрессивного развития общества.

- *обеспечение воспитания и неотвратимости административного наказания на законодательном уровне в целях повышения эффективности административного наказания.*

Внесение изменений в административное законодательство, например, такое как увеличение сроков давности привлечения к административной ответственности, позволит лиц, уклоняющихся от наказания, привлечь к административной ответственности, что обеспечит реализацию принципа неотвратимости административного наказания на должном уровне, или такое изменение как сокращение сроков с момента выявления или обнаружения административного деликта до назначения административного наказания (принцип экономии административно-юрисдикционной деятельности) – делает наказание более эффективным, так как следует сразу за административным деликтом при обостренном чувстве ответственности и наибольшей степени восприимчивости к наказанию административного делинквента, либо предусмотреть наличие в санкциях статей Особенной части КоАП РФ несколько видов административных наказаний, что позволит исключить образование правового вакуума при назначении наказания.

Одной из проблем на законодательном уровне, препятствующих повышению эффективности административного наказания, является отсутствие административной ответственности за предоставление недостоверной информации лицом, подвергающемуся административно-юрисдикционному воздействию. Предположительно можно об этом судить, что лицо, своими действиям, выраженными предоставлением недостоверной информации либо не предоставлением сведений, имеющих отношение к делу, опасаясь чего-то, пытается избежать каких-либо для себя негативных последствий.

Анкетирование среди сотрудников Госавтоинспекции Магаданской области, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях, показало, что 85% сотрудников Госавтоинспекции от-

метили, что лицами, в отношении которых осуществлялось производство по делам об административных правонарушениях, высказывались просьбы не указывать персональные данные (наличие особого процессуального статуса (сотрудник ОВД, судья и т.п., место работы (учебы) и номер телефона), предоставлялись ложные сведения (наличие инвалидности, наличие особого процессуального статуса (сотрудник ОВД, судья и т.п.), место работы (учебы) и номер телефона, давались ложные объяснения, предоставлялись ложные доказательства (о событии административного правонарушения, о виновности (невиновности) лица, о наличии обстоятельств, смягчающих наказание, о наличии несуществующих свидетелей, о субъекте правонарушения (что правонарушение совершено иным лицом), о намерениях совершить какие-либо действия (прибыть в суд, предоставить машину на осмотр и т.п.), а также перемещали предметы на месте происшествия (в целях ввести в заблуждение истинного положения вещей) и предоставляли подложные документы.

Для того чтобы минимизировать такие случаи, а в лучшем случае исключить предоставление ложной информации административными делинквентами или не предоставление ими информации, имеющей отношение к делу, предлагаем включить в КоАП РФ статью 17.9.1 «Предоставление заведомо ложных сведений или не предоставление ими информации, имеющей отношение к делу, лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении», что в перспективе будет содействовать полноте и качеству рассмотрения административного дела и благоприятствовать эффективности административного наказания, а также дисциплинировать и укреплять морально-нравственные ценности административного деликта.

- *надлежащая организация деятельности должностных лиц административно-юрисдикционных органов или судов*, соответствующая требованиям оптимальности, обоснованности и целевой результативности, регламентированная строго в соответствии с законом.

- *высокопрофессиональный уровень правоприменителя,* высокие моральные качества, умения на эмоциональном уровне абстрагироваться от внешних и внутренних побудителей, реагировать на административные правонарушения без сентиментальности и ресентиментальности, исключая сопереживание, впечатлительность, восприимчивость, т.е. наличие стойкости к тем условиям, которые могут вызвать субъективность в принятии решения, и повышенная внутренняя ответственность правоприменителей за реализацию административно-юрисдикционной деятельности.

От профессиональных действий должностных лиц административно-юрисдикционных органов или судов зависит эффективность назначения, применения и исполнения административных наказаний. Профессионализм должностных лиц зависит не только от высокого уровня правовой подготовки, но и от морально-деловых качеств, воспитанности, зрелости и

умения чувствовать и понимать актуальность назначения того или иного вида административного наказания в каждой индивидуальной ситуации, присущих конкретному делу и личности административного деликта. В своей работе административно-юрисдикционное должностное лицо должно опираться на знания возможностей применяемых ими наказаний в отношении каждого вида правонарушений.

Исключение возможности принятия субъективного решения благоприятствует созданию единой административной деликтной практики. Наличие субъективной либо личной заинтересованности при рассмотрении дел об административных правонарушениях негативно отражается на результатах административно-деликтной деятельности.

Деятельность административно-юрисдикционных органов и судов должна быть строго регламентирована, последовательна, ясна и едина, и строиться строго на законе, иначе, при наличии двойных стандартов, возможности двоякого применения правовых норм, рождаются непредсказуемые решения, что также может являться благодатной почвой для коррупционных правонарушений со стороны правоприменителей.

Для полноценного осуществления должностными лицами административно-юрисдикционной деятельности необходимы знания в области психологии, социологии, имеющие направленность на повышение качества оказываемого воспитательного воздействия мерами административно-юрисдикционных санкций.

- применение новых правовых общественных инструментарий, *использования комплексного психолого-педагогического воздействия на сознание субъекта административного деликта*. Административным деликтам предшествует не только моральная неустойчивость общества и, в частности, человека, но и негативно изменяющиеся психологические явления в психике человека, которые постепенно формируют правонигилистические взгляды в административно-деликтное поведение. Происходит отступление от нравственных устоев общества и формирование негативных нравственно-психологических особенностей личности административного деликта.

Симптоматично заметно, что моральные представления людей изменились, и не в лучшую сторону, теряется общественная нормативная определенность и размывается граница между понятиями добра и зла.

Дополнительные общественные морально-психологические средства воздействия на административного делинквента, такие как публичная и открытая критика, сообщение о совершении лицом административного деликта по месту работы, учебы, жительства, его родителям и опекунам, сообщения в печати, радио и другие индивидуально-воспитательные меры, действующие на психологическом уровне, позволят усилить силу воздействия на его морально-нравственные и эмоционально-волевые качества,

что способствует предотвращению правонарушений и аморальных проступков, устранению причин, рождающих явления прошлого.

- *грамотное сочетание целевого назначения наказания с общественной оценкой этому наказанию*. Вопрос об эффективности наказания, с социальной точки зрения, не может рассматриваться лишь с точки зрения целевой направленности, необходимо учитывать оценочное отношение общественного мнения к наказанию, взаимосвязь диалектического взаимодействия целевого наказания и общественного мнения, отношения к административному наказанию.

Мнение общества о применяемом административном наказании играет значительную роль в эффективности наказания. Если общественное мнение противостоит существующему наказанию, то общепревентивная цель наказания сводится к нулю, и какое бы наказание суровым и жестким не было, оно не в состоянии противодействовать общественному мнению, что, несомненно, может негативно отразиться на социальном климате и на общественном правопорядке.

Применяемое административное наказание за совершенный административный деликт должно восприниматься обществом адекватно, как справедливая, неотвратимая и законная социально-правовая мера воздействия, выраженная в том, что соразмерное наказание неотвратимо применяется к виновным лицам и неминуемое для остальных правонарушителей и выполняет социально полезную роль.

- следует лаконично отметить, что *эффективность наказания диалектически взаимодействует с административно-деликтной латентностью*, которая создает вакуум скрытой административной деликтности, ограничивающий возможности разработки и применения превентивных программ в связи с отсутствием достоверной, полной информации о реалиях административной деликтности, и отражается отрицательно на уровень самосознания граждан, которые в повседневной жизни, наблюдая вокруг себя правонарушения и осознавая их противоправность, относятся к ним безразлично, а то и вовсе симпатизируют правонарушителям.

А.Н. Дерюга, И.Д. Мотрович указывали, что на уровень латентности влияет состояние административно-деликтной чувствительности. Обусловлено это тем, что административно-деликтная чувствительность отражает уровень развитости социального самосознания, которое, как известно, является важнейшей частью самосознания и есть совокупность представлений личности о своей общественной ценности, своем личном и социальном долге, длительное выполнение которого преобразуется во внутренний код социального поведения личности[1].

[1] Дерюга А.Н., Мотрович И.Д. Причины латентности административных правонарушений // Административное право и процесс. 2013. № 7. С. 62.

Таким образом, начало исследования эффективности административного наказания лежит в концептуальном подходе. С административно-пенологической точки зрения для обеспечения эффективности назначения административного наказания и достижения конечного положительного результата, необходим глубокий многосторонний анализ и исследование совокупности взаимосвязанных элементов, правовых, социальных, психологических аспектов, влияющих на эффективность административного наказания, его социально-правовую роль.

Разработке новой системы административного наказания предшествует комплексный, всесторонний подход изучения наказания, заключающийся в исследование свойств административного наказания, оказываемого влияния на сознание наказуемого и укрепления на подсознательном уровне правомерных действий и поступков.

Шерстюков Сергей Александрович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Особенности признака террористической и экстремистской направленности отдельных видов преступлений

Уголовно-правовая доктрина представлена множеством авторских позиций относительно понимания юридической сущности преступлений террористической и экстремистской направленности. Несмотря на содержащееся в примечании к ст. 282^1 УК РФ определение преступлений экстремистской направленности, положенный в его основу признак – мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы – получает неоднозначную оценку как в уголовно-правой доктрине, так и в следственно-судебной практике. Несмотря на законодательное закрепление преступлений экстремистской направленности в содержании гл. 29 УК РФ, основной объект которой образует совокупность общественных отношений, возникающих в связи с охраной основ конституционного строя и безопасности государства, сформулированное в примечании к ст. 282^1 УК РФ положение размывает его содержание основного объекта, фактически «распыляя» данные преступления по большинству глав Особенной части УК РФ и даже допуская возможность признания преступлений экстремистскими на стадии назначения наказания по признаку, содержащемуся в п. «е» ст. 63 УК РФ.

Отмеченное обстоятельство требует научного анализа норм Особенной части УК РФ, предусматривающих признаки преступлений экстре-

мистской направленности и их классификации с учетом признаков основного объекта преступлений гл. 29 УК РФ.

Результаты анализа статистических данных о преступлениях террористического характера и экстремистской направленности позволяют говорить об определенных успехах. Так, на фоне стабильного роста, отмеченного в период с 2003 по 2016 г.[1], (увеличилось число в общем показателе более чем в 6,5 раз), в 2018 г. удалось добиться снижения количества зарегистрированных преступлений террористического характера (1 679 преступлений, что ниже на 10,3% в сравнении с показателями 2017 г.) и экстремистской направленности (1 265 преступлений, что на 16,8% ниже показателя 2017 г.)[2].

Очевидно, для закрепления отмеченного успеха требуется последовательная и системная работа органов внутренних дел в противодействии экстремизму, реализуемая в фокусе проблем социально-экономического и территориального развития государства, недостатков в образовательной и культурной политике, зачастую приводящих к искаженному пониманию истинных причин межнациональной (межэтнической) напряженности.

Преступления, посягающие на базовые основы, составляющие конституционный строй государства, а также ставящие под угрозу его безопасность, закреплены в нормах гл. 29 УК РФ.

Определяя характер общественной опасности преступлений, предусмотренных нормами гл. 29 УК РФ, следует отметить особенности их объекта. В доктрине уголовного права встречаются различные подходы к уяснению содержания признаков родового объекта данной группы общественно опасных деяний, общим для которых является признание сложившейся в государстве системы общественных отношений, обеспечивающих стабильность и нормальное функционирование государственной власти как целостной системы, так и ее отдельно взятых институтов и органов.

Основными элементами, составляющими содержание родового объекта преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, являются:

– основы конституционного строя и безопасность государства;

– установленный порядок деятельности институтов государственной власти, государственной службы и органов муниципального самоуправления;

– законодательно определенный порядок функционирования судебной ветви государственной власти;

– установленный порядок управления.

Данные элементы определяют качественные особенности видовых объектов однородных преступлений, составляющих содержание гл. 29 УК

[1] Состояние преступности за 2005–2016 гг. М.: ГИАЦ МВД России, 2005–2016.

[2] Состояние преступности в России за январь–декабрь 2018 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://liteks.pro/images/stat/crime_rf_12_2018.pdf (дата обращения 23.02.2019).

РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

Видовым объектом рассматриваемой группы преступлений выступают собственно основы конституционного строя государства и его безопасность.

Правовое регулирование данной системы общественных отношений обеспечивается нормами различных отраслей права, таких как Федеральные законы «О безопасности»[1], «О Государственной границе Российской Федерации»[2], «О противодействии экстремистской деятельности»[3] и других.

Необходимо отметить, что в настоящее время отсутствует законодательное закрепление категории «конституционный строй», в связи с чем в юридической литературе сложились различные подходы к ее пониманию. Анализ доктринальных источников, в части уяснения правовой сущности конституционного строя государства, позволяет систематизировать авторские позиции относительно двух основных подходов: юридический (широкий) и аксиологический (узкий). Конституционный строй в узком его смысле следует рассматривать как систему экономических, социальных, культурных, политических и иных отношений, закрепленных в Конституции РФ и гарантируемых ею[4].

В широком понимании, конституционный строй, наряду с формально закрепленными в Конституции РФ положениями, определяющими государственное устройство, предполагает подчиненность государства праву, т. е. соблюдение прав и свобод человека и гражданина, осуществление государственного управления в строгом соответствии с Конституцией РФ и т. д.[5]

Конституционный строй лежит в основе построения взаимоотношений между человеком, обществом и государством.

---

[1] О безопасности: федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

[2] О Государственной границе Российской Федерации: закон РФ от 1 апр. 1993 г. № 4730-1 (в ред. от 29 июля 2018 г. № 270-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 17. Ст. 594.

[3] О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

[4] Румянцев О.Г., Додонов В.Н. Юридический энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1996. С. 143; Конституционное (государственное) право России: учеб. / под общ. ред. В.П. Сальникова. М.: ЦОКР МВД России, 2005. С. 55; Большой энциклопедический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М.: ИНФРА-М., 1998. С. 304; Конституционное право России: учеб. / под ред. А.Е. Постникова. М.: Проспект, 2008. С. 53.

[5] Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. 6-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2007. С. 115; Конституционное право России: учеб. для студентов вузов / под ред. А.С. Прудникова, В.И. Авсеенко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. С. 104.

В законодательстве Российской Федерации основы конституционного строя перечислены в гл. 1 Конституции РФ, которая имеет соответствующее название «Основы конституционного строя». В качестве одной из основ в ст. 3–4 Конституции РФ назван суверенитет.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, основанной на положениях Конституции РФ, суверенитет является обязательным качественным признаком, характеризующим Российскую Федерацию как государство, предполагает независимость, верховенство и самостоятельность государственной власти, «полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении»[1]. Таким образом, суверенитет является так называемым качественным признаком государства.

Обороноспособность государства, обеспечивая содержание основ конституционного строя государства, определяет надлежащий уровень экономического, военного, социально-нравственного потенциала, достаточного для обеспечения надежной защиты суверенитета государства и его территории от любой формы интервенции извне.

Территориальная неприкосновенность государства находится в тесной связи с надлежащим уровнем его обороноспособности, поскольку любые военные вторжения извне преследуют изменение территориальных границ государства. В свою очередь, территориальная целостность Российской Федерации предполагает нерушимость государственных границ: сухопутных, водных и воздушных. Законодательное определение территориальных границ государства закреплено в Законе РФ «О Государственной границе Российской Федерации». Согласно ст. 1 данного Закона государственной границей РФ является линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, т. е. пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации[2].

Линии государственной границы Российской Федерации установлены в соответствии с действующими международными договорами и законодательными актами бывшего Союза ССР, а также договорами Российской Федерации с сопредельными государствами – бывшими союзными республиками Союза ССР.

---

[1] По делу о проверки конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П // Собрание законодательства РФ. 2000. № 25. Ст. 2728.

[2] О Государственной границе Российской Федерации: закон РФ от 1 апр. 1993 г. № 4730-I (в ред. от 29.07.2018 № 270-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 17. Ст. 594.

В теории права является устоявшимся понимание территориальной целостности государства как распространение суверенитета на все земное, воздушное и водное пространство в пределах государственной границы. В свою очередь, угрозы территориальной целостности государства могут носить как внутренний, так и внешний характер: насильственный захват территории государства (целиком или частично) иностранным государством; добровольная передача части территории иностранному государству; насильственный раскол государства и создания на его территории автономных образований в нарушение установленного порядка, реализации права граждан на самоопределение[1].

Одним из элементов, составляющих содержание видового объекта преступлений, закрепленных в нормах гл. 29 УК РФ, является безопасность государства.

Безопасность государства является составной частью безопасности наряду с безопасностью личности и общества.

В уголовно-правовой доктрине устоявшимся является понимание безопасности как составного, комплексного либо многоаспектного явления, охватывающего наиболее важные сферы жизни общества и государства, которые тесно взаимосвязаны между собой[2].

Безопасность государства предполагает защиту от посягательств, направленных против конституционного строя государства, правового статуса личности в государстве, экономических отношений на государственном уровне и политической системы в государстве[3]. Согласно другой точке зрения, безопасность государства представляет собой состояние стабильности и защищенности конституционного строя от существующих источников опасности[4].

В соответствии с Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»[5] стратегическими целями государственной и общественной безопасности являются: защита конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

---

[1] Кутафин О.Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М., 2004. С. 98.

[2] Кузнецов В.Н. Социология безопасности: учеб. пособие. М.: МГУ, 2007. С. 18.

[3] Григорьева Л.В. О научном подходе к уголовно-правовой оценке действий экстремистской направленности // Современное право. 2015. № 7. С. 99–105.

[4] Дьяков С.В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 13.

[5] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, ч. II. Ст. 212.

Следует отметить, что большинство из указанных в Указе Президента РФ угроз уже нашли отражение в статьях гл. 29 УК РФ в качестве преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Тем не менее стремительно меняющаяся геополитическая обстановка как в стране, так и в мире, требует системного научного осмысления юридической конструкции указанных норм в целях повышения их эффективности в противодействии современным угрозам конституционному строю и безопасности государства.

Под безопасностью государства в контексте рассматриваемых вопросов следует понимать состояние защищенности государства от угроз внутреннего и внешнего характера, а также поддержание надлежащего состояния, обеспечивающего реализацию конституционных положений, гарантирующих соблюдение прав и свобод человека и гражданина, общества и органов государственной власти. Безопасность государства обеспечивается системой общественных отношений, складывающихся в области обороноспособности, экономического и политического суверенитета, обеспечения территориальной целостности Российской Федерации.

Шеуджен Нурдин Асланович,
кандидат исторических наук
доцент кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России;
Хоконова Милана Расуловна,
кандидат юридических наук
преподаватель кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России

Создание Красной Армии

Октябрь 1917 года коренным образом изменил жизнь Российского государства, перевернул судьбы абсолютно всех жителей страны и навсегда вошел в мировую историю. Именно в это время в Петрограде состоялось Октябрьское Вооруженное восстание, благодаря которому, жизнь общества в целом и каждого человека в частности перестала быть прежней. Владимир Ильич Ленин возглавил это восстание, главной движущей силой которого была Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков (РСДРП (б)). В результате этого восстания и была установлена власть Советов, а Временное правительство было свергнуто[1].

[1] Андогский А.И. (Белозерский А.) Как создавалась Красная армия советской России. Уроки недавнего прошлого: критико-исторический очерк. Владивосток, 2013.

Это было большой победой большевиков, но перед ними встало большое количество неразрешенных вопросов. Правительство новое, а проблемы старые. Одной из главных явилась проблема сохранения численности армии. Экономические условия не позволяли содержать большое количество солдат, но это было катастрофически необходимо. Властям было нелегко принять правильное решение, поскольку необходимо было не только восстановить старую армию, которая буквально изнемогала от войны, но и создать новую, которая смогла бы отстоять состоявшуюся революцию и подавить возможные восстания. И большевики сумели справиться с решением этой задачи.

Изначально было несколько сценариев развития, в том числе и «всеобщее вооружение народа», а также добровольный призыв населения в армию. Но вновь избранное правительство сумело вовремя отказаться от этих идей и принять верное решение. По сути, та практика, которую они использовали, применяется и до сих пор. Были созданы военные комиссариаты, которые производили набор новобранцев, введя такое понятие как всеобщая воинская повинность. Благодаря военным реформам того времени (1917–1920 гг.), которые имели четкую формулировку, жесткий контроль и была создана Красная Армия. Она помогла победить в гражданской войне, а, следовательно, решение о ее создании было верным.

Но для создания Красной армии необходимо было в первую очередь упразднить старую царскую армию и демобилизовать людей. Данный вопрос после смены правительства стоял наиболее остро. Пережив мировую войну, люди просто устали от военных действий и всего того, что могло быть с ними связано. Но, несмотря на то, что демобилизация старой армии и прекращение воны была основным из большевистских лозунгов, не было возможности провести ее в один момент. Но, тем не менее, несмотря на продолжающееся давление со стороны центральных держав, в период с ноября 1917 г. по апрель 1918 г. были демобилизованы более 8 млн. человек[1].

На решение вопроса о демобилизации старой армии большевикам пришлось потратить несколько месяцев, чтобы, наконец, найти оптимальный вариант. Первым, не самым удачным, шагом было издание Декрета «О постепенном переходе к демобилизации старой армии», согласно которому от военной службы освобождались солдаты 1899 года призыва. Этот Декрет не сработал, поскольку участились случаи дезертирства, и армия несла большие потери. Несколько партийных съездов, проходивших в разных городах России, были посвящены исключительно этой теме. И вот в середине декабря 1917 года состоялся Съезд по демобилизации армии. Он проходил до начала января 1918 г. Результатом этого Съезда было принято решение о порядке демобилизации, согласно годам призыва. Первыми отправлялись в запас солдаты 1899 г. призыва, последними – те, кто призы-

[1] Будберг А. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 2012. Т. XII. С. 197-290.

вался в последние четыре года. Некоторые солдаты изначально были не очень довольны, но быстро поняли, что такая организованность пойдет всем только на пользу.

Уходящие в запас солдаты, требовали, чтобы оружие, которое служило им верой и правдой на протяжении нескольких лет, отправлялось домой вместе с ними, но допустить этого было нельзя. Должна было создаваться новая армия, которую необходимо было полностью укомплектовывать. Вышеуказанный съезд 2 января 1918 г. постановил, что все солдаты покидают армию, оставляя оружие государству.

Поскольку в правовом отношении все было отрегулировано четко и понятно, все вопросы были разрешены, большая часть старой армии была расформирована еще до заключения Брестского мира. Несмотря на проблемы, возникающие до этого соглашения, процесс демобилизации продолжался без перебоев.

Таким образом, в короткие сроки был сделан первый и главный шаг к формированию новой армии, которая должна была защитить большевиков в уже зарождающейся Гражданской войне. Русская императорская армия прекратила свое существование, а об этом мечтали миллионы людей по всей стране[1].

Вопрос о скорейшем создании новой армии остро встал перед большевиками, они прекрасно понимали, что им необходимы новые, мощные вооруженные силы для того, чтобы одержать победу в надвигающейся Гражданской войне и укрепить свои позиции среди народа. Уже 15 января 1918 г. был издан Декрет «Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Именно этот момент и стал отправным пунктом в создании Красной Армии. Вступить в ряды РККА мог любой человек старше 18 лет. При этом сообщалось, что ежемесячно всем служащим будет выплачиваться определенная сумма денег, а помимо этого, их ждет еще и полное государственное обеспечение[2].

В том случае, если бойцы вступали в ряды этой армии, были установлены еще и социальные выплаты их нетрудоспособным членам семьи. Такая перспектива была довольно неплохой, учитывая экономическую обстановку в стране. И изначально вопрос о вступление ряды армии был основан не на обязательном, а на правовом уровне. Такая идея возникла потому, что большевики считали, что это временная мера, которая существует до тех пор, пока не будет принято решение о всеобщем вооружении народа.

Однако желаемого результата достигнуто не было. По всей Российской Республике к рядам РККА примкнули только 300 тыс. человек, что

---

[1] Будберг А. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 2013 С. 197-312.

[2] Виноградский А.Н. Красная Армия // Часовой. Париж, 2013. № 29. 15 апреля. С. 9-10.

было ничтожно мало, особенно в сравнении с предыдущей армией, которая насчитывала 8 млн. солдат.

Но вооруженные формирование полноценной армии было крайне необходимо большевикам. Поэтому по приказу СНК (Совет народных комиссаров) 4 марта 1918 г. был сформирован Высший Военный Совет. В него входили М. Д. Бонч-Бруевич (военный руководитель), П.П. Прошьян и К.К. Шутко (политические комиссары). Этот совет должен был принять решение о регулировании создания армии, и абсолютно все должны были подчиняться его приказам.

Уже 9 марта ВВС представил В.И. Ленину подробный проект по усилению вооруженных сил. По сути данный проект говорил о том, что во всех советах должны были быть вновь сформированы роты и батальоны, с привлечением тех же офицеров, которые только недавно демобилизовались. К каждому военачальнику уездных городов обязательно должен был приставлен опытный человек. Все указы мог издавать только Высший Военный Совет, в подчинении которого и находилась новая армия. Он был расширен до 13 человек, но обращаться по каким-либо вопросам к В.И. Ленину мог исключительно М.Д. Бонч-Бруевич[1].

Противником всех этих идей, а в частности, против создания Высшего Военного Совета стал верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко. Именно он предложил законы, которые впоследствии были приняты. Для того чтобы создать совершенно новую армию, по первому его Декрету, необходимо было упразднить в ней все звания, награды, титулы и отличительные знаки. Во втором его Декрете предлагалось сконцентрировать всю власть в руках соответствующих солдатских комитетов. Он также подал В.И. Ленину заявление об отставке, которое было одобрено. И сама ставка верховного главнокомандующего была упразднена.

В апреле 1918 г. ВЦИК принял решение о создании нового Декрета «Об обязательном обучении военному искусству». Согласно этому закону, каждый крестьянин и рабочий должен был пройти специальный курс военной подготовки. Каждый прошедший его гражданин в возрасте от 18 до 40 лет становился военнообязанным.

Были выделены три категории обучающихся – низшая (школьная) категория, подготовительная ступень (все граждане 16-18 лет) и призывная (18-40 лет). Проходить военную подготовку могли не только мужчины, но и женщины (по собственному желанию). Стоит отметить, что учитывались религиозные предпочтения обучающихся лиц. Те люди, чья религия не позволяла применять оружие, обучались только основам военного дела, без его применения[2].

---

[1] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. // Зарождение контрреволюции и первые ее вспышки. Париж, 2011. Ч. 1. Кн. 2.

[2] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. // Большевистский переворот превращает контрреволюцию в противобольшевистское движение. Ч. 2. Кн. 3.

Организация такого обучения была возложена на плечи Военных комиссариатов. Обучение военному делу должно было быть проведено таким образом, чтобы не отрывать учащихся от основных занятий (срок обучения составлял 8 недель), никаких материальных или иных поощрений за прохождение этого курса не было предусмотрено, но при этом те, кто каким-либо образом пытался уклониться от него, были привлечены к ответственности.

Также в апреле 1918 года был принят очень важный Декрет «О порядке замещения должностей в РККА». С его помощью была решена проблема выборности командующего состава. Выбирать могли только командиров низших категорий, на высокие военные должности отбор производился Народным комиссариатом по военным делам. Причем требования к кандидатам были тем выше, чем выше была их предполагаемая должность. Никаких выборов не должно было быть и внутри небольших подразделений, все перемещения и назначения производились исключительно их начальниками.

Основным на этом этапе Декретом стал Декрет о «Сроке службе в Красной Армии», который был принят ВЦИК 22 апреля 1918 г. Этот закон говорил о том, что каждый пришедший служить в армию, должен был пробыть там не менее полугода. Благодаря этому решался вопрос текучки кадров. Некоторые солдаты приходили на службу только для того, чтобы получить провиант на несколько дней вперед, а после покидали военную часть.

Поскольку противостояние большевиков с их политическими противниками все нарастало, необходимо было срочно принимать меры по созданию мощной воинской силы. И стало понятно, что армия должна быть основана не на добровольных началах. 4 мая был принят Декрет «О формировании Военных округов». Их было создано 11. Это было еще одним шагом к строительству полноценной системы формирования постоянной армии.

И наконец, 29 мая 1918 г. ВЦИК принял постановление «О принудительном наборе в Красную Армию». Это было вынужденной мерой, поскольку добровольческая армия была не слишком дееспособной и показала себя только с негативной стороны. А срочно было нужно укреплять наиболее проблемные линии фронта. Именно на этих округах и был сделан акцент в первую очередь. Также изначально привлекли и те округа, где находилось наибольшее количество рабочих, поскольку предыдущий опыт показал, что именно они являются наиболее мощной военной силой[1].

Для исполнения этого решения было принято решение «Об учреждении комиссариатов по военным делам», которые отвечали за обязательный

[1] Деникин А.И. Очерки Русской Смуты // Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май - октябрь 1918 г. Берлин: Книгоиздательство «Слово», 2014. Т. 3.

набор в Красную Армию в каждом регионе. За ним закреплялись обязанности об учете перевозочных средств, о прохождении надлежащего медицинского осмотра, о вербовке и агитации, о сборе информации и проведению других мер по мобилизации страны.

Получить освобождение от воинской службы могли только тяжелобольные лица, железнодорожники, лица, которые считались морально непригодными для прохождения службы, и те, за кого просили учебные или другие официальные государственные учреждения. Всем остальным необходимо было отслужить в армии 1 год, те, кто уклонялись, подвергались тюремному заключению сроком на 2 года с полной конфискацией имущества. Той же участи были подвергнуты и те, кто способствовал уклонению.

Важным являлся и Декрет Совнаркома «Об освобождении от воинской службы по религиозным убеждениям». Такие граждане тщательно проверялись, и их отправляли на альтернативную службу, не связанную с возможным применением оружия (например, в госпитали).

Изменение коснулось и органов управления Красной Армии. Декрет Совета Народных Комиссаров «Об объединении всех вооруженных сил Республики» от 19 августа 1918 г. гласил, что все воинские части, находящиеся в распоряжении различных комиссариатов, теперь передавались Наркомату по военным делам.

Позже, во время того, как разгоралась Гражданская война, было принято решение о том, чтобы признать Российскую республику единым военным лагерем. Благодаря всем вышеперечисленным действиям, основанным на методе проб и ошибок, Советская власть смогла добиться желаемого результата, прочно укрепив свои позиции по всем направлениям.

Большевики смогли создать многомиллионную Советскую Армию, которая смогла дать отпор не только белогвардейцам, но и иностранным интервентам. И именно благодаря их силе и упорству, власть осталась в их руках.

Шкаплеров Юрий Павлович,
кандидат юридических наук, доцент,
первый заместитель начальника
Могилевского института МВД Республики Беларусь

К вопросу о содержании понятия «экстрадиция»

Экстрадиция является старейшим видом международной правовой помощи по уголовным делам и исторически уходит во времена феодализма, когда она применялась для принудительного возвращения беглого подданного своему сюзерену[1].

Правовая природа экстрадиции сегодня трактуется весьма неоднозначно. Ученые до сих пор не определились, к какой отрасли права ее относить: к уголовному, уголовно-процессуальному или она является предметом административной деятельности исполнительной власти[2]. Вместе с тем, принимая во внимание тот факт, что свое основное нормативное закрепление процедура экстрадиции получила в Уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК) Республики Беларусь (если говорить о белорусском праве) и УПК Российской Федерации, то можно достаточно уверенно утверждать о том, что экстрадиция «представляет собой главным образом институт уголовно-процессуального права»[3].

В доктрине термин «экстрадиция» принято рассматривать в узком и широком смысле. В узком смысле он является синонимом понятия «выдача», т.е. «выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора», а в широком – выступает как обобщающий термин, охватывающий не только выдачу, но и смежный с ней подинститут передачи лиц международным судебным органам, а также институт передачи лиц в целях отбывания наказания[4] и т.п.

Количество сторонников первого подхода, ставящих знак равенства между понятиями «экстрадиция» и «выдача», в настоящее время является преобладающим. На постсоветском пространстве классическим определением рассматриваемого понятия можно назвать дефиницию Р.М. Валеева,

---

[1] Хурсевич А.А. Экстрадиция как инструмент международного уголовного права // Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. Мінск: БДУ, 2015. № 2. С. 84.

[2] Бойцов А.И. Выдача преступников. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 22.

[3] Вениаминов А.Г. Экстрадиция. Проблемы понятия и отраслевой принадлежности / А.Г. Вениаминов, Н.С. Грудинин, А.В. Лопатин // Nauka-rastudent.ru [Электронный ресурс]. 2015. № 13. Режим доступа: http://nauka-rastudent.ru/13/2363/ Дата доступа: 22.07.2019.

[4] Сердюк Е.С. Соотношение понятий «экстрадиция» и «выдача» преступника // Актуальные проблемы права: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2015 г.). М.: Буки-Веди, 2015. С. 225-227. URL https://moluch.ru/conf/law/archive/179/8427/ (дата обращения: 09.07.2019).

по мнению которого, выдача – это основанный на международных договорах и общепризнанных нормах и принципах международного права акт правовой помощи, состоящий в передаче обвиняемого или осужденного государством, на территории которого он находится, требующему его передачи государству, на территории которого требуемое лицо совершило преступление или гражданином которого оно является, или государству, потерпевшему от преступления, для привлечения его к уголовной ответственности или для приведения к исполнению приговора[1].

Приверженцы широкого понимания сути экстрадиции находятся в меньшинстве и зачастую подвергаются критике. При этом, видимо, одной из наиболее критикуемых и, в то же время, цитируемых является работа А.К. Романова и О.Б. Лысягина «Институт экстрадиции: понятие, концепции, практика»[2]. Объектом столь пристального внимания оппонентов указанные авторы стали не столько за предложенное ими содержание рассматриваемого понятия. Справедливости ради стоит отметить, что есть и другие авторы, которые придерживаются похожих взглядов, но при этом, избежавшие волны критических замечаний[3]. Причины такого положения вещей заключаются в том, что А.К. Романов и О.Б. Лысягин, излагая свою точку зрения, допускают высказывания и аргументацию, противоречащие научным воззрениям на международную правовую помощь по уголовным делам, но и в некоторых случаях являющиеся спорными с точки зрения логики. Например, А.К. Романов и О.Б. Лысягин пишут, что «институт экстрадиции представляет собой самостоятельный и комплексный институт международного права»[4], содержание которого «… не сводится только к вопросам выдачи преступников, но предусматривает также регулирование международного сотрудничества и правовой помощи между государствами по уголовным и гражданским делам»[5]. Особый интерес представляет аргументация названных авторов при разграничении выдачи и передачи (последнюю они, кстати, называют видом экстрадиции): «Передача – это передача, а выдача – это выдача, и такова позиция законодателя по данному вопросу. С этим обстоятельством необходимо считаться также и в тео-

[1] Валеев Р.М. Выдача преступников в современном международном праве. Казань: Изд-во Казанского университета, 1976. С. 28-29.

[2] Романов А.К. Институт экстрадиции: понятие, концепции, практика / А.К. Романов, О.Б. Лысягин [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lawmix.ru/comm/1240. Дата доступа: 16.07.2019.

[3] Воронин О.В. О понятии, содержании, типах, видах и сложившихся моделях экстрадиции // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 37; Огородных Н.А. Условия выдачи преступников иностранному государству. М.: Лаборатория книги, 2012. С. 73.

[4] Романов А.К. Институт экстрадиции: понятие, концепции, практика / А.К. Романов, О.Б. Лысягин [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lawmix.ru/comm/1240. Дата доступа: 16.07.2019.

[5] Там же.

рии»[1]. Таким образом, А.К. Романов и О.Б. Лысягин считают, что институт экстрадиции, являющийся отдельным институтом международного права, включающий в себя все виды выдачи и передачи лиц, во многом поглощает также и целый институт международной правовой помощи по уголовным делам. Кроме того, они допускают ряд других довольно спорных утверждений. С таким подходом, как представляется, довольно сложно согласиться.

Еще одним проблемным моментом в определении понятия экстрадиции является применение в нем и разграничение от одноименных слов терминов «выдача» и «передача». В частности, некоторые дефиниции рассматриваемого понятия критикуются за содержащееся в них слово «передача», при этом указывается, что авторы соответствующих определений необоснованно расширяют их объем, объединяя институты «выдачи» и «передачи». Так, например, М.И. Смирнов подвергает критике формулировку Л.В. Иногамовой-Хегай, отмечающей, что «выдача состоит в *передаче* лица, совершившего преступление, государством, на территории которого оно находится, запрашивающему государству»[2], хотя из приведенного определения видно, что автор применяет слово-глагол, а не термин-существительное. В то же время точка зрения М.И. Смирнова и его единомышленников относительно того, что передача не входит в содержание выдачи (экстрадиции) представляется правильной. В силу довольно детального освещения такого мнения[3] в литературе представляется целесообразным не останавливаться на его рассмотрении подробно.

Необходимо акцентировать внимание на том, что отсутствие согласия среди ученых относительно соотношения рассматриваемых терминов

---

[1] Романов А.К. Институт экстрадиции: понятие, концепции, практика / А.К. Романов, О.Б. Лысягин [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lawmix.ru/comm/1240. Дата доступа: 16.07.2019.

[2] Смирнов М.И. Понятие и правовая природа выдачи (экстрадиции) // Современное право. 2007. № 3. С. 13.

[3] Вениаминов А.Г. Экстрадиция. Проблемы понятия и отраслевой принадлежности / А.Г. Вениаминов, Н.С. Грудинин, А.В. Лопатин // Nauka-rastudent.ru. 2015. № 13 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://naukarastudent.ru/13/2363/ Дата доступа: 22.07.2019; Воронин О.В. О понятии, содержании, типах, видах и сложившихся моделях экстрадиции // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 37; Евсичева Л.Л. Экстрадиция, выдача и передача как институты международного сотрудничества в российском уголовном процессе (сравнительно-правовой аспект) // Человек: преступление и наказание. 2013. № 1. С. 111-112; Самарин В.И. Передача лица для отбывания в государстве гражданства // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019; Смирнов М.И. Понятие и правовая природа выдачи (экстрадиции) // Современное право. 2007. № 3. С. 13-15; Матвейчев Ю.А. Международная правовая помощь по уголовным делам: монография / Ю.А. Матвейчев, Ю.П. Шкаплеров; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт МВД Республики Беларусь». Могилев: Могилев. институт МВД Респ. Беларусь, 2017. С. 37, 46.

приводит к появлению неоднозначных норм в законодательстве. Так, в УПК Республики Беларусь понятия «выдача» и «передача» смешиваются и подменяются друг другом. Например, ст. 473 носит название «Условия исполнения просьбы органа иностранного государства, содержащей положение о *передаче лица для отбывания наказания*», в то время как ст. 476 именуется «Условия исполнения просьбы органа иностранного государства, содержащей положение о *выдаче на время лица для производства процессуальных действий*». Но на этом понятийная эквилибристика в белорусском УПК не заканчивается. Так, в частности, ст. 475 УПК называется «Условия исполнения просьбы органа иностранного государства, содержащей положение о *выдаче лица для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания*», а ст. 478, регламентирующая выдачу лица Беларуси для отбывания наказания, уже носит название «Условия исполнения просьбы органа иностранного государства, содержащей положение об *исполнении судебного решения иностранного государства по уголовному делу*». Подобный подход характерен и для других статей белорусского уголовно-процессуального закона, регламентирующих выдачу и передачу, что, как представляется, не способствует правильному пониманию сути выдачи и формированию единой правоприменительной практики.

Следует сказать, что в белорусской уголовно-процессуальной доктрине имеются серьезные претензии к структуре всего раздела XV «Международная правовая помощь по уголовным делам на основе принципа взаимности», который делится на главы по отдельным элементам международной правовой помощи: основание и условия оказания; основания для отказа; требования к просьбе органа, ведущего уголовный процесс, документам и материалам, прилагаемым к ней, порядок направления таких просьб; компетенция Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и Верховного Суда Республики Беларусь; порядок исполнения просьбы органа иностранного государства; права и обязанности задержанного лица, либо лица, к которому применена мера пресечения при исполнении просьбы органа иностранного государства; порядок задержания лица и применения к нему меры пресечения при исполнении просьбы органа иностранного государства либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи; обжалование решений и действий, связанных с оказанием международной правовой помощи по уголовным делам, возмещение вреда, причиненного лицу. Как справедливо отмечает В.И. Самарин, для того, чтобы иметь полное представление о каком-либо виде международной правовой помощи, необходимо найти соответствующие статьи в каждой из глав названного раздела. Но такая структура видится не оптимальной, т.к. при подобном подходе можно объединить в один раздел нормы УПК об апелляционном, надзорном производствах и производстве по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам, вычленив их общие нормы,

а остальные распределив стадийно по главам. Более удобным, в том числе, с практической точки зрения, является построение раздела по отдельным видам международной правовой помощи [1] (по аналогии с построением норм, регламентирующих проведение следственных действий).

Говоря об особенностях термина экстрадиция (выдача) необходимо обратить внимание на то, что в юридической литературе довольно часто используется словосочетание «выдача преступников»[2]. Вместе с тем, следует согласиться с мнением ученых, указывающих, что данное словосочетание не согласуется с текстами международных нормативных документов и национальных нормативных правовых актов, которые в большинстве случаев регламентируют выдачу лиц, чья виновность еще не установлена. Поэтому правильнее говорить не о выдаче преступников, а о выдаче обвиняемых и осужденных[3] (в Республике Беларусь, в отличие от Российской Федерации, подсудимый как участник уголовного процесса отсутствует).

Кроме того, необходимо отметить безосновательность утверждений отдельных авторов[4], а также наличие в ч. 2 и 3 ст. 492 УПК Республики Беларусь и ст. 1 Договора между Республикой Беларусь и Республикой Индия о выдаче положений о выдаче подозреваемого, т.к. такая выдача не соответствует международной практике: для выдачи лица всегда необходимо наличие обоснованного обвинения, а в большинстве государств – получение уполномоченными органами постановления о привлечении в качестве обвиняемого или приговора суда[5].Справедливости ради стоит указать на то, что в других нормах белорусского уголовно-процессуального закона и названного международного договора выдача подозреваемого не упоминается, что может свидетельствовать о возможной ошибке законодателя.

Таким образом, подводя итог изложенному, необходимо сказать, что не смотря на то, что выдача (экстрадиция) является старейшим видом международной правовой помощи по уголовным делам, до сих пор среди

---

[1] Самарын В. Міжнародная прававая дапамога па крымінальных справах – новы інстытут крымінальна-працэсуальнага права Беларусі // Юстыцыя Беларусі. 2008. № 2. С. 39.

[2] Бойцов А.И. Выдача преступников. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.

[3] Решетнева Т.В. К вопросу об определении понятия «экстрадиция» и его правовом оформлении в законодательстве Российской Федерации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3. С. 152.

[4] Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://texts.news/protsess-ugolovnyiy/praktika-primeneniya-ugolovnogo-kodeksa.html. Дата доступа: 25.07.2019.

[5] Самарын В. Міжнародная прававая дапамога па крымінальных справах – новы інстытут крымінальна-працэсуальнага права Беларусі // Юстыцыя Беларусі. 2008. № 2. С. 41.

ученых нет единого понимания ее сути и содержания, что, безусловно, отражается на построении соответствующих правовых норм. В свою очередь, разноречивость положений белорусского УПК, регламентирующих выдачу и передачу, в реверсном порядке влияет на мнения ученых и практиков, углубляя уже имеющиеся противоречия в понимании сущности рассматриваемого понятия. Представляется, что сложившееся положение вещей обусловлено тем, что на постсоветском пространстве серьезный интерес к экстрадиции в частности и к международной правовой помощи по уголовным делам в общем возник лишь в последние 25 лет, когда вновь образованные государства начали вести активную работу по заключению международных договоров об оказании правовой помощи по уголовным делам и разработке новых уголовно-процессуальных законов. В этой связи, как видится, мы пока не прошли этап формирования стройной научной теории оказания правовой помощи по уголовным делам, поэтому в правовой доктрине еще будет сломано немало копий о сущность и содержание экстрадиции.

Юрпалова Диана Николаевна,
инженер-электроник дежурной части отдела (Южный район)
Управления МВД России по г. Новороссийску

Структура преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых женщинами

Эффективное противодействие преступности требует наличие соответствующих достоверных данных о ее реальных масштабах и состояния. Максимально полная и достоверная информация об уровне и состоянии преступности в стране позволяет выработать и реализовать эффективную криминологическую политику и минимизировать уровень преступности[1].

Одним из таких показателей выступает структура преступности – показатель, характеризующий удельный вес и соотношение различных видов (групп) преступлений в их общем числе за определенный временной период на определенной территории. Анализ структуры преступности будет тем глубже, чем точнее избраны его основания. Основаниями выделения видов (групп) преступлений могут быть различные уголовно-правовые или криминологические критерии: степень и характер общественной опасности, объект посягательства, субъектный состав, территориально-топографическая распространенность, мотивационная направленность,

[1] Игнатов А.Н. Об уровне преступности и деятельности правоохранительных органов (часть 1) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 27. С. 48.

криминальная устойчивость, степень организованности и пр. То, каково количество (доля) тех или иных преступлений в структуре преступности, а также то, какова характеристика личности тех, кто совершает преступления, позволяет определить такую ключевую характеристику преступности, как ее характер.

К сожалению, как отмечает А.Н. Игнатов, свойственные многим странам недостатки системы учета преступности, осуществляемого правоохранительными органами, которые в значительной мере обусловлены несовершенством самих форм статистической отчетности (из-за недостатков архитектоники и несогласованностью их различных форм и показателей между собой), а также несовершенством методик учета преступности, не позволяют надлежащим образом вести учет тех или иных проявлений преступности, анализировать криминологическую информацию и отображать адекватную криминогенную «картину»[1]. Отсутствие в ведомственных статистических учетах показателей относительно преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых женщинами, обусловливает необходимость обратиться к анализу официальной статистической информации о количественных показателях рассмотрения судами дел в порядке уголовного производства[2], прежде всего, данных о лицах, осужденных по приговорам суда па данному виду преступлений.

Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации[3] о числе осужденных по преступлениям против безопасности движения и эксплуатации транспорта позволил установить следующую характеристику структуры преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых женщинами.

За период с 2013 по 2018 годы из общего количества лиц, осужденных за совершение преступлений в сфере безопасности дорожного движения, 9,9% (11021 человек) составили женщины. При этом наибольшие количество женщин (50% от общего количества осужденных лиц) осуждено за нарушение требований в области транспортной безопасности, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека ли-

---

[1] Игнатов А.Н. Убийство: криминолого-статистическое исследование: Монография. Симферополь: «Крымучпедгиз», 2012. С. 6, 26.

[2] Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 223; Федеральный закон от 29.11.2007. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2007. №49. Ст. 6043; Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id=5

[3] Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации (2013-2018 гг.). Форма № 10-а / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.cdep.ru (дата обращения: 01.09.2019).

бо причинение крупного ущерба (ч. 2 ст. 263.1 УК РФ). Однако, следует отметить, что столь высокий показатель обусловлен тем, что за данное преступление на протяжении указанного периода было осуждено всего два человека.

Исходя из анализа судебной статистики, за указанный период женщинами преимущественно совершались такие преступления, как нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ч. 1 ст. 264 УК РФ) и нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц (ч. 3 ст. 268 УК РФ), за которые, соответственно, к ним были применены меры уголовно-правового воздействия. Так, по ч. 1 ст. 264 УК РФ женщины составляют 8,5% от общего числа лиц, осужденных по данной категории преступлений; по ч. 3 ст. 268 УК РФ – 7,7%. Следует также отметить, что доля женщин среди лиц, подвергнутых административному наказанию и совершивших нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, за 2013-2018 годы составляет 2,6% общего числа лиц, осужденных по данной категории преступлений.

Довольно редко за указанный период женщины были осуждены за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц (по ч. 3 ст. 263 УК РФ) – 2% от общего количества лиц, осужденных по указанной статье; за нарушение правил дорожного движение и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть человека (по ч. 3 ст. 264 УК РФ) – 1,3%; за нарушение правил дорожного движение и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц (по ч. 5 ст. 264 УК РФ) – 1,2%; за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, повлекшее по неосторожности смерть человека (по ч. 2 ст. 268 УК РФ) – 1% соответственно.

Наименьшее количество женщин осуждено за указанный период за совершение таких преступлений в сфере безопасности дорожного движения, как: нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершенное лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (ч. 2 ст. 264 УК РФ) – 0,9%; нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершенное лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 4 ст. 264 УК РФ) – 0,5%; нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (ч. 1 ст. 268 УК РФ) – 0,4%; нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершенное лицом, находящимся в состоянии ал-

когольного опьянения, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц (ч. 6 ст. 264 УК РФ) – 0,2%

Следует отметить, что за период с 2013 по 2018 годы не было осуждено ни одной женщины за совершение преступлений в сфере безопасности дорожного движения, предусмотренных: ч. 2 ст. 263 УК РФ (нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена, повлекшее по неосторожности смерть человека); ч. 1 ст. 263.1 УК РФ (нарушение требований в области транспортной безопасности, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо причинение крупного ущерба); ч. 3 ст. 263.1 УК РФ (нарушение требований в области транспортной безопасности, совершенное группой лиц по предварительному сговору либо повлекшее по неосторожности смерть человека); ст. 266 УК РФ (недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями); по ст. 267 УК РФ (приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения); ст. 267.1 УК РФ (действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств). Данный факт, на наш взгляд, обусловлен, прежде всего, спецификой сферы трудовой деятельности, связанной с обеспечением безопасности движения и эксплуатации транспорта, а также психофизиологическими особенностями женщин и связанной с ними спецификой их криминальной активности.

Исходя из анализа статистических данных за анализируемый период, структуру преступлений в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта, совершаемых женщинами, определяют такие группы преступных деяний, как: 1) нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена (ст. 263 УК РФ); 2) нарушение требований в области транспортной безопасности (ст. 263.1 УК РФ); 3) нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ); 4) нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ); 5) нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (ст. 268 УК РФ).

Количественный анализ позволяет сделать вывод о том, что в структуре преступлений в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта, совершаемых женщинами, преобладают такие деяния, как: нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ) – 65,41% и нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ) – 34,21%.

Доля же таких деяний, как нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена (ст. 263 КУ РФ); нарушение требований в области транспортной безопасности (ст. 263.1 УК РФ);

нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (ст. 268 УК РФ) незначительна и составляет в структуре преступлений в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта, совершаемых женщинами – 0,04%, 0,01% и 0,05% соответственно. Очевидно, что ввиду малозначительных показателей доля указанных преступлений в структуре рассматриваемых преступлений мала и существенного влияния на общую их криминологическую характеристику не оказывает.

С учетом изложенного, целесообразно в качестве объекта криминологического исследования рассматривать, прежде всего, преступления совершаемые женщинами в сфере безопасности дорожного движения.

Непосредственно структуру преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых женщинами, определяют следующие деяния: 1) нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ) – 65,9%; 2) нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (ч. 1 ст. 264 УК РФ) – 26,4%; 3) нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 3 ст. 264 УК РФ) – 4,7%; 4) нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, или сопряженное с оставлением места его совершения (ч. 2 ст. 264 УК РФ) – 1,5 %; 5) нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц (ч. 5 ст. 264 УК РФ) – 0,7%; 6) нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть человека, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, или сопряженное с оставлением места его совершения (ч. 4 ст. 264 УК РФ) – 0,6 %; 7) нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, или сопряженное с оставлением места его совершения (ч. 6 ст. 264 УК РФ) – 0,04 %.

Таким образом, в структуре преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых женщинами, преобладают такие преступные деяния, как: управление транспортным средством: а) лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо б) лицом имеющим судимость за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного частями второй, четвертой или шестой ст. 264 УК РФ, а также нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (реже смерть человека).

Яковлев Виталий Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

К вопросу о криминологической обоснованности альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов

Уголовная политика нашего государства на протяжении достаточно длительного времени характеризовалась репрессивной направленностью, что в прошлом столетии отражалось соответствующим образом на многих сторонах правоохранительной деятельности. Однако стремительные изменения условий жизни требуют поиска нетрадиционных форм реагирования субъектов противодействия преступности на нарушения положений уголовного кодекса[1]. Современная система видов уголовного наказания, закрепленная в законе, не способна обеспечить ожидаемых результатов. Многочисленные попытки ее модернизации, выражающиеся в исключении одних видов наказания, коррекции содержания других, а также в появлении новых, не приносят нужного эффекта. Криминогенная ситуация остается критически сложной, тенденции развития преступности свидетельствуют о повышении интенсивности наиболее опасных видов криминального поведения. Видимое снижение уровня регистрируемости преступлений вряд ли может ввести кого-нибудь в заблуждение относительно реального положения дел в правоохранительной сфере.

[1] Кузьмина О.В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в уголовном праве // Lex Russica 2015 № 1 (Том XCVIII) С.52-58.

Публичный статус интересов личности в гражданском правовом государстве ориентирует его правовую систему, в том числе, на защиту граждан от возможного злоупотребления репрессивными мерами со стороны правоохранительных органов. При этом, по мнению ученых, процессуальное право имеет некое преимущество перед материальным в рассматриваемой сфере[1]. Между тем, современные условия развития нашего общества, а также проблемы функционирования и реальные возможности правовой системы вынуждают специалистов говорить о борьбе с преступностью как о деятельности по удержанию криминогенной ситуации на социально терпимом уровне[2]. Все это актуализирует поиски альтернативных решений, которые могли бы создать реальную конкуренцию традиционной системе реакции государства на нарушение уголовного законодательства. Безусловно, если речь идет о совершении преступлений, представляющих повышенную общественную опасность для социума, найти действенную замену существующим элементам уголовной ответственности за содеянное весьма сложно. Поэтому требуется определение четких границ применения рассматриваемого института, разработка необходимого понятийного аппарата, этапы, формы, виды рассматриваемой деятельности.

Уголовная политика многих зарубежных стан в последнее время ориентирована на поиск нетрадиционных методов противодействия преступности. Осуществляется разработка и внедрение в правоохранительную практику новых способов разрешения уголовно-правового конфликта на основе реализации одного из базовых принципов – дифференциации уголовной ответственности – в зависимости от степени общественной опасности совершенного деяния и уровня криминальной пораженности личности, нарушившей закон. Наиболее важными проблемами социума, которые поможет решать изучаемая деятельность, являются, в первую очередь, эффективная защита прав и свобод личности от противоправных посягательств, быстрое и максимально, насколько это возможно, полное восстановление нарушенных общественных отношений. Не менее значимыми проблемами выступают также рациональное использование ресурсов правоохранительной системы, в частности – органов охраны общественного порядка, дознания и следствия, судебной системы и службы исполнения уголовных наказаний. Ни в коем случае нельзя забывать также о необходимости экономии уголовной репрессии в отношении самого преступника, позволяющей более эффективно решать задачи устранения и нейтрализации криминогенных характеристик его личности. Правонарушитель должен опираться на социальную поддержку общества, которая выступает дополнительным стимулом, побуждающим к примирению с потерпевшим и

[1] Понятовская Т.Г. Концептуальные основы системы понятий и инструментов уголовного и уголовно-процессуального права. Ижевск, 1996. С.45.

[2] Смирнова И.Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 2012. С. 26.

возмещению ему причиненного ущерба, другими словами – к ликвидации последствий возникшего уголовно-правового конфликта. В целом перечисленные проблемы свидетельствуют о необходимости построения сбалансированной системы применения уголовного наказания, позволяющей в полной мере учитывать интересы личности, общества и государства[1].

Большой интерес в рассматриваемом аспекте представляет опыт Республики Казахстан, где на протяжении значительного промежутка времени применяется одна из наиболее перспективных мер, заменяющих уголовное наказание – медиация по уголовным делам. В соответствии с Концепцией правовой политики Казахстана[2] в 2011 году появился закон «О медиации», сферой применения которой стали споры (конфликты), возникающие из гражданских, трудовых, семейных и иных правоотношений с участием физических и (или) юридических лиц, а также рассматриваемые в ходе уголовного судопроизводства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, об уголовных проступках, если иное не установлено законами Республики Казахстан, и отношения, возникающие при исполнении исполнительного производства[3]. Примечательно, что в соответствии с рассматриваемым законом, процедура медиации не применяется по уголовным делам о коррупционных преступлениях и иным преступлениям против интересов государственной службы и государственного управления.

В Республике Казахстан медиация представляет собой самостоятельную процессуальную процедуру, которая может применяться в рамках уголовного процесса дополнительно к имеющимся инструментам уголовно-правового воздействия. Целью медиации является примирение сторон в уголовно-правовом конфликте и прекращение уголовного преследования. Принципиальное отличие медиации от традиционного уголовного процесса заключается в предоставлении государством преступнику возможности примириться с потерпевшим и возместить ему причиненный преступлением ущерб. Нормативную базу, регламентирующую процедуру примирения, помимо указанных документов составляют также Правила прохождения обучения по программе подготовки медиаторов, а также уголовный и уголовно-процессуальный кодексы, закрепляющие возможность применения рассматриваемого института и его процессуальный механизм. Отдельным источником, регламентирующим осуществление медиативных процедур,

---

[1] Кузьмина О.В. Указ. соч.

[2] «О Концепции правовой политики Республики Казахстан». Указ Президента Республики Казахстан от 20 сентября 2002 года № 949. // https://tengrinews.kz/zakon/prezident_respubliki_kazahstan/hozyaystvennaya_ deyatelnost/id-U020000949_/ (Дата обращения 10.10.2019г.)

[3] «О медиации». Закон Республики Казахстан №401-IV ЗРК от 28 января 2011г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.10.2015 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376#pos=3;-155 (Дата обращения 12 10.2019г.)

выступает Нормативное Постановление Верховного Суда Республики Казахстан, в котором указывается, что правильное применение института примирения сторон способствует повышению роли и активности потерпевшего в уголовном процессе, полному и быстрому восстановлению нарушенных прав и свобод потерпевшего. Одновременно рассматриваемая процедура демонстрирует проявление гуманизма к лицам, совершившим уголовные правонарушения. Это является результатом проявления в дальнейшем позитивного поведения, преступника, выразившегося в примирении с потерпевшим и заглаживании причиненного вреда. В Постановлении указывается также, что орган, ведущий уголовный процесс, обязан разъяснять сторонам уголовно-правового конфликта право, основания и порядок примирения в соответствии со статьей 68 УК, предусматривающей данную альтернативную меру[1].

Вполне логичным представляется взгляд законодателя относительно категорий преступлений, при совершении которых допускается применение медиации – это уголовные проступки, а также преступления небольшой или средней тяжести. Данная мера в таких случаях выступает серьезным стимулом для ресоциализации преступника в дальнейшем. Заслуживает также поддержки отсутствие исключений при наличии множественности преступлений в указанных рамках, а также состояния рецидива при совершении преступления. Применение медиации и ее успешное осуществление влечет во всех перечисленных выше случаях освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности. Особого внимания заслуживает предоставляемая законодательством Республики Казахстан возможность применения медиации для лиц, совершивших впервые тяжкое преступление(!). Подобное решение представляется нам очень смелым, даже принимая во внимание наличие жестких ограничений, связанных с отдельными категориями преступлений (против половой неприкосновенности несовершеннолетних, терроризм, экстремизм, коррупция и т.д.), а также дополнительными тяжкими последствиями (гибель людей). Сомнение вызывает в данном случае характеристика самого преступника, указывающая на наличие признаков его повышенной социальной опасности. Освобождение от уголовной ответственности в данном случае может быть воспринято как увод от нее и вселить в преступника уверенность в своей безнаказанности, в возможности «откупиться» от правосудия.

[1] О судебной практике применения статьи 68 Уголовного Кодекса Республики Казахстан. Нормативное Постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 21 июня 2001 года № 4 (с изменениями, внесенными нормативными постановлениями Верховного Суда РК от 11.07.2003 N 6; от 31.03.2017 № 3) // https://tengrinews.kz/zakon/verhovnyiy_sud_respubliki_kazahstan/ugolovnoe_pravo/id-P01000004S_/(Дата обращения 22.10.2019г.)

По оценкам ученых-юристов, изучающих процесс внедрения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, медиация в Республике Казахстан вошла в уголовно-процессуальную практику примирения сторон скорее в качестве идеологии, нежели действенного механизма. Объясняется это, в первую очередь, отсутствием четкой законодательной регламентации. В целом с момента введения медиации в практику количество гражданско-правовых дел, где она была применена, значительно превышает количество уголовно-правовых. Констатируется факт низкой популярности у граждан этого способа урегулирования противоречий. Между тем медиативное соглашение по уголовному законодательству страны выступает равноправным основанием освобождения от уголовной ответственности[1].

Безусловно, существует целый ряд обстоятельств, объясняющих подобную ситуацию. Недостаток правоприменительной практики, пробелы в законодательном обеспечении (в том числе – нечеткая процессуальная регламентация), проблемы обучения и оплаты услуг медиаторов – все это обуславливает низкое качество проводимых медиативных процедур. Еще один весьма значимый фактор – фактическая подмена при расследовании и рассмотрении уголовных дел одного уголовно-правового института другим: примирения сторон медиацией. Данное обстоятельство влечет за собой целый ряд процессуальных неточностей и ошибок, практически сводящих к нулю всю эффективность этой альтернативной меры. Специалисты абсолютно обоснованно указывают на различную правовую природу рассматриваемых оснований для освобождения от уголовной ответственности, их целей, условий и механизма применения, правовых последствий. Достаточно привести в пример случаи нарушения основополагающих принципов осуществления процедуры медиации, касающихся ответственности медиатора за качество предоставляемых клиентам услуг, а также недопустимости вмешательства в процесс соглашения сторон. В связи с этим и в уголовно-процессуальном кодексе необходимо выделение обособленного раздела, в котором должны быть сосредоточены статьи, регламентирующие рассматриваемую процедуру[2].

Нельзя также забывать, что поиск и внедрение в правоохранительную деятельность альтернатив уголовному преследованию должны осуществляться с учетом их реальной необходимости, переоценка их значимости и необоснованное применение могут нанести значительный вред.

---

[1] Мицкая Е.В. Медиация в уголовном процессе Республики Казахстан // Науч. Ежегодник Ин-та философии и права Урал. Отд-ния Рос. Акад. Наук, 2018. Т.18, вып.3, с. 103-121

[2] Ахпанов А.Н. Проблемы законодательного регулирования медиации в уголовном процессе // Состояние и перспективы развития института медиации в условиях социальной модернизации Казахстана: материалы междунар. науч.-практ. конф. 19 окт. 2012 г. Астана : Ин-т законодательства Республики Казахстан. С. 58-62.

Конечно же, они не могут вытеснить традиционные меры реакции государства на преступную деятельность, а должны гармонично дополнять их.

В Российской Федерации применение альтернативных методов разрешения уголовно-правовых конфликтов также имеет свою историю. В частности, в прошлом столетии признаки восстановительного правосудия усматривались в деятельности товарищеских судов, имевших возможность рассматривать дела о преступлениях небольшой тяжести, вовлекая общественность в процесс ресоциализации и социальной адаптации оступившихся граждан. Особого внимания заслуживали меры по выявлению и нейтрализации причин и условий совершения уголовно наказуемых деяний. Далее поиск соответствующих альтернатив привел к появлению возможности освобождения от уголовного наказания с передачей виновного на поруки общественной организации или трудовому коллективу, которые брали на себя ответственность за дальнейшее правопослушное поведение бывшего преступника. В настоящий момент действующее уголовное законодательство также содержит ряд норм, предусматривающих «отечественные варианты» альтернативных мер. В чистом виде к ним можно отнести лишь освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением сторон. Для несовершеннолетних преступников закреплена возможность применения принудительных мер воспитательного воздействия. Конечно же, как было уже отмечено выше, данные положения закона существенно отличаются от категорий восстановительного правосудия, в первую очередь тем, что являются всего лишь правом представителей государственной власти, а не их обязанностью, что, к слову, само по себе может быть рассмотрено как существенный криминогенный фактор. В современных условиях жизни нашего общества это предположение, к сожалению, не выглядит парадоксальным. Так или иначе, все перечисленные выше возможности освобождения от уголовной ответственности регламентированы уголовным законодательством. Что касается уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, то в нем закрепляется право судьи, следователя и дознавателя на прекращение уголовного дела по основаниям, указанным в статье 76 УК РФ, если лицо, обвиняемое в совершении преступления, примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред. В данном случае примирение констатируется должностным лицом как свершившийся факт, к инициации которого правоохранители не имеют отношения. Речь не идет ни о какой помощи лицу, совершившему преступление, в выборе социально одобряемого варианта поведения в рассматриваемом конфликте и снижении уровня репрессии со стороны государства, как, впрочем, и помощи потерпевшему в максимальном возмещении причиненного ему ущерба. Безусловно, подобное ограничение возможностей правоохранительной политики значительно снижает ее эффективность.

Мы вынуждены констатировать фактическое отсутствие механизмов действенной помощи сторонам уголовно-правового конфликта, заключающихся в преодолении вредных последствий преступления без применения инструментов уголовной репрессии. Между тем в России действует закон о процедуре урегулирования споров с участием посредника, который был разработан и принят в 2010 году в целях создания правовых условий для применения в Российской Федерации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора (процедуры медиации), содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений[1]. В законе определены понятийный аппарат, принципы осуществления процедуры медиации, порядок ее проведения, требования, предъявляемые к медиаторам, их ответственность и т.д. По нашему мнению, указанный нормативный источник может служить образцом для разработки специального нормативного правового акта, регламентирующего урегулирование уголовно-правовых конфликтов в рамках предварительного расследования и судопроизводства. Безусловно, для этого необходимы соответствующие изменения в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. Необходимость указанных решений уже назрела, правоохранительная система нашей страны нуждается в реализации альтернативных способов реакции государства на совершение уголовно наказуемых деяний. Элементы восстановительного правосудия способны повысить эффективность функционирования субъектов противодействия преступности, системно решая целый комплекс задач, связанных с общей результативностью деятельности правоохранительных органов, реализацией основополагающих принципов уголовного судопроизводства, дифференциацией ответственности за совершенное преступление, широкого вовлечения общественности в рассматриваемый процесс.

[1] «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_103038/… (Дата обращения 14.10.2019г.)

Яшенков Вадим Олегович,
старший преподаватель-методист
отделения методического обеспечения учебного
процесса учебного отдела Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Методологические основы исследования географии преступности

По нашему мнению, одним из перспективных направлений современной криминологической науки, изучающей закономерности распространения в пространстве и изменения во времени качественно-количественных показателей преступности, обусловленных взаимодействием компонентов социальных, природных и антропогенных подсистем на локальном, региональном и глобальном уровнях, является география преступности.

В частотности в работе Д.В. Бахарева[1] рассматривается теоретико-методологическая база пространственного анализа причинного комплекса преступности, методика ее реализации и роль географии преступности в исследовании причин преступности.

С прикладной точки зрения, для разработки эффективных программ борьбы с преступностью необходимо обладать точным представлением о сложившейся качественно-количественной характеристике преступности исследуемой территории, знать ее тенденции и закономерности для осуществления прогнозирования.

Современные географические информационные системы (ГИС) позволяют применять широкий спектр общенаучных и специальных методов при исследовании пространственных да[illegible] также на основе выявления закономерностей их распространения [illegible]ранстве и изменения во времени осуществлять пространственное моделирование. С целью структурирования информации используется растровый и векторный форматы данных с возможностью преобразования из одного в другой. Особенно следует отметить возможность усовершенствования моделируемых поверхностей, используя геостатистические методы исследования, позволяющие описать качество получаемых моделей путем измерения статистической ошибки.

Таким образом, с точки зрения системного подхода, теоретико-методологическим базисом применения ГИС-моделирования при исследовании географии преступности выступает теория пространственно-временного анализа, разработанная в рамках географической и криминологической наук.

---

[1] Бахарев Д.В. Пространственный анализ причинного комплекса преступности / Под ред. И.Я. Козаченко. СПб.: Издательство «Юридический центр», 2016.

Моделирование сложных систем, безусловно к ним относится преступность (сложная открытая система детерминировано-стохастического характера), всегда связано с трудностью определения основных элементов1 в нее входящих (из-за их множественности, не изученности, отсутствии данных и т.п.) и невозможностью полностью построить модель исследуемого явления. В связи с этим прогнозирование преступности всегда будет приблизительным, но даже примерный прогноз полезней стопроцентной неопределенности.

В открытом доступе информация о преступности в стране представлена в обобщенном виде по субъектам Российской Федерации за ежемесячный период (год). Так на портале правовой статистики (crimestat.ru) выполнено районирование (по количественному признаку) и построены диаграммы (приведенные к ста тысячам численности населения) на основе обработки форм федерального статистического наблюдения 4-ЕГС по субъектам Российской Федерации.

По нашему мнению, таких обобщенных данных недостаточно для моделирования преступности даже на региональном уровне, так как не учитывается специфика отдельных населенных пунктов, их функциональное назначение (центр административно-территориального образования, промышленное, рекреационное и т.д.), половозрастная дифференциация и занятость населения, собственно административно-территориальные образования в пределах субъектов Российской Федерации и т.д. В связи с этим для исследования пространственно-временного распределения преступности и ее прогнозирования мы предлагаемых построить следующие модели региональной и локальной преступности, используя ГИС.

Рис. 1. Обобщенная структура модели региональной преступности

[1] Игнатов А.Н., Ильянович Е.Б. Методологические основы исследования преступности // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 129-133; Игнатов А.Н. Понятие общеуголовной преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1 (39). С. 6-10; Игнатов А.Н. Характеристика обстановки совершения насильственных преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 8. С. 119-123.

В рассматриваемой модели региональной преступности (рис. 1) наименьшая операционная территориальная единица – населенный пункт, а временная – день недели (для выявления условно «холодных» и «горячих» дней преступности).

Относительным постоянством во времени обладает «базовый» блок модели, хотя для Республики Крым за последние 5 лет характерны значительные изменения (перекрытие Северо-Крымского канала, строительство нового по сути аэропорта в г. Симферополь, строительство Крымского моста, строительство автомобильной дороги федерального значения «Таврида» и т.д.). Для «социально-экономического» блока модели наименьшая временная операционная единица – месяц, что объясняется спецификой сбора и анализа статистических данных. Блок модели «индикаторы преступности» представляет собой результат взаимодействия за определенный промежуток времени «криминологического» и «социально-экономического» блоков. Данные блоков модели представлены в виде слоев пространственных данных в ГИС. Посредством пространственного регрессионного анализа указанных слоев осуществляется краткосрочное (до пяти лет) прогнозирование состояния преступности. Данная модель реализована нами в ГИС компании ESRI «ArcGIS».

Несмотря на то, что в Российской Федерации реализована единая система учета преступлений, в открытом доступе доступна исключительно обобщенная информация по субъекту Российской Федерации в целом. При составлении модели использовались официально не подтвержденные данные в местных средствах массовой информации и в различных источниках глобальной сети интернет. В связи с этим, мы планируем получить официальные данные по «криминологическому» блоку для корректировки и проверки адекватности полученной модели. В результате моделирования будет выполнено районирование Республики Крым на основании качественно-количественной характеристики преступности и построены краткосрочные прогнозные карты преступности.

Рис. 2. Обобщенная структура модели локальной преступности

В рассматриваемой модели локальной преступности (рис. 2) наименьшая операционная территориальная единица – жилой квартал населенного пункта, а временная – время суток (для выявления условно «холодных» и «горячих» часов преступности). Данная модель также реализована нами в ГИС компании ESRI «ArcGIS» для г. Симферополя и г. Евпатория на основе официально не подтвержденных данных в местных средствах массовой информации и в различных источниках глобальной сети интернет. В связи с этим, мы также планируем получить официальные данные по «криминологическому» блоку для корректировки и проверки адекватности полученной модели.

Для моделирования были взяты г. Симферополь и г. Евпатория с целью анализа возможного влияния природной и производственной составляющей на уровень преступности. Оба указанных выше города имеют различное функциональное назначение: г. Симферополь – административный центр Республики Крым; г. Евпатория – рекреационное, при этом характеризуется ярко выраженной сезонной занятостью населения и отсутствием крупного промышленного производства. При этом г. Симферополь расположен в средней части долины реки Салгир, в обширной котловине (центральная часть Предгорного Крыма) и характеризуется относительно разрозненной застройкой. В то время как г. Евпатория расположен в равнинной местности (западное побережье Крыма) и имеет четкую планировочную структуру.

В результате моделирования будет выполнено районирование указанных выше городов на основании качественно-количественной характеристики преступности, будут выделены «горячие точки» и построены краткосрочные и оперативные (на сутки, на неделю, на месяц) прогнозные карты риска преступности.

Безусловно, использование в исследованиях географии преступности ГИС-моделирования позволяет качественно расширить пространственный анализ при изучении закономерностей и изменений пространственно-временных характеристик преступности, а также быть основой при создании единой системы территориального мониторинга преступности в Российской Федерации.

Оглавление

Зинченко И.Н. Проблема определения предмета преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ…… 3

Иванченко Р.Б., Иванченко О.С. Характеристика личности современного коррупционера: результаты статистического исследования…….. 6

Ильницкий А.С. О некоторых аспектах преступности в теневом интернете…….. 14

Кабанов Н.А. Средства массовых коммуникаций и массовые беспорядки……. 18

Кайнарова А.С. Актуальные вопросы развития уголовной политики Республики Казахстан на современном этапе……... 21

Калужина М.А. Роль информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе в уголовной политике российского государства…… 29

Каснова М.С. Наркотизация общества: современное состояние, криминологические последствия и приоритетные меры предупреждения……. 33

Качмазова А.В. Уголовно-правовое обеспечение административного надзора……. 38

Кашкаров А.А. Об актуальности административной преюдиции в уголовном праве России…… 43

Кузьмин М.Н. Следственные ситуации, возникающие в ходе раскрытия и расследования экономических преступлений…….. 45

Лапсарь М.В. Эксплуатация людей как вид уголовного правонарушения: вопросы уголовно-правового регулирования…….. 49

Латышев А.В. Основные факторы, способствующие криминальной активности общественных и религиозных объединений (организаций) деструктивного характера, посягающих на права, свободы и законные интересы семьи и несовершеннолетних… 54

Лещенко В.П. Проблемы установления момента окончания мошенничества, совершаемого с использованием электронных средств платежа……. 59

Лукашов А.И. О корректировке уголовной политики белорусского государства в сфере противодействия экономическим преступлениям…… 63

Майорова Е.И., Яковлева Л.В. Криминализация деяний с административной преюдицией как направление уголовной политики……. 70

Мармута И.Л. Особенности криминологической характеристики лица, совершающего коррупционные преступления… 75

Маслак С.Н., Затолокин А.А. Нарушение правил дорожного движения сотрудниками полиции…… 79
Меретуков А.Г. Уголовная ответственность за вандализм…… 82
Минакова О.В. Уголовно-правовая охрана безопасности при ведении строительных или иных работ по законодательству зарубежных стран…….. 85
Муравченко Н.Н. Некоторые аспекты законодательной и правоприменительной практики необходимой обороны как обстоятельства, исключающего преступность деяния…… 90
Намнясева В.В. Конструирование уголовно-правовых норм с административной преюдицией: историко-правовой анализ……. 94
Некрасова А.В., Самойлов С.Ф. Критика идеологии праворадикализма как элемент профилактики экстремизма в молодежной среде……... 101
Никуленко А.В. Возможности совершенствования крайней необходимости……... 112
Нифталиева И.А. Идея справедливости в советской уголовно-правовой доктрине…… 119
Новосельский С.С. Проблемы взаимодействия следственных и оперативно-розыскных подразделений в ходе проведения следственных действий по делам, связанным с преступлениями в сфере экономики…… 124
Орагвелидзе Т.Г. Проблемы криминологического предупреждения мошенничества при получении выплат (ст. 159^2 УК РФ)……. 127
Павлова С.А., Голованова А.К. Социально-психологические особенности виктимности подростков…… 133
Панасенко В.Н. Исправление осужденного как цель применения наказания в виде лишения свободы…… 137
Паршина И.А. Криминологическая характеристика организованной экологической преступности…… 141
Пачулия Н.А. Мотив как конструктивный признак преступлений против жизни и здоровья…….. 146
Пирогов Е.Ю. Совершенствование локального правотворчества как мера повышения эффективности деятельности органов внутренних дел…… 149
Погребная А.М. Ответственность за деяния, способствующие совершению самоубийства, в законодательстве зарубежных стран… 155
Присич И.В. Некоторые проблемы правового статуса лиц, осужденных к уголовному наказанию в виде ограничения свободы… 161
Рассказова М.В. О криминализации сговора как самостоятельного преступления…… 165

Робак В.А. Вопросы пенализации преступлений в сфере незаконного оборота оружия…… 174
Рясов Д.А. Проблемы административной преюдиции в составах преступлений экстремистской направленности…….. 177
Савенко И.А. Исторический аспект и мотивация терроризма в России…….. 184
Сафронов А.А., Стукалов В.В. Некоторые проблемы разоблачения схем «обналичивания» материнского капитала…….. 191
Сашенков С.А., Голубева Н.М. Социальные сети как фактор повышения виктимности несовершеннолетних жертв преступлений против половой неприкосновенности……. 194
Серов Ю.В., Прохонов В.С. Основные направления совершенствования мер предупреждения насильственных преступлений, совершаемых лицами с психическими расстройствами……. 197
Сичкаренко А.Ю. К вопросу об извинительных обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность……. 202
Сныткин Р.И. Развитие правил зачета времени содержания под стражей в срок уголовного наказания в аспекте гуманизации уголовно-правовой политики……... 205
Соловьев В.С. Уголовная политика России в отношении киберпреступности: зачем что-то делать, если можно ничего не делать? …….. 210
Стелькин В.В. Интернет-ресурсы в противодействии трансграничной противоправной деятельности …… 219
Стрилец О.В. Принцип гуманизма в ракурсе современной уголовной и уголовно-исполнительной политики……. 222
Стронский Д.Д. Противодействие транснациональной преступности как одно из условий межгосударственного взаимодействия по обеспечению коллективной безопасности……. 228
Стукалов В.В., Горбунов А.Н. Актуальные вопросы организации деятельности органов внутренних дел по борьбе с терроризмом на современном этапе…….. 231
Суздалев Е.А. Взаимосвязь совершаемых нарушений и преступлений в сфере государственного заказа…….. 235
Табакова Н.А. Историко-правовой анализ противодействия преступлениям в сфере выпуска и обращения ценных бумаг…….. 239
Тимченко А.А., Самойлов С.Ф. Опровержение основных положений идеологии леворадикализма как элемент правовой культуры сотрудника полиции……. 247
Токарчук Р.Е., Милюков С.Ф. Обратная сила изменений уголовного закона, внесенных Федеральным законом № 146-ФЗ от 17.06.2019 года, или эффект «последовательной двойной бланкетности»…… 255

Трюхан Д.В. Проблемы преодоления конкуренции общих и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности……. 262
Тюрина М.В. Совершенствование уголовного законодательства в сфере противодействия экологической преступности…….. 265
Тютюнников М.В. Проблемы эффективности уголовного наказания в предупреждении преступлений связанных с незаконными организацией и (или) проведением азартных игр…… 271
Уваров И.А. Ресоциализация как элемент пенитенциарной профилактики женской преступности……. 275
Урда М.Н. О значении признака «организация» в ст. 322^1 УК РФ в отграничении от миграционных деликтов……. 280
Усачева А.П. Субъект привилегированных видов причинения вреда здоровью: общий или специальный? …… 284
Фарышев Е.В. Проблемы совершенствования уголовной ответственности за преступления, совершенные с признаками криминального профессионализма…….. 288
Федченко В.В. Правовые меры предупреждения преступлений и административных правонарушений экстремистской направленности…….. 295
Хациев М.Р. Проблемы систематизации уголовно-правового регулирования ответственности за квалифицированные виды преступлений против правосудия, сопряженных с фальсификацией доказательств…….. 299
Хисамова З.И. Роль органов внутренних дел в предупреждении преступлений с использованием цифровых финансовых активов…….. 305
Хомутов М.В. Зарубежный опыт участия общественных организаций в предупреждении преступлений…….. 308
Хун А.З. Сравнительный анализ ст. 38 УК РФ и п. 4 ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О полиции»: проблемы правоприменительной практики…….. 314
Чахов Г.Н. Криминологические проблемы изучения культурных стереотипов межличностного конфликта как факторов эскалации криминального насилия……. 321
Шаклеин С.Н. Пенологические условия повышения эффективности административного наказания…….. 326
Шерстюков С.А. Особенности признака террористической и экстремистской направленности отдельных видов преступлений… 332
Шеуджен Н.А., Хоконова М.Р. Создание Красной Армии…... 337
Шкаплеров Ю.П. К вопросу о содержании понятия «экстрадиция»…… 343

Юрпалова Д.Н. Структура преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых женщинами…….. 348
Яковлев В.В. К вопросу о криминологической обоснованности альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов…… 353
Яшенков В.О. Методологические основы исследования географии преступности……... 360

Научное издание

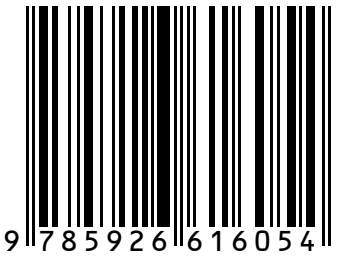
УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Материалы
Международной научно-практической конференции
(20 сентября 2019 г.)

Том II

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Г. А. Артемовой*

ISBN 978-5-9266-1605-4



Подписано в печать 03.12.2019. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 21,5. Тираж 150 экз. Заказ 864.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.